

ОТ КОПЕТДАГА ДО ОКСА

Исследуя древнюю
Центральную Азию

МАРГИАНСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ
Т Р У Д ы

**Т Р У Д Ы
МАРГИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Том 9

Редакционная коллегия:

В.А. Алёкшин, Е.В. Антонова,
Н.А. Дубова (главный редактор), Р.Г. Мурадов,
Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин, А.В. Фрибус

**TRANSACTIONS
OF THE MARGIANA ARCHAEOLOGICAL
EXPEDITION**

Volume 9

Editorial board:

V.A. Alyokshin, E.V. Antonova,
N.A. Dubova (editor in chief), R.G. Muradov,
R.M. Sataev, A.A. Tishkin, A.V. Fribus

N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Institute for the History of Material Culture RAS
Margiana Archaeological Expedition

FROM THE KOPET DAGH TO THE OXUS

Exploring Ancient Central Asia

Studies in Honor of Victor N. Pilipko

Edited by Ruslan Muradov, Aleksei Fribus and Nadezhda Dubova

MOSCOW • STARYI SAD • 2023

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Маргианская археологическая экспедиция

ОТ КОПЕТДАГА ДО ОКСА

Исследуя древнюю Центральную Азию

Сборник статей в честь В. Н. Пилипко

Составители и редакторы: Р. Г. Мурадов, А. В. Фрибус и Н. А. Дубова

МОСКВА • СТАРЫЙ САД • 2023

УДК 902
ББК 63.4
О 80

Утверждено к печати Учеными советами
Института этнологии и антропологии РАН
и Института истории материальной культуры РАН

Р е ц е н з е н т ы:

кандидат исторических наук В.П. Никоноров, Санкт-Петербург
кандидат исторических наук Н.С. Бяшимова, Ашхабад

От Копетдага до Окса: Исследуя древнюю Центральную Азию. Сб. статей в честь В.Н. Пилипко / Ред.-сост.: Р.Г. Мурадов, А.В. Фрибус, Н.А. Дубова / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории материальной культуры РАН. М.: Старый сад, 2023. – 216 с. (Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 9).

From the Kopet Dagh to the Oxus: Exploring Ancient Central Asia. Studies in honor of Victor N. Pilipko / Eds. R.G. Muradov, A.V. Fribus, N.A. Dubova / Institute of Ethnology and Anthropology RAS; Institute for the history of Material Culture RAS. Moscow: Staryi Sad, 2023. – 216 p. (Transactions of the Margiana Archaeological Expedition. Vol. 9).

ISBN 978-5-89930-171-1

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-1-216

Этот том — подарок к 80-летию российского археолога, доктора исторических наук Виктора Николаевича Пилипко. Традиционно такой сборник составляют работы друзей и коллег юбиляра — известных археологов, искусствоведов, культурологов, историков из Москвы, Ташкента, Ашхабада, Стамбула, Турина, Парижа, Лондона и других городов. Здесь и научные статьи по археологии и истории Центральной Азии в диапазоне интересов учёного, и воспоминания, и фотографии. Представлен полный список научных публикаций, а также перечень экспедиций и творческих поездок В.Н. Пилипко по состоянию на 2022 год. Издание предназначено для историков, археологов, искусствоведов.

This volume is a gift for the 80th anniversary of the Russian archaeologist, Doctor of Historical Sciences Viktor Nikolaevich Pilipko. Traditionally, such a collection is made up of the works of friends and colleagues of the hero of the day - famous archaeologists, art critics, culturologists, historians from Moscow, Tashkent, Ashgabat, Istanbul, Turin, Paris, London and other cities. Here are scientific articles on archeology and the history of Central Asia in the range of interests of the scientist, and memoirs, and photographs. A complete list of scientific publications is presented, as well as a list of expeditions and creative trips of V.N. Pilipko as of 2022. The publication is intended for historians, archaeologists, art critics.

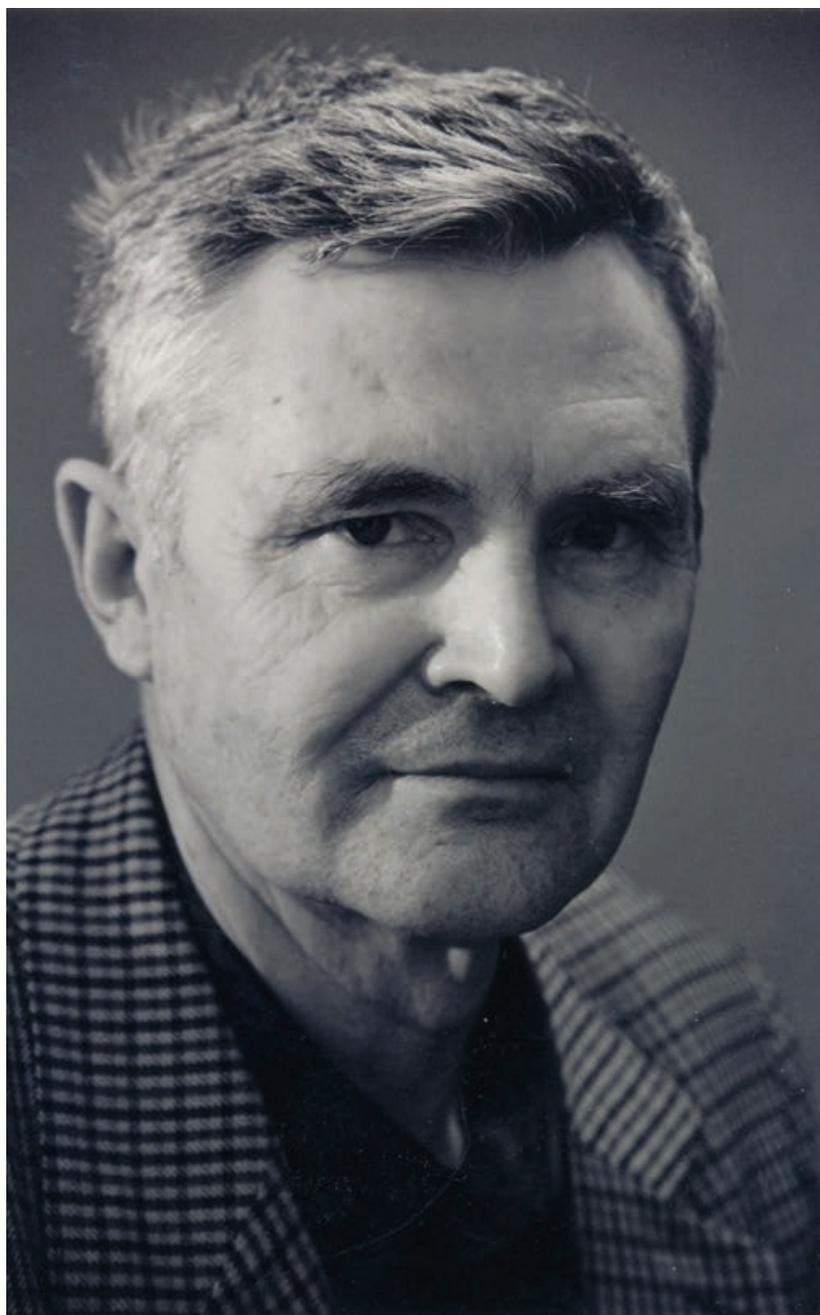
© Институт этнологии и антропологии РАН, 2023
© Институт истории материальной культуры РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мурадов Р. Г., Дубова Н. А.</i> От составителей	8
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> К юбилею Виктора Николаевича Пилипко	10
<i>Мкртычев Т. К.</i> Еще раз о ритонах из Старой Нисы	12
<i>Сатаев Р. М.</i> Редкие встречи	15
Перечень экспедиций и творческих поездок В.Н. Пилипко	19
Список опубликованных работ д.и.н. В. Н. Пилипко	26
<i>Абдуллаев К.</i> Некоторые особенности в декорировке костюма античной Бактрии и Парфии	51
<i>Бабаев А. Б.</i> К вопросу исторической топографии средневекового города Абиверда	58
<i>Болелов С. Б.</i> Древнее гончарство в Бактрии (эпоха эллинизма)	68
<i>Двуреченская Н. Д., Двуреченский О. В.</i> Три линии обороны на западе Северной Бактрии в эпоху эллинизма	84
<i>Компарети М.</i> Об общей иконографической основе иранского бога ветра в доисламской Центральной Азии и <i>Марция Корнатора</i> в средневековой Северной Италии	89
<i>Лаптев С. В.</i> Настенные росписи из Старой Нисы и античный канон фресковой живописи в Центральной Азии	97
<i>Липполис К., Морано Э.</i> Хранение масла в Нисе	105
<i>Луилье Ж.</i> Культурное разнообразие и эволюция керамического производства в доахеменидский и ахеменидский периоды в Центральной Азии	115
<i>Мурадов Р. Г.</i> Археологические материалы по раннему христианству в Северной Парфии и Маргиане	124
<i>Мурадова Э. А.</i> История исследования памятников раннежелезного века Туркменистана	146
<i>Наймарк А.И., Атаходжаев А.Х.</i> Три парфянских медяка из Согда	161
<i>Нурмухамедова Ш. З., Субхонов Ф. Ш.</i> К истории развития античной военной архитектуры Бактрии, Хорезма и Согда	176
<i>Ольбрыхт М.</i> Автократор Филопатор, царь Парфии	184
<i>Паппалардо Э.</i> Старая Ниса и греческое искусство в переходный период.....	189
<i>Пушингг Г.</i> Парфянский Мерв	202
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> Старая Ниса и Кампыртепа – границы одного владения?	210
Список сокращений	214
Об авторах	215

CONTENTS

<i>Muradov R. G., Dubova N. D.</i> Editorial	8
<i>Rtveladze E. V.</i> On the anniversary of Viktor Nikolayevich Pilipko	10
<i>Mkrtychev T. K.</i> Once again about rhytons from Old Nisa	12
<i>Sataev R. M.</i> Rare encounters.....	15
List of expeditions and creative trips of V. N. Pilipko	19
List of published works by V. N. Pilipko	26
<i>Abdullaev K.</i> Some features in the decoration of the costume of ancient Bactria and Parthia	51
<i>Babaev A. B.</i> To the question of the historical topography of the medieval city of Abiverd.....	58
<i>Bolelov S. B.</i> Ancient pottery in Bactria (the era of Hellenism)	68
<i>Dvurechenskaya N. D., Dvurechensky O. V.</i> Three lines of defense in the west of Northern Bactria in the Hellenistic era	84
<i>Compareti M.</i> On the Common Iconographic Basis of the Iranian Wind God in Pre-Islamic Central Asia and <i>Marcus Cornator</i> in Medieval Northern Italy	89
<i>Lapteff S. V.</i> Murals from Old Nisa and Greco-Roman Fresco-Painting Canon in Central Asia.....	97
<i>Lippolis C., Morano E.</i> Storing Oil at Nisa	105
<i>Lhuillier J.</i> Cultural diversity and evolution of ceramic production during the pre-Achaemenid and Achaemenid periods in Central Asia	115
<i>Muradov R. G.</i> Archaeological materials on Early Christianity in Northern Parthia and Margiana	124
<i>Muradova E. A.</i> The History of the study of the sites of the Early Iron Age of Turkmenistan	146
<i>Naymark A., Atakhojaev A.</i> Three Parthian Coppers from Soghd	161
<i>Nurmukhamedova Sh. Z., Subkhonov F. Sh.</i> On the history of the development of the ancient military architecture of Bactria, Khorezm and Soghd	176
<i>Olbrycht M.</i> Autokrator Philopator, King of Parthia	184
<i>Pappalardo E.</i> Old Nisa and Greek art in transition	189
<i>Puschnigg G.</i> Parthian Merv	202
<i>Rtveladze E. V.</i> Old Nisa and Kampyrtepa – borders of one possession?.....	210
List of abbreviations	214
About authors.....	215

Виктор Николаевич Пилипко

ОТ РЕДАКТОРОВ

17 сентября 2021 г. исполнилось 80 лет одному из ведущих археологов Центральной Азии доктору исторических наук Виктору Николаевичу Пилипко, которому наука обязана многочисленными открытиями в пределах современного Туркменистана. Область его научных интересов — ранний железный век и античность Средней Азии и Ирана, а в территориальном отношении — Северная Парфия (Ниса и древние оазисы Ахала и Мерва), а также долина Амударьи от Келифа до Даргана. Более широкую географию его раскопок лучше всего отражает публикуемый в этом сборнике перечень экспедиций и творческих поездок, в которых он принимал участие, а также полный список публикаций ученого.

В.Н. Пилипко родился в селе Барышево Новосибирской области. В 1965 г. окончил Ташкентский государственный университет (исторический факультет по кафедре археологии) и был приглашен на работу в Туркменистан, с которым в дальнейшем прочно связал свою жизнь и деятельность. В отделе археологии Института истории им. Ш. Батырова Академии наук Туркменской ССР он прошел путь от лаборанта до главного специалиста, некоторое время являлся ученым секретарем Института, но все эти 30 лет были насыщены интенсивной полевой работой. В 1966–1975 гг. возглавлял Амударьинский отряд (затем экспедицию); в 1967–1994 гг. — античный отряд (затем Парфянскую экспедицию); в 1969–1979 гг. — Каахкинскую новостроечную экспедицию. В 1971 г. окончил аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и в том же году успешно защитил кандидатскую диссертацию «Поселения Северной Парфии», вскоре изданную в виде монографии. Его научным руководителем был В.М. Массон.

Один из ярких представителей новой формации археологов, В.Н. Пилипко своими учителями называет М.Е. Массона, Г.А. Пугаченкову, С.Б. Лунину, З.И. Усманову. Конечно, благодаря таким наставникам он получил блестящее образование и, прежде всего, это была практическая школа ЮТАКЭ, которую прошли едва ли не все археологи его поколения, работавшие в Туркменистане. Они крепко усвоили не только методологию раскопок, умение видеть за самыми мелкими предметами тенденцию и, описывая бесчисленные комплексы находок, быть их эрудированными интерпретаторами, но и профессиональную этику, ответственное отношение к делу и бескорыстное служение науке, которое демонстрировал Михаил Евгеньевич Массон. Глубокое погружение в мир восточного эллинизма не мешает Виктору Николаевичу попутно заниматься вопросами археологии неолита, энеолита, эпохи бронзы, а также исламского средневековья, который в Туркменистане часто перекрывает остатки более древних

цивилизаций. Миновать его на многих памятниках невозможно, докапываясь до более ранних слоев.

В 1989 г. в Институте археологии АН СССР он защитил докторскую диссертацию «Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана», которая с существенными дополнениями была опубликована через четверть века. Как отмечает в предисловии к этому изданию сам автор, «несмотря на все трудности того времени и резкое сокращение притока нового материала, научная мысль не стояла на месте. В тиши кабинетов рождались новые гипотезы, придиричливо тестировались старые. Поэтому, против ожидания, мне пришлось потратить немало времени на адаптацию старой рукописи к реалиям XXI века».

После распада страны и организационной разобщенности, когда наступила пауза в полевых исследованиях, В.Н. Пилипко переехал на постоянное местожительство в Москву и с 1995 г. является ведущим научным сотрудником отдела классической археологии Института археологии РАН.

С 2001 г. он возобновил регулярные раскопки на объектах Государственного историко-культурного заповедника «Ниса»¹. Выход в свет его монографии «Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период» (2001) совпал с началом нового, постсоветского этапа раскопок В.Н. Пилипко на этом знаменитом памятнике, а также на соседнем городище Новая Ниса, которые формально продолжаются до сих пор. Увы, с 2020 г. снова наступила пауза, вызванная теперь пандемией коронавируса COVID-19 и временным прекращением деятельности всех международных экспедиций в Туркменистане. Но и этот сложный период для такого ученого как В.Н. Пилипко по-прежнему насыщен каждодневным трудом, ведь за долгие годы у него накоплен огромный материал, требующий тщательного анализа и введения в научный оборот. И он продолжает пополнять свой библиографический список, в котором на сегодня уже свыше двухсот публикаций.

В Ашхабаде высоко ценят заслуги Виктора Николаевича Пилипко. Уже много лет его портрет украшает галерею выдающихся археологов в Государственном музее Туркменистана, его книги постоянно востребованы в академических и университетских библиотеках, а без ссылок на его труды

¹ Эти работы проводились Институт археологии РАН в тесном сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии РАН и с Национальным управлением по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана. Экспедиция многократно меняла свое именование и финансировалась из разных источников. С 2005 г. она называлась Нисийским отрядом Среднеазиатской экспедиции Института археологии РАН. С 2010 г. по 2019 г. Нисийский отряд работал в составе Маргианской археологической экспедиции.

не обходится ни одна серьезная работа по Северной Парфии. Указом Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова от 5 октября 2013 года Виктору Николаевичу Пилипко была присуждена Международная премия имени Махтумкули. Этой наградой был отмечен его вклад в изучение истории и культурного наследия туркменского народа, многолетние научные исследования и археологические открытия на территории Туркменистана.

По решению редакционной коллегии «Трудов Маргианской археологической экспедиции» очередной, девятый том посвящен 80-летию В.Н. Пилипко. Традиционно такой сборник составляют работы друзей и коллег юбиляра — в данном случае это известные археологи, искусствоведы, культурологи, историки из Москвы, Ташкента, Ашхабада, Стамбула, Турина, Парижа, Лондона и других городов. Здесь и научные статьи по археологии и истории Центральной Азии в диапазоне интересов учёного, и воспоминания, и фотографии. Представлен полный список научных публикаций, а также перечень экспедиций и творческих поездок В.Н. Пилипко по состоянию на 2022 г.

Вступительное слово к сборнику написал его сверстник, старый друг и коллега, академик Эдвард

Васильевич Ртвеладзе, к сожалению, ушедший из жизни в минувшем году. Небольшое научное эссе, завершающее этот том, стало последним, что он успел написать. С глубоким прискорбием мы вынуждены добавить, что пока этот сборник готовился к печати, не стало еще одного из авторов – нашего друга, коллеги и соратника, известного специалиста в области зооархеологии, четвертичной палеозоологии и исторической экологии Южного Урала и Центральной Азии Роберта Мидхатовича Сатаева (1971-2023). Он также был постоянным участником Маргианской археологической экспедиции и членом редакционной коллегии Трудов МАЭ.

В силу объективных причин не всегда удается вовремя осуществить выпуск такого рода изданий, но некоторое отставание от запланированных ранее сроков, пожалуй, простительно, когда речь идет не о чем-то сиюминутном, а о работах, рассчитанных на долгосрочное использование. Надеемся, что и этот сборник найдет своих читателей. Пользуясь случаем, от всей души поздравляем Виктора Николаевича с прошедшим юбилеем и желаем ему творческого долголетия на благо исторической науки.

Н.А. Дубова, Р.Г. Мурадов

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА ПИЛИПКО

Э. В. Ртвеладзе

Подумать только, В.Н. Пилипко – 80 лет! Я познакомился с ним, когда Виктору едва перевалило за двадцать, в конце сентября 1961 г., когда профессор Михаил Евгеньевич Массон, будучи заведующим кафедры археологии исторического факультета Ташкентского Государственного университета им. В.И. Ленина (ТашГУ), а также научным руководителем ЮТАКЭ, привез в Старомервский лагерь группу студентов для прохождения полевой археологической практики. Тогда я еще не был студентом этой кафедры, а приехал в Старый Мерв по приглашению М.Е. Массона для прохождения, как он говорил, настоящей археологической школы, хотя к тому времени я был уже достаточно опытным краеведом, участвовал в ряде археологических экспедиций в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставропольском крае.

На городищах Старого Мерва, хотя и на разных раскопах, мы с Виктором работали каждую осень вплоть до 1966 г. Помнится, как однажды в последний полевой сезон Михаил Евгеньевич Массон, вызвав нас с Виктором в свой кабинет в Старомервском лагере и глядя на нас, произнес слова Юлия Цезаря, обращенные к легионерам гальской войны: «*Veteranus militus gloria ornamentus!*» («Ветераны, увенчанные славой!»), тем самым называя нас ветеранами ЮТАКЭ.

Весной же мы, как и многие студенты, работали в составе Кешской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ) на раскопках памятников Кашкадарьи. Также вместе мы работали и в СНАКе (Студенческом научном археологическом кружке), в котором я

был председателем, Виктор – членом правления, а ныне покойная Таня Беляева – секретарем.

В 1966 г. Виктор вместе с другим выпускником нашей кафедры Эмилом Масимовым по распределению уехал в Ашхабад в Институт истории АН ТССР, где занялся изучением Средней Амударьи, плодом которого стал его труд «Поселения Северо-Западной Бактрии» (1985). Но главными в его научной жизни стали раскопки в Старой Нисе и изучение парфянских памятников Южного Туркменистана. На эту тему им написаны диссертация и несколько монографий, в том числе «Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана» (2015), а также множество статей. Все это привело В.Н. Пилипко к широкому международному признанию.

Однако, несмотря на переезд Виктора, мы никогда не теряли друг друга – часто переписывались, обмениваясь мнениями по разным проблемам и вопросам, участвовали в совместной Бактрийской экспедиции ЛОИА, организованной В.М. Массоном.

Небезынтересно заметить, что Виктор вырос в «спортивной» семье: его сестра Вера была чемпионкой Узбекистана по прыжкам в воду с вышки, а сам он занимался борьбой самбо. Своей стройной фигурой в сочетании с довольно высоким ростом Виктор всегда привлекал к себе внимание девушек. Однако в работе он был очень педантичен и дотошен, чем нередко доводил своих коллег до белого каления. Дерзай, Витя! Тебе только 80 лет. Впереди новые экспедиции, книги, статьи, доклады!

Старый Мерв 1964 г. Слева направо в первом ряду: Татьяна Беляева, повариха Надежда Гафуровна, Теркеш Ходжаниязов, Светлана Лунина, М.Е. Массон, Ф.А. Гуламов, Овезгельды Оразов. Во втором ряду: Виктор Бутанаев (Остай), Виктор Пилипко, Лариса Колохова, Иминджан (Эмиль) Масимов, Ариф Абукадыров, Анвар Билалов, Николай Васецкий. В третьем ряду: водитель, Алефтина Коновалова (Амосова), Фаина Дорфман, Дауд Исиев, Борис Кочнев, Эдвард Ртвеладзе. В верхнем ряду: Нарим Юсупов и Кутбэддин Фасиддинов. Фото из личного архива В.Н. Пилипко

ЕЩЕ РАЗ О РИТОНАХ ИЗ СТАРОЙ НИСЫ

Т. К. Мкртычев

Виктор Николаевич Пилипко принадлежит к той блестящей плеяде выпускников кафедры археологии Средней Азии Ташкентского университета, которая, по существу, заложила основу среднеазиатской археологии в советское время и составили ее славу. Тогда Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) переживала время своего расцвета, и Виктор Николаевич стал одним из самых последовательных ютакинцев, посвятив большую часть своей жизни изучению одного из базовых памятников ЮТАКЭ – парфянским городищам Нисы.

Мое знакомство с юбиляром состоялось во второй половине 1970-х, когда я в составе отряда ЮТАКЭ после окончания полевого сезона на городище Старый Мерв вместе с руководителем экспедиции Замирой Исмаиловной Усмановой приехал в Ашхабад. Виктор Николаевич работал в местном Институте истории и уже тогда был одним из основных исследователей археологии Парфии.

Должен признаться, что я весьма далек от проблем парфянской археологии. Однако, есть одна тема, которая в какой-то момент привлекла меня – это ритоны из Старой Нисы. Работая в Государственном музее Востока в Москве, какое-то время я был хранителем четырех нисийских ритонов. Интерес, который проявляли многочисленные исследователи к этим уникальным произведениям эллинистического искусства – особенно меня впечатлил искренний восторг легендарного Поля Бернара – заставил меня более внимательно отнестись к тому, что храни-

лось, можно сказать, «под боком». Так я стал заниматься изучением этих редчайших изделий. Прежде всего я внимательно прочитал базовую монографию Михаила Евгеньевича Массона и Галины Анатольевны Пугаченковой «Парфянские ритоны Нисы», изданную в Ашхабаде в 1959 году. Этот труд вызвал у меня множество вопросов – от количества ритонов, которые были извлечены из помещения № 11 так называемого Квадратного дома, до истории самого этого архитектурного сооружения. По мере изучения ритонов – их большую часть мне довелось самому держать в руках во время визита в Ашхабад в начале 1990-х годов, когда они находились в хранении еще старого музея истории в Ашхабаде – количество вопросов только множилось. Тем не менее, мне кажется, что за годы, посвященные изучению нисийских ритонов, мне удалось ответить на какие-то вопросы. Одни из них были мной актуализированы, а некоторые так до сих пор и не имеют аргументированных ответов.

Не могу не отметить, что В.Н. Пилипко был тем человеком, который, не занимаясь специально ритонами, оказал неоценимую помощь в моих исследованиях этих уникальных эллинистических произведений. В результате собственных многолетних раскопок и, подробного анализа материалов предшествующих лет, Виктор Николаевич еще 20 лет назад опубликовал монографию «Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период». В этой фундаментальной работе он после тщательного подсчета в музеях как целых вещей, так и фрагментов впервые назвал предполо-

жительное количество ритонов (около 50), находившихся в Квадратном доме; обосновал назначение данного сооружения (сокровищница) и реконструировал его историю. Кроме того, он впервые с крайней осторожностью, характерной для всех его интерпретаций, предложил считать Старую Нису династийным святилищем.

Присоединяясь к поздравлениям в честь юбилея, я хотел бы очень кратко повторить всё, что мной было ранее написано о нисийских ритонах и отметить свои скромные связи с научными интересами В.Н. Пилипко. Есть достаточно много аргументов, которые позволяют считать, что нисийские ритоны были выполнены в хрисозлефантинной технике. Такая техника, также как и некоторое количество находок изделий из слоновой кости в ареале Греко-Бактрии, дают основания для локализации изготовления ритонов в греко-бактрийской среде примерно во II веке до н.э. По уровню использованных дорогих материалов и количеству ритонов можно предположить, что это был богатый сервиз – именно так мы определяем эту группу. Этот сервиз был заказан для пиршественных застолий некой персоной высокого социального статуса, возможно, царем. Стоит отметить, что разница в размерах ритонов и их оформлении, на мой взгляд, явно показывает, что заказчик имел представление не только о количестве участников своего застолья, но и о его составе.

Как уже доводилось писать, анализ иконографии образов и мотивов, применявшихся при изготовлении ритонов, говорит о существовании одного художника, выходца из греко-македонской среды, прекрасно знавшего как греческое искусство, так местные художественные традиции (ахеменидское искусство), в том числе искусство сопредельных регионов (Гандхара). Этот художник сделал эскизы для всех ритонов. Не исключено, что такая деталь как крылья на фигурах протом была внесена им как некий «объединяющий» элемент сервиза. Нарисованные эскизы были переданы в работу группе мастеров-резчиков. Судя по разнице в моделировке фигур – от классических греческих пропорций до весьма посредственных образов – группа включала резчиков разной квалификации. Очевидно, их было 5-6 человек. Если предположить, что на каждую фигуру художник сделал по одному эскизу, то можно увидеть, как

высококвалифицированные резчики вносили определенные изменения в предлагаемую художником иконографию, а также составляли свои ряды персонажей (в первую очередь, додекатейона).

Очевидно, сервиз какое-то время функционировал в эллинистической среде на больших пирах знатного представителя греко-бактрийского общества. Об этом свидетельствуют следы ремонтов, а также почитательная надпись богине Гестии на греческом языке, которая была сделана на одном из ритонов в период функционирования сервиза (греческая застольная традиция).

Обнаружение ритонов на Старой Нисе – в сердце Парфии – может быть объяснено сложными отношениями Греко-Бактрийского и Парфянского царств. Вероятно, в какой-то момент этот дорогой сервиз стал частью контрибуции (или дара), которую получили парфяне с греко-бактрийцев. Если учесть, что, по мнению В.Н. Пилипко, Старая Ниса представляла собой династийное святилище, то можно предположить, что в парфянской среде сервиз мог получить дополнительное культовое значение. По версии В.Н. Пилипко, один из участков городища Старая Ниса представлял собой площадку для проведения совместных культовых трапез. Возможно, что именно здесь ритоны стали частью какого-то ритуала династийного культа.

Почему ритоны оказались в сокровищнице (в Квадратном доме), можно только гадать. Вышли из моды? Пришли в негодность, а на Старой Нисе не было мастеров, которые могли бы их починить? Так или иначе весь сервиз оказался в этом помещении.

Как справедливо реконструировал историю сокровищницы В.Н. Пилипко, по непонятным нам причинам в I веке до н.э. содержимое сокровищницы было перенесено в другое место. Последний акт в истории ритонов связан с этим перемещением. Можно предположить, что хрупкие ритоны, некогда представлявшие эллинистический *luxury style*, были признаны негодными для того, чтобы быть частью содержимого новой сокровищницы. Именно в это время с них были сняты все металлические и позолоченные детали. Сами же изделия из слоновой кости оставили на месте, где почти две тысячи лет спустя, в 1946 году, они были найдены архе-

ологами ютакинского отряда под руководством Елены Абрамовны Давидович.

Виктор Николаевич Пилипко не раз слышал мои выступления и, скорее всего, читал мои статьи по поводу нисийских ритонов, где я высказывал написанные выше предположения. К моему величайшему сожалению, я никогда не слышал от него ни одобрения, ни критики в свой адрес по данной проблеме. И всё же. В 2013 году мы с моим коллегой и другом С.Б. Болеловым делали археологическую экспозицию в Государственном музее Востока. В одном из разделов экспозиции были выставлены нисийские ритоны. Специально для данного зала я сделал небольшой анимационный ролик, в котором попытался доступно показать, что такое ритоны, как они использовались, что они значат для истории эллинистического искусства. Я попросил художников, рисовавших мультипликацию для ролика, изобразить в

красках как, на мой взгляд, выглядели в период своего функционирования ритоны – хрестоматийные произведения искусства в хрисоэлефантинной технике. И художники нарисовали позолоченные рога и крылья, яркие глаза и красные пасти у фигур на протоме, раскрашенное тулово. В общем получилось типичное «вульгарное» эллинистическое произведение, мало напоминающее современный «элегантный» вид нисийских ритонов.

Так вот, однажды я оказался в этом зале вместе с В.Н. Пилипко, который фотографировал этот «первоначальный» образ нисийских ритонов. Как человек необыкновенно воспитанный, Виктор Николаевич спросил меня, не буду ли я против того, что он использует эту картинку в своих публикациях? Разумеется, я не мог отказать легендарному исследователю Старой Нисы в такой малости.

Реконструкция первоначального вида ритонов из Старой Нисы

РЕДКИЕ ВСТРЕЧИ

Р. М. Сатаев

Наверное, нет ни одного археолога, хоть как-то соприкасавшегося со среднеазиатской тематикой, который не знает имя Виктора Николаевича Пилипко. Несомненно, этот человек сумел оставить заметный след в археологии региона и археологии в целом, продолжая активно работать и сейчас. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные ссылки на его публикации и упоминания самого автора в научной литературе. И конечно, нельзя представить обсуждение исследований парфянской Нисы без упоминания Виктора Николаевича. Сам он в одном из интервью о своих отношениях с этим замечательным памятником говорит следующее: «Руководитель Южно-Туркестанской археологической комплексной экспедиции и наш преподаватель академик М.Е. Массон так захватывающе рассказывал о проходящих здесь раскопках, что и я, и многие мои сокурсники мечтали побывать в Туркменистане. Мне довелось впервые увидеть Нису в 1959 году. С тех пор у меня со Старой Нисой завязались “деловые отношения” без малого на 30 лет».

Все, что было озвучено выше – всего лишь сухая констатация заслуг В.Н. Пилипко перед археологической наукой, в первую очередь перед археологией Туркменистана, я же хочу рассказать об этом человеке через призму наших с ним редких встреч и с точки зрения зооархеолога. Хотя это сугубо личные впечатления, они высвечивают целый ряд качеств Виктора Николаевича, которые невозможно оценить без взаимного общения.

Лично с Виктором Николаевичем я познакомился в 2008 г. на конференции «Турк-

менская земля – колыбель древних культур и цивилизаций», проходившей в Ашхабаде, хотя естественно знал его заочно по публикациям и рассказам коллег. Тогда же собственно состоялось мое первое знакомство со Старой Нисой. Протиснувшись на тесное заднее сидение микроавтобуса, отправляющегося на экскурсию, Виктор Николаевич предложил мне пролезть к нему, поскольку по его выражению мы с ним еще не обрели «академической солидности». Речь, конечно, шла о нашей с ним поджарости, поскольку заслуженное признание в академической среде он, безусловно, обрел. К слову сказать, стройность и подвижность он сохранил до настоящего времени.

Экскурсия, проведенная Виктором Николаевичем по Старой Нисе, мне хорошо запомнилась и, думаю, не мне одному. Это связано не только с тем, что наконец-то удалось увидеть собственными глазами то, о чем знаешь лишь по книгам, но и с личностью нашего проводника по памятнику. Практически каждому объекту была посвящена отдельная, подробная лекция. Идущая рядом молодая коллега из Китая постоянно округляла глаза и вскрикивала «вау». Видимо, поддавшись ее настроению, незаметно для себя я тоже стал «ваукать». Начинало казаться, что обо всем, имеющем какое-либо отношение к Нисе и Парфии, Виктор Николаевич может говорить бесконечно, и это не пустое сотрясение воздуха, а интересная и полезная, и даже эксклюзивная информация, которую не найдешь в книгах и статьях. Не приходится сомневаться, что никакой другой экскурсовод не произвел бы такой эффект на слу-

шателей, тем более во многом искушенных. Там же на конференции, Виктор Николаевич предложил мне изучить накопившийся зооархеологический материал, происходящий из его раскопок, и пригласил в гости на Нису. Конечно, такой материал должен был меня заинтересовать, поскольку о том, каких животных разводили и использовали парфяне, известно немного. Я пообещал заняться им, как только появится свободное время при работе на Гонур-депе.

Но, как обычно бывает, полевой сезон, сколько бы он не длился, всегда короток. Тем более, что раскопки на ставшем мне родным Гонуре до последних дней работы экспедиции держат весь ее состав в некотором напряжении – ожидании открытий. Справедливости ради стоит сказать, что действительно последние дни сезона нередко приносили нам приятные сюрпризы. Кроме того, всегда находились дела, которые нужно было срочно закончить до отъезда, а сроки в своем обыкновении поджимали. Поэтому никак не удавалось выкроить время для поездки на Нису, и работа с материалом, собранным Виктором Николаевичем, все откладывалась.

Лишь через два года, прошедших после разговора с Виктором Николаевичем, благодаря Руслану Мурадову, удалось снова побывать на Нисе. Тогда состоялось мое знакомство уже с Новой Нисой. Хотя памятник по сравнению со старым городищем пока нельзя назвать музеем под открытым небом и местом паломничества туристов, он впечатляет. Чувствуется в нем перспективность и простор для исследований. Виктор Николаевич, в своей обычной обстоятельной манере, рассказал о своих раскопках, полученных результатах и возникших в процессе работы вопросах. Эти вопросы он постарался обсудить и с нами (Русланом Мурадовым и мной). В частности, он был обеспокоен тем, что на одном из вскрытых участков в слоях аршакидского времени обнаружена поздняя керамика. Его, как человека весьма дотошного в отношении соблюдения правил проведения раскопок и их документирования, это не могло не волновать. Осмотрев указанное место, я предположил, что, возможно, здесь была нора дикобраза. Эти животные роют просторные и глубокие норы и могут насквозь сверху вниз прорыть памятник, в результате чего материал из верхних гори-

зонтов по их широким тоннелям запросто попадает в нижние. Виктор Николаевич внимательно выслушал мои объяснения и принял их к сведению. Забегая вперед скажу, что впоследствии он действительно обнаружил скелет виновника «стратиграфической аномалии», прислав мне фотографии костей для подтверждения их принадлежности. В этот же приезд я наконец-то смог ознакомиться с зооархеологическими сборами Виктора Николаевича. Сразу обратила на себя внимание тщательность и аккуратность, с какой собирался, упаковывался и документировался костный материал. Особенно порадовали этикетки, несущие значительные для таких документов сведения об археологическом контексте находок, датировках слоев, из которых они происходят. Благодаря этому еще в процессе идентификации остатков я уже владел определенной информацией о том, с материалом какого генезиса и времени я работал. Замечу, что далеко не всегда археологи уделяют должное внимание этикетированию остеологических коллекций, считают такой материал малоценным, экономят время. Но Виктор Николаевич и в этом случае не изменил своему профессионализму.

Следующая встреча с Виктором Николаевичем произошла в 2013 году (благодаря содействию В.И. Сариниди и Н.А. Дубовой). Тогда я приехал на Нису на неделю, поселившись на расположенной в селе Багир (теперь это территория Ашхабада) базе историко-культурного заповедника, в небольшом, чем-то похожем на вагончик, строении. В планах было по максимуму обработать хранившийся здесь остеологический материал, которого скопилось достаточно. Хотя все сделать за это время, по моим прикидкам, было нереально. Как я уже отмечал, Виктор Николаевич очень щепетильно относится ко всему, что происходит из раскопок, и кости животных не составляют исключение. Он искренне обрадовался моему приезду, в расчете, что количество коробок с неизученными еще костями животных сократится (он все время сокрушался, что материал может пропасть, так и не попав в руки специалиста), а у меня появилась возможность познакомиться с ним поближе. Утро у нас начиналось с завтрака, который готовил Виктор Николаевич, приглашая меня за стол в свою комнату. Обед и ужин он также готовил сам, иногда позволяя мне ему помогать. После завтрака

он уходил на раскоп, а я усаживался за кости. Для меня большую ценность представляли разговоры, которые мы вели и за едой, и в любое свободное время. В ходе бесед проявилась еще одна его черта, редкая для многих из нас – умение терпеливо слушать и прислушиваться к чужому мнению. Следует добавить, что 2013 год оказался годом тяжелых утрат для российской археологии. 17 октября мы узнали, что не стало Елены Ефимовны Кузьминой, в декабре этого же года скончался Виктор Иванович Сарияниди. К вечеру Виктор Николаевич устроил поминальный ужин, в ходе которого очень тепло вспоминал ушедшую коллегу, что не может не вызывать уважение и к самому организатору ужина.

Снова попасть на Нису и продолжить изучение зооархеологических сборов получилось лишь весной 2019 года, почти через 6 лет после моего последнего посещения. В этот раз на базу историко-культурного заповедника мы приехали с супругой – археоботаником Лилией Сатаевой, которая на Старой Нисе еще не была. Виктор Николаевич встретил нас радушно и повел посмотреть памятник, и снова с воодушевлением подробно о нем рассказывал. Моросил мелкий дождь, что для второй половины апреля совсем нехарактерно, но это не испортило впечатления от посещения древнего городища, сопровождавшегося рассказами и комментариями Виктора Николаевича. В этом же сезоне обработка остеологического материала, сберегаемого им, была завершена.

Следует кратко коснуться информационной ценности материала, за изучение которого ратовал Виктор Николаевич. Хотя анализ его еще не закончен, но уже можно делать предварительные выводы. Основная часть костных остатков животных происходит из раскопок Новой Нисы и включает кости, извлеченные из культурных слоев разных исторических периодов со времени существования Парфянского царства до XVII в. включительно. Хотя не все слои представлены репрезентативными остеологическими выборками, так или иначе они демонстрируют особенности эксплуатации животных населением предгорной полосы Копетдага в широком временном промежутке.

Рассмотрим, как изменялся состав «археологического стада» (в первую очередь он

отражает соотношение между видами, забиваемыми на мясо) во времени. Для аршакидского периода отмечаются следующие количественные отношения между видами домашнего скота: крупный рогатый скот (далее КРС) – 18,9%; мелкий рогатый скот (далее МРС) – 77,0%; лошадь – 4,0 %; доли процента приходятся на свинью и осла. Для Сасанидского времени соотношения следующие: КРС – 21,8%; МРС – 57,8%; лошадь – 7,9 %; свинья – 12,5%. Вторая половина X века: КРС – 17,8%; МРС – 69,2%; лошадь – 4,4%; свинья – 8,6%. XII-XIII вв.: КРС – 26,6%; МРС – 41,3%; лошадь – 18,2%; верблюд – 10,4%; свинья – 3,0%; осел – 0,5%. XVI-XVII вв.: КРС – 15,9%; МРС – 69,43%; лошадь – 10,4%; верблюд – 1,7%; свинья – 2,6%. Обращает внимание, что в XII-XIII вв. среди забиваемых на мясо животных резко возрастает доля лошади и верблюда. По-видимому, это было связано с монгольским нашествием. Стоит заметить, что в сборах с Новой Нисы верблюд фиксируется только с XII – XIII вв. Поскольку в регионе этот вид закрепляется в хозяйстве не позднее второй половины III тыс. до н.э., можно предположить, что местное население на мясо забивало его редко. В целом материал из раскопок этого памятника позволяет говорить, что в предгорной полосе Копетдага с первых веков до н.э. до XVI-XVII вв. состав и соотношение используемых на мясо животных изменялся несильно (за исключением XII – XIII вв.). По-видимому, реальный состав стада соответствовал природно-климатическим условиям данной территории. Вероятнее всего, такая стратегия в области животноводства была обусловлена преемственностью традиций разведения животных, которые себя оправдывали на протяжении предыдущих поколений, а также отсутствием резких климатических колебаний.

Таким образом, даже предварительные данные, полученные при изучении остеологического материала из раскопок Виктора Николаевича, позволяют представить особенности разведения скота и мясного рациона населения городища для целого ряда исторических периодов. Из этого следует, что забота и беспокойство о материале, которую выражал Виктор Николаевич, были вполне оправданы.

В интервью корреспонденту правительственной газеты «Нейтральный Туркмени-

стан» Виктор Николаевич как-то сказал, что раскопки – это напряженная ответственная работа, требующая полного отрешения исследователя от других дел. Сам он всегда максимально полно погружается в свои исследования, забывая о своем уюте, быте и комфорте. Вся жизнь юбиляра говорит о его преданности выбранной когда-то профес-

сии, ответственности, глубокому, вдумчивому отношению к результатам своих исследований, искреннему интересу к работе своих коллег. В первую очередь, хочется пожелать Виктору Николаевичу крепкого здоровья, чтобы он еще долго радовал нас своими открытиями, новыми книгами и статьями и, конечно, личным общением.

Багир, 2013 г. Слева направо в нижнем ряду: В.И. Сарияниди, Н.А. Дубова, Р.Г. Мурадов. В верхнем ряду: Сахатмурад Караджаев, Сильвия Винкельманн, В.Н.Пилипко, Р.М. Сатаев

ПЕРЕЧЕНЬ ЭКСПЕДИЦИЙ И ТВОРЧЕСКИХ ПОЕЗДОК¹

В. Н. Пилипко

1-4. Сентябрь – октябрь 1962-1964 гг. Старый Мерв, городище Гяур-кала. Раскопки т.н. Овального дома в северо-восточной части городища. Руководитель в течение всех этих четырех лет – Галина Яковлевна Дресвянская, в то время просто Галя, учившаяся двумя курсами старше. Общее руководство раскопками осуществлялось преподавателем кафедры археологии ТашГУ Замирой Исмаиловной Усмановой и начальником экспедиции, он же заведующий кафедрой археологии ТашГУ, Михаилом Евгеньевичем Массоном.

5. Октябрь 1962-1964 гг. В воскресные дни совершались поездки на городище Хурмузфарра, расположенное примерно в 30 км от Старого Мерва, занимались историко-топографическими исследованиями, изучали остатки обширного средневекового кладбища и иногда даже проводили выездные заседания Студенческого научного археологического кружка (СНАК). М.Е. поручил мне обобщить все проведенные исследования на указанном кладбище и оформить в виде дипломной работы. Кроме этого, в качестве бонуса я был награжден поездкой в Армению на Всесоюзную студенческую археологическую конференцию в Ереване (1). На основе дипломной работы была подготовлена статья, опубликованная в Трудах ЮТАКЭ (13).

6. Летом 1963-1964 гг. участвовал в работах Кетменьтубинской экспедиции Института истории АН Киргизской ССР. Это была большая новостроечная экспедиция. Здесь я получил первый опыт раскопок древних погребальных памятников, познакомился с принципами организации большой новостроечной экспедиции.

7. Июнь 1964 г., Узбекистан, Кашкадарьинская область. Кешская экспедиция кафедры археологии ТашГУ. Историко-топографические исследования на указанной территории, изучение стратиграфии Шахрисябза. Знакомство с такими замечательными памятниками как Ак-Сарай: остатки дворца Тимура

и построенной по его приказанию прижизненной гробницы.

8. 1965 г. Старый Мерв. Разведывательные исследования в юго-восточной части пригорода Гяур-калы. Исследовательская группа состояла всего из двух человек. Ассистировал мне Александр Абакарович Кудрявцев, ныне доктор исторических наук (10).

9. Апрель – май 1966 г. Правобережье Амударьи. Экспедиция ИИАЭ АН Туркменской ССР по плановой теме «Археологическая карта Туркменистана». Мне было поручено составление карты Чарджууской области. Обследовалось правобережье Амударьи от Усты до Кара-Камара. В работе экспедиции принимали участие также Теркеш Ходжаниязов и Константин Афанасьевич Качурис² (22).

10. Июль 1966 г. Участие в работе экспедиции Овлякули Бердыева. Каахкинский район, район Мелана. Раскопки Чагаллы-депе. Мое первое знакомство с памятниками джейтунского времени.

11. Сентябрь – октябрь 1966 г. Старый Мерв. Разведывательные раскопки на Варрык-депе. Группа работала в том же составе (В. Пилипко, А. Кудрявцев). Работы были проведены очень своевременно, через несколько лет этот памятник был снявирован местным колхозом, при этом на нем был найден клад бронзовых монет «маргианского чекана». (55).

12. Ноябрь 1966 г. Командировка в Тахта-Базар и Сары-Язы в связи с поступлением сообщений об археологических находках. Из Тахта-Базара пришло сообщение о находке предмета, похожего на оссуарий, но подтвердить это не удалось, так как это керамическое изделие было разбито и утеряно. В нескольких километрах выше по течению от Тахта-Базара были осмотрены относительно хорошо сохранившиеся остатки средневекового моста из обожженного кирпича через Мургаб, а в районе ж/д

¹ Цифры в скобках соответствуют позициям библиографического списка.

² Сотрудник Института археологии АН СССР, присоединившийся к нашей экспедиции с целью знакомства с памятниками ахеменидского времени. Но ни одного подобного памятника на этой территории найти нам не удалось.

станции Тахта-Базар – остатки довольно крупного городища Ак-депе. После сооружения Сарыязинского водохранилища крупное средневековое городище, расположенное в его пределах, превратилось в остров. Зимой резко понижают уровень воды на водохранилище, в результате чего обнажаются отдели, сплошь усеянные разнообразным археологическим материалом. В течение недели я описывал и зарисовывал эти находки (29).

13. Май – июнь 1967 г. Левобережье Амударьи. Разведывательное изучение археологических памятников левобережья Амударьи от Чарджоу до Мирзабека. На кушанском поселении пройден стратиграфический шурф. На поселении Ак-кала Карабекаульского района сделана редкая находка – буддийская терракотовая статуэтка (12).

14. Август – октябрь 1967 г. Геоктепинский район. Раскопки Геоктепинской крепости, Яндаклы-депе, Орта-депе, открытие Песседжик-депе (2).

15. Март 1968 г. Рекогносцировочная поездка по 4-й очереди Каракумского канала с представителями Каракумстроя. Выборочно обследовались памятники от Геок-тепе до Мадау. При возвращении обследованы поселения Кумыш-депе и Гарры-Кяриза, которые в будущем стали объектами моих стационарных раскопок.

16. Апрель – май 1968 г. Чарджоуский оазис. Маршрутная поездка по археологической карте. Обследование левого берега Амударьи от Чарджоу до Даргана и ряда памятников на правобережье. Работы проводились совместно с Гельдымурадом Гутлыевым. Среди исследованных памятников наибольший интерес вызвали Одей-депе, Кош-кала у Кабаклы (9) и, конечно, караван-сарай Даяхатын.

17. Октябрь – ноябрь 1968 г. Ашхабадский и Геоктепинский районы. Раскопки Мансур-депе и Гарры-Кяриза (5).

18. Апрель – май 1969 г. Геоктепинский район. Раскопки Гарры-Кяриза. Выборочное обследование памятников в Каахкинском районе (14).

19. Июль – август 1970 г. Геоктепинский, Бахарденский, Кызыл-Арватский районы. Разведывательная поездка. Раскопки Гарры-Кяриза и Коша-Хаудана. Открытие Гиевджика (21).

20. Октябрь – ноябрь 1970 г. Чаршангинский район. Разведка на Юлангизском массиве. Новый оросительный регион. Обследование сардоб. Раскопки на Ак-депе и Шехри-Хамсе (74).

21. Апрель – май 1971 г. Геоктепинский район. Раскопки Гарры-Кяриза (20).

22. Апрель – май 1972 г. Геоктепинский район. Раскопки Гарры-Кяриза (34).

23. Июль 1972 г. Каахкинский район. Экспедиция Иминжана Сулеймановича Масимова. Участие в раскопках квартала керамистов на Алтын-депе.

24. Сентябрь 1972 г. Каахкинский район. Экспедиция Гельдымурада Гутлыева. Разведывательная поездка севернее Каракумского канала.

25. Октябрь 1972 г. Узбекистан. Сурхандарьинская область, Ангорский район. Стратиграфическое изучение ряда кушанских памятников. Открытие памятника эпохи бронзы Джар-Кутан совместно с

В. Осиповым. Участие в раскопках на городище Зар-Тепе (26).

26. Ноябрь 1972 г. Марыйский район. Колхоз им. Энгельса. Обследование места находки клада парфянских монет. Обследование Чебышкен-депе (28).

27. Март 1973 г. Иолотанский район. Талхатан. Начальник экспедиции Еген Атагарриев. Раскопки на Дашлы-депе. Повторное обследование Чебышкен-депе (24), (42).

28. Май 1973 г. Узбекистан. Сурхандарьинская область, Ангорский район. Зар-Тепе. Раскопки буддийского святилища позднекушанского времени (38).

29. Октябрь 1973 г. Каахкинский район. Раскопки на Ярык-депе и Коша-депе у Баба-Дурмаза (33), (48).

30. Апрель – май 1974 г. Побережье Средней Амударьи. Раскопки на караван-сараях Дая-Хатын, городищах Кош-кала, Кыз-кала, Одей-депе. Разведывательное обследование ряда памятников (32), (50).

31. Май – июнь 1974 г. Каахкинский район. Раскопки Коша-депе у Баба-Дурмаза (56)

32. Сентябрь 1974 г. Юго-Западная Туркмения. Экспедиция Егена Атагарриева. Раскопки жилого квартала на городище Дахистан. Разведывательное обследование ряда памятников оазиса (31).

33. Октябрь 1974 г. Южный Туркменистан. Участие в работе 8-й экспедиции Института геофизики Украинской ССР под руководством Григория Федоровича Загния. Раскопки печи ахеменидского времени на поселении Чурнок-депе. Посещение Дурнали, Чильбурджа, Гонур-депе, Ак-депе под Ашхабадом, поселения северо-восточнее Безмеина и других памятников Марыйского, Каахкинского, Ашхабадского и Геоктепинского районов.

34. Март 1975 г. Чарджоуская область. Выборочное обследование памятников в Чарджоуском, Саятском и Керкинском районах. Совместная поездка с Александром Федоровичем Ганялиным. Была предпринята безуспешная попытка найти клад монет с Хазарек-депе. По опросным сведениям, бронзовые монеты были с изображением слона.

35. Апрель 1975 г. Низовья Мургаба. Участие в работе экспедиции И.С. Масимова. Ознакомление с памятниками эпохи бронзы, раннего железа и ахеменидского периода.

36. Сентябрь – октябрь 1975 г. Чарджоуская область. Амударьинская экспедиция. Шурфы на Чарваг-депе, Кара-депе, Хатаб, Мирзабек-кала. Стратиграфические раскопки на Чопли-депе. Поездка по правобережью от Керкичи до Бешир-кала (37), (74).

37. Март 1976 г. Рекогносцировочные поездки по Ашхабадскому району. Новая Ниса, Ак-депе, Парыз-депе. Сбор подъемного материала.

38. Апрель – май 1976 г. Античный отряд. Каахкинский и Геоктепинский районы. Продолжение раскопок на Коша-депе у Бабадурмаза (апрель). Начало раскопок Чакан-депе. Повторное обследование поселения поздней бронзы на 82 км (в настоящее время этот объект переименован в Купрюк-депе)

(197), Койне-кала в Гяурсе, Говач-депе, Яссы-депе южнее Говач-депе (56).

39. Июнь – июль 1976 г. Каахкинский район. Экспедиция Егена Атагаррыева. Участие в раскопках Чугундора. Выборочный осмотр памятников Каахкинского района. Осмотр античных памятников в окрестностях Чугундора, Абиверда (Пештак), Хивеабада.

40. Октябрь – ноябрь 1976 г. Недельная маршрутная поездка по Каахкинскому району (от Душакка до Каушута). Продолжение раскопок Чакан-депе в Геоктепинском районе.

41. Июль 1977 г. Анапская экспедиция. Городской отряд. Начальник отряда Елена Анатольевна Савостина. Участие в раскопках одного из участков древней Горгиипи. Мое первое знакомство с эллинистическими памятниками Причерноморья.

42. Август 1977 г. Сарыязынская экспедиция. Начальник экспедиции Хемра Юсупов. Проведение разведывательных работ в зоне Сарыязынского водохранилища. Шурф на Ак-депе у станции Тахтабазар.

43. Сентябрь – октябрь 1977 г. Геоктепинский и Каахкинский районы. Античный отряд. Обследование Каахкинского района севернее канала. Начало раскопок Капыр-калы у Каушута. Продолжение раскопок Чакан-депе.

44. Апрель – май 1978 г. Геоктепинский и Бахарденский районы. Античный отряд. Продолжение раскопок Чакан-депе. Небольшие разведывательные раскопки на Кебеклы-депе, Яндаклы и Гарры-Кяриз 1.

45. Июль 1978 г. Анапская экспедиция. Раскопки одного из участков Анапского археологического заповедника. Раскопки подвала II в. до н.э. Обнаружение мраморной статуи.

46. Декабрь 1978 г. Мургабский оазис. Командировка. Осмотр средневекового городища Даш-Метджит в совхозе «Захмет». Сведения о наличии парфянских слоев не подтвердились.

47. Апрель-май 1979 г. Подгорная полоса Копетдага. Античный отряд. Разведывательная поездка в Копетдаг между Чули и Куркулабом. Раскопки на Капыр-кале у Каушута (завершение), Чакан-депе и Гарры-кяризе (холм 1) и Яндаклы-депе (92).

48. Июль 1979 г. Анапская экспедиция. Продолжение раскопок на территории заповедника.

49. Сентябрь 1979 г. Старая Ниса. Участие в расчистках Квадратного зала Старой Нисы. В связи с предстоящим объявлением городища археологическим заповедником проведены расчистки в пределах Здания с Квадратным залом. История археологического изучения Старой Нисы в XX веке подробно изложена в специальной монографии (120).

50. Октябрь – ноябрь 1979 г. Каахкинская новостроечная экспедиция. Археологическое обследование трассы канала МХК-3 (Межхозяйственный коллектор) в Дашлинском оазисе. Разведывательное изучение Дашлы, Кемалак-депе и других поселений.

51. Апрель – май 1980 г. Нисийская экспедиция. Расчистка платформы, примыкающей к Зданию с Квадратным залом с юго-западной стороны.

52. Август – сентябрь 1980 г. Парфянская экспедиция. Завершение раскопок Чакана. Обнаружение гипсовых шаров с оттисками монет и парфянского погребения. Продолжение раскопок на Яндаклы-депе и Гарры-Кяриз 1 (70), (94).

53. Октябрь – ноябрь 1980 г. Каахкинская новостроечная экспедиция. Продолжение разведывательных исследований в Дашлинском оазисе. Обнаружение новых памятников. Контрольное шурфование (40 шурфов). Разрезы оросительных каналов. Обнаружение погребений времени Яз I парфянской драхмы на дне древнего канала (63), (65).

54. Апрель 1981 г. Узбой. Участие в работе экспедиции Хемры Юсупова. Участие в раскопках Игды-калы на Узбое и курганных памятников.

55. Август – сентябрь 1981 г. Геоктепинский и Каахкинский районы. Парфянская экспедиция. Завершение раскопок Гарры-Кяриз 1. Раскопки холма 10 на Коша-Хаудане, Раскопки на Яндаклы-депе. Раскопки Д-30 в Дашлинском оазисе. Разведывательная поездка в район Калининска-Маныша. Уточнение данных о памятниках к северу от Каракумского канала в Каахкинском районе. Раскопки железоплавильной печи на горе Душак (70), (94).

56. Октябрь 1981 г. Каахкинская новостроечная экспедиция (КНЭ). Продолжение разведывательного изучения Дашлинского оазиса. Контрольные шурфы и раскопки на Д-1, Д-10, Д-9-41.

57. Апрель – май, сентябрь 1982 г. Каахкинская новостроечная экспедиция (КНЭ). Раскопки на Д-1, стратиграфический раскоп на Д-17, продолжение раскопок на Д-30 и Д-45. Раскопки Д-3, шурф на Д-4. (63).

58. Август 1982 г. Раскопки Нисы. Работы по исследованию Здания с Квадратным залом.

59. Апрель 1983 г. Восточная часть Каахкинского района. Рекогносцировочная поездка по маршруту Каахка – Душак – Меана-Чаача совместно с Сергеем Дмитриевичем Логиновым и Владимиром Юрьевичем Вдовиным.

60. Июнь 1983 г. Геоктепинский район. Парфянская экспедиция. Изучение стратиграфии Парыз-депе, раскопки Ер-калы у Геок-тепе, небольшие разведывательные поездки.

61. Август 1983 г. Старая Ниса. Раскопки Малой Башни, вскрытие Белой комнаты. Раскопки южнее ЗКЗ (75).

62. Июль, сентябрь 1983 г. Каахкинская новостроечная экспедиция. Завершение раскопок Д-3. Продолжение раскопок Д-30 и Д-45.

63. Октябрь 1983 г. Западный маршрут. Разведывательная поездка от Бекреве до Парая.

64. Март – апрель 1984 г. Разведывательное изучение памятников Прикопетдажья (Беурме, Койне-кала в Гяурсе, Чопан-депе, Сакиз-яб). Раскопки Хырлы-депе (76).

65. Июль – сентябрь 1984 г. Раскопки Нисы.

66. Сентябрь 1984 г. Поездка в Калининск, Маныш. Раскопки Ер-калы.

67. Март – апрель 1985 г. Старая и Новая Ниса. Парфянская экспедиция. Продолжение раскопок к

востоку от БС на Старой Нисе и изучение стратиграфической цитадели Новой Нисы (160).

68. Май 1985 г. Дашлинский оазис. Д-30. Завершение в общих чертах раскопок 4 стратиграфических горизонтов.

69. Август 1985 г. Старая Ниса. Продолжение работ в Белой комнате, расчистка ю-в фасада БС и Южной малой башни. Извлечение фрагментов живописи и скульптуры. Новые находки фрагментов сюжетной живописи, еще одной головы и остраков.

70. Апрель – май 1986 г. Старая Ниса. Работы по уточнению планировки Башенного сооружения.

71. Май 1986 г. Кумыш-депе. Стратиграфический шурф (107).

72. Июнь – июль 1987 г. Анапская экспедиция. Раскопки сельской усадьбы античного времени. Красная скала.

73. Август 1987 г. Геоктепинский и Ашхабадский районы. Разведывательные раскопки Янык-депе (договорные работы, Геоктепинский плодсовхоз). Контрольные шурфы на Караульском поселении, Бабаарабе, Бекреве. Обследование района поселка Первомайского.

74. Сентябрь 1987 г. Амударьинская экспедиция. Рекогносцировочная поездка от Чарджоу до Кабаклы. Ознакомление с современным состоянием памятников. Контрольные раскопки на могильнике Дуге-кыр и крепости Кош-кала.

75. 1987 г. Сентябрь – октябрь. Каахкинская новостроечная экспедиция. Работы в Дашлинском оазисе. Дополнительное обследование северной группы Дашлы-22-26. Контрольные шурфы, топографическая съемка. Продолжение раскопок на Д-30. Контрольный шурф на Чопан-депе (95 км).

76. Апрель 1988 г. Парфянская экспедиция. Дополнительное обследование района Первомайского и Калининска. Обнаружено новое ахеменидское поселение в районе Калининска. Топографическая съемка планов (Калининск, Гурумсак, Кумыш, Елбарс-депе). Начало работ на Караул-депе.

77. Июль – август 1988 г. Геоктепинский район. Парфянская экспедиция. Стратиграфические работы на Караул-депе, раскопки Чопан-депе, шурф на Каплы.

78. Сентябрь 1988 г. Дашлинский оазис, договорная работа. Каахкинская новостроечная экспедиция. Начало раскопок верхнего слоя поселения Дашлы-27.1.

79. Апрель 1989 г. Маршрутное обследование подгорной полосы Копетдага. Археолого-топографическое обследование окрестностей Елькен-депе. Фиксация древней оросительной сети, обнаружение ряда новых мелких поселений. Раскопки керамической печи эпохи раннего железа. Рекогносцировочное обследование некоторых памятников Геоктепинского и Бахарденского районов. Койне-кала в колхозе «Большевик». Мавзолей Гаиб-ата.

80. Май 1989 г. Инспекторская поездка по Средней Амударье по обоим берегам выше Чарджоу и Фараба. Знакомство с современным состоянием памятников. Топофиксация большинства объектов. Обнаружение нескольких новых памятников. Гебе-

клы в Карабекаульском районе. Первое посещение Йурек-депе и Мульзам-ата.

81. Июнь 1989 г. Анапская экспедиция. Продолжение раскопок античной усадьбы Красная Скала.

82. Август – сентябрь 1989 г. Раскопки Старой Нисы. Работы на юго-восточном фасе Башнеобразного сооружения, раскопки Землянки № 5. Обнаружение трех остраков. Небольшие работы по исследованию ВМБ.

83. Апрель – май 1990 г. Раскопки Старой Нисы. Завершение расчистки белой комнаты с участием реставраторов (Наталья Алексеевна Ковалева). Извлечение новых фрагментов скульптуры. Голова с нащечниками со змееной богиней, шлем парфянского типа. Дополнительные расчистки на Восточной Малой Башне (расчистка водоотвода) Башенного сооружения и у ю-в фаса ЗКЗ.

84. Июль 1990 г. Анапская экспедиция. Продолжение раскопок усадьбы Красная Скала.

85. Август – сентябрь 1990 г. Раскопки Старой Нисы. Расчистки на ВМБ. Раскопки вдоль ю-в фаса ЮМБ (вскрытие верхних слоев). Раскопки вдоль с-з фаса ЗКЗ. Расчистка гребня юго-западной стены ЗКЗ, обнаружение остатков галереи.

86. Сентябрь – октябрь 1990 г. Маршрутная поездка по подгорной полосе Копетдага. Западный маршрут (от Геоктепе до Зау). Ознакомление с современным состоянием памятников. Дополнительный осмотр Пар-Пар-депе. Первое обследование поселения у Арчмана. Восточный маршрут: топографические работы на Караул-депе, в Гяурсе (Яшыллы, Кара-депе) и в западной части Дашлинского оазиса. Фиксация западной оросительной системы (181).

87. Апрель 1991 г. Старая Ниса. Раскопки двора на участке, прилегающем к фасаду ЗКЗ. Обнаружение каменного бордюра и остатков средневековых построек.

88. Май 1991 г. Куния-Ургенч. Участие в работе экспедиции Хемры Юсупова. Начало раскопок на Кыркмолла. Обнаружение остатков укрепления античного времени.

89. Июль 1991 г. Анапская экспедиция. Продолжение раскопок Красной Скалы. Завершение вскрытия северо-западного фаса. Обнаружение чернолакового килика.

90. Август 1991 г. Парфянская экспедиция. Разведка в Копетдаге. Обследование археологических памятников в районе Караула, Дешта, Сайвана (158).

91. Август – сентябрь 1991 г. Парфянская экспедиция. Работы в подгорной полосе. Разведывательные раскопки Ишан-Кяриза и стратиграфический шурф на Говдуз-депе. Съемка плана Каушутского античного поселения.

92. Апрель – май 1992 г. Керкинская экспедиция. Стратиграфические работы в г. Керки. Уточнение возраста Русской крепости, обнаружение нового объекта в Старом городе. Посещение Мирзабека.

93. Июнь – июль 1992 г. Участие в экспедиции Хемры Юсупова. Раскопки Кыркмолла в Куния-Ургенче. Изучение слоя, подстилающего здание кушанского времени.

94. Август 1992 г. Парфянская экспедиция. Горный маршрут. Продолжение разведки в долине Джульге между Сайваном и Чукуром. Обнаружение ряда новых памятников (158).

95. Сентябрь 1992 г. Зейдская новостроечная экспедиция. Обследование территории Зейдского массива. Обнаружение ахеменидской керамики на ряде колодцев. Топографические съемки объектов в г. Керки и селении Астана-баба.

96. Сентябрь – октябрь 1992 г. Поездка в Даяхатын. Ознакомление с состоянием памятника, которое я оценил как катастрофическое.

97. Апрель 1993 г. Договорная работа. Обследование массива Ак-Гая. Топографическая съемка (Анатолий Абрамович Ляпин) и археологическое обследование городища Испас.

98. Апрель – июнь 1993 г. Участие в работе экспедиции Хемры Юсупова в Куня-Ургенче. Продолжение первоначального стратиграфического раскопа на Кыркмолла. Уточнение планировки башен западного фаса.

99. Август, октябрь 1993 г. Маршрутные поездки по программе «Зерно». Каахкинский район. Обследование памятников в районе Душака и Ходжи-Булака. Топосъемка на Едидже-депе. Открытие ряда мелких поселений.

100. Сентябрь – октябрь 1993 г. Раскопки Старой Нисы. Продолжение исследования Башнеобразного сооружения. Раскопки в пяти точках. Основные объекты: 1. Раскоп севернее ВМБ – обнаружение внешнего портика. 2. Расчистка мусорного сброса у юго-западного фаса – обнаружение новых фрагментов росписи. 3. Расчистка в середине юго-западного фаса – обнаружение наборной капители и двух полуколонн (191).

101. Октябрь 1994 г. Керкинская экспедиция. Изучение стратиграфии и фортификации городища Койне-кала. Обнаружение мощных слоев античного времени, в том числе греко-бактрийских (177), (198).

102. Ноябрь 1994 г. Маршрутная поездка по Каахкинскому району. Ознакомление с состоянием памятников севернее Каахка и в Дашлинском оазисе. Обнаружение материалов ахеменидского времени в Куня-Каахка (186).

103. Ноябрь 1994 г. Участие в обследовании (Хемра Юсупов) массива Шор-кель. Открытие на северо-восточной окраине Серахского оазиса поселений ахеменидского времени, в том числе поселения городского типа Оюклы (117).

104. Сентябрь – октябрь 1997 г. Раскопки Старой Нисы (с участием Хемры Юсупова). Продолжение расчисток оливок, прилегающих к БС с юго-востока и юго-запада. Получены новые образцы настенной росписи, в том числе и сюжетной. Особенно хорош фрагмент с изображением голов трех коней (113).

105. Июль – август 2001 г. Участие в работах Восточно-Боспорской экспедиции ГМИИ (начальник Елена Анатольевна Савостина). Раскопки сельских поселений в окрестностях Тамани (Гермонассы). Охранные раскопки поселений эллинистического времени Тамань-9 и Тамань-11. Получение общих сведений об этих поселениях.

106. Сентябрь – октябрь 2001 г. Участие в работах французско-туркменской экспедиции на Улуг-депе (руководитель Оливье Леконт). Руководил работами на двух объектах. Раскоп 1 – ревизия исследований В.И. Сарияниди на севере поселения. На глубину 4 м исследованы слои эпохи бронзы (Намазга IV), выявлены интересные впускные погребения. Найдена каменная культовая статуэтка. Второй объект «Раскоп 3» – исследование слоев раннего железа на восточной окраине холма.

107. Ноябрь 2001 г. Проведение совместно с дирекцией Нисийского заповедника работ на Старой Нисе. Основная цель – завершение исследования мусорного сброса у юго-восточного фасада БС. Извлечение остатков настенной росписи.

108. Май – июнь 2002 г. Старая Ниса. Завершение расчистки юго-восточного мусорного сброса БС и расширение раскопа у юго-западного фасада. С юго-восточной стороны БС извлечены все фрагменты настенной живописи. На юго-западе раскоп увеличен до 20 × 6 м. В нем выявлены остатки пандуса, обнаружены остатки росписи, разобрана полуколонна с капителью. Наружный юго-западный коридор вскрыт на участке длиной 20 м. Выявлены важные конструктивные особенности.

109. Июль-август 2002 г. Восточно-Боспорская экспедиция. Продолжение раскопок поселения Тамань-9. Проведены дополнительные вскрытия на площади 400 кв.м. Уточнена стратиграфия памятника – выделены слои IV в. до н.э., получен ряд интересных находок.

110. Март – май 2003 г. Нисийская экспедиция. Раскопки фасадной части Башенного сооружения Старой Нисы. Продолжение работ по консервации настенной живописи (реставратор Галина Эдуардовна Вересоцкая). Проведено сплошное вскрытие входных портиков и прилегающих коридоров. Общий объем около 500 куб. м. Уточнены многие конструктивные детали, обнаружены остатки настенной росписи и скульптуры.

111. 2004 г. Нисийская экспедиция при участии С. Хамракулиева, Д. Хеззетова, Г.Э. Вересоцкой. Продолжение раскопок Башенного сооружения. Проведение дополнительных работ на северо-восточном фасаде. Раскопки Западного помещения, расчистка пола в вестибюле, обнаружение новых образцов живописи. Завершение раскопок Северной малой башни – обнаружение трех парфянских драхм I в. н.э. Расчистка во внутреннем обводном коридоре – уточнение конструкции, фиксация остатков свода. Раскопки на юго-западном фасаде – открытие Южного портика. Реставрация настенной живописи.

112. Апрель – май 2006 г. Нисийская экспедиция. Башенное сооружение и Срединный блок. При участии Владимира Алексеевича Завьялова, Сеида Хамракулиева, Галины Эдуардовны Вересоцкая. 1. Расчистка нижнего слоя завала в вестибюле. Извлечение значительного количества фрагментов настенной росписи. 2. Расчистка нижних слоев завала парадного северо-восточного портика. Извлечение фрагментов росписи. Обнаружены фрагменты глиняной скульптуры, из-за плохой сохранности

оставлены на месте без расчистки. 3. Продолжение раскопок Срединного блока.

113. Сентябрь – ноябрь 2006 г. Нисийская экспедиция. Старая Ниса. Продолжение раскопок Башенного сооружения и Срединного блока. В Башенном сооружении завершена зачистка Западного помещения вестибюля. Заложен шурф в его южном углу, выявлена толщина платформы. В Срединном блоке завершена расчистка помещений. Обнаружены остатки двух кирпичных колонн. Проведены рекогносцировочные геофизические исследования с помощью георадара «Лоза В» (геофизик Павел Воровский). Наиболее активно зондировалось БС (156).

114. Сентябрь – ноябрь 2007 г. Нисийская экспедиция. Старая Ниса. Центральный комплекс. Общие задачи исследований несколько были изменены. Объектом изучения стало не только БС, а весь Центральный комплекс. В пределах БС осуществлена расчистка «ниши» в ю-з стене. Продолжено послонное исследование древних уровней в Южном раскопе. Обнаружено новое значительное скопление остатков настенной росписи. В пределах Северо-Восточного сооружения ЦК (СВС) продолжены раскопки помещения к с-з от Северного Портика (частичные его раскопки осуществлены в 1986 г. экспедицией ЛОИА под руководством Маргариты Николаевны Пшеницыной). Проведены полные раскопки помещения и частично исследована сопредельная территория. Установлено, что это помещение составная часть СВС.

115. Сентябрь – ноябрь 2008 г. Нисийская экспедиция. Старая Ниса. Центральный ансамбль. В пределах БС основная задача - уточнение назначения Центрального сырцового массива. С этой целью в центральной части массива напротив штольни был заложен контрольный шурф 3 × 1,5 × 9,5 м, в котором выявлена сплошная сырцовая кладка до глубины 9,2 м, то есть штольня центра массива не достигала. В Южном раскопе вскрыт еще один уровень засыпки двора. В пределах СВС расчищены остатки с-з входного портика. Подтверждена двухуровневая структура Главного двора. Начато сплошное вскрытие Восточного портика и сопредельных помещений (166).

116. Май – июнь 2009 г. Нисийская экспедиция. Новая Ниса. Стратиграфические исследования. Пройдено два стратиграфических шурфа в сев. и зап. частях городища. Продолжены работы в пределах с-в некрополя. Исследован верхний слой (22 см) участка площадью около 300 кв.м. Шурфы внесли уточнение в представление о стратиграфии городища. В них наиболее четко представлены лишь три слоя – античный, хорезмшахский (вторая пол. XII – начало XIII вв.) и позднесредневековый (XVI-XVIII вв.).

117. Сентябрь – октябрь 2009 г. Нисийская экспедиция. Старая Ниса. Дополнительные раскопки в пределах Центрального ансамбля. В пределах Башенного сооружения исследовался Южный двор, где уточнены параметры лестницы Южного портика и исследовался узел стыка БС и ЗКЗ – установлено, что их подстилает единая платформа. Установ-

лены детали планировки Восточного портика и его окружения.

118. Начало ноября 2010 г. Разведывательная поездка по низовьям речки Чаачинки. Обследование Куш-депе и обнаружение ряда новых объектов эпохи раннего железа, античности и раннего средневековья.

119. Сентябрь – октябрь 2011 г. Нисийская экспедиция. Работа проводилась как на Старой, так и на Новой Нисе. В работах принимал участие Вепа Худайбердыев. Старая Ниса: продолжены зачистки в пределах СВС. Основной раскоп – юго-западный фасад Восточного двора. Второй объект – юго-восточная внешняя стена БС. Подготовка ее к реставрации. Расчищены остатки окон и уточнены контуры стыка стены с ЮМБ. Новая Ниса: заложен южный шурф. Выявлен нижний аршакидский (?) слой. Его подстилает слой с точно неопределенной керамикой, ранней. Нижний исследованный слой относится к аршакидскому времени. Ниже культурные слои продолжают, но датировка их точно не установлена. В северо-восточном раскопе углубились до отметки 320 см. Выявлены остатки крупного здания предположительно конца XVI-XVII вв.

120. Сентябрь – ноябрь 2012 г. Нисийская экспедиция. Новая Ниса. Северо-Восточный раскоп. В раскопках принимали участие Максат Мурадов (сентябрь – начало октября) и Алексей Тимошенко. Старая Ниса. Подготовка к реставрации части Башенного сооружения. Углубились на основной площади с 320 см до 550 см. Площадь раскопа внизу значительно возросла – 20 × 18 м. Верхние 1,5 м представлены отложениями хорезм-шахского периода. Ниже начались осыпки деструктированного кирпича, потревоженные какими-то поздними вмешательствами. Местами обнажились кладки аршакидского времени.

121. Апрель – май 2013 г. Нисийская экспедиция. Городище Новая Ниса. Участвовали геофизики из Института сейсмологии АН Туркменистана. Были проблемы с рабочей силой, что сказалось на результатах исследований. По мере углубления площадь раскопа непрерывно увеличивалась. Большие усилия затрачены на вторичное перемещение отвала в с-в части раскопа. Главные результаты: на основной части раскопа вышли на отметки 5,5-6 м. Установлена ошибочность представлений Надежды Иосифовны Крашенинниковой о структуре внешней крепостной стены аршакидского времени. На этом участке осуществлена зачистка западной обрыва предполагаемой стены. Выявлен наклон стены и мусорный сброс к северо-востоку от нее.

122. Сентябрь – октябрь 2013 г. Нисийская экспедиция. Городище Новая Ниса. Северо-восточный стратиграфический раскоп (СВСР). В работах принимала участие Эджегуль Атаевна Мурадова. На основной части раскопа опустились до уровня 690-700 см. При этом четко были выявлены контуры «диагональной стены», возможно, являющейся внешней оградой некрополя. Завершено исследование слоев сасанидского времени и установлено его разделение на два слоя – позднесасанидский и ранний. Но хронологическая принадлежность диагно-

нальной стены точно не выявлена. Она может быть как раннесасанидского, так и позднеаршакидского времени. Продолжено расширение раскопа в восточном (раскоп 2) и западном направлении (раскоп 3). Раскопки в пределах Р-2 позволили выявить остатки камеры 5. Одновременно выявлено, что сохранившиеся сырцовые кладки, скорее всего, являются остатками погребальных сооружений, плотно теснившихся друг к другу. Продолжения раскопок в Р-3 выявили остатки камеры 2 (по нумерологии Н.И. Крашенинниковой) и остатки еще каких-то многочисленных более ранних стен. Продолжение расчисток к с-в от паховой внутренней стены показало, что здесь располагался не коридор, а самостоятельные архитектурные сооружения.

123. Апрель – май 2014 г. Нисийская экспедиция. Продолжение работ в пределах СВСП стратиграфического раскопа на городище Новая Ниса. В работах экспедиции принимали участие аспиранты и сотрудники Института истории АН Туркменистана. В пределах основной части СВСП продолжалось углубление до ... м. Это отложения раннесредневекового времени, но в северной части раскопа здесь уже возвышаются руины погребальных построек аршакидского времени. Параллельно с работами в основном раскопе в северной части городища проводились поисковые работы к западу и востоку от него с целью выявления остатков парфянской сооружений. Работы в пределах так называемой Башни III показали, что представления Н.И. Крашенинниковой, принявшей эти конструкции за остатки внешней стены городища, ошибочны. Возникло предположение, что это остатки какого-то особого погребального сооружения. Но полностью разобраться в устройстве этого объекта пока не удалось.

124. Апрель – май 2015 г. Нисийская экспедиция. Раскопки на Новой Нисе. Северо-восточный стратиграфический раскоп (СВСП) и Башня III – Раскоп-3. Участники: Виктор Валентинович Мокробродов, Шохрат Какалиев, Сергей Николаевич Ягуртов, Онгар Какалиев. Работы проводились не только в главном раскопе (Р-1), но и на прилегающем к нему участке. Р-1 – местами углубились до 10 м. Обнаружена большая грабительская яма в середине раскопа. Значительные работы проведены на так называемой Башне III, ныне Раскоп-2. Здесь осуществлен поперечный разрез останца. Выявле-

ны закладки и засыпки над нижним котлованом, который еще не исследован.

125. Апрель – май 2018 г. Нисийская экспедиция. Работы проводились на Старой и Новой Нисе. Участники: В.В. Мокробродов, М.Ю. Меньшиков, П.С. Успенский – все сотрудники ИА РАН, от Нисийского заповедника в работах принимал участие зам. директора С.Н. Ягуртов. На Новой Нисе продолжались работы в основном раскопе. На отдельных участках вскрытие осуществлено на глубину 10-12 м от условного репера. На Башне III продолжалось послойное вскрытие как сырцовых структур, так и участков с рыхлым заполнением. Участие в работе экспедиции опытных операторов с тахиометром позволило изготовить новый Генеральный план городища Новой Нисы и получить точные данные о Северо-восточном раскопе. Но полностью эта работа не завершена. На Старой Нисе проводилось исследование западного угла Восточного двора Северо-восточного сооружения Центрального ансамбля. Обнаружены остатки декоративных глиняных полуколонн и обильный завал из обломков черепицы и декоративных терракотовых плит.

126. Апрель – май 2019 г. Исследование на объектах историко-культурного заповедника «Ниса». Участники: В.В. Мокробродов (1 месяц), палеозоло Роберт Мидхатович Сатаев, от заповедника в работах принимал участие зам. директора С.Н. Ягуртов. На Новой Нисе основные работы проводились в пределах СВСП. Северная часть раскопа наконец-то была очищена от старых отвалов отработанной земли, что, в конечном счете, позволило выявить ю-з угол так называемого храма. На основной части раскопа осуществлена расчистка сырцовой структуры. Здесь выявлена мощная стена, которую следует определять как остатки юго-западной стены позднего погребального сооружения, включающего в свой состав камеры 3,4,5. Продолжение работ 2018 г. В пределах Башни III (Раскоп 2) завершена расчистка подземной погребальной камеры, которая, к сожалению, была ограблена и сильно повреждена средневековыми кладоискателями (203). На Старой Нисе раскоп в пределах западного угла Восточного двора СВС был значительно расширен, но завершить его полную расчистку не удалось. Работы этого сезона были сильно осложнены из-за погодных условий и недостатка рабочей силы.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА ПИЛИПКО

1. Средневековое кладбище Хурмузфарра в Мервском оазисе // Тезисы докладов XI Всесоюзной археологической студенческой конференции. Ереван, 1965. С. 53-54.
2. Исследование памятников античного времени в районе Геок-Тепе // Каракумские древности. Вып. I. Ашхабад: Ылым, 1968. С. 30-35.
3. Археологические памятники кушанского времени на побережье среднего течения Амударьи // Междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений. Москва: Наука, 1968. С. 52-53.
4. Раскопки парфянского сельского поселения в Геок-Тепинском районе // Каракумские древности. Вып. II. Ашхабад: Ылым, 1968. С. 36-38.
5. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы // Каракумские древности. Вып. II. Ашхабад: Ылым, 1968, С. 30-35 (соавтор Г.А. Кошеленко).
6. Загадочное божество (Об одной терракотовой статуэтке с побережья Амударьи) // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1968, № 1. С. 19. (соавтор А.М. Чиперис).
7. Плитка, подтверждающая предания // Памятники Туркменистана. 1968, № 1. С. 25.
8. Ходжа-Идат-кала // Памятники Туркменистана. 1968, №2. С.27 (соавтор Г. Гутлыев).
9. Из работ Амударьинского отряда // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 427-428.
10. Юго-восточная часть рабада Мерва // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1969, № 3. С. 88-92.
11. Терракотовые статуэтки музыкантов из Мерва // ВДИ. 1969, № 2. С. 100-105.
12. Буддийская статуэтка из Ак-калы (Средняя Амударья) // СА. 1969, № 3. С. 247-251. (соавтор И.С. Масимов).
13. Средневековое кладбище городища Хурмузфарра в Мервском оазисе // Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад: Ылым, 1969. С. 242-259.
14. Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарры-Кяриз // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад: Ылым, 1970. С. 72-87.
15. Отгиски печатей на парфянских хумах // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1970, № 2. С. 14-15.
16. Раскопки в Северной Парфии // Археологические открытия 1970 года. М.: Наука, 1971. С. 437-438.
17. Терракота Мервского некрополя // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1971, № 5. С. 19-28.
18. Клад монет маргианского чекана // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1971, № 1. С. 18-19 (соавтор К. Аллакулиев).
19. **Поселения Северной Парфии.** Автореф. канд. дисс. М.: 1971. 18 с.
20. Раскопки поселения Гарры-Кяриз // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 535-536.
21. Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 году // Каракумские древности. Вып. IV. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 74-87.
22. Некоторые археологические памятники правобережья Средней Амударьи // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1972, № 5. С. 72-77.
23. Изучение парфянских сельских поселений в Южном Туркменистане // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года. Ташкент: Фан, 1973. С. 135-136.
24. Чебишкен-депе // Памятники Туркменистана. 1973, № 2. С. 24-25.
25. Памятники парфянского времени в районе Аннау // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1973, № 5. С. 59-64.
26. Раскопки оборонительных сооружений городища Зар-тепе // Древняя Бактрия. Вып. I. Л.: Наука, 1974. С. 49-53 (соавтор К.С. Сабиров).

27. Раскопки на Дашлыджа-депе // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 495-496 (соавтор Е. Атагарриев).
28. Новые находки парфянских кладов // Памятники Туркменистана. 1974, № 1. С. 22-25.
29. Керамика Асадабада // Материальная культура Туркменистана. Вып. 2. Ашхабад: Ылым, 1974. С. 109-139.
30. Археологические памятники кушанского времени на побережье среднего течения Амударьи // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М.: Наука, 1975. С. 254-257.
31. Раскопки на городище Мисриан (Дихистан) // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 517 (соавторы Е. Атагарриев, Н. Бяшимова).
32. Раскопки в Дейнауском районе Чарджоуской области // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 527-528.
33. Раскопки памятников парфянского времени // УСА. Вып. III. Л.: Наука, 1975. С. 75-76.
34. **Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз** / Ред. В.М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад: Ылым, 1975. 120 с., 35 табл.
35. Клад парфянских монет из Гарры-Кяриза (Парфиена) // ВДИ. 1976, № 2. С. 114-121.
36. Археологические и нумизматические находки с двух средневековых поселений в окрестностях Туркменкала // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1976, № 3. С. 33-41 (соавтор Т.Ходжаниязов).
37. Мирзабек-кала // Памятники Туркменистана. 1976, № 1. С. 5-8.
38. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-Тепе // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С. 59-68.
39. Находки парфянских монет на Амударье // Памятники Туркменистана. 1976, № 2. С. 24.
40. Стратиграфия холма № 7 на поселении Гарры-Кяриз // Каракумские древности. Вып. V. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 46-57.
41. Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи // СА. 1977, № 1. С. 187-202.
42. Средневековое поселение Дашлыджадепе // Каракумские древности. Вып. VI. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 78-97 (соавтор Е. Атагарриев).
43. Раскопки памятников парфянского времени // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 554.
44. Модель средневекового здания с побережья Средней Амударьи // Памятники Туркменистана. 1977, № 1. С. 20-21.
45. Еще раз о «Керкинском кладе 1888 года» // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1977, № 5. С. 36-42.
46. Следы древнейшего обитания человека на Средней Амударье // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1977, № 6. С. 86-90.
47. Терракотовое изображение сасанидского вельможи с берегов Средней Амударьи // Памятники Туркменистана. 1977, № 2. С. 17-19.
48. Ярык-депе // Каракумские древности. Вып. VII. Ашхабад: Ылым, 1978. С. 14-31.
49. Топография находок кушанских монет на Средней Амударье // История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978. С. 89-97.
50. Древнее городище Одей-депе на среднем течении Амударьи // Каракумские древности. Вып. VIII. Ашхабад: Ылым, 1979. С. 27-54.
51. Новые данные по культуре Северной Парфии // III Всесоюзная конференция «Искусство и археология Ирана и его связи с искусством народов СССР с древнейших времен». Тезисы докладов. М.: Советский художник, 1979. С. 65-66.
52. Парфянские археологические комплексы // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Ташкент: Фан, 1979. С. 23-25.
53. Клад парфянских драхм из Ашхабада // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1980, № 1. С. 77-83 (соавтор С.Д. Логинов).
54. Средневековые памятники северной части Чарджоуской области (новые данные) // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 70-97.
55. Разведывательное изучение Варрык-депе в окрестностях Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XVII. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 38-46.
56. Парфянский слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза // СА. 1980, № 4. С. 213-231.
57. Проблемы эллинизма и развитие древних культур Средней Азии // Тезисы совещания «Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ». Ашхабад: Ылым, 1980. С. 47-48.
58. Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком // ВДИ. 1980, № 4. С. 105-124.
59. Изучение поселений Северной Парфии // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 466-467.
60. Изучение парфянской культуры: приемы и методы исследования // Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии. Тезисы научной конференции. Ашхабад, 1981. С. 161-162.
61. Археологическая разведка в Карабекаульском оазисе // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1982. С. 71-85.
62. О времени основания древнего поселения в Керки // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1982, № 1. С. 83-86.
63. Разведывательное изучение Дашлинского оазиса на юге Туркмении // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 2. М., 1982. С. 32-36.
64. Древности Гарры-Кяриза // Памятники Туркменистана. 1982, № 2. С. 12-15.
65. Некоторые итоги разведывательного изучения Дашлинского оазиса в Каахкинском районе ТССР // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1982, № 5. С. 91-93.

66. Стратиграфия кушанских поселений юго-восточной Туркмении // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов. М.: Наука, 1983. С. 63.
67. Ранний железный век Северной Парфии // Тезисы докладов конференции «Раннежелезный век Средней Азии и Индии». Ашхабад: Ылым, 1984. С. 21-24.
68. Археологические комплексы раннеантичного времени в Прикопетдагье // Второй всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1984. С. 50-51.
69. О некоторых станциях на средневековом торговом пути из Термеза в Бухару // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 158-171.
70. Поселение раннежелезного века Гарры-Кяриз I // Туркменистан в эпоху ранне-железного века. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 28-58.
71. Северная Парфия (гл.4) // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985. С. 209-225, табл. LXXIII – LXXXIX (с участием Г.А. Кошеленко).
72. Побережье Средней Амударьи (гл.6) // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985. С. 243-249, табл. СII - CVIII.
73. Денежное обращение Маргианы // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985. С. 241-242, табл. CI.
74. **Поселения Северо-Западной Бактрии.** Под ред. Г.А. Кошеленко. Ашхабад: Ылым, 1985. 216 с., 26 рис., LIII табл.
75. Раскопки Старой Нисы // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 554-555.
76. Исбиденский мавзолей // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1985, № 5. С. 69-77.
77. Бактрия и Парфия. Проблема границ и культурных контактов // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.). Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Ташкент: Фан, 1986. С. 79-81.
78. Ранний железный век Этека (Южный Туркменистан) // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 11. М.: Наука, 1986. С. 8-18.
79. Погребения эпохи раннего железа в Дашлинском оазисе (Каахкинский район ТССР) // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1986, № 4. С. 27-34 (соавторы О. Бабаков и Т.К. Ходжайов).
80. Раскопки Старой Нисы // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 473.
81. К вопросу о чекане Митридатокерта // ВДИ. 1987, № 1. С. 115-125.
82. Типология поселений кушанского времени в долине Средней Амударьи // СА. 1987, № 3. С. 177-189.
83. Средний слой юго-западного холма поселения Коша-депе у Бабадурмаза // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1987, № 5. С. 52-59.
84. Раскопки на городищах Нисы // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 608-609.
85. Находки монет античного времени в подгорной полосе Копетдага // Вторая всесоюзная нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1987.
86. Парфянские всадники (о находках сюжетной росписи в Старой Нисе) // Наука в СССР, 1988, № 1. С. 50-55.
87. Основные итоги археологического изучения Здания с квадратным залом на городище Старая Ниса // Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1988. С. 66-68.
88. Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ, 1989, № 3. С. 167-177.
89. К вопросу о локализации Парфавнисы // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. Ашхабад, 1989, № 2. С. 17-27.
90. Ниса: попытки постижения // Туркменская искра [газета]. Ашхабад, 1989, 15-16 сентября.
91. Новые находки глиняной скульптуры на городище Старая Ниса // Проблемы исследования античных городов. Тезисы докладов. М.: Наука, 1989. С. 87-89.
92. **Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана.** Автореф. докт. дисс. М., 1989. 32 с.
93. Раннеантичное поселение Капыр-кала у Каушута // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент: Фан, 1990. С. 60-76.
94. Древние торговые пути на юге Туркменистана // Тезисы докладов междунар. семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990. С. 68-70.
95. **Позднепарфянские памятники Ахала** / Под ред. Г.А. Кошеленко. Ашхабад: Ылым, 1990, 175 с.
96. Язовская культурная общность // Мерв в древней и средневековой истории Востока. Тезисы докладов. Ашхабад: Ылым, 1991. С. 21-23.
97. Керамическая печь раннежелезного века в окрестностях Елькен-депе // Известия АН Туркменистана. Гуманитарные науки. Ашхабад, 1991, № 6. С. 70-73.
98. Una testa con elmo da Nisa Vecchia // Mesopotamia. Firenze, 1991. P. 154-164 (итальянская версия № 88).
99. Росписи Старой Нисы // Средняя Азия и мировая цивилизация. Тезисы докладов. Ташкент, 1992. С. 113-114.
100. **История Туркменистана в античный период.** Краткий очерк. Ашхабад: Ылым, 1994, 76 с.
101. Parthia // History of civilizations of Central Asia. Vol.2: The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250. Paris: UNESCO Publishing, 1994. P. 131-150 (соавтор Г.А. Кошеленко).

102. Из истории изучения Мерва: раскопки 1936-1937 годов // Мерв в древней и средневековой истории Востока V. Тезисы докладов. Мары, 1994. С. 20-21.
103. Ганлы-депе – новое древнеземледельческое поселение в окрестностях Гёкдепе // Известия АН Туркменистана. Ашхабад, 1995, № 3. С. 11-17.
104. Clay sculpture from Nisa // In the Land of the Gryphons / Papers on the Central Asian archaeology in antiquity / Ed. by A. Invernizzi. Firenze, 1995. P. 13-21, Pl. III-VI.
105. Excavations of Staria Nisa // The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the Former Soviet Union. Bulletin of the Asia Institute. Vol. 8, 1994. Michigan, 1996. P. 101-116.
106. Старая Ниса. Новые открытия // Знание – сила. 1996, № 2. С. 80-85.
107. **Старая Ниса. Здание с квадратным залом.** М.: Восточная литература, 1996, 160 с., 96 табл.
108. Стратиграфия Кумыш-депе // РА. 1997. № 2. С. 181-196 (соавтор К. Курбансахатов).
109. О зороастрийской правоверности Старших Аршакидов // Верования и культы домусульманской Средней Азии. Тезисы докладов конференции. М.: Государственный музей Востока, 1997. С. 41-43.
110. Парфянский костюм // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докладов науч. конф. М.: 1998. С. 73-74.
111. Об обстоятельствах обнаружения парфянских письменных документов на городищах Нисы // ПИФК. Вып. 6. М.-Магнитогорск, 1998. С. 162-173.
112. **Old Nisa (Mithradatkirt).** St.Petersburg: Bibliotheca Turkmennica, 1998. 12 p.
113. Омаркалинский клад и некоторые проблемы позднекушанского чекана // VI чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. Тезисы докладов науч. конф. М., 1999. С. 346-347.
114. Продолжение исследований Башнеобразного Сооружения на Старой Нисе // Археологические открытия 1997 года. М.: Наука, 1999. С. 346-347.
115. Терракоты Этека // ПИФК. Вып. 8. М. - Магнитогорск, 1999. С. 377-386 (соавтор С.Д. Логинов).
116. Неизвестный памятник эпохи бронзы в окрестностях Ашхабада // Культурные ценности. Междунар. ежегодник 1997-1998. СПб., 1999, с. 191-193.
117. Старая Ниса. Проблемы интерпретации // ВДИ. 2000, № 1. С. 99-112.
118. Комплекс керамики ахеменидского времени с поселения Оюклы в Серахском оазисе (Южный Туркменистан) // Средняя Азия. Археология, история, культура. М. – СПб., 2000, С. 40-43.
119. On the Wall-Paintings from Tower-Building of Old Nisa // Parthica, Vol. 2. Pisa-Roma, 2000. P. 69-86, табл. I-IV.
120. Archaeological sites of the Keltechinar river valley (South Turkmenistan) // International association for the study of the cultures of the Central Asia. Information Bulletin. Issue 22. Moscow, 2000. P. 163-187.
121. **Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период.** М.: Наука, 2001, 432 с., 265 рис., VIII табл.
122. О костюме парнов и парфян // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 293-316.
123. Итоги разведывательного изучения поселения аршакидского времени Янык-депе (Южный Туркменистан) // ПИФК. XI. М. - Магнитогорск, 2001. С. 178-192.
124. Ниса и реставрация // Культурные ценности. Междунар. ежегодник 1999. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 9-24.
125. Les établissements urbains de la Bactriane du nord-ouest // La Bactriane au carrefour des routes et civilisations de L'Asie centrale. Paris, 2001. P. 215-218.
126. Открытие Старой Нисы // Затерянный мир. Науч.-поп. журнал РАН. М., 2001, № 5-6. С. 54-57.
127. Греки в Партаве // Corpus (науч.-поп. журнал на греческом языке), № 37, апрель 2002, Афины, 2002. С. 34-45.
128. Настенные росписи Старой Нисы // Miras. Ашхабад, 2002, № 2. С. 91-96, на туркм., рус., англ. яз.
129. The Second Helmeted Head from Old Nisa // Iran XL. London, 2002. С. 273-276.
130. Роль Парфии в разгроме государства бактрийских греков // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002. С. 209-213.
- 130а. Дубль этой же статьи в сб.: Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: 2003. С. 125-127.
131. Клад из Омар-кала и некоторые проблемы позднекушанского чекана // Культурные ценности. Междунар. ежегодник 2000-2001. СПб: Европейский Дом, 2002. С. 21-34.
132. Нисийские документы и некоторые проблемы генеалогии Аршакидов // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. М., 2003. С. 123-125.
133. Treasure from Omar-Kala and some problem of late Kushan Coinage // Central Asia Cultural Values. Vol. 1, No 2. Il Punto Edizioni – Italy, 2003. P. 21-34.
134. A treasure from Omar-kala and some problems of late Kushan coinage // Information Bulletin of International Association for the study of the cultures of Central Asia. Issue 24. Moscow, 2004. P. 98-121.
135. Михаил Евгеньевич Массон // Портреты историков. Время и судьбы. Том 3. Древний мир и средние века. М.: Наука, 2004. С. 185-198.

136. Из истории исследований Анауской культуры // Туркменистан – родина Анауской культуры и акбугдая. Тезисы докладов междунар. конференций. Ашхабад, 2004. С. 65-67.
137. Гиевджик – древнеземледельческий памятник на юге Туркмении // КСИА, № 217. М., 2004. С. 62-71.
138. Парфянское поселение Ишан Кяриз // Культурные ценности. Междунар. ежегодник 2002- 2003. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 62-71.
139. Анауские культуры и А.А. Марущенко // Культурные ценности. Междунар. ежегодник 2002-2003. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 236-238.
140. Стратиграфия поселения Дашлы-4 (Каахкинский район, Туркменистан) // У истоков цивилизации. Сборник в честь 75-летия В.И. Саррианиди. М., 2004. С. 349-367.
141. Parthian ostraca from the Central Building Complex of Old Nisa // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 10, № 2. Leiden, 2004. P. 141-181 (соавтор В.А. Лившиц).
142. Нисийская живопись. Новый фрагмент с изображением всадников // Miras, 2005, № 1. Ашхабад. С. 87-92 (на туркм., рус. и англ. яз).
143. Основоположник археологии Туркменистана (К столетию со дня рождения А.А. Марущенко) // РА. 2005, № 2. С. 178-185.
144. Парфия и Гиркания: соотношение понятий (о «гирканском» мятеже I в. н.э.) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура [Сборник в честь столетия А.М. Беленицкого]. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 184-186.
145. Первопроходец (о А.А. Марущенко) // ПИФК. Вып. 15. М. – Магнитогорск, 2005. С. 4-9.
146. Раскопки Хырлы-депе // ПИФК. Вып. 15. М. – Магнитогорск, 2005. С. 57-80.
147. Заметки о ранних Аршакидах // Центральная Азия: источники, история, культура. Сборник в честь 80-летия Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. М.: Восточная литература, 2005. С. 562-577.
148. Arms and Armour from Old Nisa // Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfers. Wiesbaden, 2006. P. 289-294.
149. Nisa-Mihrdatkirt un site exeptional de la culture Parthe // Dossiers d'archeologie. No 317. October. 2006. Dijon. P. 52-57.
150. Раскопки Башенного сооружения на Старой Нисе // Археологические открытия 2005 года. М., 2007. С. 557-558.
151. Некоторые итоги археологических исследований на Старой Нисе // РА. 2007. № 1. С. 150-158.
152. Парфянские кони и археология // Ахал-Теке инфо. М., 2007. С.136-141.
153. О музеефикации Старой Нисы // Тезисы докладов международной конференции «Туркменистан: музеи золотого века». Ашхабад, 2007. С. 506-507.
154. Заметки о старонисийской архитектуре // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций. Тезисы докладов междунар. конф. Ашхабад, 2008. С. 233-237.
155. Археологические данные о Старой Нисе // Труды 11 (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. - М.: ИА РАН, 2008. С. 145-148.
156. Изучение остатков настенных росписей на городище Старая Ниса // Вестник РГНФ, 2008, № 3 (52). М., 2008. С. 14-23.
157. The Central Ensemble of the fortress Mihrdatkirt. Layout and chronology // Pathica 10. Pisa-Roma, 2009. P. 14-23.
158. Пятьдесят второй сезон раскопок на Нисе // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 706-707.
159. Два сюжета на батальную тему из Старой Нисы // Древность: историческое знание и специфика источника. Тезисы докладов международной конференции. М., 2009. С. 101-102.
160. Археологические памятники долины Дешт-Сайван-Ходжакала. Северо-Западный Копетдаг. Итоги рекогносцировочного обследования // Центральная Азия и Южная Сибирь. М., 2009. С. 171-211.
161. Об одной группе «мужских» терракот из Мерва // ПИФК. 2010, № 1. М. – Магнитогорск. С. 103-115.
162. Стратиграфия и топография городища Новая Ниса // Древние цивилизации на Среднем Востоке: Археология, история, культура. ГМВ. М., 2010. С. 84-86.
163. Душакское селище (Южный Туркменистан) // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетей, 2010. С. 226-236.
164. Новые исследования в пределах Северо-восточного сооружения Центрального ансамбля Старой Нисы // Археологическая и этнографическая наука в эпоху нового возрождения и великих преобразований: достигнутые рубежи и новые достижения. Тезисы докладов. Ашхабад, 2010. С. 289-290.
165. О границе между Хорезмом и Амулем в различные исторические эпохи // Государство куняургенчских туркмен и Центральная Азия в первой половине XIII века. Тезисы докладов. Ашхабад, 2010. С. 166-169.
166. Ахал в эллинистический и раннеаршакидский периоды // Древняя материальная культура Туркменистана и ее место в развитии мировой цивилизации. Материалы международной конференции. Ашхабад, 2011. С. 178-179.
167. Некоторые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Ахала (Южный Туркменистан) // Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Северной Евразии. Материалы круглого стола. СПб., 2011. С. 38-40.
168. Раскопки Башенного сооружения на городище Старая Ниса // Памятники истории и культу-

- ры Туркменистана. Ашхабад: Государственная издательская служба, 2011. С. 262-267.
169. Некоторые данные о памятниках эпохи бронзы в районе Бабадурмаза // Бронзово-железный век и материально-духовное наследие туркмен. Материалы международной научной конференции. Ашхабад: Ылым, 2011. С. 278-279.
170. Пятьдесят четвертый сезон раскопок на Нисе (Туркменистан) // Археологические открытия 2008 г. М., 2011. С. 525-527.
171. Поселение Парыз-депе в период развитого средневековья // Средневековые города Туркменистана в системе евразийской цивилизации. Материалы международной научной конференции. Ашхабад, 2012, с. 145-146.
172. Коммуникации раннесредневекового времени в пределах Ахала // Возрождение Великого шелкового пути в счастливую эпоху могучего государства: глубокие истоки и современные возможности. Тезисы международной конференции. Ашхабад, 2012. С. 271-273.
173. История археологического изучения ранне-средневековых памятников Ахала // ПИФК. М. – Магнитогорск – Новосибирск, № 4, 2012. С. 304-311.
174. Remarks on the material culture of the Akhal Area in the Hellenistic Period // *Anabasis. Studia classica et brien talia*, 3. Rzeszow, 2012. P. 109-125.
175. Ниса // Большая Российская Энциклопедия. Т. 23. М.: БРЭ, 2013.
176. Его путь в науку начинался в Нисе [К 90-летию Б.А. Литинского] // Нейтральный Туркменистан (газета). Ашхабад, 2013, 26 июля.
177. Южный портик Башенного сооружения Старой Нисы // Тысячелетние истоки строительной культуры Туркменистана. Материалы междунар. конференции. Ашхабад – Мары, 2013. С. 142-143.
178. Материалы из раскопок поселения эллинистического времени Дашлы 45 (Каахкинский район, Туркменистан). // РА. 2014. № 1. С. 113-124.
179. Парфянское царство // Большая Российская Энциклопедия. Т. 25. М.: БРЭ, 2014. С. 402-404. (в соавторстве с Г.А. Кошеленко).
180. Археологические объекты в городе Атамурат (Керки). Наследие Юго-Восточного Туркменистана в системе древних и средневековых культур Евразии. Материалы междунар. конференции. Ашхабад, 2014. С. 390-391.
181. О своеобразии исторического развития и археологического изучения земель по среднему течению реки Амударья // Древние цивилизации Центральной Азии. Материалы международной конференции. М.: ГМВ, 2014. С. 107-109.
182. Анатолий Абрамович Ляпин (1933-2010) // Труды МАЭ. Т.5. М.: Старый сад, 2014. С.56-59.
183. Южный портик Башенного сооружения Старой Нисы // Искусство и архитектура Туркменистана. Научные сообщения. Вып. 3. Ашхабад: Государственная издательская служба, 2014. С. 121-150.
184. Археологический ландшафт Дашлинского оазиса и его историческая интерпретация // ПИФК. 2015, № 1. М. – Магнитогорск – Новосибирск. С. 80-98.
185. Исследования на городище Новая Ниса (Южный Туркменистан) // Археологические открытия 2010-2013 годов. М., 2015. С. 793-794.
186. Об одном медальоне эпохи бронзы из Маргианы // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура. ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III [XXVIII]. СПб., 2015. С. 456-474.
187. **Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана.** СПб.: АИК, 2015. 420 стр., 324 рис., XII табл. цв. илл.
188. За барханами не только прошлое, за барханами – жизнь. // Труды МАЭ. Т. 6. М.: Старый сад, 2016. С.80-93.
189. К истории археологического изучения крепости Куня-Каахка в Южном Туркменистане // ПИФК. 2016, № 4. М. – Магнитогорск – Новосибирск. С. 5-19.
190. Туркмения. Исторический очерк // Большая Российская Энциклопедия. Т. 32. М.: БРЭ, 2016. С. 542-545. [Автору принадлежит раздел, посвященный периоду от эпохи поздней бронзы до арабского завоевания. С. 543].
191. Гипсовая скульптура из Башенного сооружения Старой Нисы (предварительное сообщение) // ПИФК. 2017, № 4. М. – Магнитогорск – Новосибирск. С. 31-46.
192. Пальмирский рельеф и амударьинская терракота // Следы империй: Культура Центральной Азии от Александра до Тимуридов. Под ред. Р.Г. Мурадова. Кабул-Бишкек, 2018. С. 373-378.
193. Продолжение исследований в северо-восточной части городища Новая Ниса (Туркменистан) // Археологические открытия 2015 года. М., 2017. С. 490-492.
194. Старая Ниса. О декоративном убранстве верхних помещений Башенного сооружения // КСИА. № 250. М., 2018. С. 260-275.
195. Предыстория находки на городище Новая Ниса фрагментов терракотовых плит с изображением слона // КСИА. № 252. М., 2018. С. 195-205.
196. Dashly-30, a settlement of the Early Iron Age in the south of Turkmenistan (piedmont of the Kopet Dag, Etek) // *A Millennium of History. The Iron Age in southern Central Asia (2nd and 1st Millennium BC)*. Proceedings of the conference held in Berlin (June 23-25, 2014). Dedicated to the memory of Viktor Ivanovich Sarianidi / *Archäologie in Iran und Turan. Band 17/ Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan*. Vol. XXXV. / Eds. Lhuillier J., Boroffka N. Berlin: Dietrich Reimer verlag. 2018. P. 67-111.
197. Nisa-Mihrdatkirt: changing conceptions // *Parthica*. 20. Pisa-Roma. 2018. P. 51-87.

198. О технических устройствах, устанавливаемых на спины древних боевых слонов // КСИА. Вып.255. М., 2019. С. 209-220.
199. Городища Новая Ниса на руинах парфянского царства // Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое. М., 2019. С. 104-107.
200. Некоторые дополнительные данные о памятниках эпохи бронзы между Артыком и Бабадурмазом (Южный Туркменистан, Каахкинский район) // Природа-Человек-Общество: от прошлого к настоящему. Сб. статей к юбилею Н.А. Дубовой. М.: Старый сад, 2020. С. 53-66.
201. Материалы к стратиграфии Старой крепости в городе Керки // Нураніс. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 2. М., 2020. С. 203-223.
202. Раскопки на объектах историко-культурного заповедника Ниса в Южном Туркменистане // Археологические открытия 2018 года. М.: 2020. С. 530-533.
203. Новый вариант реконструкции терракотового рельефа с изображением боевого слона из Нисы-Михрдаткирта // КСИА. № 264. М., 2021. С. 240-254.
204. Новонисийский рельеф. Некоторые вопросы интерпретации // КСИА. № 265. М., 2021. С. 125-138.
205. Имитации капителей ионического типа из Нисы // Смагуловский сборник. Специальный выпуск Вестника МИЦАИ. № 32. Самарканд, 2021. С. 125-129 [Параллельная публикация на русском и английском языках].
206. Продолжение исследований в северо-восточной части городища Новая Ниса, Туркменистан // Археологические открытия 2019 года. М.: 2022. С. 497-500.
207. Отец-основатель (К 125-летию со дня рождения академика М.Е. Массона) // Вестник МИЦАИ. Вып. 34. Самарканд, 2022. С. 142-164 [Параллельная публикация на русском и английском языках].

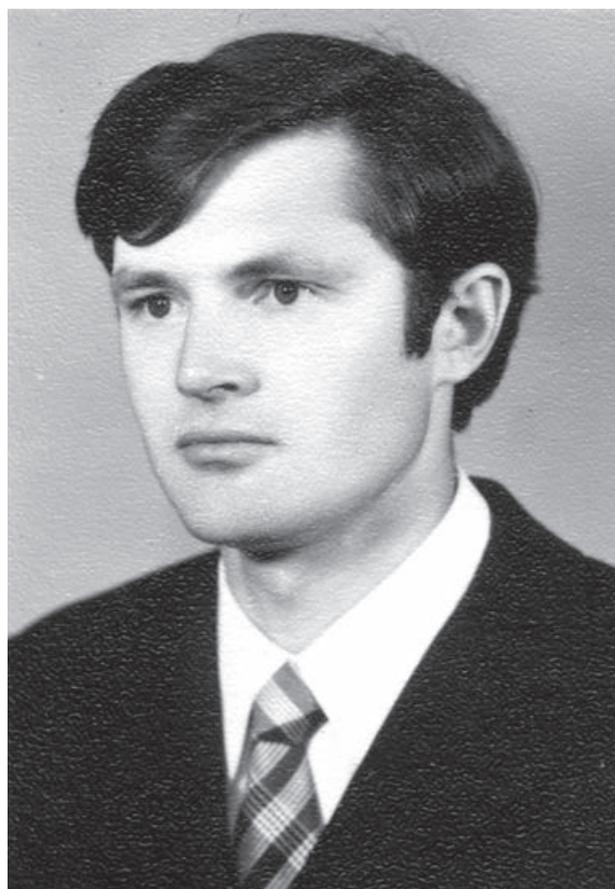
1958 – год окончания средней школы. Из архива В.Н. Пилипко

Ташкент, бывшее здание мужской гимназии, в котором размещалась кафедра археологии ТашГУ в годы учебы В.Н. Пилипко. Фото Р.Г. Мурадова, 2009 г.

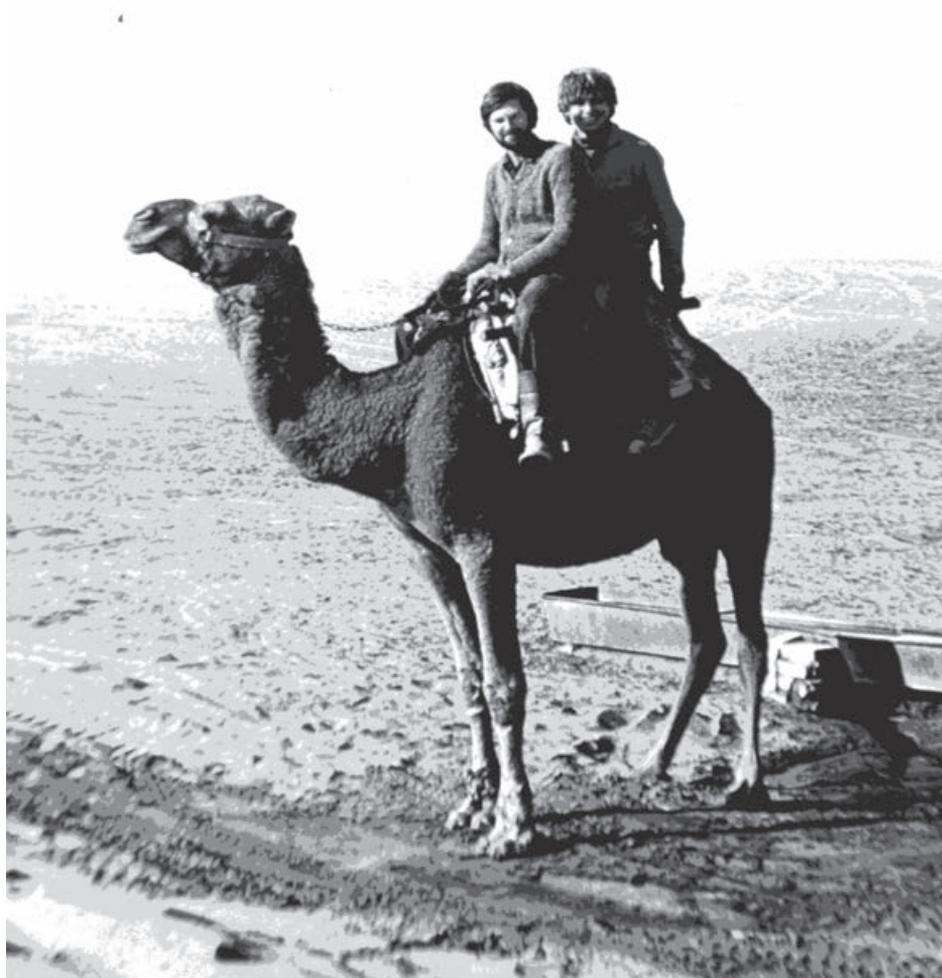
Мерв, городище Хурмузфарра (Гарры Кишман). Вид с угловой башни караван-сарая на цитадель и шахристан. Исследование средневекового некрополя этого города стало темой дипломной работы В.Н. Пилипко. Фото Р.Г. Мурадова, 2015 г.

1965 – год окончания университета.
Из архива В.Н. Пилипко

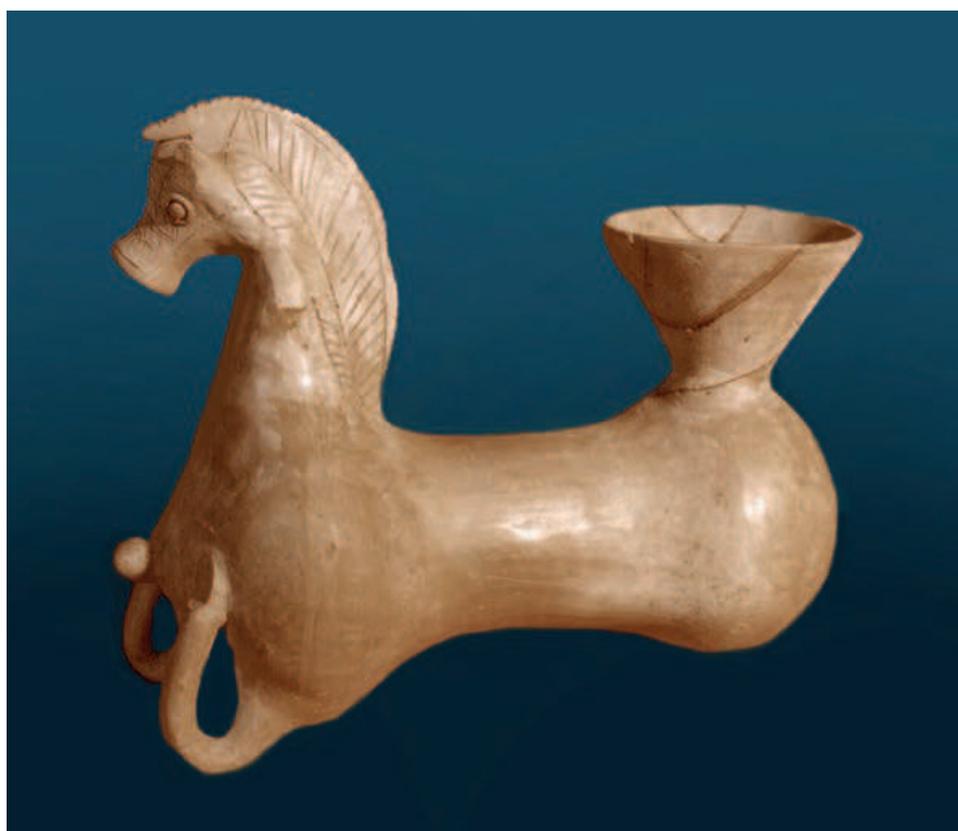
Здание Института истории им. Ш. Батырова (в центре снимка), где В.Н. Пилипко работал с 1965 до 1994 года. Справа – здание Президиума Академии наук Туркменской ССР. Из архива Р.Г. Мурадова

В Каракумах на «корабле пустыни». Из архива В.Н. Пилипко

Караван-сарай Даяхатын на левом берегу Амударьи В.Н. Пилипко впервые посетил в 1968 г. во время маршрутной поездки по составлению археологической карты Чарджоуского оазиса. Фото Р.Г. Мурадова, 2010

Керамический ритон парфянского периода из Коша-депе близ станции Бабадурмаз, обнаруженный в середине 1970-е Античным отрядом Института истории АН Туркм.ССР. Музей Института истории и археологии АН Туркменистана. Фото Р.Г. Мурадова

1976 – открытие
полевого сезона
Парфянской экспедиции
в Каахкинском районе.
Из архива В.Н. Пилипко

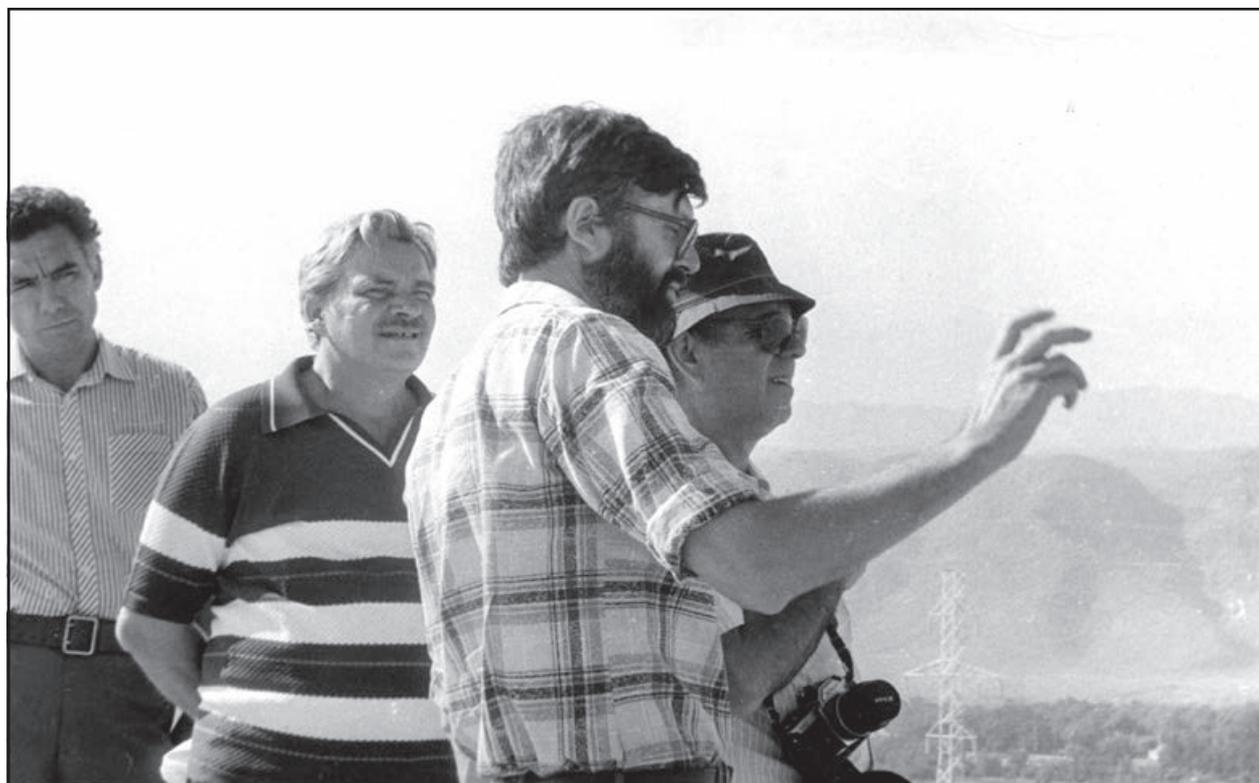

1977 – Парфянская
экспедиция, Капыр-кала
у Каушута.
Жажда, которой
дна нет.
Из архива В.Н. Пилипко

Многие публикации В.Н. Пилипко 1970-1980-х гг. связаны с античной нумизматикой. Образцы парфянских серебряных монет из коллекции Государственного музея Туркменистана. Из архива Р.Г. Мурадова

С коллегами Хемрой Юсуповым, Геннадием Кошеленко и Полем Бернарром на Старой Нисе, 1986 г.
Из архива В.Н. Пилипко

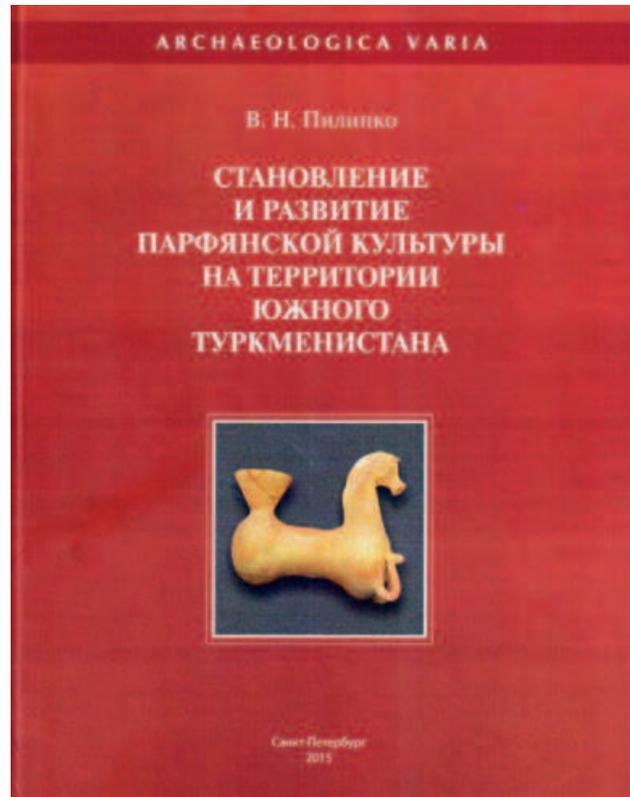
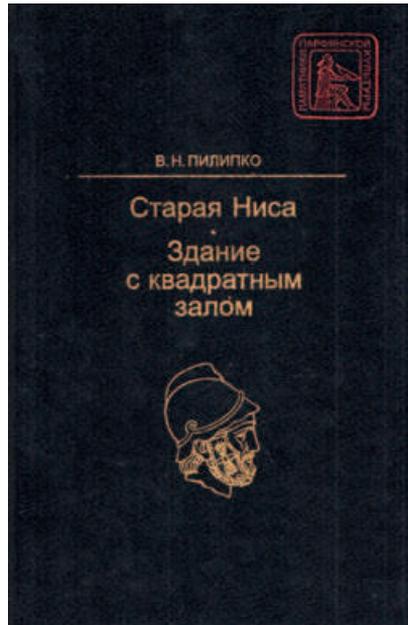
Панорама Старой Нисы. Справа в отдалении видна цитадель Новой Нисы. Фото В.А. Саркисяна, 2003 г.

Старая Ниса, Круглый зал. Фото В.А. Саркисяна, 1997 г.

Михаил Евгеньевич Массон, его ученики и администрация Института искусствознания им. Хамзы. Ташкент, 1982 г.
Из архива Л.И. Жуковой

Старая Ниса. Квадратный зал. Фото В.А. Саркисяна, 1997 г.

Старая Ниса. Фрагмент настенной росписи из раскопок сооружений Центрального ансамбля после реставрации.
Государственный музей Туркменистана

Старая Ниса. «Мужской портрет». Фрагмент глиняной статуи из раскопок сооружений Центрального ансамбля. Государственный музей Туркменистана.

На конференции в Мерве с Вадимом Андреевичем Алёксиным. Фото Х. Магадова, 2011 г.

На книжной ярмарке в Ашхабаде с туркменским поэтом Атамурадом Атабаевым и Надеждой Анатольевной Дубовой. Фото Х. Магадова, 2013 г.

С французским коллегой Хулио Бендесу-Сармиенто на Старой Нисе. Фото Р.Г. Мурадова, 2018 г.

С доктором архитектуры Мухаммедом Аннаевичем Мамедовым на Старой Нисе. Фото Х. Магадова, 2019 г.

С Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым на церемонии вручения Международной премии им. Махтумкули. Фотохроника Туркменской государственной информационной службы (ТДИ), 2013 г.

С коллегой Эджегуль Атаевной Мурадовой на конференции в Мерве. Фото Х. Магадова, 2011 г.

С коллегами разных поколений в Институте археологии РАН, 2019 г.

Старая Ниса. Башенное сооружение. Южный портик. Реконструкция В.Н. Пилипко, компьютерная графика А.В. Никитенко

С палеозоологом Робертом Мидхатовичем Сатаевым на Новой Нисе. Фото Р.Г. Мурадова, 2014 г.

Новая Ниса. Раскоп парфянского некрополя. Фото Р.Г. Мурадова, 2019 г.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ДЕКОРИРОВКЕ КОСТЮМА БАКТРИИ И ПАРФИИ В АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

Казим Абдуллаев

Резюме. Статья посвящена анализу ряда образцов изобразительного искусства различных жанров античной поры, демонстрирующих костюм с характерным орнаментом. Произведения относятся к первым векам нашей эры и составляют круг изображений, распространенных на территории Бактрии, включая Среднее течение Амударьи, а также Парфии (Дура Европос).

Ключевые слова: Бактрия, Среднее течение Амударьи, Парфия, костюм, орнамент в виде «астрала».

Summary. The article is devoted to the analysis of a number of samples of fine art of various genres of the antique period, demonstrating a costume with a characteristic ornament. The works date back to the first centuries of our era and leave a range of images widespread in the territory of Bactria, including the Middle reaches of the Amu Darya, as well as Parthia (Dura Europos).

Key words: Bactria, Middle course of the Amu Darya, Parthia, costume, ornament in the form of "astragalus".

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-51-57

Исследования памятников эпохи античности, расположенных вдоль Среднего течения Амударьи (современная территория Туркменистана), позволили идентифицировать культуру этой области как северо-западную часть Бактрии (Пилипко, 1977. С. 187-202; 1985; 1985а. С. 243-250). Огромный вклад в изучение самобытной культуры региона принадлежит В.Н. Пилипко, чей 80-летний юбилей отмечен изданием этого сборника. Пользуясь случаем, приношу искренние поздравления юбиляру.

Несмотря на отсутствие каких-либо письменных данных об этой исторической области, памятники материальной и духовной культуры демонстрируют характерные особенности в развитии этого приграничного региона. Археологические комплексы Среднего течения Амударьи показывают влияние различных культур глобальных кочевнических образований, близких по сути, но существенно отличающихся по культурной атрибутике. Эти территории (пограничные области), в эллинистический период находившиеся под влиянием греко-бактрийской культуры, позже подпадают под культурное воздействие усиливающейся Парфянской империи.

Не углубляясь в многосложный процесс культурных и политических взаимоотношений двух могущественных держав эпохи античности – Парфии и Кушанского царства (Rtveladze, 1995. С. 181-190;

Абдуллаев, 1988. С. 124-128), напомним лишь слова, приводимые античным автором. Страбон в своей «Географии» лаконично описывает эти события: «впоследствии же они (парфяне – А.К.) настолько усилились от постоянных завоеваний соседних областей, благодаря военным успехам, что, в конце концов, стали властителями всей области по эту сторону Евфрата. Они захватили также часть Бактрианы, оттеснив скифов и еще раньше Евкратиды и его сторонников (Страбон, 1964. С. 487). В другом месте он говорит о слабом состоянии бактрийцев, утомленных бесконечными войнами с усиливающимися парфянами. При правлении Евкратиды были аннексированы провинции Аспиона и Туриву.¹

Находки парфянских монет в культурных слоях Кампыртепа (Горин, 2013, С. 302-329), расположенного на правом берегу Амударьи, а также на левом берегу, среди сопроводительных сокровищ в погребении знатного воина на Тиллятепа (Северный Афганистан) (Сарианиди, Кошеленко, 1982. С. 307-318; Sarianidi, 1985. С. 242, 258), красноречиво свидетельствуют о присутствии парфянского компонента в культуре населения, обитавшего по обе стороны Амударьи-Окса. Причем территория правобережья в научной литературе традиционно

¹ О локализации Аспионы и Туриву см.: (Абдуллаев, 1988).

Рис. 1. Терракотовая фигурка. Женский персонаж в длинном одеянии. Чоплидепе, Среднее течение Амударьи, Туркменистан, первые века н.э. (по Пилипко, 1977).

Рис. 1а. То же, прорисовка (по Пилипко, 1977).

определяется как Северная Бактрия, и это в полной мере подтверждается произведениями материальной и духовной культуры; сюда же примыкает и северо-западная часть среднего течения Амударьи (территориально современный Туркменистан), памятники которой хорошо освещены в работах В.Н. Пилипко (Пилипко, 1985а. С. 243-250).

Парфянский элемент в культуре Северной Бактрии прослеживается не только в нумизматическим материале. Влияние парфянской изобразительной традиции демонстрируют также образцы художественного металла и терракотовой пластики. Хотя эти материалы представлены не массово, но и те образцы, которые имеются на сегодняшний день, довольно отчетливо показывают характерные черты парфянского искусства. Отмечу лишь некоторые из них. Речь пойдет о серебряной статуэтке, изображающей мужскую фигуру в полный рост, в одеянии, более всего напоминающем парфянский костюмный комплекс. Это относится, в первую очередь, к короткой куртке (куртак), подпоясанной широким поясом (Яценко, 2006. С. 129). Просторные драпирующиеся штаны характерны для костюма кочевнического населения сунну-юэчжи-парфянского круга (Sarkhosh Curtis, 1993. С. 63-69; Абдуллаев, 1998. С. 83-92; Пилипко, 2001. С. 293-316). Этот элемент костюма особенно хорошо представлен в парадном костюме парфян (Sarkhosh Curtis, 1993. С. 63-69). Большой интерес вызывает сам облик персонажа в высоком головном уборе, предполагающий нахождение на высших ступенях социальной иерархии (сатрап, принц или даже царь). С большой осторожностью, в гипотетической форме, образ на серебряной статуэтке из Кампыртепа можно свя-

зать с царскими портретами последних веков до н.э. и первых веков н.э.

Второй образец из кампыртепинского комплекса представляет собой художественно оформленную пряжку (литье?) с изображением всадника на коне, припавшего на передние ноги. Нет необходимости напоминать, насколько популярным в искусстве Парфии был образ всадника. Несмотря на то, что этот сюжет характерен для всего кочевнического мира, в парфянском искусстве образ всадника занимает особое место. О том, что сюжет на кампыртепинской пряжке относится именно к парфянскому изобразительному комплексу, может свидетельствовать манера изображения всадника, для которого характерна короткая куртка и широкие штаны, возможно, состоящие из двух отдельно надевающихся штанин. Впрочем, из-за мелкомасштабности изображения трудно говорить что-то определенное о деталях кроя. К этой же категории искусства малых форм можно отнести терракоту с изображением мужского бородатого персонажа в высоком кулахе, чей облик более напоминает парфянские портреты, нежели бактрийские изображения. К этой же идее склоняет и форма костюма в виде короткой куртки с декоративными нашивными полосками на плечах и вдоль внешней поверхности руки.

Присутствие парфянских мотивов в изобразительном искусстве Бактрии выражается и в таком массовом виде продукции, как терракота. Большой интерес в этом отношении представляет группа терракотовых статуэток с археологических памятников, расположенных в Среднем течении Амударьи. Именно эта группа терракотовой скульптуры

послужит нам предметом для иконографического анализа. В ней мы видим определенный круг образов, который демонстрирует особенности изобразительной традиции данного региона и относящийся к конкретному периоду.²

Прежде чем приступить к анализу терракотового изображения, следует отметить, что, к сожалению, не имея возможности изучить его *de visu*, мы полностью полагаемся на фотографию (не очень высокого качества) и достоверность рисунка (Рис. 1, 1а). Терракота представляет собой женскую фигурку в длинном до пят одеянии. Несмотря на то, что для изображения характерна схематичность, можно говорить о многослойной одежде, напоминающей греческий костюмный ансамбль.

Самое нижнее и самое длинное платье, типа греческого пеплоса,³ украшено вертикальными орнаментальными полосами. Полосы эти чередуются с рядами окружностей и прямоугольников. Можно лишь предположить, что они передают украшения, например, драгоценные нашивные бляшки. Возможно, что продолжением этого декора у горловины платья является более узкая вертикальная орнаментальная полоса. Ниже она скрыта верхним платьем. Верхнее платье типа греческого хитона, показанное без драпировки, плотно облегает фигуру. Нижний край его доходит до уровня голени. Поверх хитона фигура обернута в плащ (гиматий). Оба конца плаща закинута на левое плечо, причем один конец спадает с плеча крупными складками, верхнюю часть которых персонаж придерживает кистью. Другой край плаща окутывает левое плечо и левый бок фигуры, между тем как конец (угол) протянут под правую подмышку. Правая рука, показанная в довольно условной манере, прижата к корпусу.

На терракотовом изображении женской фигуры имеется еще одна существенная деталь, имеющая принципиальное значение для нашего исследования. Деталь эта представляет проходящую на уровне бедер ломаную линию, отдаленно напоминающую «меандр» (определение В.Н. Пилипко), но с удлиненной горизонтальной линией, что, в общем-то, не соответствует симметричному рисунку меандра. Судя по рисунку, концы как будто прерываются, не доходя вертикальной линии края гиматия, но складывается впечатление, что деталь эта показана частично и как будто продолжение ее спрятано под складками гиматия.

Такая необычная на первый взгляд деталь требует более тщательного рассмотрения. Как мы увидим ниже, она встречается в различных жанрах изобразительного искусства, как элемент, имеющий, возможно, какую-то символическую подоплеку в оформлении костюма. В качестве первой аналогии хотелось бы привести близкую по жанру терракотовую скульптуру⁴ из Калаи Кафирнигана

Рис. 2. Терракотовая фигурка. Женский тронный персонаж. Калаи-Кафирниган, Таджикистан, I-II вв. н.э. (по: Бобомуллоев, 2015).

(Бобомуллоев, Тошитака, 2013; Бобомуллоев, 2015). Красноангобированная терракота высотой в 9 см представляет собой сидящую на троне женскую фигуру⁵, костюмный ансамбль аналогичен по составу описанной выше фигурке из Чоплидепе (Туркменистан). На изображении можно видеть длинное до пят платье, подол в виде крупных складок закрывает ступни ног, оставляя открытыми носки (Рис. 2). Поверх длинного платья (пеплос) надет хитон, нижний край которого подчеркнут рельефной линией. Плащ-гиматий обозначен двумя крупными складками, косо спадающими с левого плеча. Следует отметить наличие узкой орнаментальной полоски (как и на предыдущей фигурке), следующей по центру на груди. На данном экземпляре поверхность рассматриваемой нами детали («астрала») покрыта пересекающимися линиями, образуя ромбическую сетку.

Самой примечательной для нашей темы является «астрала», расположенный по центру в нижней части хитона. Создается впечатление, что он как бы вшит в гладь материи. Конфигурация этой детали повторяет профиль, изображенный на терракоте с Амударьи (Туркменистан). Однако на фигурке из Калаи Кафирнигана деталь показана полностью, между тем как на предыдущем изображении она была как бы полускрыта под плащом. Таким образом, у нас есть возможность реконструировать эту орнаментальную деталь.

² Данный тип терракоты был найден на Чоплидепе (1экземпляр), и на Мирзабеккала (3 экземпляра) (Пилипко, 1977. С. 194).

³ Здесь и далее термины пеплос, хитон, гиматий имеют условный характер.

⁴ Терракота хранится в Национальном музее древностей Таджикистана, КП 1194-355.

⁵ Авторы публикации трактуют терракоту как «изображение сидящего на троне мужчины в длинной одежде» (Бобомуллоев, Тошитака, 2013. С. 33, № 107). См. также: (Бобомуллоев, 2015. С. 218. Рис. 1).

Рис. 3. Золотая бляшка со сценой шествия Диониса. Тилля-тепе, Афганистан, I в. до н.э. – I в. н.э. (по: Sarianidi, 1985).

Точное определение характера орнамента затруднительно, он показан в виде вытянутого прямоугольника с выдвинутыми с обеих сторон вперед углами, которые также имеют форму прямоугольников. Схема этого орнамента отдаленно напоминает мотив вытянутого по горизонтали «астрала». Далее мы будем называть этот элемент условно «астралом».

В целом пластический образ, запечатленный на терракотовой фигурке из Калаи Кафирниган близок к группе терракотовых фигурок с тронным женским изображением, часто встречающихся на памятниках долины Сурхандарьи: Дальверзинтепа, Ялангтуштепа, Савринджантепа и др. (Pougachenkova, 1978, P. 37, Исхаков, Исхакова, 1978. С. 161. Рис. 113, 5-8). В большом количестве этот тип терракот был представлен в материале Паенкуртана, расположенного в Байсунском районе Сурхандарьинской области Узбекистана (Абдуллаев, 2000). Находки их в достоверных стратиграфических условиях в комплексе с монетами Сотер Мегаса, Вимы Кадфиза и Канишки позволяют датировать их в пределах I-II вв. н.э. (Abdullaev, 2003. P. 15-38). Однако следует отметить, что мотив «астрала», о котором говорилось выше, на этих терракотовых изображениях отсутствует.

Деталь на калаикафирниганской фигурке находит близкую аналогию на золотой бляшке из Тиллятепа (Афганистан) со сценой шествия Диониса (Sarianidi, 1985. С. 51. Рис. 70-77). Центральные персонажи многофигурной композиции – это Дионис, сидящий спереди на грифоне, держащий в руках сосуд типа канфара (Рис. 3). Рука протянута в сторону полулежащей фигуры сатира, он поднимает руку с ритонном в сторону Диониса. За Дионисом верхом в позиции «дамской посадки» изображена фигура Ариадны, ее левая рука протянута к Дионису.

Большой интерес представляет костюм Ариадны. В нем легко распознать три основных элемента – это пеплос, доходящий до пят и закрывающий ступни ног, оставляя открытыми лишь кончики ступней. Характерны толстые складки ткани, ниспадающие между ступнями. Далее следует хитон, поверх которого корпус богини окутан складчатым плащом. Интересующая нас деталь – «астрал» расположен по центру под рельефами колен. Он имеет ту же конфигурацию, что и калаикафирниганская терракота. Здесь более уверенно можно говорить, что изображение «астрала» имеет заглабление, рассчитанное, по всей вероятности, на инкрустацию (как некоторые детали изображения). Как было отмечено выше, костюмный ансамбль дает устойчивую схему, включающую три компонента, характерные для костюма эллинистической эпохи. Характерные приемы в передаче крупных складок длинного платья между ступнями и как бы выглядывающие из-под подола кончики ступней становятся своего рода маркером в иконографии женского персонажа. Такая манера изображения применялась для нескольких разных богинь, дальнейшая идентификация требует рассмотрения дополнительных признаков, например, атрибутов божества. В этом контексте можно говорить о пластических приемах, характерных для региона – в данном случае, Бактрии эллинистической эпохи. Датировка золотой пряжки с шествием Диониса, как и весь тиллятепинский комплекс, укладывается в хронологические рамки I век до н.э. – I век н.э.

Наконец, еще один памятник пластического искусства с характерным орнаментом, условно названным нами «астралом», происходит с Культепа (Ртвеладзе, 1974. С. 80), памятника к настоящему времени почти полностью снівелированного.⁶ В процессе изучения на поверхности памятника был собран материал, включавший и каменную скульптуру. Скульптура сохранилась не полностью (сохранившаяся высота примерно 30 см). Фигура выполнена из местной породы камня (известняк) и представляет сидящую на высоком сиденье (трон?) женскую фигуру (Рис. 4). Плечи окутаны плотным плащом, складки которого спадают вертикально от плеч. Груды показаны выступающими округлыми рельефами. Вокруг шеи рельефная полоса, означающая ожерелье. Довольно схематично показана драпировка одеяния – в виде глубоких почти параллельных линий, прочерченных от талии до колен, далее на вертикальной плоскости от колен вниз показана деталь орнамента – «астрала». Орнамент этот имеет те же очертания и конфигурацию и как бы рельефно выступает, контуры его четко очерчены глубокими линиями. Ниже подол платья (нижнего) показан в виде параллельных углубленных линий. В своей публикации Г.А. Пугаченкова дати-

⁶ Другое название памятника Джоильма, располагался в 5 км к северо-западу от райцентра Шурчи (Сурхандарьинская область Узбекистана) на левом берегу Кызылсу. Мощность культурного слоя памятника к моменту исследования у наиболее сохранившейся части составляла 14 м. Найденны монеты Канишки. В каталоге археологических памятников Сурхандарьинской области значится как Б-59 (Ртвеладзе, 1974. С. 80-81).

Рис. 4. Каменная скульптура, изображающая сидящую женскую фигуру. Городище Культепа (Джоильма), Шурчинский район Сурхандарьинской области Узбекистана. Случайная находка, первые века н.э.

рует эту находку V-VI веками н.э. (Пугаченкова, 1973. С. 78-128).

Несмотря на схематичность драпировки на изображении, можно уверенно говорить, что костюм на каменной скульптуре передает тот же костюмный ансамбль (плащ, хитон и пеплос), что и на предыдущих образцах.

Наибольший интерес как аналогии к детали декора на вышеописанных образцах искусства представляют росписи Дура-Европос, в частности, синагоги.⁷ На довольно часто встречающихся многофигурных композициях с изображениями знатных особ, чаще всего общественных деятелей (жрецы, знатные горожане) можно видеть элементы декоративной вышивки. Одевание этих персонажей, как правило, представляет собой длинные складчатые плащи светлых оттенков с вышитыми темными полосами по краю. Из многочисленных аналогий к рассматриваемому элементу костюма на росписях Дура-Европос в качестве примера возьмем одну из композиций. В левой части библейская сцена (Книга Эсфирь 6: 11) с изображением Амана, ведущего за узду коня, на котором восседает Мордехай. В правой части композиции (Книга Эсфирь 9: 11) показана сцена с Эсфирь и Артаксерксом (Агасфер), получающими сообщение о Сузах. Наиболее интересной в этой композиции является группа персонажей, как бы разделяющая эти две сцены (Рис. 5) – четы-

⁷ Хранятся в Национальном музее Дамаска (Сирия).

ре мужские фигуры в складчатых римских тогах. У всех примерно та же драпировка: плащ проходит под правой рукой и накручивается на левую руку. Гладкая поверхность в передней части, если не считать очень тонкие дугообразные складки, украшена вышитым узором в виде вышеописанных «астроголов». Причем на всех, выступающих на передний план трех фигурах изображена эта деталь аналогичным способом. Тоги отличаются лишь цветом, в остальном они задрапированы на один манер. Следует отметить декоративные полосы, следующие вертикально от шеи вниз. Роспись датируется III в. н.э.

В росписях Синагоги Дура-Европос можно видеть различные формы одежды, среди которых особо выделяются парфянский костюмный ансамбль и греко-римский вариант костюма с богатой драпировкой. Следует отметить, что элемент «астрогола» встречается именно на греко-римском одеянии. Термин «греко-римский» в данном случае условен.

Римский костюм, как известно, в свой ранний период во многом сходствует с костюмом классического и эллинистического периодов - в обоих случаях важное значение помимо богатства материала имеет драпировка. В этом отношении основная форма костюма - римская тога, со временем меняет свой облик, становясь более парадной и торжественной.⁸

Существенным отличием в декорировке одеяния на росписях Дура-Европос является то, что декоративный элемент в виде «астрогола» вышит на гиматии, в складках которого угадывается прорисовка его силуэта. Здесь уместно напомнить, что на терракотовых изображениях, как и на бляшке из Тиллятепа «астрогол» украшает хитон. Поразительно, как схожи грубо процарапанный на терракотах среднего течения Амударьи орнамент с вышитым элементом декора на плащах персонажей на росписях Дура-Европос.

Вышеописанный мотив выходит далеко за пределы эллинистического мира и центров художественного текстиля, в частности, мы встречаем его на вышитых коврах из курганов кочевой знати в далекой Монголии. Речь идет об относительно недавних открытиях новосибирских археологов в Северной Монголии на памятнике Ноин-Ула. На одном из шерстяных ковров, найденном в погребальной камере №20 можно видеть декор в виде «простеганных спиралей» (Полосьмак, 2009. С. 123-124). На фоне такой орнаментации светлым цветом вырисовывается фигура, напоминающая исследуемый нами мотив «астрогола»⁹. Тем не менее, следует отметить, что «астрогол» на ковре из Ноин-Улы менее выразителен, в особенности это касается выступа-

⁸ В раннереспубликанский период тога представляла собой плащ небольшого размера в форме полукруга и окутывала корпус на подобие греческого гиматия. Однако к I в. до н.э. тога достигает максимальных размеров, драпировка ее становится более сложной. На тогах вышивались пурпурные полосы, пурпур считался символом власти. Тунику с двумя широкими пурпурными полосами носили сенаторы, с одной или двумя узкими полосами - всадники (Мерцалова, 1993. С. 111-112).

⁹ Автор публикации называет эту деталь декора «мерлоном» (Полосьмак, 2009. С. 124).

Рис. 5. Настенная роспись с изображением библейской сцены из Книги Эсфирь. Дура-Европос. Синагога. III в. н.э.

ющих в виде прямоугольников углов фигуры. Более интересен в этом отношении приводимый автором кусок ткани, найденный в Пальмире. На нем, на светлом фоне насыщенным синим цветом выткан знакомый нам орнамент (*Schmidt-Colinet et al., 2000*).

Собранный нами круг произведений искусства различных жанров демонстрирует один и тот же мотив, условно названный нами «астрагалом». Не совсем ясным остается символика этого мотива, хотя определенно она присутствует. Интересно отметить, что он изображается на памятниках искусства в двух видах. Терракоты Среднего течения Амударьи демонстрируют нам лишь часть орнамента, как бы припрятанного в складках находящего на него плаща. Такая же часть видна на многочисленных персонажах росписей Дура-Европос, где эта деталь теряется в складках плаща и, как правило, концы ее показаны косо. Следует напомнить, что вышитый мотив на терракотах показан на хитоне, между тем как на росписях он располагается по нижнему краю тоги.

Терракота Бактрии (Калаи Кафирниган), золотая бляшка с шествием Диониса, а также каменная скульптура из Культепа демонстрируют нам форму орнамента («астрала») полностью. Хронологически все приведенные примеры с характерным орнаментом относятся к первым векам н.э. и представляют одну из характерных особенностей в декорировке костюма и орнаментальной символике. Случайную находку каменной скульптуры на поверхности памятника Культепа (Джоильма) на основе рассмотренных аналогий следует датировать также первыми веками н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев, 1988 – *Абдуллаев К.А.* Парфия и Бактрия. Проблема культурного взаимодействия // IV Научные чтения памяти В.Д. Блаватского. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1988. С. 124-128.

Абдуллаев, 1998 – *Абдуллаев К.А.* Номады в искусстве эллинистической Бактрии // ВДИ. 1998. №1. С. 83-92.

Абдуллаев, 2000 – *Абдуллаев К.А.* К атрибуции тронных изображений в кушанской коропластике (по материалам крепости Паенкуртан в Северной Бактрии) // ВДИ. 2000. №2. С. 18-30.

Бобомуллоев, 2015 – *Бобомуллоев С.* Древнейшая и древняя история Гиссара. Душанбе: Дониш, 2015. 222 с.

Бобомуллоев, Тошитака, 2013 – *Бобомуллоев С., Тошитака Х.* Калаи Кафирниган. Каталог находок 2007-2013. Душанбе, 2013. 74 с.

Горин, 2013 – *Горин А.Н.* Парфянские монеты Кампыртепа // *Scripta Antiqua*. Том 3. М.: Собрание, 2013. С. 302-329.

Исхакова, Исхаков, 1978 – *Исхакова Е.А., Исхаков М.Х.* Терракоты Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 161-165.

Мерцалова, 1993 – *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов. Том 1. М.: Академия моды, 1993. 543 с.

Пилипко, 1977 – *Пилипко В.Н.* Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи // СА. 1977. №1. С. 187-202.

Пилипко, 1985 – *Пилипко В.Н.* Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад: Ылым. 1985. 216 с.

Пилипко, 1985а – *Пилипко В.Н.* Побережье Средней Амударьи // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1985. С. 243-250.

Пилипко, 2001 – *Пилипко В.Н.* О костюме парфян и парнов // Древние цивилизации Евразии. История и культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию действительного члена Академии Наук Таджикистана, акад. РАЕН, д-ра ист. наук, проф. Б.А. Литвинского (Москва, 14-16 октября 1998). М.: Восточная литература, 2001. С. 293-316.

- Полосьмак*, 2009 – *Полосьмак Н.В.* Курган для луноликой // Наука из первых рук. 2009. № 4 (28). С. 119-127.
- Пугаченкова*, 1973 – *Пугаченкова Г.А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Гафура Гуляма, 1973. С. 78-128.
- Ртвеладзе*, 1974 – *Ртвеладзе Э.В.* Разведочное изучение бактрийских памятников на Юге Узбекистана // Древняя Бактрия: предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.: Наука, 1974. С. 74-85.
- Сарианиди*, *Кошеленко*, 1982 – *Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А.* Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-Тепе // Древняя Индия. Историко-культурные. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 307-318.
- Страбон*, 1964 – *Страбон.* География в 17 книгах. Пер., статья и комм. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1964. 944 с.
- Яценко*, 2006 – *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 658 с.
- Abdullaev*, 2003 – *Abdullaev K.* Nana in Bactrian Art. New Data on Kushan Religious Iconography Based on the Material of Paenkurgan // Silk Road Art and Archaeology: Journal of the Institute of Silk Road Studies. Vol. 9. Kamakura: The Institute of Silk Road Studies, 2003. P. 15-38.
- Pougachenkova*, 1978 – *Pougachenkova G.A.* Les Trésors de Dalverzine-Tépé. Leningrad: Edition d'Art Aurore, 1978. 102 p.
- Rtveladze*, 1995 – *Rtveladze E.V.* Parthia and Bactria // In the Land of the Grifons: Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. Florence: Casa Editrice Le Lettere, 1995. P. 181-190.
- Sarianidi*, 1985 – *Sarianidi V.I.* Bactrian Gold. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985. 260 p.
- Sarkhosh Curtis*, 1993 – *Sarkhosh Curtis V.* A Parthian Statuette from Susa and the Bronze Statue from Shami // Iran. British Institute of Persian Studies. Vol. XXXI. 1993. P. 63-69.
- Schmidt-Colinet et al.*, 2000 – *Schmidt-Colinet A., Stauffer A., al-As'ad K.* Die Textilien aus Palmyra: Neue und Alter Funde. Damaszener Forschungen, Band 8. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2000. 201 p.

К ВОПРОСУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО АБИВЕРДА

А. Б. Бабаев

Резюме. В статье подводятся итоги изучения исторической топографии средневекового городища Абиверд в Южном Туркменистане, осуществленного в 2017-2021 гг. Сопоставление данных, полученных как наземными исследованиями, так и с помощью аэросъёмки, дало результаты, которые позволили в общих чертах определить линию внешней границы города в период максимального расширения его площади. Составлена более точная схема планировки и размеров исторических объектов, расположенных на территории городища, выявлены новые структуры, не отмеченные предыдущими исследователями.

Ключевые слова: ЮТАКЭ, Северный Хорасан, Абиверд, фортификация, цитадель, шахристан, рабад.

Summary. The article summarizes the results of the study of the historical topography of the medieval settlement of Abiverd in Southern Turkmenistan, carried out in 2017-2021. Comparison of data obtained both by ground surveys and by means of aerial photography yielded results that made it possible to determine, in general terms, the line of the outer boundary of the city during the period of maximum expansion of its area. A more accurate plan of the layout and size of historical objects located on the territory of the settlement has been drawn up, new structures have been identified that were not noted by previous researchers.

Key words: YuTAKE, Northern Khorasan, Abiverd, fortification, citadel, shakhristan, rabad.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-58-67

Абиверд часто упоминается в работах средневековых авторов как один из значительных городов Северного Хорасана. Он был расположен на одной из магистральных трасс Шелкового пути, проходившего по территории Южного Туркменистана, с востока на запад, от Амуля до Дехистана и дальше на Запад. От Абиверда отходили также несколько караванных дорог на юг в Иран и на север в Хорезм, имевших немаловажное региональное значение. Расположение Абиверда на перекрёстке оживлённых караванных путей оказало определённое влияние на становление его как города, а также способствовало его динамичному экономическому и культурному развитию.

Развалины средневекового Абиверда, известно среди местного населения под названием *Пешдаг* (в русскоязычной литературе *Пештак*), находятся в 3 км западнее города Каахка Ахалского веляята и в 130 км к востоку от Ашхабада (Рис. 1).

История изучения памятника начинается в последней четверти XIX в. Развалины Пештака посещали представители администрации Закаспийской области Российской империи, а также люди разных

профессий, оказавшиеся там по служебным делам, которые оставили свои заметки об этом памятнике. Одним из первых, кто осматривал Пештак, был русский военный востоковед, генерал Н.Г. Петрусеви́ч (1838-1880). По-видимому, обратив внимание на хорошо сохранившиеся стены построек позднего периода, он отметил, что здесь находятся остатки небольшого, недавно брошенного посёлка (*Петрусеви́ч*, 1880. С. 100). В 1881 г. городище Пештак посетил русский военный инженер и дипломат П.М. Лессар (1851-1905), который впервые отождествил его со средневековым Абивердом (*Лессар*, 1887. С. 128). В 1896 г. памятник был обследован профессором Санкт-Петербургского университета В.А. Жуковским (1858-1918). К сожалению, результаты его наблюдений не были опубликованы, а рукописи считаются утерянными. Одно из местных преданий об основании города и его краткое описание опубликовал штабс-капитан М.В. Дандевиль (1863-1910), в конце XIX в. служивший в колониальной администрации Закаспийской области и занимавший должность пристава Атека – территории нынешнего Каахкинского района (*Дандевиль*, 1899. С. 527-

Рис. 1. Городище Пештак. Общий вид. Аэрофото. 2017 г.

545). После этого в течение последующих тридцати лет никаких публикаций о Пештаке не появилось.

Важным событием в исследовании древностей Каахкинского района стала работа Хаверанской экспедиции, организованной Институтом туркменской культуры совместно со Среднеазиатским комитетом по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы. Экспедицией руководил профессор Восточного факультета САГУ А.А. Семенов (1873-1958). В 1928 г. Хаверанская экспедиция изучила ряд памятников, расположенных к западу от Каахка. При этом особое внимание было уделено развалинам Пештака. Эти работы заключали в себе только фиксирование и описание объектов, находящихся на поверхности – раскопки не производились. Было составлено описание цитадели, сохранившей части пилона портала соборной мечети, крупного холма на северной окраине городища. Собрана и описана подъемная керамика, сфотографированы примечательные остатки былых построек, изучены уцелевшие надписи на пилоне и могильном камне Сандыклы-овлия. Топограф П.С. Бугро составил схематические планы цитадели и позднего города, а также некоторых домов и хозяйственных построек. На поверхности памятника членами экспедиции найдены 4 медные монеты, две из них оказались фельсами аббасидского чекана II века хиджры. Материалы этих исследований опубликованы в специальном выпуске Трудов САГУ (Семенов, 1931). Несмотря на то, что не была предпринята попытка конкретизации датировки памятника, а также допущены некоторые неточности на плане, чертежах и размерах отдельных объектов, результаты работы Хаверанской экспедиции для своего времени стали значительным достижением. Впервые было составлено научное описание внеш-

него вида Пештака. Определены места расположения ворот и направление главных улиц позднего города, выявлены места некоторых ремесленных кварталов и торговых площадей. Описание жилых и хозяйственных построек позднего города, которые в то время ещё имели хорошую сохранность, являются важным этнографическим материалом для изучения традиционного жилища туркмен.

В 1947 г. XI отряд ЮТАКЭ под руководством профессора кафедры археологии САГУ М.Е. Массона (1897-1986) совершил поездку по маршруту Исидора Харакского от Нисы до Мерва, в ходе которой экспедиция посетила и городище Пештак. Был произведён осмотр отдельных участков памятника, собран подъёмный материал с территории городища. Сопоставив собранный полевой материал со сведениями, приводимыми в античных и средневековых письменных источниках М.Е. Массон пришёл к некоторым выводам об исторической топографии Абиверда, также о формировании города и этапах его развития. По его мнению, ранним организационным ядром будущего города являлся крупный холм сасанидского периода, расположенный на северной стороне городища. В это время обживалась и площадь, прилегающая к холму с юга. Шахристан средневекового города складывался на месте будущей цитадели городища Пештак, со всех сторон его охватывал рабад (Массон, 1953. С. 50).

В 1948 г. XIII отряд ЮТАКЭ, который возглавляла археолог В.А. Булатова-Левина (1915-2014), изучал остатки города XVIII-XIX вв., располагавшегося вокруг цитадели средневекового Абиверда. В ходе работ составлено более подробное описание позднего города, составлена архитектурно-топографическая схема его планировки. Уточнена планировка кварталов, жилых усадеб, общественных комплек-

Рис. 2. Городище Пештак. План. Фото Google Earth. Красная линия показывает внешнюю границу распространения культурных отложений городища в период максимального роста средневекового Абиверда. Зеленая линия охватывает территорию поселения сасанидского периода. 1 – Холм Караул-депе. 2 – Внутренняя крепость (цитадель) средневекового Абиверда. 3 – Территория позднего города. 4. Отдельно стоящая крепость – караван сарай на территории шахристана. 5. Мавзолей Сандыклы-овлия

сов и жилищ на отдельных участках этого города. Была проведена фотосъемка и сделаны зарисовки многих исторических объектов. Выявлены направления главных улиц, места расположения ворот, ремесленных кварталов, уточнена локализация городских рынков, отмеченных ещё Хаверанской экспедицией. Впервые была осуществлена попытка датировки подвёмной керамики с городища Пештак, относящейся ко всем периодам его существования (Левина и др., 1953. С. 19-24, 60-61). Однако, исследователи не затрагивали вопросы, касающиеся синхронности или разновременности отдельных частей памятника. Были допущены неточности в определении формы внешних очертаний и размеров цитадели позднего города. Несмотря на отдельные упущения, результаты исследований XIII отряда ЮТАКЭ имеют существенное значение не только для изучения истории позднего периода жизни Абиверда, но и для выяснения многих вопросов градостроительства и жилищной архитектуры Южного Туркменистана XVIII-XIX вв.

После работ 1948 г. наступил почти семидесятилетний перерыв в археологическом исследовании городища Пештак.

В настоящее время в Туркменистане уделяется большое внимание сохранению, изучению и популяризации богатого историко-культурного наследия. В этом направлении важное значение имеют «Государственная программа изучения и популяризации национального культурного наследия Туркменистана в 2016-2021 гг.», утверждённая постановлением Президента Туркменистана от 15 июля 2015 г. и «Государственная программа проведения в 2018-2021 гг. археологических раскопок на памятниках и изучения историко-культурного наследия, расположенного на трассах Великого шёлкового

пути, проходивших по территории Туркменистана», утверждённая постановлением Президента Туркменистана от 15 декабря 2017 г. Выполняя задачи, вытекающие из принятых Государственных программ, Национальное управление Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры организовало несколько археологических экспедиций с целью проведения полевых исследований на памятниках. Экспедицию по исследованию городища Пештак возглавлял автор этих строк. В её состав входили специалисты и сотрудники Государственных историко-культурных заповедников «Абиверд», «Ниса» и «Старый Серахс». Экспедиция поставила перед собой задачу комплексного исследования памятника с проведением широких археологических раскопок.

Работа экспедиции на городище Пештак началась в 2017 г. В процессе изучения исторической топографии средневекового Абиверда и сопоставления данных, полученных как наземными исследованиями, так и с помощью аэрофотосъёмки удалось в общих чертах определить линию внешней границы города в период максимального расширения его площади. Получены более точные схемы планировки и размеров исторических объектов, расположенных на территории городища, выявлены новые структуры, не отмеченные предыдущими исследователями (Бабаев, 2022).

Городище Пештак расположено на подгорной равнине центральной части Копетдага. Оно раскинулось на вытянутой с севера на юг территории, неправильного периметра (Рис. 2). Признаки обшей оборонительной стены города отсутствуют. Географические координаты крайних точек городища: северо-восточная N 37°23'43,7" E 59°34'19,5"; восточная N 37°23'04,6" E 59°34'26,1"; юго-восточная

Рис. 3. Караул-депе.
Вид с юга

N 37°22'56,0" E 59°33'48,5"; южная N 37°22'36,9" E 59°33'07,4"; западная N 37°23'23,93" E 59°33'01,51". Таким образом, площадь городища, где на поверхности земли сохранились следы былых построек, усеянная обломками жжёных кирпичей и черепков керамики достигает 200 га. На этой территории находятся остатки нескольких крупных объектов, входивших в своё время в структуру средневекового города. Главные из них – крупный холм, расположенный на северной окраине, развалины укрепленной крепости – цитадели средневекового города, остатки отдельно стоящего укрепления, развалины позднего города, а также мавзолей Сандыклы-овлия.

Крупный холм под названием Караул-депе (в переводе с туркм. «сторожевой холм») находится ближе к северо-восточному краю городища (Рис. 3). Высота холма 24 м, склоны крутые, планировка в основании круглая, длина его окружности 330 м. Верхняя площадь по форме имеет очертание неправильного многоугольника. Его размеры: с востока на запад 53 м, с юга на север 62 м. По периметру северной половины холма сохранились оплывы былой крепостной стены и башен в виде земляного вала, местами с небольшими возвышенностями. Поверхность его верхней плоскости неровная. Наблюдается небольшой уклон к северо-востоку. В результате скопления дождевых вод грунт северного края верхней площади осел и здесь образовалась глубокая ложбина. По краям ложбины открывается небольшой участок внутренней поверхности крепостной стены. На восточном фесе холма выделяется место въездных ворот. Они располагались между двумя приворотными башнями.

Напротив въездных ворот, ближе к южному краю холма расположена круглая возвышенность, диаметром в основании 6,0 м и высотой 0,8 м.

Холм окружает ров шириной 20-25 м, нынешняя глубина которого достигает 3 м. За рвом на юго-западе, западе и северо-востоке холма широкой полосой полукругом тянется возвышенность, со следами древнего обживания. М.Е. Массон отметил наличие остатков строительства и на южной стороне Караул-депе. Однако, в настоящее время здесь, а также на восточной стороне холма следы обживания отсутствуют. Эти места представляют собой ровные поля. Более того, на этой стороне исчезает и ров. Здесь поблизости проходит овраг – селевое русло. По-видимому, вышедший из русла мощный поток воды размывал культурный слой этого участка.

Подъемная керамика с самого холма и возвышенности вокруг него приблизительно одинакова, она датируется V-VII вв.

К северу от Караул-депе, начиная от внешнего края рва, на расстоянии около 350 м простирается цепь небольших отдельно стоящих холмиков, отстоящих друг от друга на расстоянии от 30-40 м и до 80-100 м. Внешние очертания холмиков имеют продолговатые и почти круглые формы. Высота их 1,0 – 1,2 м, размеры колеблются от 10-20 м и до 30-40 м. Здесь встречается керамика, характерная для V-VII вв. Памятники типа Караул-депе часто встречаются в подгорной полосе Центрального Копетдага. В научной литературе их называют холмами «столового» типа. Они относятся к сасанидскому периоду, датируются в пределах III – VII вв. и определяются как руины замков-усадб, окруженных поселением (Массон, 1953. С. 39).

На юго-западном краю верхней площадки, а также на склоне этой стороны Караул-депе встречается мелкие черепки поливных керамических сосудов, характерных для развитого средневековья. По-видимому, позже, когда оплывшие руны раннесредневекового замка превратились в высокий холм, он использовался как платформа для сторожевой башни. Как отмечено выше, остатки башни в виде небольшого круглого возвышения находятся на юго-западном краю верхней площади холма. Само название холма также свидетельствует о существовании здесь наблюдательного пункта.

На территории городища, примерно в 355 м южнее Караул-депе, находятся руины крупного укрепления. Именно оно и носило название Пештак. В период развитого средневековья укрепление выполняло функцию внутренней крепости, т.е. цитадели Абиверда. Она стоит на возвышенном месте и доминирует над окружающей территорией. Планировка крепости имеет форму неправильного многоугольника (Рис. 4), а не «почти квадратный, со сторонами 300 × 350 м²», как указывалось ранее (Левина, 1959. С. 308). Крепость углами ориентирована по сторонам света. Длина стен: северо-восточная 265 м, юго-восточная 268 м, северо-западная 224 м. Юго-западная стена образует линию, ломаную в двух местах. На расстоянии 90 м от западной стены она резко поворачивает на юг, тянется еще на 45 м и упирается в промежуточную башню, от которой линия стены опять выпрямляется и доходит до восточной угловой башни крепости. Длина последнего отрезка стены 121 м. Северо-восточная

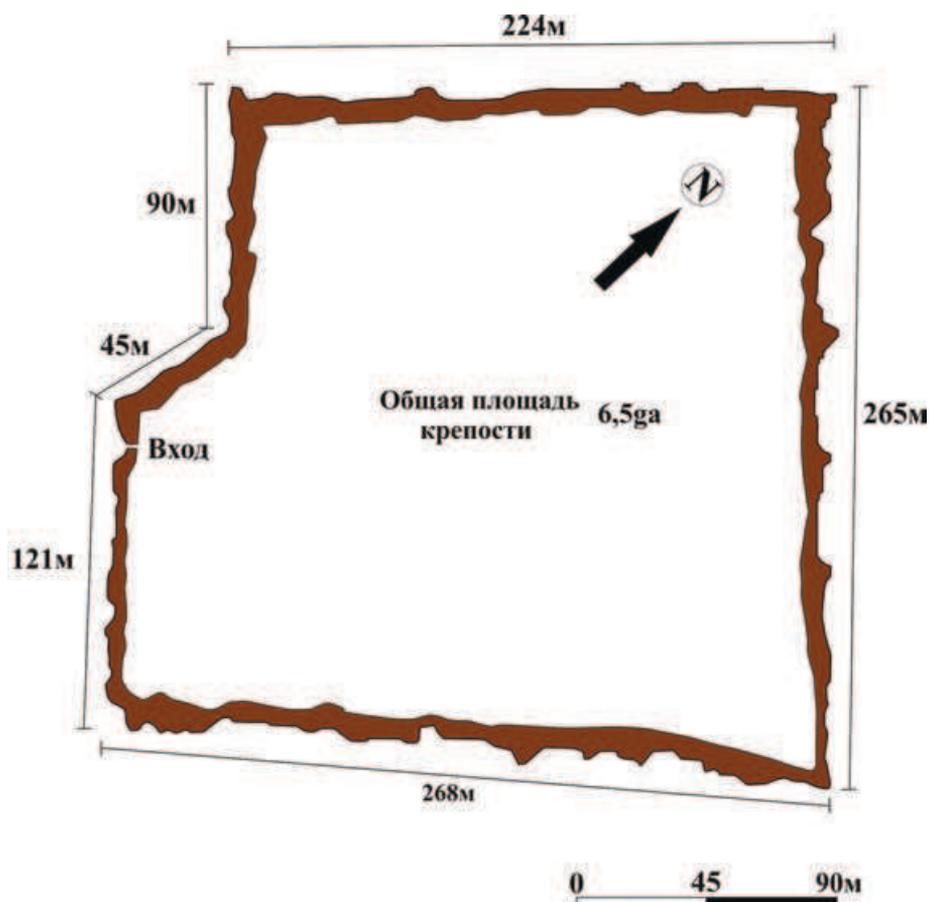

Рис. 4. Схематический план внутренней крепости – цитадели средневекового Абиверда послемонгольского периода, составленный С. Дурдыевым

и юго-восточная стены крепости – пахсовые, в кладке двух других местах использовались сырцовые кирпичи размерами 23 × 25 × 6 см, 24 × 24 × 6 см, 25 × 27 × 7 см. В настоящее время крепостная стена почти по всему периметру оплыла и превратилась в мощный земляной вал, с хорошо заметными выступами башен. Ширина вала в основании достигает 10-12 м, высота 4-4,5 м. На гребне вала, в некоторых местах сохранились отрезки крепостной стены, нынешняя высота которых достигает 6,0 м. Её ширина в основании 1,8 м (Рис. 5). Зафиксированы остатки 20 крепостных башен, 5 из них угловые, остальные промежуточные.

Раскопки северной угловой башни крепости показали, что её наружное очертание имеет овальную форму. Внутреннее пространство представляет собой вытянутое с севера на юг большое помещение. Стены восточной и северной стороны помещения дугообразно округляются во внутрь. Её западная стена прямая, на ней имеются несколько глубоких нишеобразных углублений. Длина внутреннего пространства башни равна 7,0 м, ширина – 6,10 м. Вход в башню расположен в углу, где стыкуются северо-западная и северо-восточная стены крепости. Восточная щека входа разрушилась до основания, поэтому не удалось установить её ширину. Уровень первого (сверху) пола этого помещения равен 40-50 см выше дневной поверхности внутреннего пространства крепости. Сохранившаяся высота стен башни от уровня пола около 1,5 м. Башня значительно выступает наружу от линии крепостной стены. Такая конструкция позволяла защитникам

крепости вести обстрел из лука по неприятельскому войску в случае штурма северо-восточных и северо-западных участков крепостной стены.

Промежуточные башни крепости по своим размерам меньше, чем угловые. Они полукругом выступали наружу от линии оборонительной стены. Крепость Абиверда снаружи окружена глубоким рвом, его глубина местами достигает 6 м, ширина до 15 м. Между рвом и стеной крепости вокруг всех четырёх сторон тянется широкая и ровная полоса – берма. Ширина последнего в разных ее участках колеблется от 10 до 15 м. В.А. Левина отмечала, что поперечными стенками берма разделялась на сектора. В настоящее время следы поперечных стенок, наблюдаются только на северо-западной стороне крепости.

Ворота крепости находились в середине юго-западного фаса. Рельеф его внутреннего пространства неоднозначный. Прямая улица, начинавшаяся у ворот и тянувшаяся в сторону северо-восточной крепостной стены, разделяла территорию крепости на две части. Уровень поверхности земли юго-восточной части на 1,0-1,5 м ниже противоположной. На обеих частях читаются следы домов, улиц, дворов, последнего периода обживания крепости. Остатки домов выделяются в виде небольших возвышенностей продолговатой, иногда круглой формы (Рис. 6). Судя по размерам возвышенностей, дома юго-восточной части крепости были относительно небольшими. Здесь насчитываются остатки 63-х отдельно стоящих построек. Несмотря на отсутствие строгой системы в их расположении, наблюдается тенденция выстраивания их длинной цепочкой

Рис. 5. Отрезки крепостной стены цитадели средневекового Абиверда. На переднем плане ров, окружающий крепость. Вид с северной стороны

Рис. 6. Ландшафт внутреннего пространства цитадели Абиверда. Вид с севера

вдоль главной улицы и малых переулков. Раскопки на одной из возвышенностей, ближе к восточному углу крепости, раскрыли планировку небольшого четырёхугольного дома, размерами 10,6 × 7,5 м. Он состоял из трёх помещений, расположенных в один ряд. Стены дома сложены из квадратного обожженного кирпича, на отдельных отрезках использовались и сырцовые кирпичи. Вход в дом располагался на северо-восточной стороне. Перед домом находился небольшой дворик. Керамика из раскопа относится к периоду позднего средневековья (Рис. 7). Эта датировка подтверждается найденной здесь медной монетой династии Шейбанидов.

На северо-западной стороне главной улицы крепости выявлены останки 61 отдельно стоящей

постройки. Почти в центре этой части крепости находился пилон от портала соборной мечети XII в., обследованный Хаверанской экспедицией и повторно осмотренный Г.А. Пугаченковой. В конце 1940-х гг. он обрушился. В настоящее время на его месте осталось большое возвышение, образованное обломками обожженных кирпичей и мелкими кусками ганчевого раствора. По соседству с ним находится ещё несколько возвышенностей, отличающихся от других своими большими размерами и высотой. Они свидетельствуют о том, что все главные здания города находились на северо-западной стороне от центральной улицы цитадели.

В южной части крепости, на расстоянии 65 м от въездных ворот был заложен стратиграфический

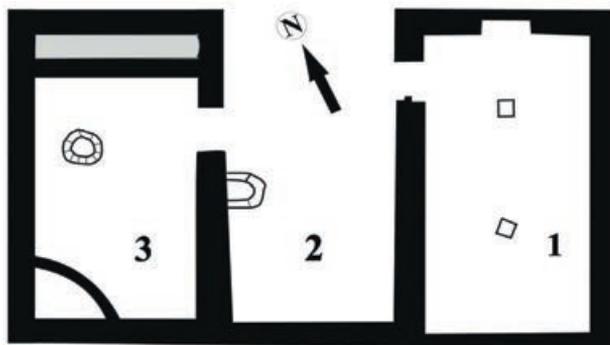

Рис. 7. План-схема 3-х комнатного дома в цитадели Абиверда

шурф, размером 5 × 3 м. Глубина шурфа доведена до уровня пола XIV яруса (7,0 м). Дальнейшее углубление шурфа стало невозможным из-за возникновения опасности обрушения его края. По всей глубине шурфа культурный слой продолжался непрерывно. Керамика XIV-XIII ярусов датируется IX-X вв. Находки I-II ярусов аналогичны материалам из жилого дома, раскрытого в юго-восточной части крепости. Они относятся к позднему средневековью. Это показывает, что на месте крепости поселение возникло не позднее IX в. и жизнь здесь продолжалась до XVIII в. За этот период времени внешняя стена крепости перестраивалась не один раз, при этом претерпели изменения ее планировка и размеры. Последняя крепостная стена укрепления относится к послемонгольскому периоду. На это указывают мелкие фрагменты керамики домонгольского периода, вы-

явленные на её поверхности. Это означает, что сырье для глины, использованной при строительстве стен крепости, брали из культурных слоев IX-XII вв. На месте выемки земли образовалась глубокая канава, которую впоследствии приспособили под ров, окружавший крепость. Материалы разреза, который был заложен на внешнем склоне рва на северо-восточной стороне показали, что ров прорезал культурные слои домонгольского периода.

По данным письменных источников Абиверд имел и более ранние крепостные стены. Об этом сообщает арабский географ ал-Мукаддаси, побывавший здесь во второй половине X в.: «Абиверд больше нравится мне, чем Неса, базар в нем лучше, он богаче и плодороднее. Воду они берут из реки; соборная мечеть находится на базаре; стена его уже разрушена» (МИТТ. С. 221). Следы отдельных отрезков этой старой крепости были обнаружены в 1948 г. XIII отрядом ЮТАКЭ. Они отмечены и на схематическом плане городища, выполненном Б.В. Дмитриевским. Его основная территория находилась немного южнее послемонгольской крепости Абиверда. По-видимому, после очередного разрушения старая крепость не была восстановлена. К северу от нее построена новая крепость, которая охватила и часть территории старой, где располагалась соборная мечеть, дома местной знати.

Таким образом, старая крепость Абиверда являлась цитаделью города домонгольского периода. Пятна со следами построек и ареал распространения подъемной керамики на площади вокруг цитадели позволяют приблизительно определить тер-

Рис. 8. Укрепление – каравансарай на территории рабада средневекового Абиверда. Вид с юга.
Источник: Google Earth 2020

риторию шахристана периода существования старой цитадели. В частности, фрагменты керамики IX-X, XI–начала XIII вв. встречаются к северо-востоку от цитадели на расстоянии около 300 м. Материалы разреза на северном склоне рва новой цитадели показали, что на этом месте мощность культурного слоя указанного периода достигает 6 м. Выступающие наружу на склоне рва куски керамики по всему периметру этой крепости по своему составу идентичны. К югу на расстоянии 500-600 м от цитадели встречается керамика IX-X вв. Площадь распространения керамики XI-XII вв. значительно расширяется по всем направлениям от цитадели, за исключением восточной. Значит, в это время Абиверд достиг своего максимального размера. Длина его простирается с юго-востока на северо-запад примерно на 2 км, а ширина не менее 1,8 км.

В рамках этой площади в 500 м южнее цитадели находятся остатки укрепленной крепости. Её планировка ближе к четырёхугольнику, углы ориентированы, как и у крепости цитадели, по сторонам света (Рис. 8). По периметру сооружения идёт мощный вал, образованный в результате оплыва сырцово-кирпичной крепостной стены. Высота вала местами достигает 6 м, ширина в основании 10-12 м. На углах вала имеются круглые возвышенности – остатки бывших башен. Ещё одна возвышенность находилась в середине юго-западной стены. Она полукругом выходит наружу от линии стены на 2-3 м. Размеры фасов крепости: северо-восточный 119 м, юго-западный 123 м, юго-восточный 88 м, северо-западный 115 м. Его окружает широкий и глубокий ров, ширина которого в отдельных местах превышает 20 м. В настоящее время глубина рва достигает 5 м. В отличие от цитадели города, здесь между рвом и крепостной стеной не оставлена полоса – берма. Внутренний край рва непосредственно подходит к основанию стены. Контрольные зачистки склона рва показали, что, начиная от поверхности до дна он прорезал культурные отложения домонгольского средневековья. При этом на самом нижнем отложении встречается керамика с так называемой ишкорной поливой, датированная IX в. (Атагарриев, 1973. С. 12). Мелкие куски этой керамики найдены также на гребне и верхней части склона вала северного фаса крепости. Очевидно, они попали туда с глиной со дна ямы, выкопанной для возведения крепостной стены.

Место ворот укрепления находится на юго-восточном фасае, на расстоянии 41 м от наружной стороны восточного угла. Внутреннее пространство крепости представляет собой относительно ровную поверхность. Вдоль северо-восточной и юго-восточной стены крепости тянется полоса возвышенности шириной 14-15 м. Её высота от уровня поверхности внутренней площади на юго-восточной стороне 1,4-1,8 м, на северо-восточной 1,6-2,2 м. На юго-восточном фасае возвышенность начинается на расстоянии 8 м от въездных ворот. На северо-восточном фасае она тянется по всей длине, за исключением отрезка, шириной 22 м, ближе к северному углу. На южном углу укрепления, слитно с оплывом угловой башни расположена возвышенность размерами 13 × 9 м, высотой 2,5 м. По-видимому, здесь находи-

лось отдельное здание, связанное с оборонительной системой укрепления.

На территории крепости, между воротами и восточным углом заложен раскоп размером 10 × 15 м. Он поперечно прорезал возвышенную полосу юго-восточного фаса. На этом участке вскрыты три больших помещения. Их стены воздвигнуты из пахсовых блоков, толщина стен разнится от 0,8 м до 1,0 м. Два помещения оказались жилыми комнатами, третье имело хозяйственное назначение. На полу последнего находились круглые и прямоугольные очаги, глиняные жаровни, вкопанные в пол, отсек для омовения и *ташнау*. Керамика из этого раскопа датируется XIV-XV вв.

Таким образом, материалы раскопок показывают, что это укрепление построено не на чистом материке, а на мощном слое культурных отложений домонгольского периода. Здесь имелась мощная фортификация в два эшелона. Внешний представлял собой широкий ров, при необходимости заполняемый водой. Второй эшелон составляла высокая крепостная стена, усиленная угловыми башнями. Юго-западная стена по каким-то причинам считавшаяся более уязвимой, была дополнительно укреплена промежуточной башней. Крепость имела единственные ворота на юго-восточном фасае. Все здания внутри крепости располагались вдоль северо-восточной и частично юго-восточной стены крепости, создавая длинный ряд Г-образной формы. Внутреннее пространство крепости представляет собой большой открытый двор. Возможно, это был караван-сарай Абиверда. Наличие мощной оборонительной системы можно объяснить отсутствием общей внешней крепостной стены города.

На расстоянии 430 м к востоку от предполагаемого караван-сарая (670 м от восточного угла цитадели) на юго-восточной части шахристана расположен мавзолей Сандыклы-овлия. Это купольная постройка из пахсы, обмазанной глиняным раствором. Толщина стены его несущей части достигает 1,8 м. Мавзолей состоит из одного помещения квадратного в плане, размерами 8,40 × 8,45 м. Высота зала до вершины ступенчатого купола – 10,25 м. Какой-либо архитектурный декор отсутствует. Мавзолей построен в конце XIX–начале XX вв. В 1990-е гг. фасады здания и купол были облицованы современным обожженным кирпичом, по углам четверика сделаны декоративные башенки, что совершенно изменило исторический облик мавзолея. Главная его достопримечательность внутри – это массивная надмогильная каменная плита темно-зеленого цвета, полностью покрытая резным орнаментом растительного и геометрического характера, а также эпиграфическими надписями, по стилю датированная XV в. (Семенов, 1931. С. 10-13; Пугаченкова, 1953. С. 231-232).

Участок, где находится Сандыклы-овлия, более возвышенный. По соседству с мавзолеем обнаружены остатки нескольких старых погребений. Все это позволяет говорить о том, что здесь находилось кладбище средневекового Абиверда. Первоначально оно было на окраине города. Впоследствии, с

Рис. 9. Пештак. Южный угол внешней стены позднего города

ростом населения, и кладбище оказалось в черте шахристана.

На его территории, ближе к цитадели, находят руины относительно недавно брошенных глинобитных домов позднего города. Его развалины с трех сторон (юго-восток, юго-запад, северо-запад) охватывают цитадель в виде буквы П. Оплывы северо-восточной стены цитадели образуют одну линию с примыкающими к ней с запада и востока обводными стенами позднего города. Таким образом, планировка последнего, вместе с цитаделью, приобрела очертания четырехугольника. Прежние исследователи считали, что внешняя стена этого города образует правильный прямоугольник (Левина, 1959. С. 308), но на самом деле это трапециевидная территория. Длина этих стен такова: северо-западная – 554 м, северо-восточная – 752 м, юго-восточная – 665 м, юго-западная – 745 м. Толщина внешней стены позднего города в основании 0,8-1,0 м, а нынешняя высота местами достигает 1,6 м. Кое-где сохранились примитивные бойницы в виде полуовальных отверстий в стене. Бросается в глаза небрежность и поспешность в строительстве стены. В частности, не соблюдалась прямолинейность стен. На северо-восточной и юго-западной стороне стена дугообразно изгибается во внутрь, в северо-западной стене имеются зигзаги. В кладке стены использовались всевозможные строительные материалы, которые оказались «под рукой»: битая глина, разноформатные обожженные и сырцовые кирпичи и их обломки (Рис. 9). Эти кирпичи, очевидно, собирали из руин заброшенных старых построек. Оборонительную стену позднего города со всех сторон окружает ров шириной до 3 м, глубиной 1,0-1,5 м. Ров образовался в результате выемки глины для строительства стены.

Территория города застроена очень плотно. Жилые массивы города пересекаются двумя магистральными улицами. Одна из них тянется с северо-запада на юго-восток, ее средняя часть проходит

параллельно юго-западной стене старой цитадели, вдоль внешнего края окружавшего её рва. Другая улица идёт с юго-запада на северо-восток и перпендикулярно стыкуется с первой, образуя Т-образный перекиресток перед воротами старой крепости. Продолжения этих улиц выходили за пределы городских стен и шли дальше, направляясь в соседние населённые пункты. Судя по направлениям магистральных улиц, выходящих за пределы крепости, город имел не менее трех ворот. Однако, чётко читается место только одних юго-восточных ворот. Они находились между двумя небольшими привратными башнями. Места двух других ворот предположительно определяются по направлениям магистральных улиц, так как на этих участках городская стена до основания разрушилась. Таким образом, главные улицы делят внутреннее пространство города на четыре неравные части. Дома и дворы горожан размещались вдоль многочисленных узких и прямых улиц и переулков. Они соединяли их с торговыми центрами города.

Ранее исследователями были отмечены места двух базарных площадей. Одна находилась в северо-западной, другая в юго-восточной части города. Выявлены кварталы гончаров, медников, ювелиров, кузнецов: они достаточно подробно описаны (Левина и др., 1953; Левина, 1959). К этому можно добавить, что нами обнаружен ещё один ремесленный квартал, где мастера занимались изготовлением железа сыродутным способом. Он находился в южной части города ближе к юго-восточным воротам. Как указано выше, внутреннее пространство старой крепости оставалось незастроенным. Здесь нет ни одной уцелевшей сырцовой стены какой-либо постройки, характерной для позднего города. Материалы из раскопок жилого дома в восточной части цитадели и из шурфа, заложенного ближе к воротам, показали отсутствие признаков стационарной жизни внутри старой крепости позднее XVIII в. Это значит, что в период существования

позднего города старая цитадель уже была заброшенной.

Возникновение позднего города вокруг цитадели средневекового Абиверда связано с переселением из Ахала (западная часть нынешнего Ахалского вейлята Туркменистана) отдельных групп туркменского населения. Они пришли в Пештак в конце XVIII – начале XIX века и жили здесь до последней четверти XIX в. В 1876 г. его жители переселились на новое место к востоку от Пештака. Археологические материалы, в том числе подъёмная керамика, также подтверждают данную хронологию позднего города. Окончательно покинутый жителями город постепенно превратился в руины.

Новые исследования на городище Пештак позволили сделать следующие выводы по исторической топографии Абиверда.

1. Первое поселение на месте средневекового города возникло не позднее V в. н.э. Оно располагалось в северной части городища. Ядро сасанидского поселения составлял замок, воздвигнутый на высокой глинобитной платформе. За широким рвом, окружавшим замок располагались жилые строения. Впоследствии поселение постепенно расширялось. На площади к северу от замка появились десятки отдельно стоящих домов – возможно, с индивидуальными дворами. Поселение сасанидского времени не имело общей оборонительной стены.

2. В конце VII – начале VIII вв. центр жизни перемещается к югу и к юго-западу от замка сасанидского времени. Здесь возникает новый город. Центральная часть его территории обносится оборонительной стеной и превращается во внутреннюю крепость. Примерно в это время прекращается жизнь в замке. Теперь внутренняя крепость, где находились резиденция правителя, мечеть, дома состоятельных жителей, базарная площадь и т. п., выступает в роли городской цитадели. Застройка, оставшаяся за пределами стены цитадели, составляла шахристан средневекового Абиверда. Город не имел внешней оборонительной стены, поэтому и отсутствовал рабад как чётко выделенная структура.

3. Шахристан средневекового города окружал внутреннюю крепость со всех сторон. Дальнейшее расширение его территории шло по южному и юго-восточному направлению. В XI-XII вв. город достигает своего максимального размера. Наиболее плотно застраивается территория вокруг цитадели в радиусе 300-400 м. Следы плотной застройки в виде крупного пятна всхолмлённой местности, встречаются на восточной, юго-западной и северной стороне цитадели и на сотни метров дальше от указанного радиуса. На окраинах шахристана располагались дома с большими дворами, расположенные на значительном расстоянии друг от друга.

4. После монгольского погрома Абиверд постепенно восстанавливается. Во второй половине XIII – начале XIV в. на месте обветшавшей внутренней крепости строится новая крепость. Она частично занимает территорию старой крепости и некоторые земли к северу от нее. В это время в южной части шахристана строится караван-сарай с мощ-

ными оборонительными стенами. Вся территория шахристана домонгольского периода, за исключением крайнего северного квартала, вновь начинает обживаться. С XV в. до середины XVIII в. не происходило заметных изменений в структуре города.

5. Городской некрополь находился в черте шахристана, где в настоящее время стоит мавзолей Сандыклы-овлия.

6. Примерно в середине XVIII в. по неизвестным нам причинам Абиверд опустел.

7. В конце XVIII – начале XIX в. сюда переселяется новая группа туркмен. Тогда и появляется поздний город с П-образной планировкой вокруг цитадели средневекового Абиверда. Город окончательно покинут жителями в последней четверти XIX в.

8. В отличие от многих средневековых городов Центральной Азии, которые состояли из трёх частей (арк, шахристан, рабад) Абиверд был городом с двухчастной структурой. Он состоял из внутренней крепости (цитадели) и шахристана.

ЛИТЕРАТУРА

- Атагаррыев*, 1973 – *Атагаррыев Е.* Материальная культура Шехрислама. Ашхабад: Ылым, 1973. 101 с.
- Бабаев* 2022 – *Бабаев А.О.* Цитадель средневекового Абиверда // *Древности Туркменистана.* Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2022. С. 234-249.
- Дандевиля*, 1899 – *Дандевиля М.В.* Курбан-Байрам // *Исторический вестник.* Т. LXXVII. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. № 8. С. 527-545.
- Левина* и др., 1959 – *Левина В.А.* К вопросу о генезисе и типах поздних поселений Южной Туркмении (по данным археологии) // *Труды ЮТАКЭ.* Т. IX. Ашхабад: Изд-во АН Туркменкой ССР, 1959. С. 283-346.
- Левина*, 1953 – *Левина В.А., Овезов Д.М., Пугаченкова Г.А.* Архитектура туркменского народного жилища. Труды ЮТАКЭ. Т. III. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 84 с.
- Лессар*, 1887 – *Лессар П.М.* Поездка в Серахс // *Известия ИРГО.* 1882. Т. XVIII. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1887. С. 120-136.
- Массон*, 1953 – *Массон М.Е.* Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в 1947 г. // *Труды ЮТАКЭ.* Т. II. Ашхабад: Изд-во АН Туркм.ССР, 1953. С. 7-72.
- Петрусевич*, 1880 – *Петрусевич Н.Г.* Северо-Восточные провинции Хорасана // *Записки Кавказского отд. ИРГО.* Кн. XI. Вып.1, Тифлис, 1880. С. 81-122.
- Пугаченкова* 1953 – *Пугаченкова Г.А.* Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса // *Труды ЮТАКЭ.* Т. II. Ашхабад: Изд-во АН Туркм.ССР, 1953. С. 192-252.
- Семенов А.А.* Развалины г. Абиверда и остатки старинны вблизи его // *Древности Абивердского района (Труды САГУ. Серия II. Вып. 3).* Ташкент, 1931. С. 7-27.

ДРЕВНЕЕ ГОНЧАРСТВО В БАКТРИИ (ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА)

С. Б. Болелов

Резюме. В статье подробно рассматриваются все известные на территории Бактрии в настоящее время археологические объекты периода эллинизма, связанные с гончарным производством. В публикации представлена классификация бактрийских обжигательных керамических горнов, разработанная на основе анализа конструктивных признаков. В результате выделено две основные группы специальных обжиговых устройств, которые различаются по взаимному расположению топочной и обжигательной камер. На основании картографирования археологических объектов и месту расположения и концентрации гончарных производств относительно поселений делаются выводы о формах организации ремесленного гончарного производства Бактрии в эпоху эллинизма. В результате выделяются постоянные ремесленные центры – гончарные кварталы (городище Саксанохур); гончарные мастерские, работавшие в течение определенного периода – сезонные гончарные производства (пригород Кампыртепа), небольшие гончарные мастерские на территории поселений (Дальверзинтепа, цитадель Кампыртепа, Ай-Ханум), удовлетворявшие потребности жителей – членов соседской общины (общинное ремесло).

Ключевые слова: Бактрия, ремесло, гончарное производство, обжигательный горн, гончарный производственный центр, мастерская, керамика.

Summary. The article examines in detail all the currently known archaeological sites of the Hellenistic period associated with pottery production on the territory of Bactria. The publication presents the classification of Bactrian ceramic roasting furnaces, developed on the basis of the analysis of design features. As a result, two main groups of special firing devices are distinguished, which differ in the relative location of the furnace and firing chambers. Based on the mapping of archaeological sites and the location and concentration of pottery production in relation to settlements, conclusions are drawn about the forms of organization of artisan pottery production in Bactria in the Hellenistic era. As a result, permanent craft centers are allocated – pottery quarters (Saksanohur settlement); pottery workshops that worked for a certain period – seasonal pottery production (suburb of Kampyrtepa), small pottery workshops on the territory of the settlement (Dalverzintepa, citadel of Kampyrtepa, Ai-Khanum) that met the needs of residents – members of the neighboring community (community craft).

Key words: Bactria, craft, pottery production, roasting furnace, pottery production center, workshop, ceramics.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-68-83

Бактрия является одной из наиболее изученных в археологическом отношении историко-культурных областей Трансоксианы. На территории юга Средней Азии и областей Северного Афганистана открыто огромное количество различных по своему функциональному назначению археологических памятников. На многих из них были проведены стационарные широкомасштабные археологические исследования. Во всем этом многообразии, наряду с монументальными архитектурными сооружениями

культового и светского характера, погребальными памятниками, рядовыми жилыми зданиями, выделяются объекты, непосредственно связанные с ремесленным производством. Среди них, как по количеству, так и по степени изученности, безусловно, ведущее место занимают комплексы, связанные с гончарным производством. В большей степени это относится к памятникам периода античности.

Керамическое производство, как один из специализированных видов ремесла, обладает определен-

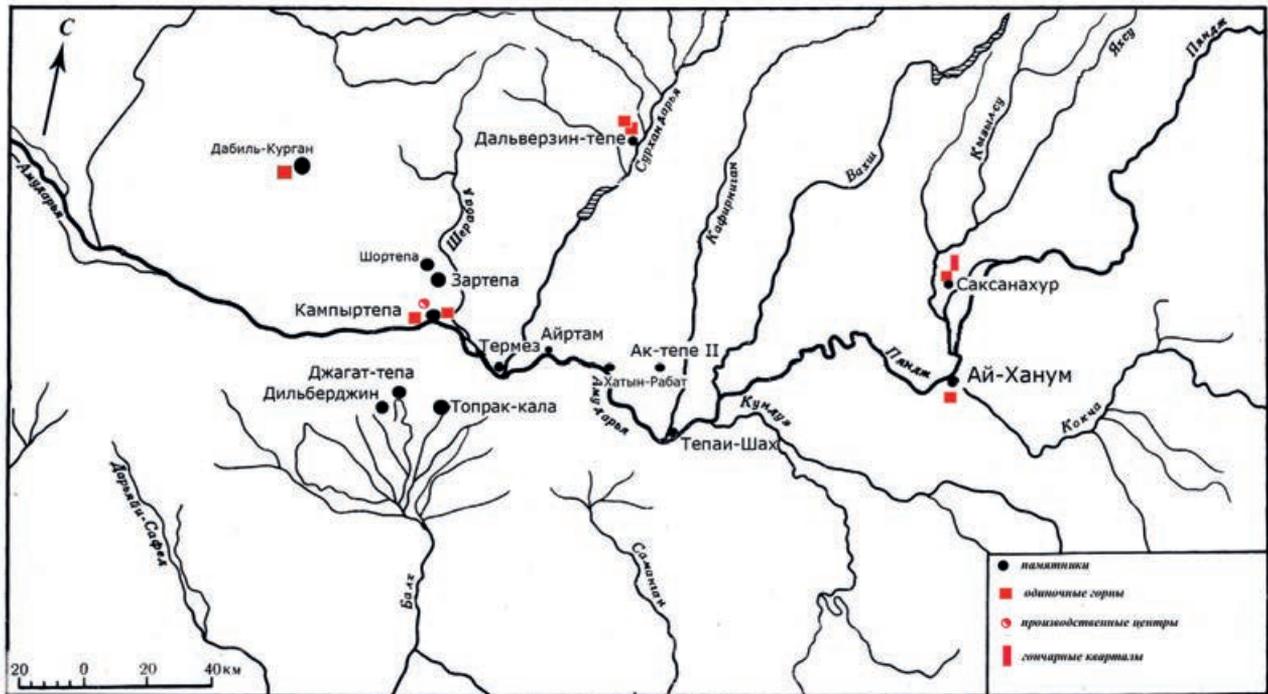

Рис. 1. Гончарные производства Бактрии III-I вв. до н.э.

ным набором специальных технических средств и приспособлений. Обобщение данных о технологии и, прежде всего, устройстве обжигательных горнов в течение определенного, довольно продолжительного, хронологического периода в пределах одного региона, дает возможность проследить эволюцию специальных обжиговых устройств. Это, в свою очередь, позволяет сделать заключение об уровне технологии керамического производства в конкретный период времени, а также судить о степени специализации ремесла на различных этапах развития гончарства. Детальный анализ конструкции горнов дает возможность выявить взаимовлияния, а зачастую и прямое заимствование в технологии гончарства. Для реконструкции социально-экономической структуры общества первостепенное значение имеет характеристика и анализ организационных форм ремесла, и гончарства в первую очередь, как наиболее востребованного и распространенного вида специализированного товарного ремесленного производства. Для ранних исторических периодов исследования в этой области возможны только с привлечением археологических источников, картографических данных о месте расположения гончарных производств на поселениях, отдельных оазисов и областей и, как следствие этого, хотя бы приблизительная оценка объемов производимой продукции и размеров рынков сбыта.

На территории Бактрии раскопана только малая часть уже известных, но пока не изученных археологических объектов, напрямую связанных с гончарством. Ярким примером является городище Зартепа, где, безусловно, зафиксированы следы развитого гончарного производства, явно выделяется место расположения гончарного квартала (Воробьева, 1961. С. 170; Массон, 1974. С. 10; Пидаев, 1988. С. 34-44; Завьялов, 2008. С. 21). Однако этот объект

не стал предметом отдельного исследования. То же самое можно сказать и о многочисленных остатках керамического производства, зафиксированных на античных памятниках левобережной Бактрии, на территории Северо-Западного Афганистана (Дильберджин, Джагат-тепа и др.). Объекты, связанные с ремеслом, были лишь отмечены на планах, но не стали предметом сколь-нибудь серьезного изучения (Кругликова, 2004. С. 481-482; 2005. С. 400. Рис. 23). Несмотря на существенные пробелы в базе источников по истории бактрийского ремесла, все-таки надо признать, что она довольно представительна. Количество объектов, в ходе раскопок которых были получены в большей или меньшей степени объективные данные по истории и технологии гончарства, исчисляются десятками (см. Табл. 1, 2). Однако тема гончарного производства Бактрии, к сожалению, была оставлена без внимания современных исследователей и не стала предметом отдельного специального исследования. Статьи о бактрийском керамическом производстве посвящены или какой-то отдельной теме, или отдельному памятнику (Мухитдинов, 1968. С. 28-34; Пугаченкова, 1973. С. 205-215; 1978. С. 115-142; Болелов, 2001. С. 15-30; 2010. С. 26-28; 2011. С. 48-79). Целью данной статьи является обобщение и систематизация всех известных или, во всяком случае, доступных в настоящее время материалов по древнему гончарству Бактрии периода ранней античности. На основании этих данных, как представляется, можно наметить основные тенденции в развитии керамического производства не на отдельных памятниках, но в области в целом, проследить изменения в формах организации ремесленного гончарного производства на протяжении определенного периода времени, разумеется, если таковые изменения удастся выявить.

ТАБЛИЦА 1. Гончарные производства Бактрии эпохи эллинизма

Памятник	Количество горнов	Место расположения горнов на памятнике	Наличие жилых и производственных помещений	Наличие производственной зоны около горнов	Дата
1. Кампыртепа	1	В пригородной зоне к юго-востоку от укрепленной части городища	Землянка к северо-западу от обжигательного горна	Площадка для просушки необожженной посуды, мусорная яма	III-II вв. до н.э.
2. Кампыр-тепа Цитадель.	7	В пределах крепости	нет	нет	Первая половина III в. до н.э.
3. Дальверзин-тепе. Цитадель.	2	В пределах поселения или городища (?), внутри оборонительных стен (?).	?	?	III-II вв до н.э.
4. Ай-Ханум	3	В пределах городища на развалинах зданий (Гимнасий)	нет	нет	II-I вв. до н.э.
5. Саксанохур	9 3 горна - ранний строительный горизонт; 6 горнов - второй строительный горизонт	В пределах укрепленной части городища (шахристан?)	Два комплекса жилых и хозяйственных помещений, относящихся ко второму периоду	?	Ранние - III-II вв до н.э. Поздние - I в. до н.э. - I-II века н.э.
6. Кампыртепа	1	В пригородной зоне, к востоку от укрепленной части городища	нет	нет	I в. до н.э. - I в. н.э.
7. Дабиль- Курган	1	На склоне холма, на остатках ранней крепостной стены	?	?	III-II вв. до н.э.

ТАБЛИЦА 2. Гончарные обжигательные горны Бактрии эпохи эллинизма

	Памятник	Тип горна	Направление движения горячих газов	Форма горна	Форма топочной камеры	Способ перекрытия топочной камеры	Расположение РТ Распределители тепла	Форма обжигательной камеры	Расположение продухов в камере обжига
1	Кампыртепа (пригород) Горн №1 Первая половина III в. до н.э.	Двухкамерный	вертикальное	округлый	Округлая Д. 1,2-1,4 м В. - 1,5 м	Купол (?)	Радиальное	Округлая Д. - 2,10-2,15 м	13 1 канал – 2 продуха 1 продух в центре пода.
2	Кампыртепа (цитадель) Горн №1 Первая половина III в. до н.э.	Двухкамерный	горизонтальное	Прямоугольный	Прямоугольная 0,9х0,74м.	Свод (?)	?	Прямоугольная	нет
3	Кампыртепа (цитадель) Горн №2 Первая половина III в. до н.э.	Двухкамерный	горизонтальное	Прямоугольный	Округлая Д. 0,6-0,64м	Свод (?)	?	Прямоугольная	нет
4	Кампыртепа (цитадель) Горн №3 Первая половина III в. до н.э.	Двухкамерный	горизонтальное	Прямоугольный	Трапецевидная 0,66х0,52х0,38 м	Свод (?)	?	Прямоугольная	нет
5	Кампыртепа (цитадель) Горн №4 Первая половина III в. до н.э.	Двухкамерный	горизонтальное	Прямоугольный	?	?	?	Прямоугольная	нет
6	Кампыртепа (цитадель) Горн №5 Первая половина III в. до н.э.	Двухкамерный	горизонтальное	Прямоугольный	Прямоугольная 0,65х0,71м	свод	нет	Прямоугольная	нет
7	Кампыртепа (цитадель) Горн №6 Первая половина III в. до н.э.	Двухкамерный	горизонтальное	Прямоугольный	Прямоугольная 0,59х0,88м	Свод (?)	нет	Прямоугольная	нет
8	Кампыртепа (цитадель) Горн №7 Первая половина III в. до н.э.	Двухкамерный	горизонтальное	Прямоугольный	Прямоугольная 0,82х0,76м	Свод (?)	нет	Прямоугольная	нет
9	Дальверзинтепа. Цитадель. Горн №1 III в. до н.э.	Двухкамерный	вертикальное	округлый	Округлая, усеченный конус Д. - 1,25-0,65 м В. 1,5 м	Плоское, возможно, глиняный диск (?)	Вертикальные продухи в поде обжигательной камеры	Округлая Д. - 1,1-1,15 м	12
10	Дальверзинтепа. Цитадель. Горн №2 II в. до н.э.	Двухкамерный	вертикальное	округлый	Округлая. В центре опорный столб. Д. - 1,4-1,65 м В. - 1,3 м	Плоское	Вертикальные продухи в поде обжигательной камеры	Округлая Д. - 1,4-1,5 м	?

	Памятник	Тип горна	Направление движения горячих газов	Форма горна	Форма топочной камеры	Способ перекрытия топочной камеры	Расположение РТ Распределителя тепла	Форма обжигающей камеры	Расположение продухов в камере обжига
11	Ай-Ханум II-I вв. до н.э.	Двух-камерный	вертикальное	округлый	Округлая. В центре опорный столб. Д. - 1,4 м Д. столба - 0,34 м.	плоское	Вертикальные продухи в поде обжигающей камеры	Округлая Д. - 1,4 м	25 Прямые продухи в перекрытии
12	Саксанохур Горн №1. Первые вв. н.э	двух-камерный	вертикальное	прямоугольный, овальный?	Прямоугольная, трапециевидная в вертикальном сечении. Верх - 1,9х1,3 м; низ - 1,5х1,1м. В. -2,2 м	Свод (?)	?	Прямоугольная (?)	?
13	Саксанохур Горн №2. Первые вв. н.э	двух-камерный	вертикальное	округлый	Округлая Д. 1,2 м. В.1,4 м.	Плоское (?)	?	?	?
14	Саксанохур Горн №3. Первые вв. н.э	двух-камерный	вертикальное	прямоугольный, овальный?	Прямоугольная, трапециевидная в вертикальном сечении. Верх - 2х2,4м; низ - 1,4х1м. В. -1,92 м	Свод	?	Прямоугольная (?)	?
15	Саксанохур Горн №4. Первые вв. н.э	Двух-камерный	вертикальное	округлый	Округлая Д. - 1,2 м В. - 1,6 м	?	?	Округлая (?)	?
16	Саксанохур Горн №5. Первые вв. н.э	Двух-камерный	вертикальное	округлый	Округлая Д. - 1,1 м В. - 1,4 м	?	?	Округлая (?)	?
17	Саксанохур Горн №6. Первые вв. н.э	Двух-камерный	вертикальное	прямоугольный, овальный?	Прямоугольная 1,3 × 1,4 м В. - 1,4 м	?	?	Прямоугольная или овальная (?)	?
18	Саксанохур Горн №7. Первые вв. до н.э.	Двух-камерный	вертикальное	округлый	Округлая Д. - 1,1 м В. - 2 м.	?	?	округлая (?)	?
19	Саксанохур Горн № 8. Первые вв. до н.э	Двух-камерный	вертикальное	округлый	Округлая Д. - 1,1 м В. - 1,8 м.	?	?	округлая (?)	?
20	Саксанохур Горн №9. Первые вв. до н.э	Двух-камерный	вертикальное	прямоугольный, овальный?	Прямоугольная 1,2 × 1,6 м В. - 2,2 м	?	Вертикальные продухи в поде обжигающей камеры (?)	Прямоугольная (?)	?

К эллинистическому и постэллинистическому (юэджийско-бактрийскому) периоду (III в. до н.э. – I в. н.э.) относится семь производственных комплексов, непосредственно связанных с керамическим производством и 24 обжигательных горна (Рис. 1). Здесь следует заметить, что практически ни один производственный комплекс этого периода времени (за исключением мастерской в пригородной зоне Кампыртепа) не раскопан полностью. Чаще всего это отдельные горны. Большинство из них находится в правобережной Бактрии (Дальверзинтепа, Кампыртепа, Саксанохур, Дабиль-Курган). Один горн, из трех обнаруженных, полностью раскопан на городище Ай-Ханум. Среди них по основным конструктивным признакам, которыми являются форма и расположение топки и обжигательной камеры, выделяются две группы:

I – округлые или овальные двухъярусные с прямым вертикальным или центрально-боковым ходом горячих газов;

II – прямоугольные, одноярусные, с горизонтальным ходом горячих газов¹.

Горны первой группы, также по конструктивным признакам, в данном случае – это способ перекрытия топочной камеры, в свою очередь, подразделяются на два типа.

1 тип – углубленная в материк топочная камера была округлой (Кампыртепа, Дальверзинтепа, Саксанохур, Дабиль-Курган) или овальной формы (Саксанохур). Топка перекрыта ложным куполом или глиняным диском; у овальных в плане горнов предполагается сводчатое перекрытие. Жаропроводящие каналы, которые конструировались в процессе строительства перекрытия, располагались радиально и открывались в обжигательную камеру одним или двумя продухами. Площадь обжигательной камеры во всех случаях была больше площади топки.

2 тип – углубленная в материк топочная камера – округлая (Ай-ханум, Дальверзинтепа). Плоское перекрытие топки опирается на столб, сложенный из сырцового кирпича. Жаропроводящие каналы не прослеживаются. Горячий воздух поступал в обжигательную камеру через трубчатые продухи устроенные непосредственно в перекрытии. Площадь топки равна или почти равна площади обжигательной камеры.

Горны второй группы обнаружены пока только на Кампыртепа, где в пределах нуклеарной части поселения открыт производственный центр, который по сопутствующему материалу и нумизматическим данным датируется в пределах первой половины III в. до н.э. Здесь раскопано 7 обжиговых устройств явно производственного назначения, которые функционировали в течение определенного периода времени (не более полувека), а затем были засыпаны слоями мусора.

Конструкция горнов 1-го типа первой группы, безусловно, генетически связана с двухъярусными

обжигательными горнами с прямым вертикальным ходом горячих газов и радиальным расположением распределителей тепла, которые сформировались на территории Южного Туркменистана не позднее второй трети I тыс. до н.э. Впервые горны этого типа были открыты на территории Маргианы, в дельте Мургаба на поселениях Чурнок и Уч-депе (Сарианиди, 1957; 1958. С. 313-327), а также на юге Туркменистана, в 1 км к северу от Елькен-депе².

Формирование этого типа горнов, который в археологической литературе принято называть «маргианским» является результатом длительного развития более ранних конструкций специальных обжиговых устройств – двухъярусных обжигательных горнов с центральным столбом в топочной камере, поддерживающим перекрытие. Эта конструкция безраздельно господствовала на территории южного Туркменистана в период Намазга IV и на раннем этапе периода Намазга V (Сарианиди, 1958. С. 336-337; Масимов, 1976. С. 37-49). В период поздней бронзы – вторая половина II тыс. до н.э. появляются двухъярусные конструкции без опорного столба округлой или прямоугольной формы (Масимов, 1976. С. 54). В некоторых регионах Среднего Востока вообще неизвестны горны с опорным столбом в топочной камере, относящиеся к эпохе бронзы. Так, на территории Северного Афганистана (Бактрия) пока открыты только круглые небольшие двухъярусные горны без опорного столба. Исследователь памятников В.И. Сарианиди объясняет отсутствие опорного столба или опорной стенки небольшими размерами топки. Раскопанные горны имели действительно небольшие размеры камеры сгорания – диаметры от 1,4 до 1,6 м. (Сарианиди, 1977. С. 61-62). Однако горны первого типа на Алтын-депе также имеют небольшой диаметр топки – 1,4 – 1,5 м. тем не менее, у них зафиксирован опорный столб, поддерживающий перекрытие (Масимов, 1976. С. 39). Тоже самое можно сказать и о гончарном производстве на городище Мундигак в Южном Афганистане, где примитивные очажные устройства для обжига керамики периода Мундигак I на более позднем этапе (Мундигак IV) сменяются округлыми двухъярусными горнами с опорным столбом или продольной стенкой внутри топочной камеры (Сарианиди, 1977. С. 61).

Еще меньших размеров были топочные камеры у двухъярусных прямоугольных горнов на Сапалли-тепе – ширина не более одного метра, но они имели опорную стенку, делящую камеру сгорания на две части и поддерживающую перекрытие (Аскаров, 1977. С. 36-37). Учитывая эти факты, можно предполагать, что отсутствие опорного столба в горнах Северного Афганистана было связано не столько с малым размером топочной камеры, сколь-

¹ В данной статье рассматриваются только специальные обжиговые устройства, подходящие под определение горнов (см.: Цетлин, 2017. С. 43).

² Горн, раскопанный в окрестностях Елькен-депе является наиболее ранним горном этого типа, из известных в настоящее время. Керамический комплекс, обнаруженный при раскопках горна, безусловно, относится к периоду РЖВ-I, который по «короткой» хронологии датируется концом II – началом I тыс. до н.э. (Пилипко, 2015. С. 50-51). Возможно, прототипом этого горна является горн, раскопанный на Улуг-депе и датированный периодом Намазга VI (Масимов, 1976. С. 39-40).

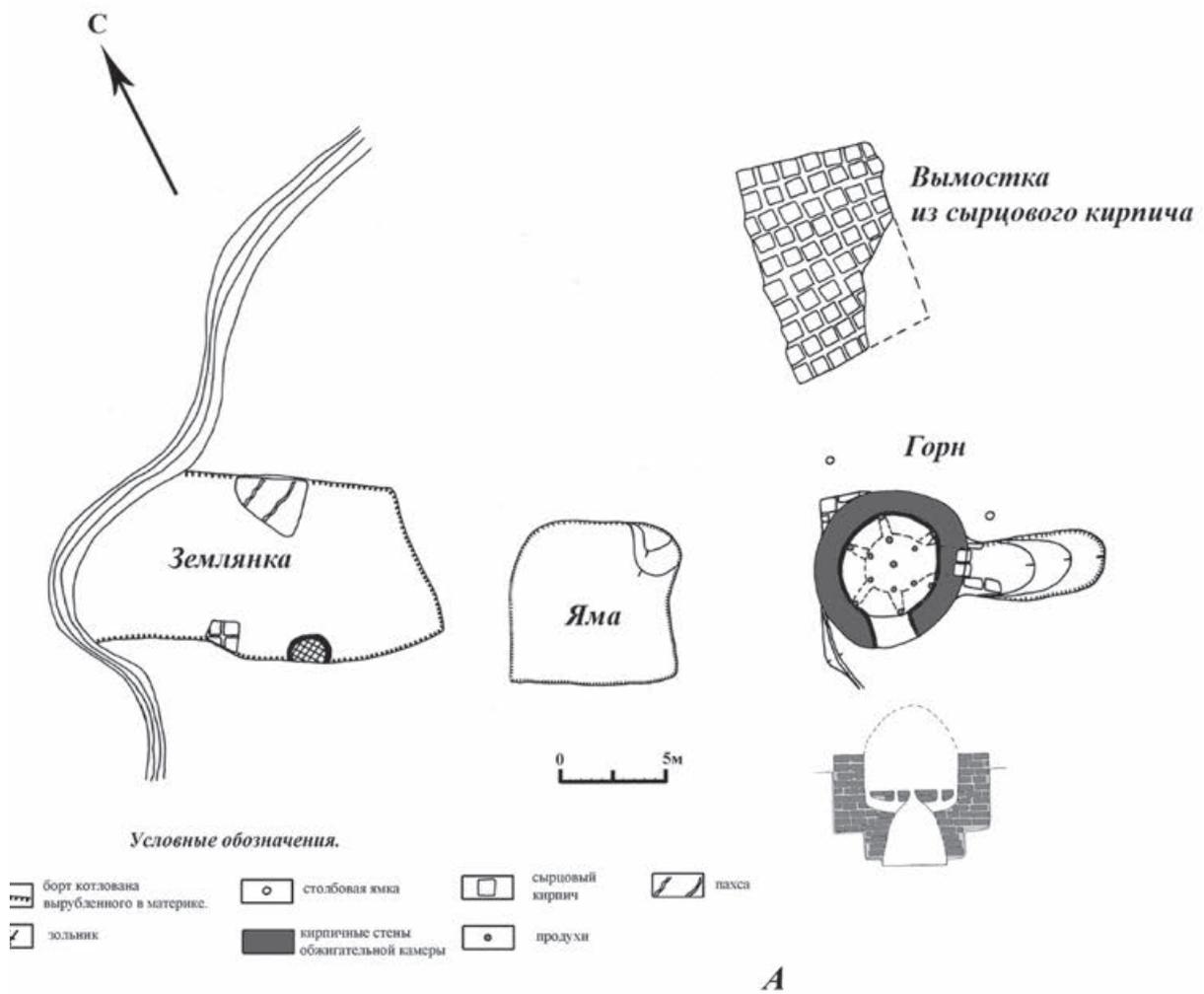

Рис. 2. Гончарная мастерская в окрестностях Кампыртепа.

А – общий план, разрез горна.

В – общий вид раскопа с северо-востока

ко с тем, что двухъярусные керамические горны появляются на этой территории на этапе развития специальных обжиговых устройств, когда опорный столб уже не используется в конструкции. Топочная камера, в подавляющем большинстве случаев, имеет сводчатое или плоское перекрытие.

В эпоху раннего железного века на территории Бактрии известны только двухъярусные горны, так называемого «маргианского» типа. Один из них раскопан на территории южного Таджикистана (Якубов, Давутов, 2001. С. 56-57). Несколько горнов этого типа зафиксированы на территории Дашлинского оазиса в Левобережной Бактрии. (Кругликова, 2005. С. 328-329). Надо заметить, что эта универсальная конструкция распространилась на территории древнеземледельческих областей Средней Азии не позднее середины I тыс. до н.э. и, с незначительными конструктивными изменениями, успешно использовалась, по крайней мере, не менее двух тысяч лет. Различия в эпоху античности отмечаются в способе перекрытия обжигательной камеры; известно два варианта: глиняный округлый диск или ложный купол. Кроме того, можно отметить систему расположения продухов в площади обжигательной камеры, которая зависела от размера горна и его специализации (Болелов, 1991. С. 71-77; 2002. С. 85-95).

На территории Северной Бактрии горны 1-го типа первой группы раскопаны на Кампыртепа (пригородная зона), с некоторыми оговорками к этому же типу можно отнести горны Саксанохура (во всяком случае, горны нижнего строительного горизонта «ремесленного квартала»). Судя по всему, нижняя часть горна этого типа открыта на Дабиль-Кургане. К этому же типу можно отнести один из горнов, раскопанных на цитадели Дальверзинтепа.

Лучше всего сохранился горн в пригородной зоне Кампыртепа (Рис. 2), который четко датируется по комплексу керамики и нумизматическим данным не позднее середины III в. до н.э. (Болелов, 2001. С. 18-19)³. Полностью сохранилась топочная камера, тепловой разделительный блок под обжигательной камерой и нижняя часть стен обжигательной камеры. Топочная камера была перекрыта ложным куполом, в котором были устроены, по всей видимости, коленчатые жаропроводящие каналы, открывавшиеся в обжигательную камеру округлыми продухами, которые располагались двумя концентрическими кругами по периметру верхней камеры. Еще один горн 1-го типа был раскопан в восточной части пригородной зоны Кампыртепа в 1982 году. Это был также двухъярусный округлый горн с радиальным расположением жаропроводя-

щих каналов. Перекрытие топки не сохранилось, но можно предполагать, что оно было купольным. Стены обжигательной камеры были заглублены в материковый грунт, а жаропроводящие каналы (распределители тепла) были устроены в кирпичной кладке (Болелов, 2001. С. 15). По конструктивным признакам горны, открытые на Кампыртепа, обнаруживают прямые аналогии с горнами, раскопанными на поселении Джин-тепе в Мервском оазисе, которые датируются парфянским временем (Мережин, 1962. С. 38). Эту конструкцию, безусловно, следует рассматривать как дальнейшее развитие конструктивных принципов «маргианских» горнов. Некоторые различия можно отметить в расположении входа в топочную камеру, через который осуществлялась загрузка топлива. У маргианских горнов он расположен в верхней трети высоты топки, глубина которой была немногим менее 3 м (Сарианиди, 1957. С. 72-77). У бактрийских горнов высота нижней камеры была меньше, а вход в топку устроен в нижней части.

Еще один горн подобной конструкции (сохранилась только топочная камера) был открыт на цитадели Дальверзин-тепе (Восковский, 2001), однако о способе перекрытия топки камеры этого горна вряд ли можно сказать что-либо определенное. Несколько особняком стоят горны, раскопанные на городище Саксанохур. На памятнике было открыто 9 обжигательных горнов (к сожалению, не все они были раскопаны). Причем, три из них относятся к нижнему (третьему по предварительной периодизации) строительному горизонту, который исследователи датируют греко-бактрийским временем. Шесть горнов относятся к верхнему (первому), то есть заключительному периоду существования городища, который датируется первыми веками до н.э. (юэджийско-бактрийский период) или позднее. На Саксанохуре горны были округлой и прямоугольной (точнее, овальной) формы; сохранились только топочные камеры. По конструктивным признакам – это двухъярусные горны с центральным или, возможно, центрально боковым ходом горячих газов. Стенки топочных блоков были облицованы сырцовыми кирпичами, что, в общем, нечасто отмечается у горнов этого типа, обычно стенки топки, например, в Хорезме, просто обмазываются глиной. Обкладка стенок топочной камеры точно зафиксирована у горна позднепарфянского времени, раскопанного на территории ремесленного квартала Гяур-калы в Древнем Мерве. Следует отметить, что кирпичная кладка мервского горна начиналась от уровня дна топочной камеры, завершалась, надо полагать, куполом выложенным методом «ложного свода» (Ахраров, Усманова, 1980. С. 47-55). У саксанохурских горнов кирпичная обкладка начиналась на уровне нижней четверти высоты топки. Надо полагать, круглые в плане топочные камеры были перекрыты «ложным куполом». По всей видимости, продухи, по которым горячие газы поступали в камеру обжига, были устроены непосредственно в перекрытии топки, то есть в тепловодно-разделительном блоке (ТРБ). Об этом можно догадываться на основании находки полуобожженных кирпичей

³ Уже после того, как мастерская была полностью раскопана, предложенная ранее датировка косвенно была подтверждена находкой в отвале грунта из землянки монеты Диодота. Л.С. - Голова Гермеса в петасе вправо; Об. С. - Афина, с копьём в согнутой в локте правой руке. Левою рукой Богиня опирается на щит. Туловище изображено в три четверти влево. По сторонам от изображения, двумя строками сверху вниз, частью утраченной легенда: ΒΑΣΙΛΕ[ΩΣ] ΔΙΟΔΟΤ[ΟΥ]. Автор выражает искреннюю благодарность А.А. Горину за предоставленную информацию.

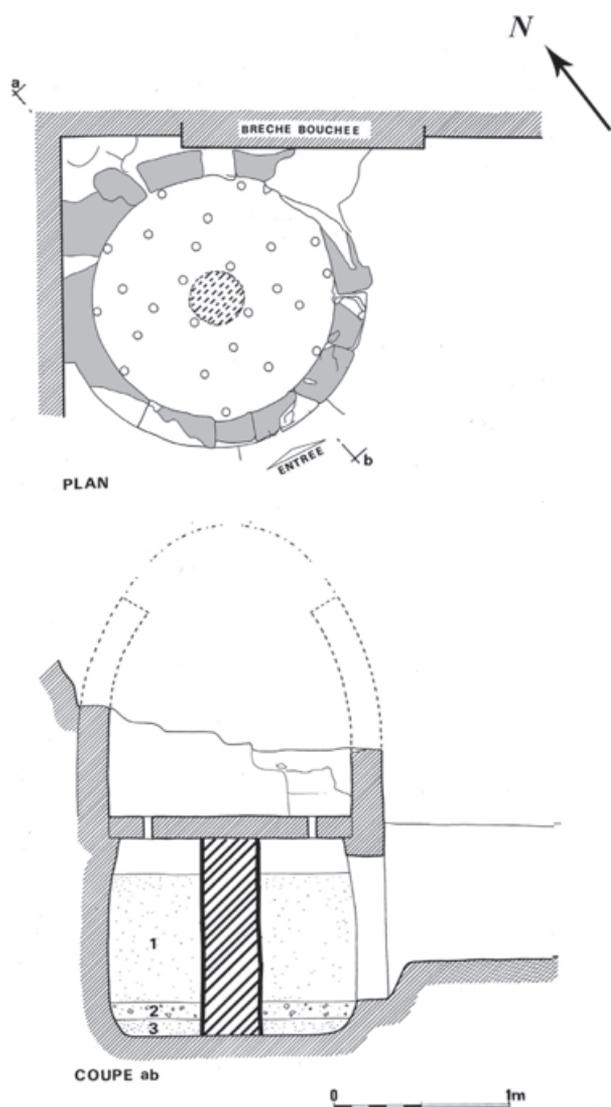

Рис. 3. Обжигательный горн на городище Ай-Ханум.
План, разрез (по *Veuve*, 1987. Tab.11)

с полукруглыми вырезами на углах. Не исключено, что в центре перекрытия как овальных, так и округлых горнов был центральный продух большего диаметра, чем все остальные, устроенный в специально изготовленном глиняном диске. Один из таких дисков диаметром 60 см с центральным отверстием диаметром 26 см был найден в заполнении горна №9 (нижний строительный горизонт) (*Мухитдинов*, 1968. С. 31). Следует заметить, что овальные и округлые в плане горны зафиксированы как в нижнем, безусловно, более раннем, строительном горизонте, так и в верхнем (*Литвинский, Мухитдинов*, 1969. С. 162). Таким образом, на Саксанахуре два вида горнов 1-го типа, по всей видимости, сосуществовали на протяжении всего периода жизни памятника. Следует отметить одну деталь конструкции, которая крайне редко встречается в других областях Средней Азии. Это дополнительные дымоотводные отверстия в виде глиняных кубуров, вмонтированные в кирпичную кладку топочной камеры напротив топочного канала на уровне перекрытия (*Мухитдинов*, 1968. С. 33). Специально устроенные

тепловые вытяжки, являющиеся отдельным элементом конструкции двухъярусного горна, известны по археологическим данным. На территории Хорезма они зафиксированы в более поздних по времени горнах в Нурумском оазисе (*Болелов*, 1991. С. 75). Аналогичные устройства обнаружены в горне, раскопанном на поселении черняховской культуры Лука-Врублевецкая (II-IV вв. н.э.) и реконструированном А.А. Бобринским (*Бобринский*, 1991. С. 128-130).

Горны 2-го типа первой группы менее многочисленны, по сравнению с горнами 1-го типа. Характерной особенностью этой конструкции является отсутствие жаропроводных каналов. Горячие газы поступали в камеру обжига через продухи устроенные в плоском перекрытии топочной камеры, опирающейся на центральный столб. Вследствие этого площадь топки была почти равна площади обжигательной камеры. Наиболее характерным примером горнов этого типа является горн, раскопанный на городище Ай-Ханум (Рис. 3).

Конструкция двухъярусного керамического горна с опорным столбом в топочной камере с различными типами перекрытия, которая впервые появляется на территории Северной Месопотамии и полностью сформировалась в эпоху средней бронзы на территории южного Туркменистана, оказалась достаточно универсальной. Подробный анализ появления и путей распространения этой конструкции в восточноевропейском регионе, проведенный А.А. Бобринским, избавляет от необходимости еще раз останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь то, что наиболее ранние образцы горнов этого типа, впрочем, как и двухъярусных горнов без опорного столба в топке, и это подчеркивает А.А. Бобринский, происходят из стран Ближнего Востока (Сузы – IV тыс. до н.э., Ярим-депе – V тыс. до н.э.) (*Бобринский*, 1991. С. 198; см. также: *Цетлин*, 2004. С. 404-424).

На территории Средней Азии конструкция двухъярусного керамического горна с опорным столбом в топочной камере, как уже отмечалось выше, используется гончарами сравнительно непродолжительный промежуток времени - периоды Намазга IV - ранний Намазга V. Уже в период поздней бронзы на территории Южного Туркменистана (поздний Намазга VI – вторая половина II тыс. до н.э.) на смену им приходят двухъярусные обжигательные горны без опорного столба со сводчатым перекрытием топки, которые имели прямоугольную, или близкую, к ней форму, которые уже во второй трети I тыс. до н.э. замещаются округлыми двухъярусными горнами «маргианского» типа.

Вместе с тем, в некоторых областях Средней Азии, например, в Бактрии, конструкция горна с опорным столбом в топочной камере известна в значительно более позднее время, а именно, в первые века до н.э. Они обнаружены на городище Ай-Ханум (*Veuve*, 1987. Tab. 11) и Дальверзин-тепе (*Ногі*, 2000. С.79; *Восковский*, 2001. С. 12-14; *Пугаченкова*, 1978. С. 120), а еще в более позднее время такая конструкция использовалась на территории Центрального Согда – Кафыр-кала (*Беленицкий и*

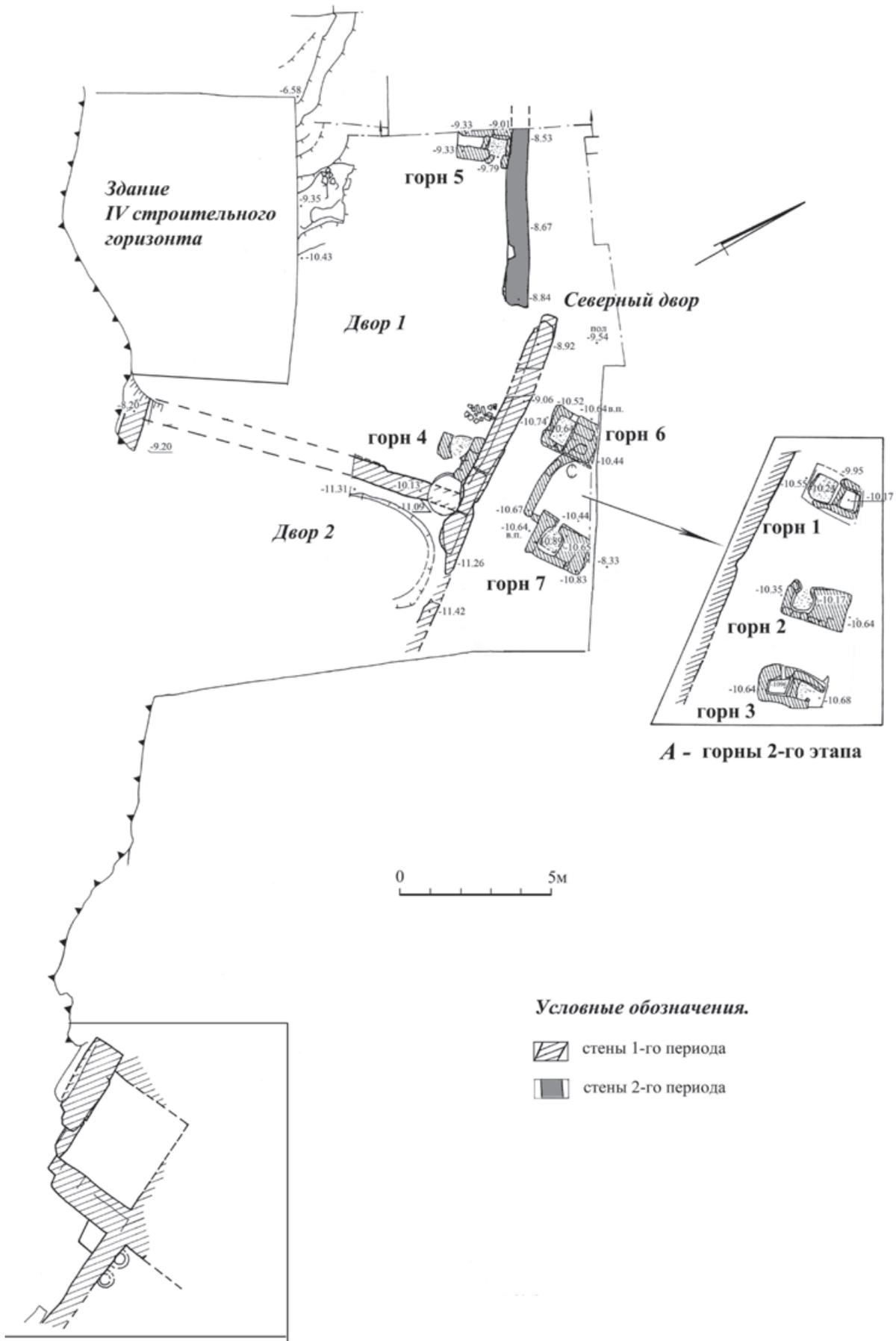

Рис. 4. Гончарное производство на цитадели Кампыртепа. План.

др., 1973. С. 49-51; Маршак, 2012. С. 213-215). В Хорезме горны с центральным столбом в топочной камере доживают до эпохи развитого средневековья (Ходжаниязов, 2008. С. 81-82).

Появление этих горнов на территории Бактрии никак не связано с продолжением традиций эпохи бронзы, тем более, как уже говорилось выше, ранее последней трети I тыс. до н.э. специальные обжиговые устройства этого типа на территории области не известны. Следует заметить, что двухъярусные горны с центральным опорным столбом в топочной камере, которые датируются последней третью I тыс. до н.э., открыты только на территории Бактрии. Во всех остальных областях Средней Азии в это время использовалась конструкция обжигового устройства без опорного столба.

Надо полагать, появление этой конструкции горна связано, прежде всего, с влияниями извне. Во всяком случае, фактом является то, что эти горны появляются на территории Бактрии не ранее конца IV – начала III вв. до н.э., то есть, после походов Александра Македонского. Эволюция горнов с опорным столбом периода архаики и в эпоху эллинизма, безусловно, связана с территориями материковой Греции и Малой Азии и, в определенной степени, иллюстрируется археологическими материалами из Северного Причерноморья. В областях Малой Азии и Греции такие горны хорошо известны во второй половине I тыс. до н.э. (Болелов, 2001. С. 21-22). На территории Причерноморья наиболее ранние горны с опорным столбом в топочной камере, датированные VI-V вв. до н.э. открыты в Нимфее и Пантикопее (САИ, 1966. С. 8), немного позднее, а именно, эллинистическим периодом датируются горны на поселении Айос-Петрос в южной Греции (Drews, 1979). В Херсонесе, наиболее распространенным типом в III-II вв. до н.э. были круглые горны с опорным столбом в топочной камере. Межкамерное перекрытие обычно устраивалось из длинных узких кирпичей, уложенных веерообразно и опиравшихся одним концом на столб, другим на край вырубленной в скале топочной камеры. В одном из горнов, раскопанных в Ольвии, «балочное» перекрытие имело несколько другую конструкцию. Топочная камера была перекрыта поперечно уложенными деревянными жердями, опиравшимися на столб и на стенки топки. Они же служили деревянным каркасом глиняного пода, в котором устраивались продухи (САИ, 1966. С. 8). Примечательно, что в одном из горнов середины I тыс. до н.э., раскопанного на Сары-тепе, в окрестностях Самарканда в перекрытии топочной камеры зафиксированы следы каркаса из деревянных балок (Иваницкий, 1992. С. 23). Аналогичная конструкция плоского перекрытия зафиксирована у прямоугольных в плане горнов на поселении III-II вв. до н.э. Бабишмола 7 в низовьях Сырдарьи (Болелов, Утубаев, 2019. С. 79; Болелов, 2020. С. 64-65). Следует заметить, что перекрытия топочной камеры, в виде горизонтально положенного плетня, обмазанного глиной с вертикальными продухами, широко были распространены на юге Восточной Европы в первые века н.э. (Раев, 2012. С. 218). В римское время конструкция округлых гор-

нов с опорным столбом в топочной камере распространяется практически на всех территориях европейских провинций Римской империи и приграничных областей. Наряду с плоскими «балочными» перекрытиями топочной камеры на территории Северного Причерноморья довольно широко было распространено «арочное» перекрытие, образованное уступчатой кладкой, смыкавшейся на вершине между опорным столбом и стенкой топочной камеры. Такие перекрытия зафиксированы как в круглых, так и в прямоугольных горнах. Заметим, однако, что арочная конструкция появляется в Причерноморье на рубеже н.э. и продолжает применяться в первые века н.э. Плоское же перекрытие появилось значительно раньше и безраздельно господствовало в конструкции обжигательных горнов в IV-II вв. до н.э. (САИ, 1966. С. 9).

На территории Бактрии наиболее поздние горны 2-го типа I группы (Ай-Ханум, горн №6 на Дальверзинтепа) датируются не ранее середины I в. до н.э. - рубежа н.э., то есть юэджийско-бактрийским периодом. Причем, по стратиграфическим данным, самым поздним был горн, открытый в квартале керамистов Дальверзинтепа, остатки которого перекрываются стенами помещений более позднего, великокушанского периода (Лугаченкова, 1978. С. 121).

Горны II группы известны только по раскопкам на цитадели Кампыртепа, где в первой половине III в. до н.э. функционировало гончарное производство. Всего на территории открытого двора раскопано 7 обжиговых устройств. По стратиграфическим данным выявлено два периода функционирования комплекса, причем более ранние горны разбирались, а затем на этом же месте строились новые (Рис. 4). В одном случае, горн был разобран, но на его месте так и не был построен новый. Характер культурного слоя в этой части раскопа однозначно свидетельствует о том, что это были производственные конструкции. Заполнение между горнами представляет собой слой золы с большим количеством обожженной глиняной крошки. Кроме того, найдено некоторое количество фрагментов бракованной и ошлакованной глиняной посуды.

Горны представляли собой прямоугольную в плане двухкамерную конструкцию, сложенную из сырцовых кирпичей на невысоком глинобитном основании, перекрытую ложным сводом. Одна из камер была топкой (Рис. 5). Стенки ее сильно обожжены, а в верхней части, как это четко зафиксировано у горна №5, ошлакованы. Вторая камера, уровень пола которой был немного выше нижнего уровня топочной камеры, была, по всей видимости, обжигательной. У горна №5 на уровне пола был засыпан слой чистого песка толщиной не более 5-7 см, поверх которого были уложены фрагменты стенок крупных и средних керамических сосудов, обмазанных сверху плотной глиной серо-желтого цвета. Камеры были разделены перегородкой, высота которой, вероятно, не превышала половину общей высоты конструкции. Со стороны топочной камеры перегородка в результате действия огня была ошлакована до желто-зеленого цвета. Как можно

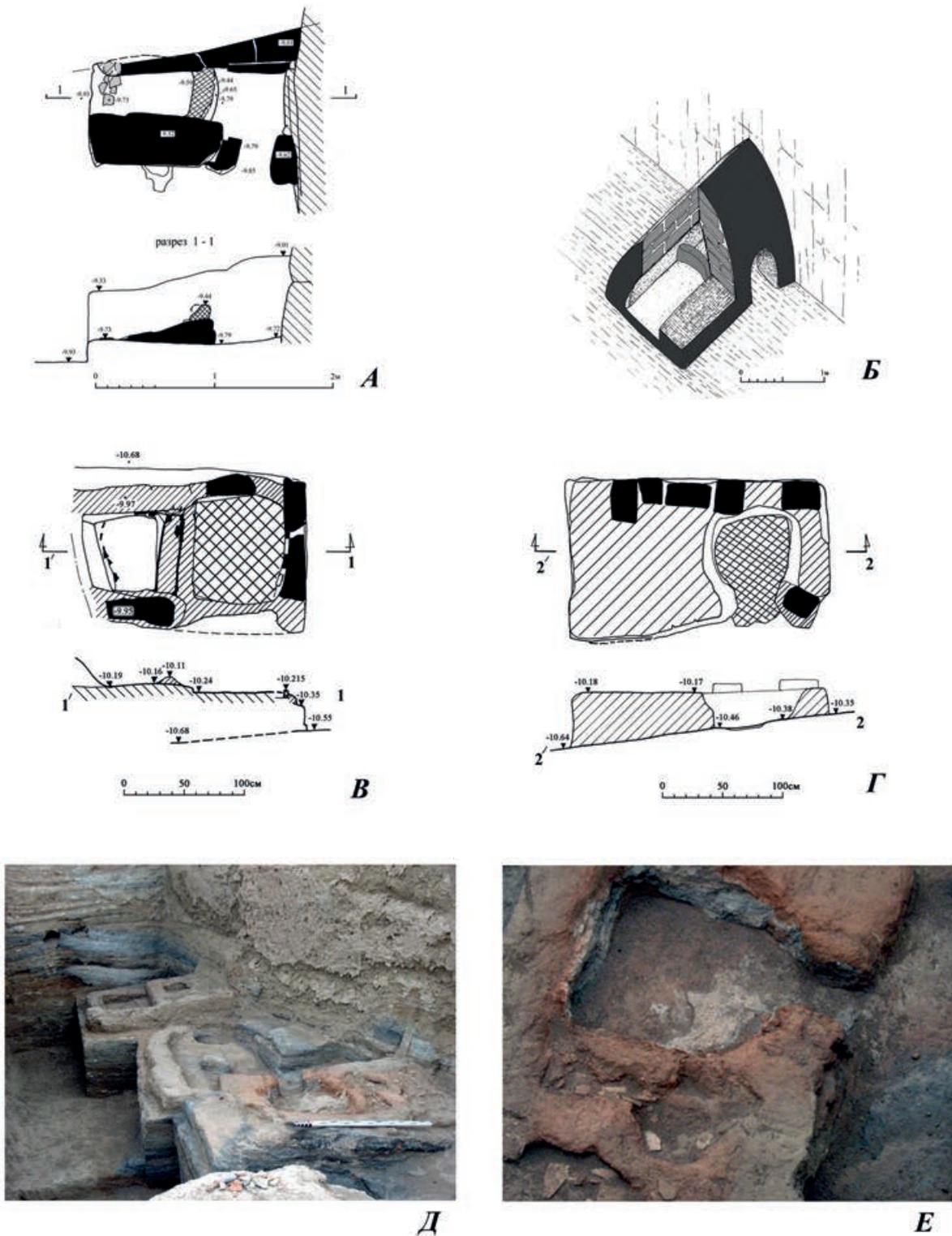

Рис. 5. Обжигательные керамические горны на цитадели Кампыртепа.
 А – Горн №5. План, разрез; Б – горн №5. Графическая реконструкция Е.А. Куркиной;
 В – горн №6. План, разрез; Г- горн №7. План, разрез;
 Д – горны 1-го периода, вид с востока; Е – горн №7. Вид сверху

предполагать, через оставшийся зазор между перегородкой и замком свода горячие газы поступали из топki в обжигательную камеру (Болелов, 2011. С. 51-62)⁴.

По конструктивным признакам эти объекты определяются как одноярусные двухкамерные горны с горизонтальным боковым ходом горячих газов⁵. По классификации А.А. Бобринского они относятся к горнам 2-го класса, древняя история которых связана с территорией Южного Туркменистана, где они открыты на поселениях эпохи энеолита и датируются в пределах конца IV – начала III тыс. до н.э. (Бобринский, 1991. С. 98; см. также: Сараниди, 1963. С. 80-84; Масимов, 1976. С. 51). Горны этого типа были обнаружены на территории Центрального Согда, на поселении Саразм, в слоях начала III тыс. до н.э. (Исаков, 1984. С. 496-497; Исаков, 1986. С. 163; Исаков, 1991. Рис. 50). Наземные двухкамерные одноярусные печи для обжига керамики (1 тип по А.А. Аскаркову), весьма близкие по конструктивным признакам кампыртепинским горнам, открыты на поселении Сапаллитепа (Аскарков, 1977. С. 34-35. Рис. 9).

Значительный временной разрыв между горнами Кампыртепа и одноярусными обжиговыми устройствами Сапаллитепа и другими подобными конструкциями эпохи бронзы не позволяет непосредственно связывать появление одноярусных двухкамерных горнов в последней трети I тыс. до н.э. с традицией эпохи бронзы. В то же время, гончарное производство Бактрии периода раннего железного века изучено еще не достаточно. По этой причине нельзя исключать того, что конструкция одноярусного двухкамерного обжигательного горна могла быть известна бактрийским гончарам в середине, или в первой половине I тыс. до н.э. О том, что такая конструкция не была забыта среднеазиатскими керамистами, свидетельствуют, в частности, открытие в различных областях Средней Азии

нескольких двухкамерных одноярусных горнов, относящихся, однако, к более поздним периодам.

Горны похожей конструкции, которые предварительно были датированы кушано-сасанидским периодом, были раскопаны у подножия цитадели средневекового городища Шуроб-Курган, в нескольких километрах от цитадели Кампыртепа. Как можно предполагать по плохо сохранившимся остаткам, это были двухкамерные одноярусные обжиговые устройства с боковым горизонтальным или вертикально-боковым ходом горячих газов. (Гендельман, 2001. С. 103-104). Следует заметить, что микрорельеф в этой части городища практически полностью уничтожен современными земляными работами (сохранились только нижние части топочной и обжигательной камеры), по этой причине об условиях расположения горнов по отношению к жилым постройкам и о наличии рядом с ними производственных помещений нам ничего не известно.

Еще один горн подобной конструкции, датированный по сопутствующему материалу III-V вв. н.э. раскопан на территории Южного Согда, на городище Ер-Курган. Он представлял собой овальную в плане двухкамерную одноярусную конструкцию, стенки которой были сложены из пахсы. Топочная и обжигательная камеры расположены последовательно на продольной оси. Особенностью данного обжигового устройства является округлый в плане опорный столб, по всей видимости, поддерживавший перекрытие обжигательной камеры (возможно ложный купол) (Кабанов, 1977. С. 126-127). Следует отметить, что рядом с этим горном позднее были раскопаны обжигательные горны принципиально другой конструкции – двухъярусные с центральным или с центрально-боковым ходом горячих газов, которые также датируются в пределах первой половины I тыс. н.э. (Исаметдинов, Раимкулов, 1991. С. 126-127; Исаметдинов, Хасанов, 2000. С. 113-117). Еще один горн аналогичной конструкции, но относящийся к более позднему периоду (IX-X вв. н.э.), раскопан на городище Дагайтепа, неподалеку от Ер-курмана. Это овальная в плане, заглубленная землю, двухкамерная одноярусная конструкция длиной 1,5 и шириной около 1 м. Топочная и обжигательная камеры расположены на одной продольной оси, при этом уровень пода топочной камеры на 25-30 см ниже пода обжигательной камеры. Перегородка между ними сложена из прямоугольного сырцового кирпича. Ширина жаропроводного канала – 18 см. По мнению исследователя памятника, такие горны были предназначены для обжига тонкостенной керамики, о чем свидетельствует керамический отвал рядом с горном (Кабанов, 1977. С. 33-34). По всем признакам описанные выше горны относятся к устройствам с боковым горизонтальным ходом горячих газов. Существование горнов этой конструкции с двухъярусными горнами с центральным или центрально-боковым ходом горячих газов на одном памятнике (например, в квартале керамистов на Ер-Кургане, Кампыртепа) дает основание полагать, что среднеазиатским гончарам достаточно хорошо была известна эта конструкция. Кроме того, наличие в одном производственном

⁴ Подобная конструкция определяется как горны с вертикально-горизонтальным ходом горячих газов, у которых топочная камера располагается немного ниже по уровню, чем камера обжига, но разделительная стенка имеет вертикальное положение (Цетлин, 2017. С.43).

⁵ По поводу функционального назначения этих конструкций была высказана другая точка зрения. По мнению Э.В. Ртвеладзе это были двухчастные (?) алтари, в которых одна часть (надо думать нижняя, где сжигалось топливо – С.Б.) предназначалась для установки жаровней, на которых возжигались культовые растения, а другая часть (видимо обжигательная камера – С.Б.) была предназначена для предшествующих этому ритуалу действий (Ртвеладзе, 2017. С. 34). Однако эта точка зрения никак не подтверждается результатами раскопок. Во-первых - стенки камер сильно обожжены, у наиболее хорошо сохранившегося горна №5 ошлакованы и оплавлены в средней части. Вряд ли «возжигание культовых растений» происходило при температуре более 1000° по С. Именно при этой температуре и выше происходит оплавление лессовой глины до оранжево-зеленого цвета. Совершенно точно зафиксировано, что топливо сжигалось непосредственно в камере; и пол и стенки этой конструкции обожжены. Кроме того, на уровне пола почти всех нижних камер зафиксирован слой спекшейся золы серого цвета с древесными угольками. Во-вторых – в ходе раскопок совершенно точно установлено, что эти конструкции были перекрыты сводом (Болелов, 2011. С. 58). В связи с этим возникает вопрос: зачем возжигать культовые растения в закрытом пространстве? Тем более, что алтари, перекрытые сверху, в археологии не известны, они, также, как и культовые очаги, всегда открыты и обращены к небу (характеристики алтаря см. Вигасин, 2008. С. 21-23).

комплексе принципиально различных конструкций обжиговых устройств, причем разных размеров, возможно, свидетельствует о специализации горнов, в которых обжигалась разная по размерам и функциональному назначению посуда.

Необходимо заметить, что двухкамерные обжигательные устройства этого типа известны и в других, зачастую намного удаленных от Бактрии, областях Евразии. Так, одноярусный двухкамерный горн (исследователи памятника называют его печью), датированный поздним этапом сармато-албанского периода, раскопан на северо-восточной окраине городища Дербент в Дагестане. У этой конструкции была небольшая по площади прямоугольная в плане топка, которая жаропроводящим отверстием шириной 36-37 см. соединялась с полукруглой в плане, также небольшой (диаметр – 0,75-08 м), обжигательной камерой. Уровень пода обжигательной камеры был на 8-10 см выше нижнего уровня топочной камеры (Гаджиев, 2002. С. 111). Этот горн по конструктивным признакам весьма близок специальным обжиговым конструкциям, раскопанным у дагестанского села Верхний Чириюрт, которые датируются первыми веками н.э. (Канивец, 1957. С. 161). По мнению исследователей памятников, небольшие размеры этих горнов свидетельствуют об ограниченном объеме обжига. Возможно, они служили для изготовления керамики для собственных нужд. Можно также предполагать, что в них мог выпекаться хлеб (Гаджиев, 2002. С. 111).

Данных о размещении гончарного производства в последней трети I тыс. до н.э. на территории Северной Бактрии, по которым можно было бы судить о формах его организации, не так много. Есть все основания предполагать, что в предместьях Саксанухура на раннем этапе существования памятника (нижний строительный горизонт «ремесленного квартала») функционировало довольно крупное производство (квартал керамистов), где отдельные мастерские специализировались на производстве мелкой пластики (Мухитдинов, 1987. С. 93-116). Мастерская в пригороде Кампыртепа, как следует из археологического контекста, работала не постоянно. Скорее всего, это было сезонное производство, где в течение определенного периода времени года изготовлением посуды на заказ занимался ремесленник-профессионал. Одновременно на территории крепости функционировало менее производительное гончарное производство, где обжигалась посуда для повседневных нужд жителей крепости. Надо полагать, что это было домашнее производство, где обжигом посуды занимались наиболее умелые жители крепости. Здесь, кажется правомерным провести параллель с коллективным обжигом керамики в селениях горного Таджикистана, где изготовленная в каждом доме посуда обжигалась в определенном месте, но обжигом руководили наиболее умелые женщины-мастерицы (Пещерева, 1959. С. 40-43). В связи с этим можно вспомнить находки фрагментов сформованных, но не обожженных сосудов, в нижних культурных слоях селевкидского и раннего греко-бактрийского периода в раскопе на западном склоне восточного холма «нижнего города» Кампыртепа (Дзуреченская, 2006.

С. 110-136), то есть практически напротив гончарного производства на цитадели. Таким образом, можно предполагать, что небольшие партии посуды для повседневного спроса формовались в домах неподалеку и затем, после сушки, уже обжигались в горнах у подножия центрального холма. Весьма вероятно, что это были кувшины и небольшие горшки горнового обжига, сформованные от руки и подправленные на вращающейся подставке. В керамическом комплексе КТ-II, в группе хозяйственной посуды такие сосуды составляют 18,4% (Болелов, 2011. С. 61).

Несколько сложнее определить условия функционирования горнов и мастерских на городище Ай-Ханум и на цитадели Дальверзинтепа. Горн на Ай-Ханум функционировал уже на развалинах Гимнасия, таким образом, он относится к периоду заупустения городища, когда заброшенные помещения здания использовались ремесленниками (Бернар, 1986. С. 22; Пичикян, 1991. С. 224). Так как планировка позднего периода обживания на этом участке городища нам не известна, следовательно, ничего нельзя сказать и об условиях размещения производства. Можно только предполагать, что это была отдельная небольшая гончарная мастерская, которая, наряду с другими производственными комплексами (небольшие мастерские по переработке металлов, печей для выжигания извести), возникла в это части памятника после того, как город был покинут греческими колонистами (Бернар, 1986. С. 30). Еще меньше данных об условиях размещения горнов, открытых в нижних слоях цитадели Дальверзин-тепа, в весьма незначительном по площади раскопе. В данном случае мы можем только предполагать, что эта была небольшая гончарная мастерская, о чем косвенно свидетельствует расположение двух различных по размеру горнов в непосредственной близости друг от друга. Остатки горна греко-бактрийского времени, раскопанные на Дабиль-Кургане, свидетельствуют лишь о том, что в это время на городище функционировало гончарное производство.

Таким образом, можно определенно говорить, о том, что в последней трети I тыс. до н.э. на территории Бактрии по археологическим данным фиксируется несколько организационных форм гончарного производства.

Ремесленное специализированное гончарное производство, возможно, товарное, на городище Саксанохур функционировало, по всей видимости, постоянно. «Ремесленный квартал», по мнению исследователей памятника, существовал на одном месте, по крайней мере, пятьсот лет. Нижний строительный горизонт относится к греко-бактрийскому периоду; самый верхний строительный горизонт датируется поздним кушанским периодом (Литвинский, 1973. С. 13). Видимо, в этом случае можно предполагать действительно существование на Саксанохуре квартала гончаров уже в последней трети I тыс. до н.э.

Сезонное гончарное производство, где посуду изготавливали на заказ во время определенного сезона (гончарная мастерская и отдельный горн юэджийско-бактрийского периода) функцио-

нировало в окрестностях Кампыртепа. Помимо этого, на небольших поселениях, каковым в греко-бактрийский период была цитадель Дальверзинтепа, работали, по всей видимости, небольшие гончарные мастерские и в данном случае речь может идти об общинном производстве. Видимо к этой организационной форме следует отнести и гончарное производство на цитадели Кампыртепа.

ЛИТЕРАТУРА

- Аскарлов, 1977 – Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 231 с.
- Ахраров, Усманова, 1980 – Ахраров И.А., Усманова З.И. Керамическая печь позднеантичного времени. // Культура Туркмении в средние века. Труды ЮТАКЭ, том XVII. Ашхабад: Ёлым, 1980. С. 47-58.
- Беленицкий и др., 1973 – Беленицкий А.М., Большаков О.Г., Бентович И.Б. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 389 с.
- Бернар, 1986 – Бернар П. Гимнасий в Ай-Ханум // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.). Ташкент: Фан, 1986. С. 22-31.
- Бобринский, 1991 – Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М.: Наука, 1991. 215 с.
- Болелов, 1991 – Болелов С.Б. Керамические обжигательные печи Нурумского поселения // Новые открытия в Южном Приаралье (материалы к археологической карте). Вып. I. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1991. С. 72-90.
- Болелов, 2001 – Болелов С.Б. Гончарная мастерская III-II вв. до н.э. на Кампыртепа (к вопросу о керамическом производстве и организации ремесла Северной Бактрии эпохи эллинизма) // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы ТЭ. Вып. 2. Ташкент: SAN'AT, 2001. С. 15-30.
- Болелов, 2002 – Болелов С.Б. Керамические обжигательные горны на территории южного и юго-восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н.э. – первые века н.э.) // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент: Фан, 2002. С. 85-95.
- Болелов, 2010 – Болелов С.Б. Гончарные производства Бактрии античного периода // Древние цивилизации на Среднем Востоке. М.: ГМВ, 2010. С. 26-28.
- Болелов, 2011 – Болелов С.Б. Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа // Материалы ТАЭ. Вып. 8. Елец: ЕГУ, 2011. С. 48-79.
- Болелов, 2020 – Болелов С.Б. Обжигательные керамические горны эпохи античности в низовьях Сырдарьи // Кафедра археологии Средней Азии: поиск и открытия поколений. Ташкент: Изд-во Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, 2020. С. 62-74.
- Болелов, Утубаев, 2019 – Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Низовья Сырдарьи во второй половине I тыс. до н.э. (новые данные к изучению чирикрабатской археологической культуры) // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов. История, археология, культура. М.: ИВ РАН, 2019. С. 67-89.
- Вигасин, 2008 – Вигасин А.А. Отв. Ред. История и культура Древнего Востока. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2008. 429 с.
- Воробьева, 1961 – Воробьева М.Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. Труды ИЭ АН СССР, новая серия. Т. XLVIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 147-179.
- Восковский, 2001 – Восковский А.А. Керамические печи греко-бактрийского времени на цитадели Дальверзинтепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент: Ёзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. С. 12-14.
- Гаджиев, 2002 – Гаджиев М.С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Восточная литература, 2002. 320 с.
- Гендельман, 2001 – Гендельман П.И. Результаты археологических исследований на цитадели Шуроб-Кургана // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент: Ёзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. С. 91-107.
- Двуреченская, 2006 – Двуреченская Н.Д. Итоги археологических работ 2004-2005 гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // Материалы ТАЭ. Вып. 6. Елец: ЕГУ, 2006. С. 110-136.
- Завьялов, 2008 – Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок на городище Зартепа). СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. 293 с.
- Иваницкий, 1992 – Иваницкий И. Д. Сары-тепе 2 – поселение керамистов середины I тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент: Фан, 1992. С. 22-40.
- Исаков, 1984 – Исаков А.И. Раскопки поселения Саразма // АО – 1982. М.: Наука, 1984. С. 496-497.
- Исаков, 1986 – Исаков А. И. Саразм – новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА, 1986, №1. С. 152-167.
- Исаков, 1991 – Исаков А.И. Саразм (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977 – 1983 гг)). Душанбе: Дониш, 1991.
- Исаметдинов, Раимкулов, 1991 – Исаметдинов М.Х., Раимкулов А.А. Квартал керамистов на Ер-кургане VI-VII вв. н.э. // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент: Фан, 1991. С. 123-131.
- Исаметдинов, Хасанов, 2000 – Исаметдинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшеба. Ташкент: Изд-во им. А. Кадыри, 2000. 199 с.
- Кабанов, 1977 – Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент: Фан, 1977. 137 с.

- Канивец*, 1957 – *Канивец В.И.* Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году. // УЗ ИИЯЛ. Т. III. Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1957. С. 157-164.
- Кругликова*, 2004 – *Кругликова И.Т.* Джагаттепа // ПИФК, XIV. М.-Магнитогорск: Изд. Магнитогорского Гос. Университета, 2004. С. 479-561.
- Кругликова*, 2005 – *Кругликова И.Т.* Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана // ПИФК, XV. М.-Магнитогорск: Изд. Магнитогорского Гос. Университета, 2005. С. 309-437.
- Литвинский*, 1973 – *Литвинский Б.А.* Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (некоторые итоги и проблемы) // АРТ. Вып. X (1970 г.). М.: ГРВЛ, 1973. С. 5-41.
- Литвинский*, *Мухитдинов*, 1969 – *Литвинский Б.А.*, *Мухитдинов Х.* Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) // СА. 1969. № 2. С. 160-179.
- Маршак*, 2012 – *Маршак Б.И.* Керамика Согда V-VII вв. как историко-культурный памятник. СПб: Изд-во ГЭ, 2012. 384 с.
- Масимов*, 1976 – *Масимов И.С.* Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане: (По материалам раскопок поселения Алтын-депе). Ашхабад: Ылым, 1976. 112 с.
- Массон*, 1974 – *Массон В.М.* Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974. С. 3-13.
- Мережин*, 1962 – *Мережин Л.Н.* К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе // Труды ЮТАКЭ, т. XI (Керамика античного и средневекового Мерва). Ашхабад: Ылым, 1962. С. 12-25, 30-36.
- Мухитдинов*, 1968 – *Мухитдинов Х.Ю.* Гончарный квартал городища Саксанохур // Известия АН Тадж. ССР, ООН. Вып. 3 (53). Душанбе: Дониш, 1968. С. 28-35.
- Мухитдинов*, 1987 – *Мухитдинов Х.Ю.* Саксанохурские матрицы для формовки мужских статуэток // МКТ. Вып. 4. Душанбе: Дониш, 1987. С. 91-114.
- Пещерева*, 1959 – *Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. Труды ИЭ АН СССР, новая серия. Т. XLII. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 395 с.
- Пидаев*, 1988 – *Пидаев Ш.Р.* Раскопки жилого комплекса в северо-западной части Зартепа // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент: Фан, 1988. С. 34-44.
- Пилипко*, 2015 – *Пилипко В.Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб: АИК, 2015. 420 с.
- Пичикян*, 1991 – *Пичикян И.Р.* Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). Очерки. М.: Наука, 1991. 343 с.
- Пугаченкова*, 1973 – *Пугаченкова Г.А.* Керамические печи кушанского времени в Южном Узбекистане // СА. 1973. № 2. С. 205-215.
- Пугаченкова*, 1978 – *Пугаченкова Г.А.* Квартал керамистов (ДТ-9) // Дальверзин-тепе – Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 143-160.
- Раев*, 2012 – *Раев Б.А.* Гончарные печи меотских городищ Прикубанья и Подонья // Turagetia. Archeologie, Istorie, Antică. Serie novă. Vol. VI [XXI], 2012, № 1. С. 207 – 224.
- Ртвеладзе*, 2017 – *Ртвеладзе Э.В.* Кампыртепа – Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н.э. – I в. до н.э.). Материалы ТЭ. Вып. X. Ташкент: Изд-во «SAN'AT», 2017. 139 с.
- САИ*, 1966 – Свод археологических источников. Археология СССР. Вып. Г1-20. Отв. Ред. И.Б. Зеест. М.: Наука, 1966. 158 с.
- Сарианиди*, 1957 – *Сарианиди В.И.* Керамические печи древней Маргианы // КСИИМК. Вып. 69. Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 72-78.
- Сарианиди*, 1958 – *Сарианиди В.И.* Керамическое производство древнемаргианских поселений // Труды ЮТАКЭ. Т. VIII, Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1958. С. 313-348.
- Сарианиди*, 1963 – *Сарианиди В.И.* Керамические горны восточно-анауских поселений // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 80-85.
- Сарианиди*, 1977 – *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. 172 с.
- Цетлин*, 2004 – *Цетлин Ю.Б.* Гончарный горн на памятнике Телль-Хазна I в Сирии. // РМ. Мунчаев, Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров. Телль-Хазна I. Культово-административный центр IV-III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. С. 404-424.
- Цетлин*, 2017 – *Цетлин Ю.Б.* Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
- Ходжаниязов*, 2008 – *Ходжаниязов Г.Х.* Средневековый гончарный центр (Археологический объект 3) // Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Археология Приаралья. Вып. VII. Ташкент: Фан, 2008. С. 81-92.
- Якубов*, *Давутов*, 2001 – *Якубов Ю.*, *Давутов Д.* Археологические раскопки на территории Куляба в 2001 году // Проблемы древней и средневековой культуры Центральной Азии. Душанбе: Изд-во АН Республики Таджикистан, 2001. С. 54-69.
- Drews*, 1979 – *Drews G.* Entwicklung der Keramikbrennofen // Acta prae-historica et archaeologica. 1978/1979. Vol. 9/10. Berlin: Spiess Volker Verlag, 1979. S. 33-48.
- Hori*, 2000 – *Hori A.* Greko-Baktrian Pottery kilns at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. XXI, Tokyo, 2000. P. 75-88.
- Veuve*, 1987 – *Veuve S.* Fouilles d'Ai Khanoum. VI. La gymnase: architecture, ceramique, sculpture. Paris: Boccard, 1987. 127 p.

ТРИ ЛИНИИ ОБОРОНЫ НА ЗАПАДЕ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Н. Д. Двуреченская, О. В. Двуреченский

Резюме. В статье обосновывается гипотеза о существовании единого стратегического замысла по обороне западной части Северной Бактрии. Она могла представлять собой цепь стен и крепостей, расположенных по горным массивам, опорные пункты в виде крепостей, контролировавших проходы в расположенных южнее адырах, а также крепости Старый Термез и Кампыртепа, контролировавшие переправы через Амударью.

Ключевые слова: Селевкиды, Греко-Бактрия, Амударья, Сурхандарья, фортификация.

Summary. The article substantiates the hypothesis of the existence of a single strategic plan for the defense of the western part of Northern Bactria. It could be a chain of walls and fortresses located along mountain ranges, strongholds in the form of fortresses that controlled the passages in the adyrs located to the south, as well as the fortresses of Old Termez and Kampyrtepa, which controlled the crossings over the Amu Darya.

Key words: Seleucids, Greco-Bactria, Amudarya, Surkhandarya, fortification.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-84-88

Уже много лет мы работаем с Виктором Николаевичем Пилипко в одной, созданной Г.А. Кошеленко в 1980 г. Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН. В.Н. Пилипко возглавляет Нисийский отряд, Н.Д. Двуреченская – Бактрийский. Академическая скрупулезность и педантичность в исследованиях Виктора Николаевича, тщательная проработка аргументации – всегда являлись для нас образцом «Школы М.Е. Массона», выпускниками которой нам также посчастливилось быть. В честь замечательного юбилея мы представляем вашему вниманию предварительный набросок понимания развития фортификационной системы и линий обороны в западной части Северной Бактрии в Селевкидский и Греко-бактрийский периоды.

Западная часть Северной Бактрии занимает участок Бактрийской равнины, которая расположена в кольце величайших горных систем мира. С востока она буквально заперта вершинами Памира, с севера отрогами Памиро-Алая, в частности, Гиссарским хребтом, с запада горами Кугитанг, а с юга равнину подпирает Гиндукуш. Водами этих гор питается целая сеть рек, которые в свою очередь стекают в центр долины и образуют крупнейшую водную артерию среднеазиатского междуречья Амударью (в древности Окс). Начало ее лежит на востоке доли-

ны, по современным географическим представлениям у слияния рек Вахш и Пяндж.

В рамках данной работы представляется необходимым отдельно рассмотреть географию западной части Северной Бактрии. С севера и с запада рассматриваемая территория ограничена горными системами Гиссарского хребта и Кугитанга, с востока – горным массивом Бабатаг, а с юга – течением реки Амударья. Данные географические особенности позволяют нам выделять западную часть Северной Бактрии от восточной и Южной или левобережной Бактрии. Сегодня этот район полностью совпадает с границами Сурхандарьинской области республики Узбекистан.

В свою очередь рассматриваемая территория имеет двухчастный характер. Предгорная северная часть разительно отличается от южной – долинной. Предгорье имеет естественное ограничение в виде Саракамыш-Шерабадского и Шерабад-Келифского адыров. Последние представляют собой низкогорные хребты высотой до 1600 м. От горной гряды Чутьбаир в направлении северо-восток – юго-запад, вплоть до реки Шерабад, простирается Сарыкамыш-Шерабадская гряда – полоса расчлененных низкогорий – «адыров». Далее, прорезаясь рекой Шерабад в районе одноименного города, адыры продолжают все так же в юго-западном направлении, но получают название «Келиф-Шерабадская гряда».

Основные реки северо-западной части Северной Бактрии, беря свое начало на горных вершинах Гиссара, устремляют свои потоки к Амударье. Крупнейшими из них являются реки Шерабаддарья, Карасу и саи – правые притоки Сурхандарьи. Эти речные системы протекают всего через несколько имеющих проходов в вышеописанных адырах, и именно в их долинах сформированы оазисы Северной Бактрии, которые использовались древними земледельцами с эпохи бронзового века. Кроме того, именно к руслам этих рек и саев, протекающих в предгорьях и уходящих в равнину, приурочены основные дороги западной части правобережной Бактрии.

Прежде чем перейти к изложению заявленной в названии статьи темы, представляется необходимым дать краткую историческую справку об изученности эллинистических памятников на рассматриваемой территории Бактрии.

Одной из основных проблем в археологии Средней Азии до сегодняшнего дня является слабая изученность эллинистического периода Северной Бактрии. На фоне крупнейших раскопок, затрагивающих памятники Кушанской империи, зачастую перекрывающих многометровыми слоями культурных отложений более ранние хронологические слои, трехсотлетний период, наступивший после похода Александра Великого, представлен отдельными шурфами, помещениями или комплексами, не дающими достаточного материала для широких археологических и историко-культурных обобщений (*Двуреченская*, 2019. С. 104-105).

За последние два десятилетия благодаря раскопкам и публикациям материалов как вновь открытых, так и уже известных памятников Северной Бактрии, качественно расширилась база источников по раннеэллинистическому и греко-бактрийскому периодам.

Одним из ключевых объектов в решении проблем исторической топографии, хронологии и материальной культуры эллинистического периода является крепость Кампыртепа. Однако на сегодняшний день эллинистическая часть памятника, ее планировка, а также детальная хронология находятся в стадии исследования и далеки до своего завершения.

Вторым важным объектом является открытая в 2003 г. и полностью доисследованная в 2009 г. крепость Курганзол, расположенная в горах Байсуна (*Сверчков*, 2013). Этот небольшой памятник представляет собой уникальный образец фортификационного сооружения с комплексом жилых и оборонительных помещений, с богатым керамическим материалом и незначительной серией индивидуальных находок, относимых на основе анализа археологического материала, а также серии дендрохронологических дат к последней четверти IV в. до н.э.

Третьим и наиболее важным на сегодняшний день памятником является крепость Узундара, которая представляет собой селевкидский и греко-бактрийский пограничный фрурион, так же, как и Курганзол не перекрытый поздними культурными отложениями. Открытая в 1991 г. Э.В. Ртвеладзе

крепость Узундара стала объектом археологического исследования Бактрийского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции ИА РАН совместно с Институтом искусствознания АН РУз лишь с 2013 г. (*Ртвеладзе*, 1992. С. 4-5; *Dvurechenskaya*, 2019. Р. 153-162). За десять полевых сезонов этот памятник дал многочисленный и разнообразный материал, исчисляемый в более чем двух тысячах индивидуальных находок, среди которых богатый нумизматический материал, комплекс вооружения. Кроме того, массовый материал исчисляется несколькими тысячами формообразующих фрагментов керамики, происходящих из стратифицированных и хорошо датированных помещений и слоев крепости. Крепость Узундара – памятник селевкидского и греко-бактрийского времени с понятным функциональным назначением и планом.

Помимо этого, на территории западной части Северной Бактрии к концу XX века археологическими исследованиями был затронут ряд памятников со слоями раннеэллинистического и греко-бактрийского времени. К ним относятся: Дальверзинтепа, Халчаян, Старый Термез (*Ртвеладзе*, 1978. С. 12-20; *Пугаченкова*, 1966; 1978. С. 21-32; *Козловский, Некрасова*, 1976. С. 30-38; *Пидаев*, 1991. С. 210-224). При этом не все из перечисленных памятников обладают равнозначным материалом, пригодным для сравнительного анализа.

Объективная труднодоступность эллинистических слоев, как правило, находящихся под более поздними напластованиями, в большинстве упомянутых памятников позволила исследовать слои рассматриваемого времени лишь на небольших площадях, чаще всего в шурфах. Вследствие чего, археологический материал из них немногочислен, представлен в основном керамическими комплексами, за редким исключением фрагментами архитектурных сооружений, нескольких землянок и индивидуальных находок. Как следствие, датировка на основе анализа керамического комплекса и стратиграфии комплексов обычно довольно широкая в пределах полутора-двух столетий. Характерно и то, что на перечисленных памятниках практически неизвестны целые или реконструируемые архитектурные объекты.

Изученность крупных городищ эпохи эллинизма, расположенных в долинной части, не позволяет говорить ни о планировке, ни о градостроительном замысле в селевкидский и греко-бактрийский периоды. Однако изученные в последние годы крепости Кампыртепа, Курганзол, Узундара и прилегающие к ним фортификационные сооружения дают качественно новую информацию, вскрывающую замысел военно-политического руководства Селевкидского государства по освоению данной территории.

В настоящий момент мы фиксируем три линии обороны, которые были, по всей видимости, сформированы по единому плану в конце IV – начале III вв. до н.э. (Рис. 1).

Первая линия обороны представляла собой сеть крепостных сооружений и приуроченных к ним крепостей-погранзастав, которые располагались в горном массиве Гиссара и Кугитанга. В настоящее

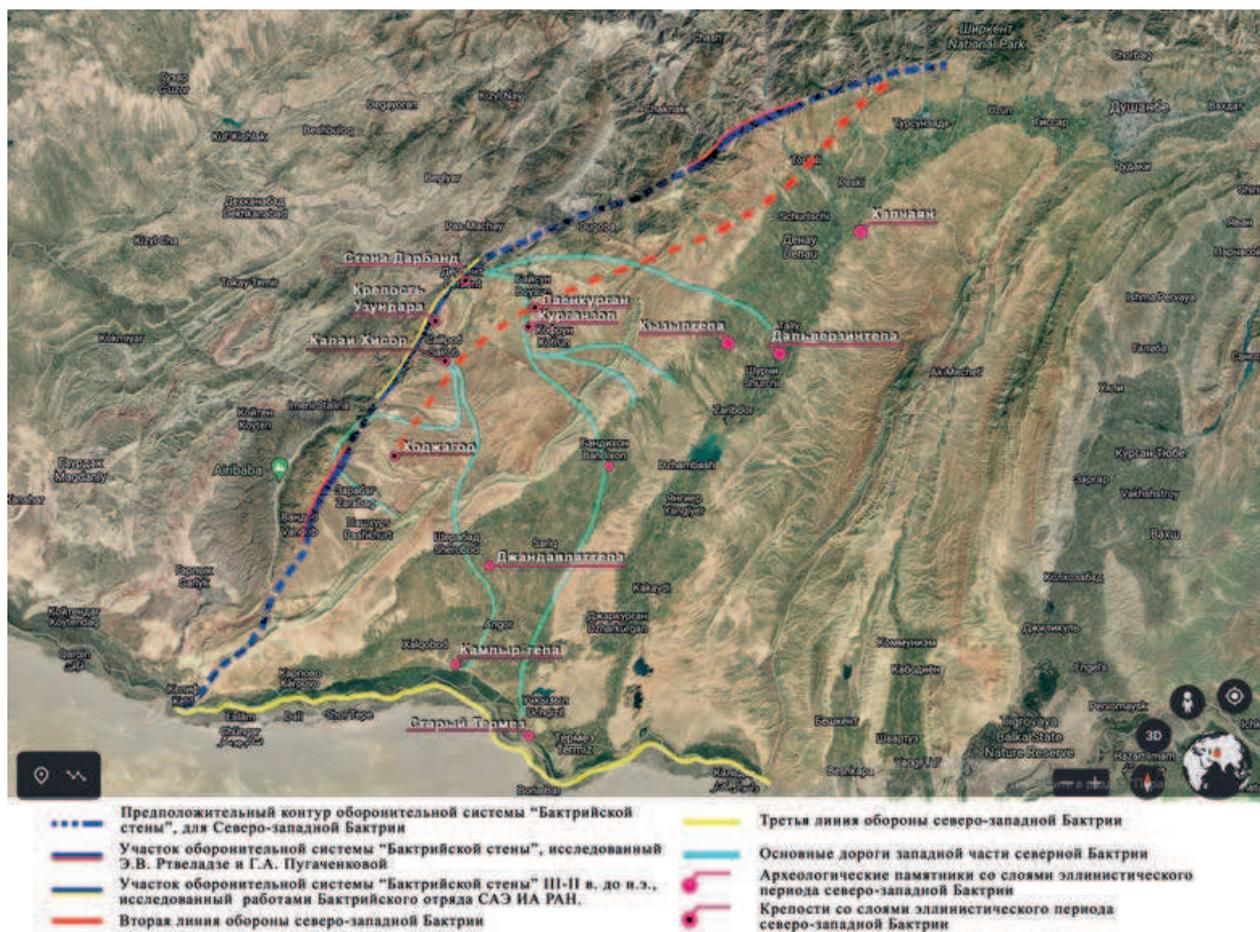

Рис. 1. Три линии обороны конца IV – начала III вв. до н.э.

время мы можем утверждать, что крепостная стена Дарбанд, имевшая в основе эллинистические слои, и перекрывавшая Дарбандский проход, являлась одним из самых первых изученных отрезков этой фортификационной линии (Ртвеладзе, 1986. С. 34-39; 1990. С. 136-137; Рахманов, Рапен, 2003. С. 22-32). Продолжением этой линии является исследуемый Бактрийским отрядом САЭ ИА РАН двадцатикометровый участок, с приуроченными к нему фортификационными объектами, расположенными на горе Сусизтаг. На этом отрезке нами изучается пограничная крепость Узундара, перекрывавшая сквозной горный проход в одноименном ущелье Узундара. Как было нами установлено, все остальные ущелья горы Сусизтаг, а также удобные для конных воинов пологие спуски с нее, перекрывались сетью отрезков крепостных стен и башен. Всего зафиксировано более двадцати фортификационных объектов на горе Сусизтаг (Бельш, 2020. С. 373-383, рис. 1).

Таким образом, первая линия обороны, располагавшаяся в горном массиве, на ранней стадии должна была удержать проникновение кочевников, которые продвигались с Каршинских степей в сторону плодородных долин Сурхандарьи.

Вторая линия обороны представляла собой цепочку выявленных на сегодняшний день крепостей, расположенных в предгорной части Сурхандарьи. К ним следует отнести недавно открытую крепость Ходжагор (Мирзаликурган), памятник Калаи Хисор,

расположенный в поселке Сайроб у подножья горы Сусизтаг, крепость Курганзол, возможно, крепость Пойкурган (Аннаев Т, Аннаев Ж., 2001. С. 9), а также предполагаемые, но еще не выявленные крепости, расположенные северо-восточнее от крепости Курганзол. Все эти крепости имеют надежную датировку, относящуюся к эллинистическому периоду. Смысл их возведения сводился к контролю над верховьями горных рек и приуроченных к ним дорог, ведущих в долинную часть Сурхандарьи.

Вышеописанные Саракамыш-Шерабадский и Шерабад-Келифский адыры, в настоящее время имеют пять проходов, по которым прорвавшаяся вражеская кавалерия могла проникнуть в основные земледельческие оазисы Северной Бактрии. Крепость Ходжагор контролировала выход в сторону Пашхурдской котловины. Крепость Калаи Хисор и приуроченный к ней укрепленный район контролировали верховья Шерабаддарьи, которая вела к единственному проходу в районе современного города Шерабад. Укрепленный район вокруг Калаи Хисор представлял собой сохранившиеся длинные крепостные стены к северу и югу от городища, вытянутые в широтном направлении и достигающими длины 2,7 км (Бельш, 2020. С. 378, 381, рис. 1, 2, 6). Важно отметить, что данные стены перекрывали также верховья двух крупных саев, правых притоков Шерабаддарьи. Они упирались на западе в гору Сусизтаг, а на востоке в адыр, идущий параллельно

горной гряде Актау, который расположен непосредственно в поселке Сайроб. Кроме того, выявлены остатки башен и стены, перекрывавшие проходы в горе Сусизтаг, выходящие непосредственно к Калаи Хисор. Мы предполагаем, что данное городище могло выполнять функцию погранотряда, обеспечивавшего такие погранзаставы как Узундара.

Дорога, идущая вдоль русла Шерабаддарьи, была наиболее короткой и удобной из всех, ведущих из Согдийских оазисов в столичный город Бактры (*Двуреченская*, 2016. С. 41, рис.1). Она выводила в Шерабадский оазис, где помимо сельских поселений выявлено крупное городище Джандавляттепа (*Абдуллаев и др.*, 2003). Эта же дорога вела к Амударье, где располагалась стратегическая переправа, которую контролировала крепость Кампыртепа. Крепость Курганзол расположена в верховьях пересыхающей горной реки, которая в районе кишлака Кафрун распадается на три рукава. Все они протекают ниже на юго-восток через три прохода в Сарыкамыш-Шерабадском адыре. Фактически крепость Курганзол контролировала проход в сторону Бандыханского оазиса, на территории которого с эпохи раннего железа известны крупные поселения Бандыхан 1-3, которые исследовались целой плеядой археологов (*Э.В. Ртвеладзе, Г.А. Пугаченкова, Н. Бороффка, Л.М. Сверчков, В.В. Мокробородов*). Кроме того, это прямая дорога к Термезскому оазису и важной переправе через Амударью в районе Старого Термеза.

К сожалению, более восточные проходы в Сарыкамыш-Шерабадском адыре и дороги, приуроченные к ним, в настоящее время археологически слабо изучены. Но именно сквозь них шла прямая дорога в Халкаджарский оазис, где расположены такие города как столичный Кызылтепа, Дальверзинтепа, Халчаян (*Сагдуллаев, 1987; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 22*). Исследование данных районов, по нашему мнению, даст объекты, аналогичные по назначению крепости Курганзол, и позволит нарисовать до конца весь контур предполагаемой нами второй линии обороны.

По всей видимости, защита долинной части рассматриваемой территории отводилась крупным городам, обнесенным мощной фортификацией.

Третья линия обороны представляла собой естественную линию, протекающей в широтном направлении реки Амударьи. На правом ее высоком берегу выявлены крепости (Кампыртепа, Старый Термез), которые контролировали переправы и выполняли военно-торговые функции, для предотвращения проникновения кочевых воинских подразделений в центральную часть Бактрии и непосредственно к ее столице городу Бактры, расположенному в 60 км от крепости Кампыртепа.

Таким образом, мы предполагаем существование единого стратегического замысла по обороне западной части Северной Бактрии, в котором присутствует как цепь стен и крепостей, расположенная по горным массивам, так и опорные пункты в виде крепостей, контролировавших проходы в расположенных южнее адырах и крепости Старый Термез и Кампыртепа, контролировавшие переправы

через Амударью. Как мы видим, целью этого замысла являлось:

1. Не допустить противника через горные проходы Гиссарского хребта и Кугитанга.
2. В случае прорыва отдельных отрядов обеспечить, опираясь на опорные пункты крепостей, скопление сил противника в верховьях рек и дорог, для защиты сельского населения оазисов и городов.
3. В случае серьезного военного поражения удержать его у переправ через Окс, для того, чтобы обеспечить мобилизацию войск в центральных районах Бактрии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев и др.*, 2003 – *Абдуллаев К., Станчо Л., Бохач Л.* Археологические работы на Джандавляттепа Шерабадского района Сурхандарьинской области // Археологические исследования в Узбекистане. 2002 год. Вып. 3. Ташкент, 2003. С. 15-20.
- Аннаев Т., Аннаев Ж.*, 2003 – *Аннаев Т., Аннаев Ж.* Основные этапы освоения Байсуна и его округа // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып.1. Ташкент: SMI-ASIA, 2003.
- Бельш*, 2020 – *Бельш О.В.* Фортификационная система на северо-западной границе Бактрии // КСИА. № 259. 2020. С. 371-384.
- Двуреченская*, 2016 – *Двуреченская Н.Д.* Юго-восточный входной комплекс и пристань Кампыртепа // ПИФК. 2020. № 2. С. 39-74.
- Двуреченская*, 2019 – *Двуреченская Н.Д.* К вопросу о северной границе Бактрии // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Б.А. Литвинского. Москва, 38–38 апреля 2018 г. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 99-113.
- Козловский, Некрасова*, 1976 – *Козловский В.А., Некрасова Е.Г.* Стратиграфический шурф на цитадели Древнего Термеза // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С. 30-39.
- Пидаев*, 1991 – *Пидаев Ш.Р.* Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1. С. 210-224.
- Пугаченкова*, 1966 – *Пугаченкова Г.А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966. 288 с.
- Пугаченкова*, 1978 – *Пугаченкова Г.А.* Укрепления Нижнего города // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 21-32.
- Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990 – *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Северная Бактрия – Тохаристан: Очерки истории и культуры: Древность и средневековье. Ташкент: Фан, 1990. 218 с.
- Рахманов, Рапен*, 2003 – *Рахманов Ш.А., Рапен К.* Железные ворота // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1. Ташкент: SAN'AT, 2003. С. 22-32.

- Ртвеладзе*, 1978 – *Ртвеладзе Э.В.* Цитадель Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 12-21.
- Ртвеладзе*, 1986 – *Ртвеладзе Э.В.* Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. 1986. №12. С. 34-39.
- Ртвеладзе*, 1990 – *Ртвеладзе Э.В.* Из недавних открытий Узбекстанской Искусствоведческой Экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане // ВДИ. 1990. № 4. С. 135-145.
- Ртвеладзе*, 1992 – *Ртвеладзе Э.В.* Фортификационные сооружения на северных границах Кушанского государства // Маскан. Архитектура и строительство Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. 1992. № 5-6. С. 4-5.
- Сагдуллаев*, 1987 – *Сагдуллаев А.С.* Усадьбы древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987. 141 с.
- Сверчков*, 2013 – *Сверчков Л.М.* Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент: SMI-ASIA, 2013. 182 с.
- Dvurechenskaya*, 2019 – *Dvurechenskaya N.D.* The Hellenistic Fortress of Uzundara // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Learnings and Conclusions from New Archaeological Investigations and Discoveries. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. P. 153-162.

ON THE COMMON ICONOGRAPHIC BASIS OF THE IRANIAN WIND GOD IN PRE-ISLAMIC CENTRAL ASIA AND *MARCIUS CORNATOR* IN MEDIEVAL NORTHERN ITALY

Matteo Compareti

Summary. Bactrian artists adopted many Greek elements that continued to be represented even many centuries after the invasion of the Persian Empire by Alexander the Great. This is particularly evident on Kushan coins. Some centuries later, these elements re-appeared in Sogdian art and also in funerary art of those Sogdian immigrants who settle down in northern China. The Sogdian wind god Weshparkar started to be represented as a man who is approaching a horn to his mouth. This was a typical attribute of Greek wind deities and also Fengbo, the Chinese wind god. Even though it is not possible to decide who adopted first this iconography, it is worth observing that Muslim artists knew it and possibly transmitted it to medieval Europe where it started to appear as a typical attribute of the personification of Mars as a windy month, also called in Latin *Marcus cornator*.

Key words: Sogdian art, Sogdian deities, wind god, Romanesque art, *Marcus cornator*, Mars, Ares.

Резюме. Бактрийские художники переняли многие греческие элементы, которые продолжали использоваться даже спустя много столетий после вторжения Александра Македонского в Персидскую империю. Это особенно заметно на кушанских монетах. Несколько столетий спустя эти элементы вновь появились в согдийском искусстве, а также в погребальном искусстве тех согдийских иммигрантов, которые обосновались в Северном Китае. Согдийский бог ветра Вешпаркар стал изображаться в виде человека, который подносит рог ко рту. Это был типичный атрибут греческих божеств ветра, а также Фенгбо, китайского бога ветра. Несмотря на то, что невозможно решить, кто первым перенял эту иконографию, стоит отметить, что мусульманские художники знали ее и, возможно, передали в средневековую Европу, где она стала появляться как типичный атрибут олицетворения Марса как ветреного месяца, также называемого по-латыни *Marcus cornator*.

Ключевые слова: Согдийское искусство, Согдийские божества, бог ветра, Романское искусство, *Marcus cornator*, Марс, Арес.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-89-96

Approximately thirty years ago, Katsumi Tanabe published a seminal article on the fortune of the Bactrian wind-god Vado (Avestan Vayu) among the followers or minor deities of the Buddhist religion (Tanabe, 1990). His ideas called the attention of other scholars on the use of Classical iconographies to represent Central Asian deities that would have eventually appeared as far as China and Japan. Many iconographical elements of Vado were based on those of Greco-Roman minor wind deities. The anthropomorphic representation of winds in Classical art (Boreas, Anemos, Zephyros, etc.) included human figures with disheveled hair, a drape blown by the wind above the head, wings, and, sometimes, a horn or shell used to blow the wind as a bugle (Kaempf-Dimitriadou, 1986). Vado appeared on Kushan coins as a running man with disheveled hair, wings and a drape blown by the wind that he is hold-

ing with both hands above his head (Fig. 1). His name is clearly legible in Bactrian alphabet (derived from Greek) as OAD0/Vado although sometimes it is clearly written ANEMOC/Anemos (Shenkar, 2014. P. 153).

This phenomenon interested other Bactrian deities such as Helios/Mithra and Selene/Mah although, in some other cases, both name and iconography completely reflected those of Greek gods. The demi-god HPAKIAO/Heracles who appeared on Kushan coins is an eloquent occurrence (Abdullaev, 2007. P. 548-549). The situation is actually more complicated because Kushan artists adopted the iconography of Artemis to represent the Avestan rain god Tishtrya (Bactrian TEIPO) and depicted the Zoroastrian goddess protector of animals APPOACPO/Druvaspa as a bearded man wearing Greek garments (Shenkar, 2014. P. 96-97, 149). In Kushan and Kushano-Sasanian coins prevailed a problematic repre-

Fig. 1. The Bactrian wind god Anemos on a Kushan coin of Kanishka (the British Museum). Sketch by author
Бактрийский бог ветра Анемос на кушанской монете Канишки (Британский музей). Рисунок автора

sentation of the wind deity (called OEPH/Vesho) whose iconography was the same of Shiva holding a trident and accompanied by the bull (*Taasob*, 2020).

As it is well known, wind deities with re-adapted Greek elements appeared in Buddhist art along the so-called Silk Road. Kyzyl painted Buddhist caves probably represent the most interesting example (*Zhu*, 2006. P. 698-704). Li Sifei recently argued in an interesting forthcoming article that the wind god of Chinese traditional religion was sometimes represented as a human being blowing the wind from an instrument that looked like a bugle. His name was Fengbo and he appeared quite often on Han funerary reliefs (Fig. 2). When Sogdian immigrants started to settle down in China in big number during the sixth century CE, they introduced (or, possibly, re-introduced) their own wind deity Weshparkar whose iconography maybe called the attention of Chinese artists. Weshparkar preserved some Greek characteristics such as the drape blown by the wind and the wind horn (*Li*, 2023). Sogdian artists possibly adopted both elements through Kushan coinage. Moreover, they could have hypothetically mixed some elements of the iconography of Fengbo such as the bugle with the horn of the Sogdian wind god Weshparkar.

Fig. 2. The Chinese wind god Fengbo on a Han funerary relief. After: *Zhu*, 2006. Fig. 20
Китайский бог ветра Фенгбо на ханьском погребальном рельефе (*Zhu*, 2006. Fig. 20)

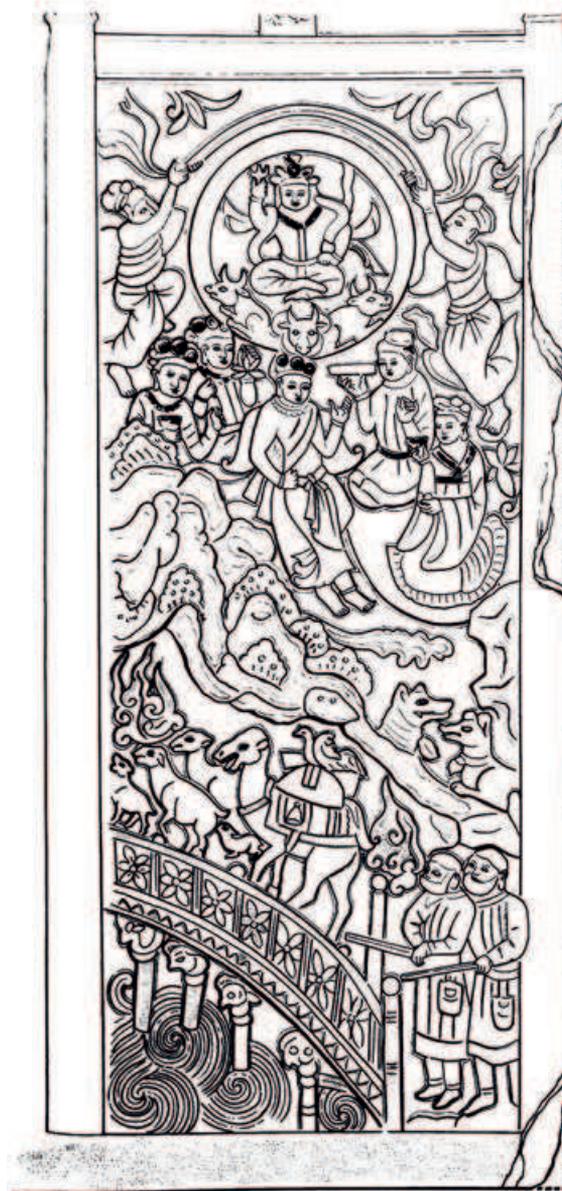

Fig. 3. The Sogdian wind god Weshparkar on the Shi Jun/Wirkak funerary monument (Shaanxi History Museum. Xi'an). After: *Grenet et al.*, 2004. Fig. 3
Согдийский бог ветра Вешпаркар из гробницы Ши Цзюня (Виркака) (Музей истории Шэньси, Сиань) (*Grenet et al.*, 2004. Fig. 3)

Li Sifei focused specifically on the reliefs embellishing the "sarcophagus" that belonged to Shi Jun/Wirkak, a powerful Sogdian official who died in 580 in the region of the ancient capital Chang'an (modern Xi'an). The Chinese scholar identified two representations of Weshparkar on that funerary monument: a quite explicit image that experts had already recognized because of the Shivaite-rooted iconography of the Sogdian wind god (Fig. 3) (*Grenet et al.*, 2004. P. 281-282) and another one previously unnoticed among the reliefs on the lintel of the door just before the funerary chamber. In this second occurrence, the figure hypothetically identified by Li Sifei as Weshparkar presents a halo behind his head and a horn in one hand (Fig. 4). This object does not look like a music instrument nor a drinking horn (rhyton) but an attribute of that deity whose torso appears

Fig. 4. The Sogdian wind god Weshparkar on the Shi Jun/Wirkak funerary monument (Shaanxi History Museum. Xi'an). After: *Yang*, 2004. Fig. 205
Согдийский бог ветра Вешпаркар из гробницы Ши Цзюня (Виркака) (Музей истории Шэньси, Сиань) (*Yang*, 2004. Fig. 205)

among vegetal elements as opposed to a small group of demonic creatures on the other side of the relief (*Yang*, 2014. Fig. 192, 193, 205).

No inscription appeared together with deities on funerary monuments of important Sogdians found in China (also called "Sino-Sogdian" monuments). On the contrary, divine names appeared in very few cases on Sogdian paintings. One eighth century painting from Penjikent room 1/sector XXII presents an image of three-headed and multi-armed Shiva that is certainly identifiable with Weshparkar because of the Sogdian inscription *wšpr(kr)* on his leg. Also in this painting, among Weshparkar's attributes, there is a horn that he is approaching to his left head in order to blow the wind through it (Fig. 5) (*Belenitskii, Marshak*, 1981. P. 29-30). According to M. Shenkar (2014. P. 157), that attribute could also be a war horn. As Markus Mode kindly pointed at me in a private communication, it is very probable that also the right head of Weshparkar had a horn close

Fig. 5. The Sogdian wind god Weshparkar on a painting from Penjikent room 1/sector XXII (the State Hermitage Museum). After: *Belenitskii, Marshak*, 1981. Fig. 5
Согдийский бог ветра Вешпаркар на росписях из помещения 1/сектор XXII в Пенджикенте (Государственный Эрмитаж) (*Belenitskii, Marshak*, 1981. Fig. 5)

Fig. 6. A haloed figure of a man holding a drape with his right hand, Varakhasha, Bukhara (Tashkent History Museum). After: *Shishkin*, 1963. Fig. 108
Фигура человека, окруженного ореолом, держащего драпировку из ткани в правой руке, Варахша, Бухара (Ташкентский исторический музей) (*Shishkin*, 1963. Fig. 108)

to the mouth. Unfortunately, that part of the painting is very fragmentary but it is clear that there was probably an elongated white object. The wind horn did not appear in the iconography of Bactrian Vado, Anemos nor Vesho but got popularity in Sogdian motherland and the Sogdian colonies in China. It is not an easy task to establish how and when Sogdian artists decided to include a wind horn in the iconography of Weshparkar although one could imagine that Classical elements already adopted in Greco-Bactrian or Gandharan art played a relevant role in this process.

Some other representations of Weshparkar in Sogdian art can be found in terracotta figurines and at least one seal impression from Kafir Kala (*Compareti*, 2013. P. 128-134). Non-epigraphic terracotta images are all identifiable because of the representation of that deity with three heads and a trident in one of his hands (*Raspopova, Shishkina*, 1999. Pl. 30.19). One fragmentary stucco from the royal residence at Varakhsha (Bukhara) presents a deity with a rayed halo and a drape above his head not perfectly preserved (*Shishkin*, 1963. P. 184-185). It is however clear that he was holding that drape with his right hand (Fig. 6). If the identification of the Zoroastrian wind god as a person holding a drape above his head in the Varakhsha stuccoes could be considered a convincing one, there could be then the possibility that other representations of Central Asian divinities included also Vayu possibly with only one head and without any wind horn.

Recent archaeological excavations at the Chorasmian site of Akchakhan Kala (Karakalpakistan Autonomous Region, Uzbekistan) gave as a result the finding of very interesting but fragmentary paintings that include three colossal deities. At least one of them is holding a drape above his head exactly like in the case of Greek wind deities (Fig. 7). It should not be ruled out the possibility that the attitude of that colossal deity represents a re-elaboration of Classical themes originally used to point at wind gods. Experts of Iranian religious iconographies preferred to identify the colossal figures in Chorasmian paintings with other Avestan deities (*Grenet*, 2015).

Sogdian artists continued to appreciate Classical elements until the early Islamic period. As T. Mktrichev

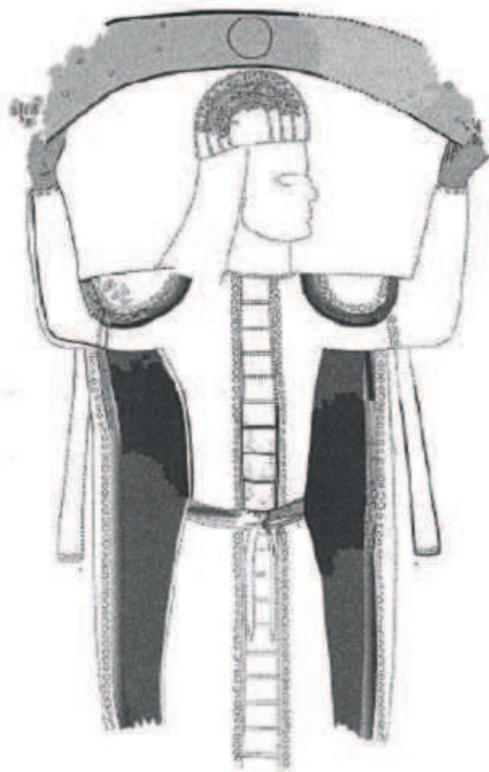

Fig. 7. A deity holding a drape above his head from the Chorasmian site of Akchakhan Kala, Uzbekistan. After: Grenet, 2015. Fig. 5

Божество, держащее над головой драпировку из ткани из хорезмийского городища Акчахан-Кала, Узбекистан (Grenet, 2015. Fig. 5)

and A. Naymark argued, Sogdians imported Byzantine caskets in ivory or silver embellished with representations of Christian saints or even pagan deities under arches and reproduced them on their terracotta ossuaries after substituting those personages with their own deities (Mkrtichev, Naymark, 1991). Possibly, Sogdians not only imported but also exported this kind of objects (ivories, silver vessels, and textiles) or favored their transportation into the Byzantine Empire. Trade of luxury goods between Constantinople and Sogdiana along the so-called “Silk Road” network continued even after the Arab invasion and Islamization of Central Asia (Compareti, 2004). This phenomenon could explain the presence of typical Chinese motifs such as the fenghuang bird (sometimes translated as phoenix) on ninth–tenth century Byzantine luxury objects (Walker, 2008).

Scholars have been arguing about the identification of local deities on Sogdian ossuaries since the end of the last century (Grenet, 1986; Mkrtichev, Naymark, 1991). There are unfortunately no images of a deity blowing a horn that could be identified with Weshparkar on Sogdian terracotta ossuaries. Pagan gods and mythological scenes appeared quite frequently in early Christian art and during the so-called “Classical revival” that invested the Christian world in the sixth century CE. Symbolic images of the months and seasonal labors represented a very popular subject to be found among the sculptural or painted decorations of European medieval churches, buildings, and illustrated manuscripts. This kind of im-

Fig. 8. Early twelfth century floor mosaic from San Savino church, Piacenza, Italy. After: Pressouyre, 1965. Fig. 403
Напольная мозаика начала XII в. из церкви Сан Савино, Пьяченца, Италия (Pressouyre, 1965. Fig. 403)

ages appeared very often together with the zodiac and symbolic representations of the planets in the frame of Christian culture and concepts (Castiñeiras González, 1997). As it is obvious to expect, astronomical–astrological figures presented sometimes elements that were rooted in Classical art. In fact, Roman artists had represented quite often the personifications of months as symbolic human figures or farmers working in the fields according to specific months or seasons (Ábad Casal, 1990). Christians accepted many pagan elements such as in the case of the so-called “planetary week”. As it is well known, this system associated to every day of the week the name of a Classical deity (Seznec, 1953. P. 43).

Among the symbolic representations of the months in some parts of medieval Europe, the personification of March stands apart. The name of this month is clearly connected with the Roman god of war Mars who was assimilated to Greek Ares. For this reason, artists usually represented him as a warrior. This is the common iconography for March in some of the most ancient medieval representations of the months that are concentrated in northern Italy, France, and Spain. It is unfortunately not possible to reconstruct every phase of the iconographical evolution of the figures of the months in Italian medieval art and especially the one related to March. In two early twelfth century floor mosaics from the Italian churches of San Savino in Piacenza (Fig. 8) and San Michele Maggiore in Pavia (Fig. 9), March was symbolically depicted as a man in medieval garb with one or two horns that he is approaching to his mouth. This kind of image is usually called in Latin *Marcius Cornator* (Pressouyre, 1965). In later representations, March was usually dressed as a warrior with disheveled hair. Scholars had some problems to explain the horn or the double horns of March. Most likely, this object is a wind horn typical of Boreas that medieval artists decided to attribute to March because this is a windy month as his disheveled hair seems to suggest.

The Classical iconography of Mars included sometimes an armor and weapons but no wind horns (Ábad

Fig. 9. Early twelfth century floor mosaic from San Michele Maggiore church, Pavia, Italy.
After: *Pressouyre*, 1965. Fig. 405

Напольная мозаика начала XII в. из церкви Сан-Микеле Маджоре, Павия, Италия (*Pressouyre*, 1965. Fig. 405)

Casal, 1990). This could be therefore considered a detail that medieval artists borrowed from the iconography of Classical wind deities. Byzantine artists continued to represent the personifications of the winds as human figures blowing into horns according to formulae rooted in Classical art (Fig. 10) (*Ainalov*, 1961. P. 276-277). Such wind horns do not seem to be connected to typical subjects of Jewish art either (shofar or ram's horn) as observed in floor mosaics of Byzantine period Israeli/Palestinian synagogues (*Ovadia R., Ovadia A.*, 1987. P. 33, 63, 72-73, 101). Byzantine miniatures had a strong influence on Islamic book illustrations that are quite rare before the Ilkhanid period (1256-1335). Since

Fig. 10. Byzantine book illustration, Barberini Psalter no. 372.
After: *Ainalov*, 1961. Fig. 126
Византийская книжная иллюстрация, Псалтирь Барберини № 372 (*Ainalov*, 1961. Fig. 126)

Fig. 11. Early Ilkhanid bronze candlestick (Топкапи Museum, Istanbul, n. 2628).
After: *Rice*, 1954. Pl. 18-b

Бронзовый подсвечник эпохи ранних Ильханидов (Музей Топкапи, Стамбул, №2628) (*Rice*, 1954. Pl. 18-b)

Marcus Cornator did not appear in Byzantine illustrated texts, it seems obvious to look at Islamic art in order to find some more evidence.

Astronomical-astrological treaties had always intrigued the European sovereigns in the West as well as the Caliphs in the East. It is not by chance that the most ancient illustrated Islamic manuscript is the early eleventh century Suwar al-Kawakib al-Thabitah "Book of the Fixed Stars" by 'Abd al-Rahman b. 'Umar al-Sufi (*Wellesz*, 1959). This manuscript presents several Classical deities and heroes connected to the constellations. There are however no personifications of the months. Representations of the zodiac signs, seasonal labors, planets, etc. appeared on Islamic metal objects that are now part of museum and private collections around the world. On an early Ilkhanid bronze candlestick in the Topkapi Museum, Istanbul (n. 2628), the image of a person riding an animal looking like a gazelle or zebu appears while approaching a horn to his mouth inside a circular frame (Fig. 11). It is not completely clear who this person is although at least one scholar associated him to the personifications of the months in Islamic art (*Rice*, 1954. P. 35). Representations of important people drinking from a cup or even a rhyton was very common in Islamic arts although it seems very strange that somebody could drink while riding an animal. An identification with a music instrument or a tool similar to a wind horn should not be then excluded.

It is not possible to propose any clear origin for this kind of representations. Christian and Muslim artists definitely knew each other's work and, possibly, they all had some memories about more ancient Classical iconographies. Muslims could have inherited some elements from Central Asian traditions as Anna Caiozzo has proposed for a unique Persian astrological manuscript kept in the Bibliothèque Nationale de France (Supplément Persan 332) whose illustrations do not seem rooted in Persian nor Indian art (Caiozzo, 2003).

The horn of the Sogdian wind god Weshparkar was just a modification of the attribute of Greek wind deities that Alexander the Great imported after the invasion of the Persian Empire several centuries earlier. Sogdian artists possibly knew Fengbo's ancient iconography and they could have hypothetically integrated it when they represented Weshparkar on Sino-Sogdian funerary monuments. Muslims had probably the opportunity to observe eighth century specimens of Sogdian paintings that included also representations of local deities.

There was no horn among the attributes of the Sogdian god of war and victory Washaghñ who corresponded to Avestan Verethraghna and Greco-Roman Ares/Mars. Archaeologist identified some images of this god but they are all very fragmentary. There could have been a change of iconography for this god in Sogdian art. In fact, around the fifth-sixth century Washaghñ appeared as standing man with a severed human head in one of his hands (Marshak, Raspopova, 1994. P. 194-195). This kind of iconography is quite common in Islamic book illustrations depicting the planet Mars (Carboni, 1997. P. 17). According to B. Marshak, Washaghñ started to appear as a man sitting on a camel in some early eighth century paintings and in terracotta statuettes from Penjikent (Marshak, 2000). The god sitting on the camel usually held a fire altar or a dish with a small image of a camel in one of his hands and he appeared very often together with a goddess sitting on a throne shaped as a ram (Fig. 12). Scholars did not find a definitive identification for the divine couple sitting on a camel and a ram. Some useful elements could be found in ancient Near Eastern art.

Syro-Mesopotamian elements were very influential in pre-Islamic Sogdian art. It is obvious to consider Persia as the more probable intermediary in this phenomenon of iconographic transfer between Mesopotamia and Central Asia. One scholar studied Sasanian seals embellished with a camel that belonged to Zoroastrian priests. In his opinion, the camel should be associated to the god of war and victory Bahram, Avestan Verethraghna (Jakubiak, 2011). Even though it is not clear which role the Parthian Arsacids and the Sasanians had in this process of iconographical transfer, it is worth observing that other kingdoms that had very tight relations with pre-Islamic Persia kept in high esteem astrology-astronomy and worshiped deities that corresponded to Greco-Roman gods. The god who corresponded to Ares in Palmyra was called Arsu. He was represented as a warrior riding a dromedary or camel. Arsu was equated to Ares at a popular level because their names were very similar. However, Arsu could be identified with Mercury as well (Linant de Bellefonds, 1984). In any case, it is worth observing that a Palmyrean god who could be

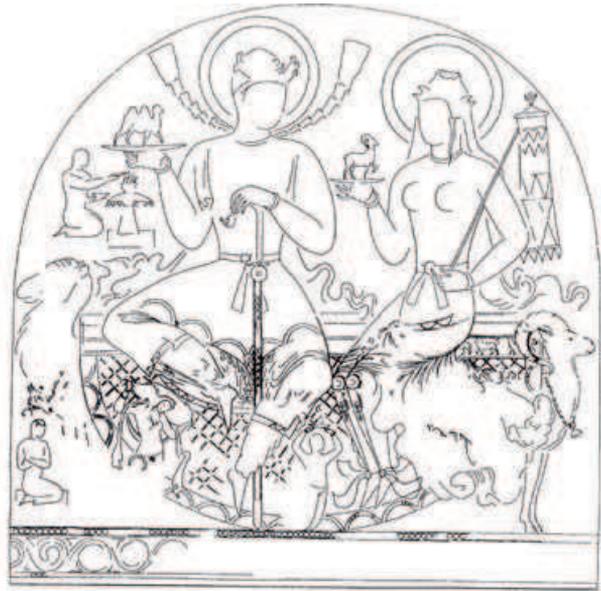

Fig. 12. Divine couple from a Sogdian painting in Penjikent room 28, sector XXV, southern wall (the State Hermitage Museum). After: Shenkar, 2014. Fig. 130

Божественная пара с согдийской росписи в Пенджикенте, помещение 28, сектор XXV, южная стена (Государственный Эрмитаж) (Shenkar, 2014. Fig. 130)

associated with Ares and, possibly, the planet Mars had as a symbolic animal the camel. Unfortunately, Persian pre-Islamic astronomical-astrological texts did not survive. It is worth observing that, in the text called *Picatrix* (actually an early eleventh century translation of the Arab treatise *Ghayat al'hakim*), in the chapter on the parts of the planets which are present in plants, animals, and metals, there is some interesting reference to camels. In fact, the Muslim author wrote that Mars had some influence on "red camels and all the animals with big, red teeth" (Rossi, 1999, P. 124).

If the identification of the god on the camel with Washaghñ is correct then the goddess sitting on a ram could be Anahita. She, in fact, corresponded to the planet Venus in the Zoroastrian tradition. As it is well known, Aphrodite/Venus formed a couple with Ares/Mars in Classical mythology. Aphrodite/Venus had the swan or dove as her symbolic animal although, as Aphrodite Pandemos she could be represented as a woman riding a ram or goat (Simon, 1969. P. 251-253). Actually, more than one goddess whose symbolic animal was the goat/ram existed in the Near Eastern/Mesopotamian region. The Bible too mentioned a goddess called Asherah in a depreciative way. Her name was etymologically connected to Babylonian Ishtar and Phoenician Astarte/Ashtoreth. Ancient Greeks identified these Semitic deities with Aphrodite (Budin, 2004). Asherah was possibly worshipped in the ancient Syro-Palestinian region in the shape of a lion, tree, ram, or even a combination of these symbolic elements. Some eighth century BC ancient Hebrew inscriptions on terracotta shards from the excavations of Kuntillet 'Ajrud (Sinai, Egypt) mentioned Asherah together with Yahweh and images of a tree, a lion and confronted rams (Scham, 2002; Stuckey, 2002; Shanks, 2012).

The only association between the Zoroastrian god of war and winds occurred in an Armenian written source. The Christian author Movses Khorenac'i described in his "History of Armenia" [III.8] that Khosrow Kotak (ca. 330–339) decided to move the Armenian capital and its court from Artashat to Dvin. The population of Artashat did not complain much because "the sun was in conjunction with Ares [Mars] and winds transported burning, polluted and fetid air". Such an information is not very clear and it could be considered one of the first references about astronomy–astrology in an Armenian text (*Mahé*, 1993. P. 256, 389). The connection between winds and Mars is probably because Mars actually is a windy month. Armenian nobles had accepted Christianity just few years before the reign of Khosrow Kotak so it should not be ruled out that Movses Khorenac'i was still referring to pre-Christian beliefs. That same Armenian author had described the local god of war Vahagn (Avestan Verethraghna) as a young man with burning hair and beard whose eyes were suns [I.31]. Only the connection with fire seems to be clear.

For sure, every iconographical tradition (Classical, Christian, Islamic, Zoroastrian, and traditional Chinese) included an attribute looking like a horn for wind deities. There was therefore nothing strange even for hypothetical Arab observers who had the occasion to visit Sogdian houses or temples embellished with the image of Weshparkar since, in all probability, they could have been used to this kind of Classical iconography in pre-Islamic Arabia before the invasion of Persia and Central Asia.

For this reason, the bronze basin of the Topkapi Museum could have included in its repertoire even the image of a man blowing a wind horn according to more general iconographic formulae to represent symbolically a windy month. Metal objects like this or illustrated manuscripts could have arrived in medieval Europe and facilitated the appearance of iconographical elements that, in any case, had Greco-Roman roots. There is however a big gap between their representations in Classical art and their reappearance in European Middle Ages. Most likely, the symbolic representations of the months and seasonal labors re-emerged in medieval Europe because Muslim artists continued to depict them according to different traditions that, in any case, included an originally unusual wind horn for the pre-Christian and pre-Islamic god of war.

BIBLIOGRAPHY

Ábad Casal, 1990 – *Ábad Casal L.* Kairoi/Tempora anni // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Vol. 1. Zürich-München: Artemis Verlag, 1990. P. 285-387.

Abdullaev, 2007 – *Abdullaev M.K.* Images et cultes de l'Occident dans l'Orient hellénisé: Héraclès en Asie Centrale et dans l'Inde du Nord-Ouest // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2007. Vol. 151 (1). P. 535-576.

Ainalov, 1961 – *Ainalov D.V.* The Hellenistic Origins of Byzantine Art. New Brunswick: Rutgers University Press, 1961. 322 p.

Belenitskii, Marshak, 1981 – *Belenitskii A.M., Marshak B.I.* The Paintings of Sogdiana // *Sogdian Painting. The Pictorial Epic in Oriental Art*. Berkeley-Los Angeles-London: The University of California Press, 1981. P. 11-77.

Budin, 2004 – *Budin S.L.* A Reconsideration of the Aphrodite-Ashtart Syncretism // *Numen*, 2004. Vol. 51. No. 2. P. 95-145.

Caiozzo, 2003 – *Caiozzo A.* Une conception originale des cieux: planètes et zodiaque d'une cosmographie jalayride // *Annales Islamologiques*. 2003. Vol. 37. P. 59-78.

Carboni, 1997 – *Carboni S.* Following the Stars: Images of the Zodiac in Islamic Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1997. 48 p.

Castiñeiras González, 1997 – *Castiñeiras González M.A.* Mesi // *Enciclopedia dell'arte Medievale*. Roma: Treccani, 1997. P. 325-335.

Compareti, 2004 – *Compareti M.* Evidence of Mutual Exchange between Byzantine e Sogdian Art // *La Persia e Bisanzio*. Roma: Accademia dei Lincei, 2004. P. 865-922.

Compareti, 2013 – *Compareti M.* Two Seal Impressions from Käfer Qal'a (Samarkand) and the Representations of Iranian Divinities // *Journal of Persianate Studies*. 2013. Vol. 6. P. 127-142.

Grenet, 1986 – *Grenet F.* L'art zoroastrien en Sogdiane, études d'iconographie funéraire // *Mesopotamia*, 1986. Vol. 21. P. 97-131.

Grenet, 2015 – *Grenet F.* Propositions d'interprétation, in: *A.V.G. Betts, M. Bonnat, F. Kidd, F. Grenet, S. Khashimov, G. Khodzhanijazov, M. Minardi* Des divinités avestiques sur les peintures murales d'Akchakhan-kala, Ouzbékistan // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2015. Vol. 159 (3). P. 1391-1396.

Grenet et al., 2004 – *Grenet F, Riboud P, Yang Junkai* Zoroastrian Scenes on a Newly Discovered Sogdian Tomb in Xi'an, Northern China // *Studia Iranica*. 2004. Vol. 33/2. P. 273-284.

Jakubiak, 2011 – *Jakubiak K.* Some Remarks on the Camel on Sasanian Seals // *Studies in Ancient Art and Civilizations*. 2011. Vol.15. P. 107-115.

Kaempf-Dimitriadou, 1986 – *Kaempf-Dimitriadou S.* Boreas // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Zürich-Düsseldorf: Artemis Verlag, 1986. P. 133-142.

Li, 2023 – *Li Sifei.* Tubo-Sogdian Relations along the Silk Road: On an Enigmatic Gold Plaque from Dulan (Qinghai, China) // *Iran & the Caucasus*. 2023. Vol. 26, P. 309-322.

Linanat de Bellefonds, 1986 – *Linanat de Bellefonds P.* Arsu // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Zürich-München: Artemis Verlag, 1984. P. 615-618.

Mahé, 1993 – *Mahé J.-P.* Histoire de l'Arménie par Moïse de Khorène. Paris: Gallimard, 1993. 456 p.

Marshak, 2000 – *Marshak B.I.* Verseuse ornée d'un chameau ailé // *L'Asie des steppes. D'Alexandre le*

- Grand à Gengis Khân. Paris-Barcelone: Réunion de Musées Nationaux, 2000. P. 71.
- Marshak, Raspopova*, 1994 – *Marshak B.I., Raspopova V.I.* Worshipers from the Northern Shrine of Temple II, Penjikent. Bulletin of the Asia Institute. 1994. Vol. 8. P. 187-207.
- Mkrtychev, Naymark*, 1991 – *Mkrtychev T., Naymark A.* Ossuary // Culture and Art of Ancient Uzbekistan. eds. K. A. Abdullaev, E. V. Rtveladze, G. V. Shishkina. Moscow-Tashkent: Institute of Archaeology of the UzSSR, Academy of Sciences, State Museum of the People of East, Khamza Institute of Art Research of the UzSSR Ministry of Culture, 1991. P. 64-70.
- Ovadiah R., Ovadiah A.*, 1987 – *Ovadiah R., Ovadiah A.* Hellenistic, Roman and Early Byzantine Mosaics Pavements in Israel. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 1987. 276 p.
- Pressouyre*, 1965 – *Pressouyre L.* "Marcius cornator". Note sur un groupe de représentations médiévales du Mois de Mars // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1965. Tome 77. No. 2. P. 395-473.
- Raspopova, Shishkina*, 1999 – *Raspopova V.I., Shishkina G.V.* Sogd // Srednjaja Azija i Dal'nij Vostok v epohu srednevekov'ja. Moskva: Nauka, 1999. P. 50-77.
- Rice*, 1954 – *Rice D.S.* The Seasons and the Labors of the Months in Islamic Art // *Ars Orientalis*. 1954. Vol. 1. P. 1-39.
- Rossi*, 1999 – *Rossi P.A.* Picatrix. Ghāyat al-Hakim "Il fine del saggio" dello pseudo Maslama al-Magriti. Milano-Udine: Mimesis, 1999. 273 p.
- Scham*, 2005 – *Scham S.* The Lost Goddess of Israel // *Archaeology*, 2005. Vol. 58. No. 2. P. 36-40.
- Seznec*, 1953 – *Seznec J.* The Survival of the Pagan Gods: The Mythological Tradition and Its Place in Renaissance Humanism and Art. New York-Princeton: Princeton University Press, 1953. 392 p.
- Shanks*, 2012 – *Shanks H.* The Persisting Uncertainties of Kuntillet 'Ajrud // *Biblical Archaeology Review*. 2012. Vol. 38. No. 6. P. 29-37.
- Shenkar*, 2014 – *Shenkar M.* Intangible Spirits and Graven Images: The Iconography of Deities in the Pre-Islamic Iranian World. Leiden-Boston: Brill, 2014. 392 p.
- Shishkin*, 1963 – *Shishkin V.A.* Varakhsha. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. 250 p.
- Simon*, 1969 – *Simon E.* Die Götter der Griechen. München: Hirmer Verlag, 1969. 351 s.
- Stuckey*, 2002 – *Stuckey J.H.* The Great Goddess of the Levant // *The Canadian Society for Mesopotamian Studies Bulletin*. 2002. Vol.37. P. 27-48.
- Taasob*, 2020 – *Taasob R.* Representation of Wēš in early Kushan Coinage: Royal or Local Cult? // *Afghanistan*, 2020. Vol. 3. Iss. 1. P. 83-106.
- Tanabe*, 1990 – *Tanabe K.* The Kushan Representation of Anemos/Oado and Its Relevance to the Central Asian and Far Eastern Wind Gods // *Silk Road Art and Archaeology*. 1990. Vol. 1. P. 51-80.
- Walker*, 2008 – *Walker A.* Patterns of Flight: Middle Byzantine Adoptions of the Chinese Feng-Huang Bird // *Ars Orientalis*. 2008. Vol. 38. P. 189-216.
- Wellesz*, 1959 – *Wellesz E.* An Early al-Šūfi Manuscript in the Bodleian Library in Oxford // *Ars Orientalis*. 1959. Vol. 3. P. 1-26.
- Yang*, 2014 – *Yang Junkai* Beizhou Shi Jun mu [Shi Jun Tomb of the Northern Zhou Dynasty]. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2014. 372 p. (in Chinese).
- Zhu*, 2006 – *Zhu T.* The Sun God and the Wind Deity at Kizil // *Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday*. Venezia: Cafoscarina, 2006. P. 681-718.

НАСТЕННЫЕ РОСПИСИ ИЗ СТАРОЙ НИСЫ И АНТИЧНЫЙ КАНОН ФРЕСКОВОЙ ЖИВОПИСИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С. В. Лаптев

Резюме. Фрески парфянского периода из Старой Нисы (Туркменистан), унаследовав античную традицию, стали основой для развития центральноазиатской живописной школы, которая позже распространилась дальше на восток, и получила отражение даже в изобразительном искусстве Кореи. Хотя стиль и сюжеты нисийских фресок во многом отличаются от росписей более позднего периода в Центральной Азии, включая Синьцзян, влияние оказанное ими на последующий период развития техники, стилистики, сюжетной составляющей и орнаментации настенной живописи Центральной Азии не вызывает сомнений. В тоже время, степень и формы этого влияния зависят от конкретного периода и региона, отражая особенности и нужды эпохи и общества, национальную и религиозно-культурную специфику.

Ключевые слова: Ниса, фресковая живопись, батальные сцены, эллинизм, буддизм, Центральная Азия, Китай, Корея.

Summary. Parthian period murals from Old Nisa (Turkmenistan) inherited Greek tradition and in the same time became the base for the development of Central Asian school of painting, which later spread to the east, and was reflected even in ancient Korean fine art. Although style and subjects of Nisa murals are much different from later period murals of Central Asia, including Xinjiang, their influence towards later period painting technics, style and subject development and ornamentation of Central Asian murals can not be doubted. In the same time the degree and forms of their influence were determined by peculiarities and needs of each epoch and society, their ethnic and religious-cultural traits.

Key words: Nisa, frescos, battle scenes, Hellenism, Buddhism, Central Asia, China, Korea.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-97-104

Многолетние исследования В.Н. Пилипко и его предшественников на Старой Нисе принесли ряд открытий, ставших ключевыми в изучении связей народов и цивилизаций на Великом Шелковом пути. Виктор Николаевич унаследовал школу нескольких поколений археологов, работавших на этом памятнике с 1930 г. и сумел не просто продолжить, но и творчески обобщить, а затем и развить достигнутые ими успехи, продолжив, в частности, раскопки на Башенном сооружении данного памятника.

Не вызывает никакого сомнения, что настенные росписи представляют собой одну из наиболее значительных находок Старой Нисы, и то, что В.Н. Пилипко посчастливилось найти их новые фрагменты в ходе раскопок этой части памятника, является безусловным достижением в выявлении особенностей развития фресковой живописи как в Центральной Азии, так и в целом на Великом Шелковом пути. В ходе раскопок были выявлены новые фрагменты

батальной сцены, которая включала в себя изображения четырех всадников, и по наличию копья, ясно просматривающегося у одного из них, композиция получила название «всадник с копьем» (Рис. 1). (Пилипко, 2011. С. 266, 268-270). Примечательно, что лицо одного из воинов повернуто назад, что характерно для позже распространенного в Центральной Азии и на Дальнем Востоке так называемого парфянского выстрела, хотя здесь никакого лука со стрелами у воина в руках нет. Впрочем, у двоих воинов на боку присутствует колчан. Фрески в Башенном сооружении датируются I в. до н.э., а в другом сооружении – Здании с квадратным залом – I в. до н.э. – I в. н.э. (Пилипко, 2001. С. 269, 273).

Если не считать мезолитических росписей в гроте Зараут-сай (Сурхандарьинская область Узбекистана), представляющих не эллинистическую традицию, а развившуюся из первобытной местную (с ней корректно сравнить палеолитические пещерные росписи в гроте Ляско во Франции), нисийские

Рис. 1. «Всадник с копьем». Фрагмент фрески из Башенного сооружения Старой Нисы. Музей изобразительных искусств Туркменистана

фрески являются наиболее ранними на территории Центральной Азии (Альбаум, 1975. С. 87). Настенных росписей такой древности сохранилось в Азии не так много, не много их и в Средиземноморье.

В Греции, известны настенные росписи Ферах на острове Санторини, датируемые XVII в. до н.э. (Древняя Греция, 2016. С. 96-97). Следует отметить, что уже здесь присутствуют чередующиеся продольные разноцветные полосы орнамента, ограничивающие композиционную сцену сверху и снизу, как это будет характерно для греческих фресок в поздние периоды и зафиксировано в Старой Нисе (Пилипко, 2001. С. 269-271). Всемирно известны и росписи на стенах дворца в Кноссе на Крите XVI - XV вв. до н.э.

Тем не менее, настенной живописи такой древности в Греции не так много. Большое значение имеют настенные росписи, найденные в Македонии, относящиеся к периоду правления Филиппа II, отца Александра Македонского. Роспись со сценой охоты хорошо сохранились на условно называемой могиле Филиппа II (359-336 гг. до н.э.) в Вергине (Греция, IV в. до н.э.). На основании сходства со знаменитой сценой битвы Александра с Дарием при Иссе, сохранившейся в широко известной мозаичной копии из Помпей (II в. до н.э.), есть основания предполагать, что один из охотников – молодой Александр (Saatsoglou-Paliadeli, 2007. P. 52, 54). Параллели просматриваются и в нисийской росписи из Башенного зала – фигура молодого Александра на коне с высоко поднятым копьем напоминает фигуру всадника с копьем из Нисы. Тем не менее, цветовая гамма (красный цвет на могиле Филиппа) и поворот фигуры двух всадников различаются. Колесничная сцена сохранилась и в находящейся ря-

дом с предполагаемым курганом Филиппа могилой Персефоны, названной так по обилию сцен с этой богиней.

Именно македонские фрески и мозаики стали прообразом для копирования в Помпеях, как в случае со знаменитой битвой Александра. Другой пример – настенные росписи с виллы Публия Фания Синистора в Бореале, около Помпей (2 половина I в. до н.э. – I в. н.э.), копирующие фрески из дворца Деметрия Полиоркета в македонской столице Пелле со сценами, воспроизводящими мифологические сюжеты из македонской придворной жизни (Palagia, 2014. P. 207-231). Помпейские настенные росписи в домах по сути синхронны нисийским, в некоторых случаях чуть раньше последних, и датируются II в. до н.э. – I в. н.э. (Aoyagi, Pappalardo, 2006. P. 7).

Прежде чем говорить об их сходстве с нисийскими, рассмотрим основные особенности последних. Для Здания с квадратным залом важно выделить следующие особенности настенных росписей: наличие орнаментов в форме меандра, бегущей волны (типичные греческие орнаменты), растительного орнамента, разноцветных полос, о которых мы упоминали выше, красных треугольников; большое количество красного цвета (так называемый «красный зал»); живописная имитация ионических капителей.

Для Башенного сооружения характерны полоччатый орнамент, растительный побег (белый на черном фоне), розетка из листьев аканфа. В.Н. Пилипко подчеркивает присутствие именно аканфа, вместо популярного в искусстве Центральной Азии винограда (Пилипко, 2001. С. 280). В то же время меандр здесь отсутствует (Пилипко, 1996. С. 47-50; 2001. С. 269-277, табл.VII; Milli mirasyň hazynasy,

2017. S. 124-125). Кроме того, в Башенном сооружении сохранилось несколько фигурных композиций с изображением людей и животных. Большая часть их связана с изображением всадников-воинов и батальными сюжетами, составлявшими единую роспись фриза. Здесь присутствуют две группы всадников, условно называемые «правыми» и «левыми» – парфяне и их противники, сражающиеся между собой (Пилипко, 2001. С. 277-278, табл.VI).

Рассмотренный выше фрагмент также относился к данной композиции. Кроме того, из сюжетной живописи найдены фрагменты с изображением женской головки и фрагментом греческой надписи, а также фрагмент торса в красном одеянии, грифона в предполагаемой сцене терзания (Пилипко, 1994. С. 59; 2001. С. 278-279; Milli mirasuy hazynasy, 2017. S. 122-123).

Как справедливо подчеркивает В.Н. Пилипко, нисийские росписи являются одной из ветвей греческой живописной традиции, и, в тоже время, сделаны в соответствии с парфянскими вкусами, отражая запросы именно царя и его окружения, так как сельские усадьбы, принадлежавшие верхушке местного происхождения, демонстрируют совершенно другую изобразительную традицию (Пилипко, 2001. С. 281). Сюжеты помпейских настенных росписей состоят из бытовых сцен, либо сюжетов греческой мифологии, батальные сцены для них не характерны, и присутствие воинов иллюстрирует либо мифологические сюжеты, либо борьбу гладиаторов. Вместо всадников изображаются колесницы (Фрески Помпей, 2016. С. 84-85).

Вместе с тем, для стиля их оформления характерен ряд черт, свойственных и нисийской настенной живописи. Прежде всего, это большое количество красного фона, подобного «красному залу», по которому здесь идут сюжетные сцены, как на Вилле Кармиано, в доме Марка Фабия Руфа, в «росписи с божественным пейзажем» и др. (Aoyagi, Pappalardo, 2006. P. 281, 329-341; Фрески Помпей, 2016. С. 55, 65-71; МНО MUSEUM, 1997. P. 144-145), сочетание красных полос с синим фоном (Фрески Помпей, 2016. С. 47-53), продольные и поперечные пояса растительного орнамента (Aoyagi, Pappalardo, 2006. P. 169-173), рисунок ионической капители (Aoyagi, Pappalardo, 2006. P. 182). Характерно и близость по стилю изображения женской головки в Нисе к изображениям муз в «доме с золотым браслетом» (Aoyagi, Pappalardo, 2006. P. 109).

Битва всадников, напоминающая сюжет рельефа в Фирузабаде (240 г. н.э.), изображающего будущего сасанидского царя Шапура I на коне, сбивающего копьём с коня парфянского вельможу (Луконин, 1977. С. 147), как и возможная сцена терзания – типичный сюжет для иранской пластики – безусловно свидетельство иранской (парфянской) традиции. В целом, памятников с парфянскими настенными росписями сохранилось крайне мало. Это фрески в культовых сооружениях и частных домах в Дура-Европос в Сирии (III в. до н.э. – III в. н.э.) (Roztovtzeff, 1938) и в дворцово-храмовом комплексе (так называемом дворце Гондофарра) в Кух-и Ходжо в иранском Систане, который датируется парфянским

периодом (Kawami, 1987. P. 15). Незначительные фрагменты сохранились и в других местах, свидетельствуя о широком распространении фресок в Парфянском царстве (Kawami, 1987. P. 25).

Фрески Дура-Европос, сохранившиеся в синагоге, христианской церкви, храмах Зевса и Митры, частично в частных домах, представляют собой в основном сюжеты из Ветхого и Нового Заветов, а в храмах Зевса и Митры – сцены жертвоприношений, охоты на вепря (Roztovtzeff, 1938). По стилю они впитали многие элементы античной традиции, но от нисийских росписей их отличает и исполнение, и сюжетная канва.

Фрагменты из дворца Гондофарра, описанные А. Стейном в 1915 и Э. Херцфельдом в 1925 и 1929 гг., и практически полностью утраченные к настоящему времени обнаруживают наличие орнаментов в виде розетки, полосы растительных побегов, и части фигурной композиции галереи, с Эртами верхом предположительно на конях, сидящими фигурами мужчин (возможно, парфянскими аристократами), акробатами, стоящими на руках, фигурами в греческих одеждах – мужчины с трезубцем, возможно Посейдоном, как на нисийском ритоне, и женщины с палицей – возможно переосмысление образа Афины или Артемиды, композицией из трех бородатых мужчин в хитонах и безбородого с крыльями на шлеме как это характерно для Гермеса, фигуры мужчины с украшением в виде полумесяца на голове (Kawami, 1987. P. 27-38).

В другой части галереи изображены пять мужчин в подпоясанных кафтанах и с характерными для персов прическами, двое из которых держат в руках цветок, выстроившиеся в какой-то процессии и фигуры царя и царицы (Kawami, 1987. P. 27-44). Помимо галереи, в комплексе Южных и Северных ворот также были найдены изображения фигур – из последнего сохранились безбородые головы мужчины и женщины, а первое известно по описаниям А. Стейна, который связывал его с буддизмом по стилю и украшениям (Kawami, 1987. P. 25-26, 44-49). Таким образом, находки в Кух-и Ходжо представляют собой переходный вариант от парфянского стиля Нисы к среднеазиатскому канону более позднего времени.

Настенная живопись Средней Азии по большей части относится к более восточным областям, во многом к раннесредневековому периоду, а ее сюжеты связаны в значительной части с буддизмом. Это фрески с памятников Халчаян (I в. н.э.), Фаязтепа (I-II вв. н.э.), Каратепа (II-IV вв. н.э.), Еркурган (I-II вв. н.э.), Казаклы-Яткан (I в. н.э.), Топрак-кала (III в. н.э.), Зартепа (IV в. н.э.), Балалыктепа (V-VI вв. н.э.), Афрасиаб (VI-VIII вв. н.э.), Варахша (VII-VIII вв. н.э.) в Узбекистане, Бамиан (V-VIII вв. н.э.), Фондукистан (VII-VIII вв. н.э.) в Афганистане, Пенджикент (VII-VIII вв. н.э.), Аджина-тепа (VII в. н.э.), Калаи Кахкака I в Бунджикате (VII-VIII вв. н.э.), Калаи-Кафирниган (VII-VIII вв. н.э.) в Таджикистане, к важным живописным образцам относится и роспись щита из замка на горе Муг в Таджикистане (VIII в. н.э.) (Альбаум, 1975. С. 87-94; Живопись древнего Пянджикента, 1954. С.87, 91, 92, 95-98, 101, 127; Литвинский, Зей-

маль, 1971. С. 57-76, 165-173; Узбекистан, 2013. С. 56-57, 89-93, 137; Золото Афганистана, 2016. С. 178-179; Древности Таджикистана, 1985. С. 164-165, 170-171, 220-237, 264-272; Bussagli, 1979. P. 35-36, 43-48; Baumer, 2014. P. 80, 101, 204). Таким образом, кроме Нисы и находящихся в Хорезме крепостей Казаклы-Яткан и Топрак-кала все фрески относятся к восточной части Среднеазиатского региона.

Наиболее ранними среди них являются Халчаян, Фаязтепа и Каратепа, относившиеся к Кушанскому царству (I-III вв. н.э.), ядром которого становится территория Греко-Бактрийского и Индо-Греческого царств (III в. до н.э. – I в. н.э.). Вполне естественно, что и кушаны унаследовали эллинистическую традицию, в том числе и в настенной живописи, которая постепенно видоизменяется под влиянием местного стиля.

В Фаязтепа (I-II вв. н.э.) мы видим с одной стороны – чисто греческую манеру в детальной прорисовке лиц путем многослойного наложения краски, а с другой – местный стиль в одежде: кафтаны и сапоги в сцене царя с придворными, кафтаны в обращенных вправо мужских фигурах дароносцев (Пидаев, 2011. С. 62-67, 105; Узбекистан, 2013. С. 89-93; O'zbekiston, 2018. В. 69-71). По сюжетам – с одной стороны, это предполагаемая процессия во главе с царем (от нее сохранилась лишь нижняя часть), изображение Будды – то есть, сюжеты в западных регионах неизвестны, с другой – изображение Александра Македонского в двурогом шлеме, и, так называемое изображение божества с распущенными волосами, сделанное в традициях античной многослойной живописи (Пидаев, 2011. С. 63, 65-66). В то же время, упомянутая выше процессия расписана в одной плоскости, с резкими контурами, что совершенно не характерно для античной живописи.

Из настенных росписей в Каратепа (II-IV вв. н.э.) сохранились изображения Будды и его учеников и группа из четырех фигур, одна из которых под зонтиком (черта, характерная для иконографии Будды в Восточной Азии), помещенная в подобие рамки, что Ш. Пидаев вполне логично считает влиянием с востока, примеры чего мы увидим ниже (Узбекистан, 2013. С. 56-57, Пидаев, 2016. С. 50-51). Изображение Будды в нимбе с утрированно длинными мочками ушей и линейной прорисовкой черт лица, но со следами объемности в овале лица. Точно также, линейно, изображены и лица в композиции из четырех фигур, хотя тщательная прорисовка глаза в лице, от которого сохранилась лишь верхняя часть, полуоборот одного из лиц в три четверти – свидетельствуют о влиянии античной традиции (Узбекистан, 2013. С. 56-57; Пидаев, 2011. С. 105).

Еще больше влияние греческой живописной школы просматривается в росписях из Топрак-кала. Это и точный рисунок лица и рук арфистки, копыта коня, лица в фас, хотя они и выполнены в контурах. В орнаментах отмечена бегущая волна. С другой стороны, колористическое решение композиции – другое, с преобладанием розового и зеленого фона (Толстов, 1948. С. 176-181, 186, рис. 46-52). Композиция с изображением арфистки напоминает айртамский фриз, что позволило С.П. Толстому

говорить о кушанской художественной традиции (Толстов, 1948. С. 177-178). К Топрак-кала по стилю близки и контурные изображения людей и животных, обнаруженные в Казаклы-Яткане и датированные I в. н.э. (Baumer, 2014. P. 101).

Еще большее сходство с нисийским материалом дают фрагменты росписей из округи Еркургана – это и наличие орнамента в виде бегущей волны, меандра и четырехлепестковой розетки, и обилие красного фона. Тщательная прорисовка глаз лица, смотрящего в фас, которое, к сожалению, плохо сохранилось, греческие драпировки одежд фигур на колонне – безусловные свидетельства принадлежности этих росписей к античной традиции (Абдуллаев, 2011. С. 209-220, таб. 3).

В Халчаяне Г.А. Пугаченкова также отмечала наличие большого количества красного фона и орнамента с побегом виноградной лозы, характерного для Помпей, тщательную прорисовку кистей рук и лица мужчины, смотрящего в фас, выполненного, как справедливо подчеркивает Л.И. Альбаум, в стиле фаюмских портретов (Пугаченкова, 1966. С. 144-153; Альбаум, 1975. С. 89). С другой стороны, изображение в профиль мужчины с бактрийской прической, фрагменты рисунка кафтана, свидетельствуют о появлении местной живописной традиции.

Именно последний элемент становится доминирующим в настенных росписях более позднего периода V-VIII вв. В стиле – это переход к статичному плоскостному изображению с четко очерченными контурами, а по сюжетам – к изображению местной знати и ее образа жизни: процессии, пиры, посольства, битвы. Этот период связан с господством на Великом Шелковом пути согдийцев, не создавших собственного мощного государства, но активно проникавших в области Восточной Азии, вплоть до Кореи и Японии, и ставших проводниками распространения буддизма и культуры Центральной Азии на этот обширный регион.

Настенная роспись этого периода уже мало связана с античной традицией, но определенная преемственность с парфянской и кушанской живописью, как справедливо подчеркивает Л.И. Альбаум, сохраняется (Альбаум, 1975. С. 95). Это проявляется в тщательной контурной прорисовке рук, лиц в профиль и в пол оборота, коней, как, например, в Пенджикенте (Живопись древнего Пянджикента, 1959. Табл. XIII, XV, XXV, XXXVI-XXXIX) или на Афрасиабе (Альбаум, 1975. Табл. V, VII, XIV, XXII, XXIV, XXV, XXX, XXXI, XXXV-XXXVIII, LVII). Встречается и характерная для иранской традиции сцена конной битвы (объект III помещение 6, объект VI помещение 1 в Пенджикенте, северная стена на Афрасиабе) (Живопись древнего Пянджикента, 1959. Табл. XXV; Альбаум, 1975. Табл. XXXV).

Античная живописная традиция хорошо просматривается в Беграме (Афганистан). Это – два стеклянных кубка: один, изображающий сборщиков фиников, а другой – сцены охоты и из Троянской войны (Золото Афганистана, 2016. С. 136, 158).

В Синьзяне настенные фрески по большей части относятся к более позднему периоду. Росписи

сохранились на следующих памятниках: некрополь Астана (Турфан, IV-X вв. н.э., по большей части – VII-IX вв. н.э.), Астана-Караходжа (Турфан, IV-V вв. н.э.), гроты Тысячи Будд в Безеклыке (Турфан, VI-XIII вв. н.э., по большей части – после VIII в. н.э.), гроты Тоюк (Турфан, V-VII вв. н.э.), городище Гаочан (Турфан, IX-X вв. н.э.), городище Цзяохэ (Турфан, X-XII вв. н.э.), руины буддийского монастыря Таришлак (Яньци, 1 пол. VIII в. н.э.), гроты Кызыл Гаха (Куча, V-VIII вв. н.э.), гроты Кумтура (Куча, VIII-IX вв. н.э.), гроты Тысячи Будд в Кызыле (Аксу, IV-VIII вв. н.э.), некрополь Лоулань (Чарклык, III-IV вв. н.э.), буддийский монастырь Миран (Чарклык, III-IV вв. н.э.), буддийский храм Карадун (Хотан, III-V вв. н.э.), буддийский храм Дандан-Улик (Хотан, VI-VII вв. н.э.), буддийский храмовый комплекс Топулукдун (Хотан, VII-IX вв. н.э.), Балавасте (Хотан, VIII в. н.э.), не говоря о росписях более позднего периода (X-XIII вв. н.э.) в буддийском храме Гаочан (Джимасар, Чанци) (Шелковый путь, 2019. С. 228-230, 234-235, 350-352, 356-358, 379-382, 395-422, 436-448, 464-465, 479-483, 512-513, 535-541, 566-567, 609-619, 622-648, 703-704, 716-719, 851-854, 893-897, 957-961, 974-976; *Bussagli*, 1979. P. 18-30, 49-114).

Таким образом, подавляющее большинство настенных росписей связано с распространением буддизма и буддийской тематикой. Самые ранние из них – в Хотане (Карадун, III-V вв. н.э.) и Чарклыке (Лоулань, Миран, III-IV вв. н.э.), то есть к югу от пустыни Такла-Макан. Чуть позже появляются росписи и к северу от Такла-Макан в Аксу (Кызыл, IV-VIII вв. н.э.) и Турфане (Астана – IV-X вв. н.э., Астана-Караходжа – IV-V вв. н.э., Тоюк – V-VII вв. н.э.), а также в находящейся между ними Куче (Кызыл Гаха, V-VIII вв. н.э.).

Росписи в Карадуне изображают Будд и Бодхисаттв и характеризуются линейной графикой со сплошной закраской, глаза и другие черты прорисованы не тщательно. Фрески из гробницы LE в Лоулани изображали какую-то сцену с людьми в кафтанах и сапогах и лошадьми, процессию из пяти фигур в фас. Сохранившиеся их нижние части представляет собой очень схематичную прорисовку, закрашенную черным, красным, синим и белым цветом. Таким образом, ни парфянско-кушанских, ни античных влияний эти памятники не показывают.

В то же время, настенные росписи в Миране характеризуются тщательной прорисовкой глаз и динамизм в изображении людей, переходы оттенков при наличии линейных прорисовок (Шелковый путь, 2019. С. 703-704, 716-719, 957-962).

Совершенно другой характер имеют ранние росписи Турфана. В гробнице №97 в Астана-Караходжа (IV-V вв. н.э.) изображен сам захороненный с супругой, а вокруг них – слуги, скот, лук в чехле и предметы утвари. Фигуры прорисованы контурами и почти не закрашены, сцены помещены в рамки. На них китайский костюм, и стиль росписи напоминает китайские гробницы (Шелковый путь, 2019. С. 512-513). По стилю и по тематике похожи и современные им фрески в гробнице №13 в Астане (IV-V вв. н.э.). Здесь также в центре композиции находится захороненный с супругой, под балдахином в ки-

тайском платье, а вокруг – слуги и предметы утвари. Характерно изображение деревьев с райскими птицами, под центральное из которых слуга привел оседланного коня. Рисунок выполнен контурами, красной и черной краской, некоторые изображения закрашены одним цветом (Шелковый путь, 2019. С. 464-465).

Этот же стиль и сюжет характерен и для гробниц №408, 605 в Астане, датируемых условно между IV-X вв. н.э., но, по всей видимости, одновременных предыдущим (Шелковый путь, 2019. С. 444-446). Таким образом, традиции среднеазиатской живописи отсутствуют здесь в ранний период, а в более поздней живописи Астаны (с VIII в. н.э.) – уже господствует развитая танская школа живописи Китая (Шелковый путь, 2019. С. 479-483).

Совсем другая ситуация наблюдается в недалеком от Иссык-Куля районе Аксу. Стены гротов в Кызыле (IV-VI вв. н.э.) буквально заполнены изображениями Будд, сидящих в окружении языков пламени, а также сценами из жизни Шахьямуни от рождения до смерти. Лица и руки прорисованы линиями, за краска поверхностей сплошная однотонная, все росписи выполнены в зелено-фиолетовой гамме (Шелковый путь, 2019. С. 623-634).

Похожи с ними по стилю и настенные росписи в гротах Тоюка в Турфане (V-VII вв. н.э.), которые покрывают ячейки с сидящими Буддами и деревом бодхи, выполненные в зеленой или зелено-коричневой гамме по белому фону. Перегородки ячеек заполнены орнаментом из медальонов с контурами из перлов, листьев растений, спиралей (Шелковый путь, 2019. С. 535-540). Характерно, что здесь наблюдается полный разрыв с предшествующей традицией, известной в Астане и Караходже, произошедший под несомненным влиянием с запада, из Аксу.

В гротах Кызыл Гаха (V-VIII вв. н.э.), а также в находящейся между ними Куче, наблюдается тот же самый стиль буддийской настенной живописи, что в Кызыле и Тоюке, но сюжеты более разнообразны. Например, они включают изображения правителя Кучи с супругой в богатых кафтанах и с нимбами вокруг голов, летящего между звезд ангела (Шелковый путь, 2019. С. 613-614).

Характерна и схожесть цветового решения в Кызыле, Тоюке и Кызыл Гаха – одноцветная гамма, представляющая разительное отличие от росписей Мирана, Лоулани и Карадуна, отличающихся богатой многоцветной гаммой. Очевидно, что центральноазиатская традиция постепенно приходит в Синьцзян вместе с буддизмом сначала в районы к югу, а позже и к северу от пустыни Такла-Макан.

Античное влияние в Синьцзяне хорошо просматривается в более ранний период, начиная с I-II вв. н.э., по картинам на текстиле. В кургане №1 в Санпула I-II вв. н.э. (Хотан) была найден фрагмент шерстяной ткани размером 116 × 48 см, с росписью, изображающей в нижней части воина с бритым лицом и длинными вьющимися волосами, собранных у лба повязкой, с расшитым краем одеяния (сохранившаяся часть ограничена бюстом), с копьем за спиной на красном фоне, а над ним полосу орна-

Рис. 2. Сцена с ритонном. Роспись из гробницы Токхынри. 409 г. н.э. (уезд Кансо, провинция Пхёнъан-Намдо, КНДР). Фото С.В. Лаптева

мента на черном фоне в центре которого находится фигура кентавра. Изображения выполнены по всем канонам античной живописи – в богатой естественной цветовой гамме, с тщательной прорисовкой черт лица, не говоря о выразительном рисунке глаз, с полутенями, подчеркивающими объем.

Другая ткань с рисунком – шелковый кафтан, в который была одета мумия мужчины, найденная в захоронении №15 в некрополе Инпань (Лоп-Нур, к югу от озера Лобнор) датируется III-V вв. н.э. На красной ткани желтым однотонно выполнен орнамент, изображающий пару сражающихся короткими мечами воинов. Они полностью обнажены, показывая рельефную мускулатуру, напоминающую Геракла или атлантов, излюбленных в гандхарской скульптуре (Александр Великий, 2003. С. 148). Волосы вьющиеся, над ними высоко подняты щиты, сверху над и между ними – дерево, разделяющееся на две ветви, обращенные к каждому воину. Такое же дерево и под ними, оно служит обрамлением для нижней пары похожих воинов, стоящих боком друг к другу без щитов и с поднятыми дротиками (Шелковый путь, 2019. С. 154, 155, 745-748, 912-914).

Античная школа живописи, самые яркие примеры которой в Центральной Азии сохранились в Нисе, достаточно рано достигает Синьцзяна. Далее к востоку, мы можем говорить только о влия-

нии центральноазиатской школы живописи, но не античной. Один из ярких примеров центральноазиатского влияния просматривается в настенных фресках корейского государства Когурё (277 г. до н.э. – 668 г. н.э.), занимавшего в последние века своего существования не только северную и центральную часть Корейского полуострова, но и Ляодунский полуостров, а также юго-восточную часть Маньчжурии.

В отличие от фресок китайской традиции, изображавшей в тот период, прежде всего, мир мифологических животных и небожителей (*Ло Шипин, Ляо Ян, 2005. С. 29-59*), для корейской настенной живописи раннего периода, III-VI вв. н.э., характерны реализм, господство и многообразие бытовых сюжетов.

Ряд сюжетов сближает когурёскую живопись с центральноазиатской. Это – множество конных батальных сцен (например, курган Трёх галерей в гор. Цзиань пров. Гирин (КНР), кон. IV - нач. V в. н.э. и др.), сцены охоты, в иранской традиции символизировавшей райский мир (курган Яксури в уезде Кансо пров. Пхёнъан-Намдо (КНДР), курган Чум («с танцевальной сценой») гор. Цзиань пров. Гирин (КНР), кон. IV – нач. V в. н.э., Токхынри, по надписи датирована 409 г. н.э., и др.), парфянский выстрел, о котором мы писали выше (курганы Чум («с танце-

вальной сценой»), кон. IV – нач. V в. н.э., Токхынри, 409 г. н.э. и др.) (Bureau de Rédaction d'Albums, 1979. P. 22-25, 30-31, 36, 38).

В кургане Токхынри сохранилось и изображение ритона (Рис. 2). Ритон – священный сосуд для возлияний в иранской традиции. В эллинистический период широко распространяется на запад – во Фракию, и прочно входит в эллинистическую традицию. Один из наиболее ярких образцов высокохудожественных эллинистических ритонов – сосуды из слоновой кости из Нисы, украшенные сюжетной резьбой – изображениями греческих богов, мифологическими и обрядовыми сценами и, в соответствии с ахеменидской традицией, животными протомами (Пилипко, 2001. С. 288-296). Позже ритоны распространяются и на восток – керамические ритоны (без отверстий, то есть «ложные ритоны») находят на Корейском полуострове (V-VI вв. н.э.), и на Японских островах (VI в. н.э.). В Китае ритон известен, в частности, в рельефах на гробницах согдийцев, что может быть свидетельством центральноазиатского происхождения их в регионе Восточной Азии (MIHO MUSEUM, 2009. С. 64-77).

Иконография настенных росписей из гробницы Токхынри и некоторых других обнаруживает сходство с фресками Синьцзяна. Как и в Астане и Астане-Караходже, здесь присутствует балдахин над захороненным и его супругой, также характерно и присутствие справа от главного персонажа священного дерева (иранская традиция) и слуги, преведшего под него коня. В тоже время, художественный стиль фресок Токхынри совсем другой, нежели в Астане. Для него характерен реализм изображений, сплошная закраска плоскостей, четкие детали лошадей и лиц людей – все это обнаруживает сходство с буддийской среднеазиатской живописной традицией.

Контакты когурёсцев с согдийцами просматриваются в изображении корейских (очевидно, когурёских) послов в сцене посольства на фресках на западной стене дворцового зала в Афрасиабе, впервые отождествленных И.Л. Альбаумом, а позже исследованных учеными из КНДР – Пак Чжин Уком, Чо Хи Сыном и др. (Альбаум, 1975. С. 74-76; Пак Чжин Ук, 1988. С. 11-16; Чо Хи Сын, 2001. С. 51-61).

Точно также, изображения согдийцев встречаются в каменной и керамической скульптуре, на рельефах другого корейского государства – Силла (юго-запад полуострова, I в. до н.э. – VII в. н.э.), многочисленных стеклянных сосудах, золотых и серебряных предметах V-VII вв. н.э. из Силла (Чо Хи Сын, 2001. С. 47-49; MIHO MUSEUM, 2009. С. 28-30, 36-59, 114-118). О контактах древних корейцев с Центральной Азией, их посольствах и путешествиях в этот регион говорит и материал китайских и корейских письменных источников (Чо Хи Сын, 2001. С. 96-100).

Культурный обмен, зародившийся в этот период, отразился и на художественной культуре. Настенные росписи – один из подобных примеров. Нисийские фрески, унаследовавшие античную традицию, стали основой центральноазиатской живописной школы, которая позже распространилась

далее на восток, получив отражение в изобразительном искусстве Кореи. Хотя их стиль и сюжеты во многом отличаются от росписей более позднего периода в Центральной Азии, включая Синьцзян, влияние оказанное на последующий период развития техники, стилистики, сюжетной составляющей и орнаментации настенной живописи Центральной Азии не вызывает сомнений. В тоже время, степень и формы этого влияния зависят от конкретного периода и региона, отражая особенности и нужды эпохи и общества, национальную и религиозно-культурную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев, 2011 – Абдуллаев К. Парфянские мотивы в настенной росписи Нахшеба (Еркурган и его округа) // *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno.* Firenze: Le Lettere, 2011. С. 309-320.
- Альбаум, 1975 – Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 160 с., LVII табл.
- Древности Таджикистана, 1985 – Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.
- Живопись древнего Пянджикента, 1954 – Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 208 с., LXI табл.
- Литвинский, Зеймаль, 1971 – Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-Тепа. Архитектура, живопись, скульптура. М.: Искусство, 1971. 260 с.
- Луконин, 1977 – Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 232 с.
- Пидаев, 2016 – Пидаев Ш. Настенная живопись в буддийском храме на Каратепе // Фан ва турмуш (Наука и жизнь Узбекистана). 2016. №3-4. С. 49-51.
- Пилипко, 1994 – Пилипко В.Н. История Туркменистана в античный период (краткий очерк). Ашхабад: Ёлым, 1994. 77 с.
- Пилипко, 1996 – Пилипко В.Н. Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М.: Восточная литература, 1996. 160 с.
- Пилипко, 2001 – Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги изучения в советский период. М.: Наука, 2001. 432 с.
- Пилипко, 2011 – Пилипко В.Н. Раскопки башенного сооружения на городище Старая Ниса // Памятники истории и культуры Туркменистана. Научные открытия, исследовательские и реставрационные работы за 20 лет Независимости. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2011. С. 265-277.
- Пугаченкова, 1966 – Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966. 288 с.
- Толстов, 1948 – Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 330 с.

На туркменском и узбекском языках:

- Пудаев*, 2011 – *Пудаев Ш.* Қадимги Ўзбекистонда буддавийлик ва буддавий мерос. Китоб альбом. Тошкент: Ўзбекистон, 2011. 120 б.
- Milli mirasyň hazynasy, 2017 – Milli mirasyň hazynasy. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2017. 224 s.
- O'zbekiston, 2018 – O'zbekiston madaniy yodgorliklari hazinasi: albom / katalog. O'zbekiston tarixi davlat muzeyi. Toshkent: San'at jurnali nashiriyot, 2018. 302 b.

На европейских языках:

- Aoyagi, Pappalardo*, 2006 – *Aoyagi M., Pappalardo U.* Pompei (Regiones VI-VII). Insula Occidentalis. Volume Primo. Napoli: Valtrend Editore, 2006. 560 p.
- Baumer*, 2014 – *Baumer Ch.* The History of Central Asia. Vol. II. The Age of the Silk Roads. London-New York: I.B. Tauris, 2014. 398 p.
- Bureau de Rédaction d'Albums, 1979 – Bureau de Rédaction d'Albums à la Direction de Conservation du Patrimoine Culturel de la R.P.D.C. Peintures murales du Kokouryo. Pyongyang: Musée Central de l'Histoire de Corée, 1979. 96 p.
- Bussagli*, 1978 – *Bussagli M.* Central Asian Painting. Lausanne: Skira Rizzoli, 1978. 135 p.
- Kawami*, 1987 – *Kawami T.S.* Kuh-e Khwaja, Iran, and Its Wall Paintings: The Records of Ernst Herzfeld // Metropolitan Museum Journal. 1987. Vol. 22. P. 13-52.
- Palagia*, 2014 – *Palagia O.* The Frescoes from the Villa of P. Fannius Synistor in Boscoreale as Reflections of Macedonian Funerary Paintings of the Early Hellenistic Period // The Age of the Successors and the Creation of Hellenistic Kingdoms (323-276 B.C). Studia Hellenistica, 53. Leuven: Peeters, 2014. P. 207-231.
- Rostovtzeff*, 1938 – *Rostovtzeff M.* Dura-Europos and Its Art. Oxford: The Caledonian Press, 1938. 164 p.
- Saatsoglou-Paliadeli*, 2007 – *Saatsoglou-Paliadeli Ch.* La peinture de la Chasse de Vergina // Peinture et couleur dans le monde grec antique. Paris – Milan: 5 Continents, 2007. P. 47-55.

На китайском, корейском и японском:

- Александр Великий, 2003 – Арэкусандоросу тайб-то тōдзай бунка-но кōрю тэн [アレクサンドロス大王と東西文化の交流展]. Выставка «Александр Великий и культурные связи востока и запада». – Токио: Эн-эйч-кэй, Эн-эйч-кэй промōсён [NHK、NHKプロモーション], 2003. – 228 с. (на японском яз.).
- Древняя Греция, 2016 - Кодай Гириxa - дзикū-о коэта таби [古代ギリシャ — 時空を超えた旅] Древняя Греция: путешествие сквозь время. – Токио, Нагоя: Асахи симбунся, Эн-эйч-кэй, Эн-эйч-кэй промōсён, Тōэй [朝日新聞

社、NHK、NHKプロモーション、東映], 2016. – 404 с. (на японском яз.).

- Золото Афганистана, 2016 – Огон-но Афуганисутан – маморинукарэта сирукорōдо-но хихō [黄金のアフガニスタン – 守りぬかれたシルクロードの秘宝]. – Дадзайфу, Токио: Дайсинся, [大伸社], 2016. – 260 с. (на японском яз.).
- Ло Шипин, Ляо Ян*, 2005 – *Ло Шипин, Ляо Ян* [罗世平, 廖昉]. Гудай бихуа му (20 шицзе Чжунго вэньу каогу фасянь юй яньцзю цуншу) [古代壁画墓 (20世纪中国文物考古发现与研究丛书)] Древние гробницы с фресками (Серия исследований XX века по культурному наследию и археологии Китая). – Пекин: Вэньу чубаньшэ [文物出版社], 2005. – 253 с. (на китайском яз.).
- Пак Чжин Ук*, 1988 – *Пак Чжин Ук* [박진욱]. Сорён Самарыканды Ахырасябы конъчжончжи пёкхва-ый Когурё сачжольдо-е тэхаё [조선 삼마르칸드 아흐라샤브궁전지 벽화의 고구려 사절도에 대하여] Об изображениях когурёсцев на фресках из руин дворца Афрасиаба в Самарканде, СССР // Чосон кого ёнгу [조선고고연구] – Пхеньян: Сахве квахаквон когохак ёнгу-со, сахве квахак чхульпханса (사회과학원 고고학연구소, 사회과학출판사), 1988, №3, с.11-16. (на корейском яз.).
- Узбекистан, 2013 – Учыбекхисытхан Кхусян ванъ-чжо-ва пульгйо [우즈베키스탄 쿠산왕조와 불교] Кушанская династия в Узбекистане и буддизм. – Тэчжон: Кукнип мунхвачжэ ёнгу-со [국립문화재연구소], 2013. – 220 с. (на корейском яз.).
- Фрески Помпей, 2016 – Сэкай исан Понпэи-но хэкига тэн [世界遺産ポンペイの壁画展] Выставка фресок с памятника всемирного культурного наследия Помпеи. – Токио- Нагоя: Тōкё симбунся, Тјонити симбунся, [東京新聞、中日新聞社、TBS], 2016. – 158 с. (на японском яз.).
- Чо Хи Сын*, 2001 – *Чо Хи Сын* [조희승]. Чосэн-ый пидан-гва пидангиль. [조선의 비단과 비단길] Корейский шёлк и Шёлковый Путь. – Пхеньян: Сахве квахак чхульпханса [평양, 사회과학출판사], 90 год Чучхе (2001). – 132 с. (на корейском яз.).
- Шёлковый Путь, 2019 – Силкхы роды ёнгу сачжэн. Тонъбу : Чунъгук Синчжанъ [실크로드 연구사전. 동부: 중국 신장] Энциклопедия Шёлкового Пути. Восточная часть: Китайский Синьцзян. – Тэчжон: Кукнип мунхвачжэ ёнгу-со [대전, 국립문화재연구소], 2019 – 1056 с. (на корейском яз.).
- MIHO MUSEUM, 1997 – MIHO MUSEUM нанкан дзу-року [MIHO MUSEUM南館図録] Каталог Южного крыла Музея Михо. – Сигараки: MIHO MUSEUM, 1997. – 384 с. (на японском яз.).
- MIHO MUSEUM, 2009 – Юрасиа-но кадзэ – Сираги-э [ユーラシアの風 新羅へ] Ветры Евразии. На пути к Силла, под ред. MIHO MUSEUM и др. – Токио: Ямакава сюпанся [山川出版社], 2009. – 128 с. (на японском яз.).

STORING OIL IN NISA

Carlo Lippolis, Enrico Morano¹

Summary. An interesting group of ten ostraca dating back to the Parthian period comes from two rooms of the so-called south-western Building, in Old Nisa (Turkmenistan). These ostraca record quantities of oil stored in the north-eastern sector of the building and provide information on methods of storage and the chronology of relevant structures.

Key words: Old Nisa, south-western Building, oil, storage practices.

Резюме. Интересная группа из десяти остраков, относящаяся к парфянскому периоду, происходит из двух комнат так называемого Юго-Западного корпуса в Старой Нисе (Туркменистан). Эти остраки регистрируют количество масла, хранившегося в северо-восточном секторе здания, и предоставляют информацию о методах хранения и хронологии соответствующих сооружений.

Ключевые слова: Старая Ниса, Юго-Западный корпус, масло, способы хранения.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-105-114

This contribution, dedicated to the esteemed colleague V.N. Pilipko on the occasion of his 80th birthday, focuses on a series of ostraca from the south-western corner of Old Nisa (SW Area - Sector I of the Italian-Turkmen excavations: Fig. 1).² The structures brought to light in this area belong to a large complex situated along to the fortification walls and divided into two adjoining and connecting buildings, conventionally called 'south-western Building' and 'eastern Building' in the preliminary excavation reports (Fig. 2).

1. Context of discovery

The south-western Building consists of a large central quadrangular courtyard encircled by one or two rows of rooms,³ which were originally destined for production and/or storage activities.⁴ The so-called eastern Building, on the other hand, probably had a different function,

since the features of its three east-west aligned rooms, each presenting two columns, seem to suggest a representative and/or residential character.⁵

The limits of this large complex⁶ are clear only on its western and southern sides, which run parallel to the fortification walls, while they remain uncertain to the north and the east, where soundings have revealed traces of mud-brick walls extending well beyond the excavated area.⁷

⁵ The drafting of the final report on the excavation of the south-western complex, which will better define the characteristics of the various sectors within the excavated area, is currently in progress. For insights into storage practices at Nisa and for a preliminary report see Lippolis, Manassero, 2015 and Lippolis, 2013, respectively. In previous works, the western quadrant (quadrangular courtyard and surrounding rooms) has been interpreted as an area essentially designated for the storage of goods, but also connected with manufacturing processes (see note 4), while, regarding the rooms of the eastern Building, it has been proposed that, in spite of their functional association with the nearby storerooms, they had a more residential or representative character and were potentially linked to the officer in charge of the administration of the storerooms. As already mentioned in note 3, the structures exposed by the excavations in this sector can likely be attributed to different building phases (two main ones), which saw the progressive northward and eastward expansion of the complex with respect to the original nucleus built from the south-western corner of the fortification walls.

⁶ The excavations have covered an area of 80x65 m so far.

⁷ The state of preservation of the structures on these two sides is very precarious, with only the foundations or impressions of walls surviving in some places. This is due both to strong erosion (to the east) and to mechanical damage caused by the transit of heavy vehicles for the transport of soil removed during old and recent excavations (to the north).

¹ Paragraph 1. by C. Lippolis, paragraph 2. by E. Morano, paragraph 3. by both authors.

² The excavations in this part of the citadel of Old Nisa have not been completed yet. After a three-year suspension of fieldwork, archaeological activities resumed in 2019 with the investigation of an underground water system located at the south-western corner of the south-western architectural complex (Lippolis, 2019), before they were stopped once again by the pandemic.

³ It is possible to ascribe the external row of rooms on the northern and eastern sides of the south-western Building to a later expansion of its original nucleus concentrated around the central courtyard.

⁴ These activities could encompass food processing (as testified by the grindstones found in various rooms), firing activities (as documented by numerous ovens and fireplaces) and the manufacturing of gypsum stucco (in the north-western corner of the complex) (Lippolis, 2013).

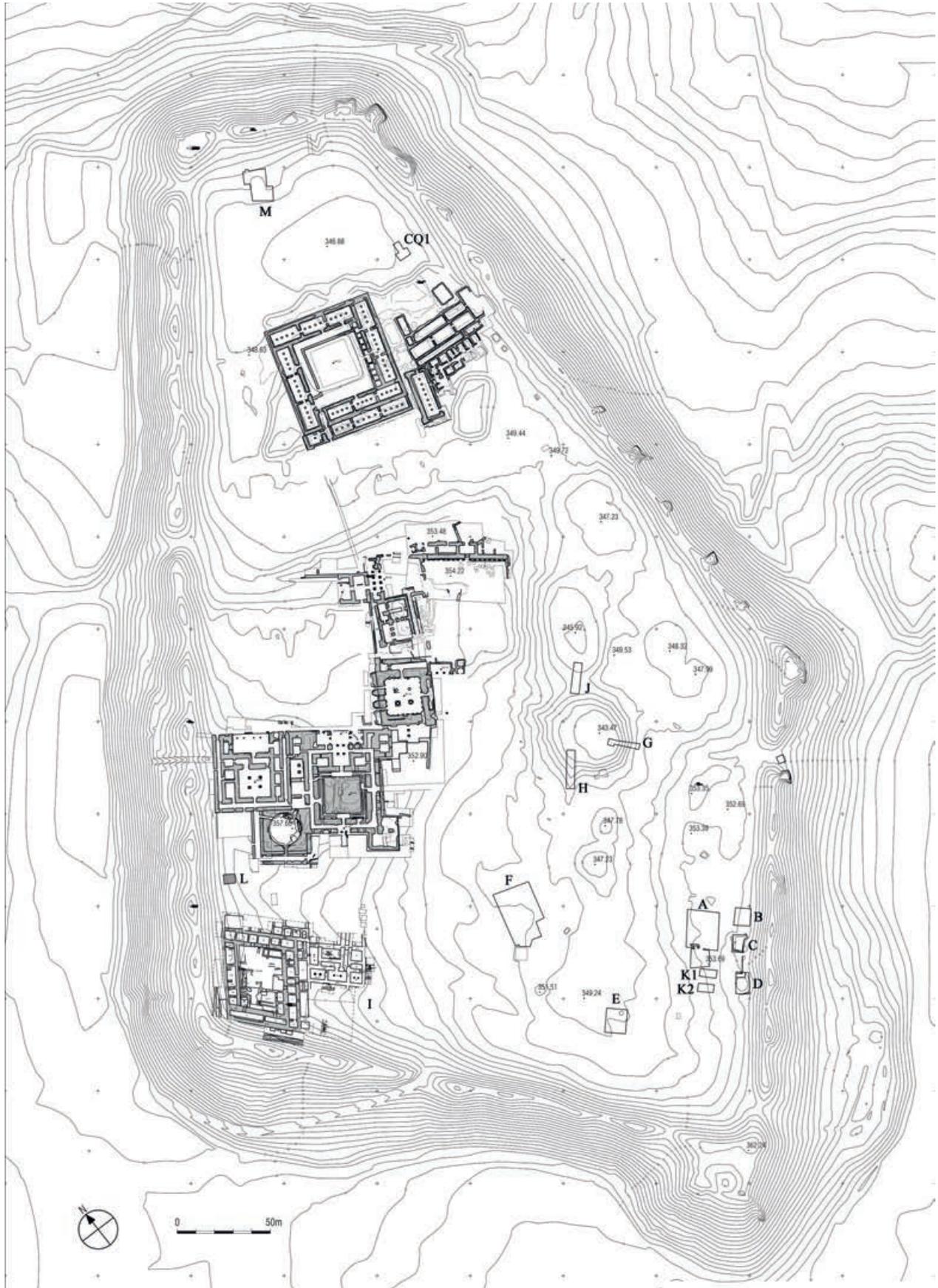

Fig. 1. General plan of Old Nisa (C. Bonfanti 2021)
Общий план Старой Нисы (C. Bonfanti 2021)

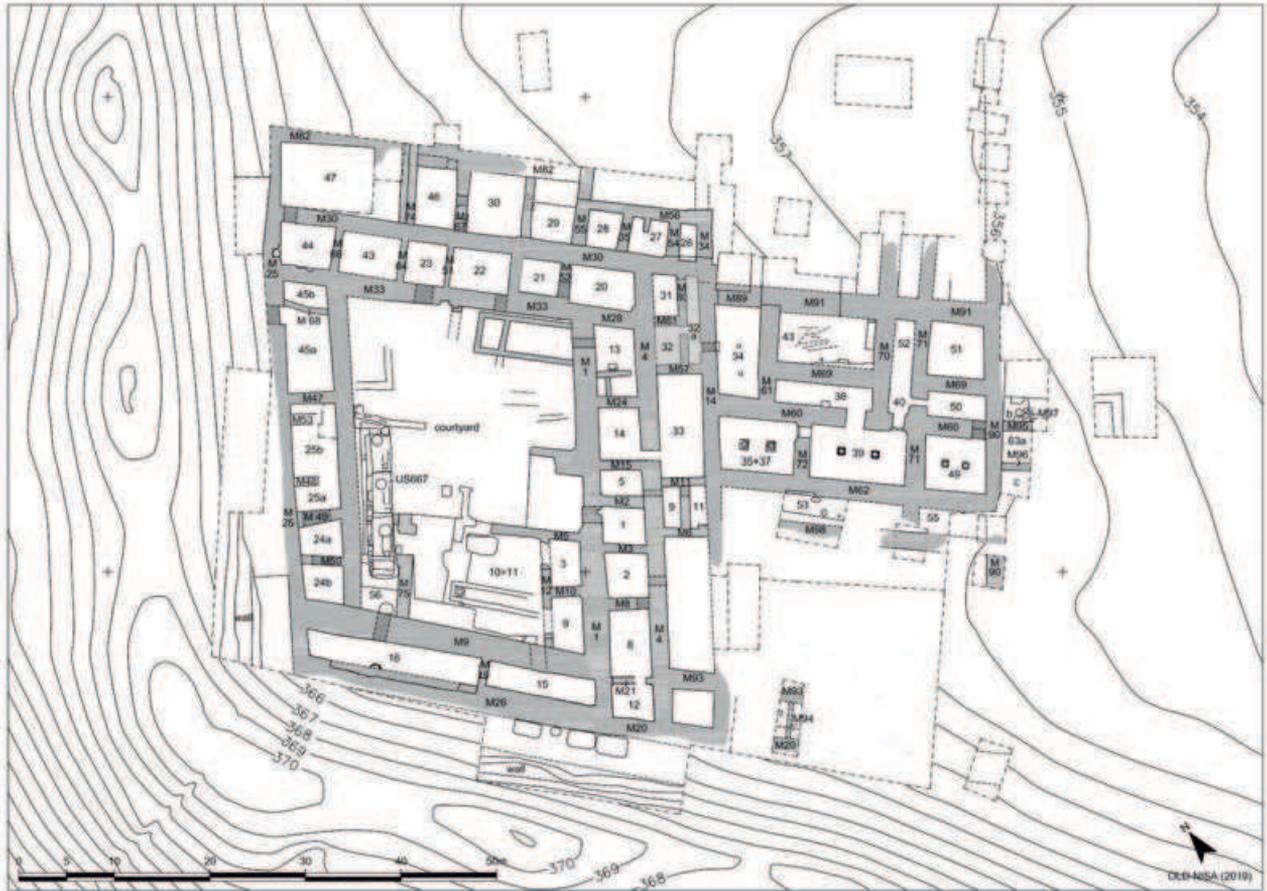

Fig. 2. Old Nisa, south-western Building, schematic layout (C. Bonfanti, 2021)
Старая Ниса, Юго-Западный комплекс, помещение 32 (C. Bonfanti, 2021)

Fig. 3. Old Nisa, south-western Building, room 32 (Archive: CRAFT)
Старая Ниса, Юго-Западный комплекс, помещение 32 (Архив CRAFT)

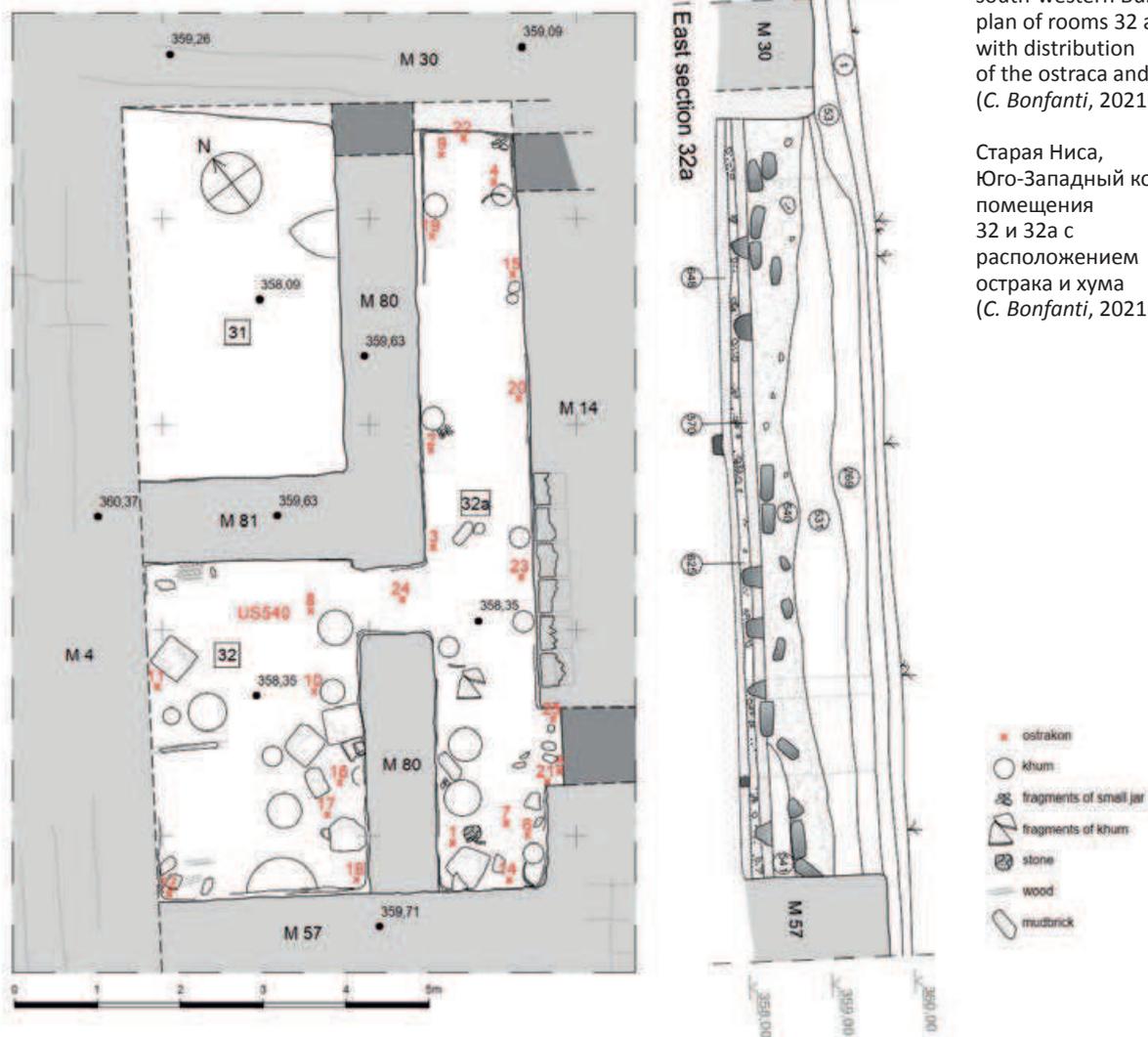

Fig. 4. Old Nisa, south-western Building, plan of rooms 32 and 32a with distribution of the ostraca and khum (C. Bonfanti, 2021)

Старая Ниса, Юго-Западный комплекс, помещения 32 и 32а с расположением острака и хума (C. Bonfanti, 2021)

The ostraca considered here have the common characteristic of mentioning oil as the content of large storage jars. With the exception of ostrakon CH10.o5 (see below and note 17), they all come from two adjacent and connecting rooms (Room 32 and Room 32a) located in the north-eastern sector of the large complex of storerooms forming the south-western Building, which was excavated by the Italian-Turkmen archaeological expedition⁸ between 2008 and 2015.

Room 32 and Room 32a came to be delimited with the erection of walls M80 and M81. Room 32a is a corridor with a length of 9,5 m and a width of 1,35 m, which communicates with the eastern sector of the complex through two openings⁹ and with the adjacent Rooms

31 and 32, to the west (along wall M80), through two other passages. The southern passage, which is 84 cm wide, leads to a rectangular room (Room 32), whose dimensions correspond approximately to 2,5x4,1 m (Fig. 3).

Other rooms housing storage jars are found in the eastern wing of the south-western Building, which appears to have been at least partially constructed in a second building phase. Worthy of note is, in particular, Room 33, located immediately south of Rooms 32 and 32a (but not adjoining them) and characterised by the presence of more than forty holes in the floor for the lodging of small, medium and large jars.

With regard to Room 32 and Room 32a, hollows for the housing of *khums* and sparse body sherds belonging to these containers were detected in association with the second floor level. Many of the excavated ostraca come from inside these holes (at times partly dug into the virgin soil) or from their immediate proximity, and particularly from the collapse layer covering the second floor level (Fig. 4). An important consideration concerns the arrangement of the *khums*, which, more than elsewhere, appears to be orderly and carefully planned. Indeed, as evidenced by the hollows in the floor, *khums* would have been neatly placed along

⁸ The Italian-Turkmen Archaeological Expedition has been active in Old Nisa since 1990, is sponsored by the Centro Ricerche Archeologiche e Scavi di Torino (CRAST), the University of Torino and the Italian Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation, and works in collaboration with the National Department for Protection, Research and Restoration of Historical and Cultural Monuments of the Ministry of Culture of Turkmenistan.

⁹ The south-eastern passage in wall M14 has been entirely cleared. More uncertain is the presence of another passage in the same wall, at the opposite end of the corridor, which might have been filled during a later phase, in a sector where structural collapses have complicated the reading of structures.

the walls, mainly on the sides of Room 32a, but also, although less systematically, along wall M80, in Room 32. This agrees with what was recorded during the excavation, namely the original existence of a single, larger room (or perhaps an open space?), which was later subdivided into Rooms 31, 32 and 32a through the construction of walls M80 and M81 (the *terminus ante quem* for this second building phase can be partially established based on the dates reported on some of the ostraca discussed here, see below). As confirmation that these two walls belong to a later phase compared to the others in the same sector (such as wall M4 and wall M14), the choice of building material appears unusual in their preserved upper part, as they are both made of reddish brick fragments, earth and gravel, while their lower part consists of courses of the same bricks that are traditionally used in Nisa. Moreover, their base lies on the latest floor level recorded in the sector and not on the virgin soil, as is the case for wall M4 and wall M14.

The stratigraphic sequence in the rooms considered here sees a first level (US648, elevation = 358,01 m), which may correspond to the earliest floor level (or a preparatory layer?), resting directly on the virgin soil and consisting of pressed clay. In Room 31 and Room 32a, this was covered by a levelling layer of soft clay, on which the second floor (US570, elevation = 358,17 m) was set, flush with walls M80 and M81, which therefore relate to the latest building phase documented in this sector. This second floor was sealed by two collapse layers (US540 and US541, the latter concentrated at the south-eastern corner of Room 32a) including fragments of *khums*, ostraca and sealings.¹⁰ Above these strata, there was a thick layer of clay devoid of materials extending up to the top of the preserved walls and corresponding to an abandonment layer of windblown sediment, which is frequently observed in Nisa. Finally, the top of the walls was covered by two superficial strata: a soft, dusty layer and the topsoil.

A total of twenty-four ostraca emerged during the excavation of Room 32a and Room 32. Some of these were found in proximity to the holes for the insertion of *khums* (sixteen recorded) identified in the floors of the two rooms. Among the recovered ostraca, seven from Room 32a and three from the adjacent Room 32 contain the word 'oil'.

Mentions of oil, although already attested from Old Nisa, are not very frequent. In the over 2700 published ostraca, there are only four more or less explicit references to this product. Only two of the ostraca included in the series "*Parthian Economics Documents from Nisa*"¹¹ deal with *MŠH*- 'oil'; in particular, the term appears in ostraca no. *2629 (Nova 355 int.)¹² and no. 2642

(Nova 306)¹³ from Old Nisa. Two other ostraca from the site, published by V.N. Pilipko and V.A. Livshits,¹⁴ originate from the Central Building Complex. On these, the content of jars is referred to as *WMŠ(H)*, translated as 'and butter' (ostraca no. 10, from the Tower Temple),¹⁵ and as *šrp* (equal to Parthian *čarb*), rendered as 'fat' (ostraca no. 13, from the Building with the Square Hall), respectively.¹⁶

The usage of the arameogram *MŠH*, which mainly indicates olive oil in the Semitic tradition, could lead to think that this was indeed the product stored in jars in Nisa. In general, however, mentions of olive oil or relative findings are quite rare in Central Asia.¹⁷ For example, the third-century AD Chinese historical text "*Weilüe*", by Yu Huan, does not list olive oil among the Roman goods reaching China from the West, even though this does not represent conclusive evidence of an absence of this product in the area.

In this context, a recent finding in Kafyr Kala (Uzbekistan) by a Japanese team of the Tezukayama University of Nara, is of particular interest, albeit ascribable to a later historical period. This discovery, which currently awaits final publication, is relevant to a 'royal pantry' containing jars that were likely destined for the storage of wine and olive oil in the palace of the Sogdian ruler Tarhun.¹⁸

All the other ostraca from Rooms 32 and 32a are poorly legible or completely illegible and, therefore, the occurrence of the term 'oil' on at least some of them cannot be excluded *a priori*. In any case, it does not seem far-fetched to propose that this sector of the building, and particularly Rooms 32 and 32a, was mainly (if not exclusively) used for the storage and preservation of oil. It is also worth mentioning that the designation *TYQ MŠH*, 'old oil', is here documented for the first time at Nisa (ostraca CH12.o1, CH12.o2, CH12.o3, CH12.o5 and CH12.o11).

¹³ Diakonov, Livshits, 2001. P. 174: "The document appears to be a register of deliveries of flour and oil, but line 6 contains an unexpected 'LYMK' 'thy servant'. Or to be read 'LYMN' 'for (the) days', cf. 'LYWM' in no. 2628?". Ostraca no. 2635 is not included here, as, excluding Livshits' published note ("Record of totals of receipts and issues of wine and oil"), none of its signs seems to clearly refer to oil (line 2 contains the signs 'R. ŠH, which, however, are simply rendered as "designation of a product" in note 3), see Diakonov, Livshits, 2001. P. 173-174. See also Diakonov et al., 1951 and Bader, 1996.

¹⁴ Livshits, Pililko, 2004.

¹⁵ *Ibidem*, P. 167-168. Here *MŠH* is translated as 'butter', while in a former publication (Diakonov, Livshits, 2001) it is always rendered as 'oil'. Concerning the translation of this term, it seems preferable to opt for 'oil' rather than 'butter', as, in the ostraca presented here, the relative unit of measurement is that used for liquids (i.e. *mari*). Moreover, the adjective that sometimes accompanies this term, *TYQ* ('old'), seems appropriate if associated with 'oil', but not with 'butter'. Indeed, it can perhaps be hypothesised that the expression 'old oil' referred to oil from previous years' harvests, or to a product not destined for human consumption, such as the oil used as fuel for oil lamps.

¹⁶ *Ibidem*, P. 171.

¹⁷ Spengler III, 2019. P. 216: Russian olives (*Elaeagnus spp.*) are still cultivated in the foothills of Uzbekistan and in the Khorezm Oasis, along the southern coast of the Aral Sea, where these olive trees appeared as early as the 4th or 3rd century BC.

¹⁸ <https://newsinfo.inquirer.net/1404912/look-remains-of-royal-pantry-uncovered-in-samarkand> and <http://www.asahi.com/ajw/articles/14254419?fbclid=IwAR3JgAicg567rOcMetULb5u4Q uL-y0hfhYLRfTb6fcHXcFKLPZYQRtws>.

¹⁰ Four fragments of clay sealings (CH12 S01-S04) come from Room 32a. One of these displays a concave side that appears consistent with the impression of the rim of a storage jar. The seal impressions registered on these sealings, when present, are not legible.

¹¹ Diakonov, Livshits, 2001.

¹² *Ibidem*. P. 173: /1/ To Afzarut (?) 1 h. of linseed (?), /2-3/ 3 k. 2 ah. 3 x. of wine, 2... of vinegar, 3 k. of oil. To Human (?) /4/ 3 k. 1 ah. of wine, 1 ah. of oil, /5/ 1 ah. of vinegar.

Fig. 5. Ostrakon CH10.o5
острак CH10.o5

Fig. 6. Ostrakon CH12.o1
острак CH12.o1

Fig. 7. Ostrakon CH12.o2
острак CH12.o2

Fig. 8. Ostrakon CH12.o3
острак CH12.o3

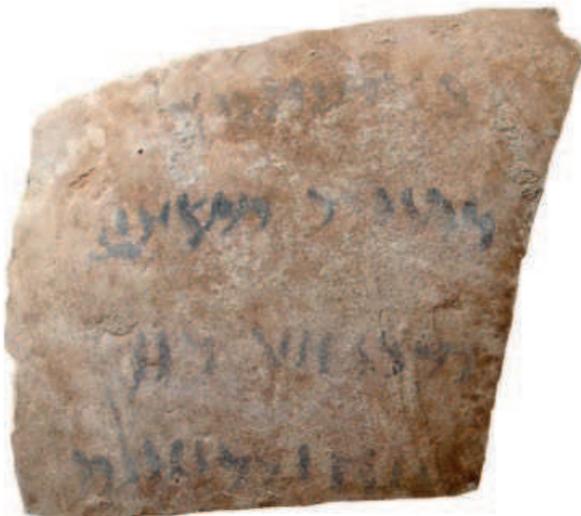

Fig. 9. Ostrakon CH12.o5
острак CH12.o5

Fig. 10. Ostrakon CH12.o11
острак CH12.o11

Fig. 11. Ostrakon CH12.o12
острак CH12.o12

Fig. 12. Ostrakon CH12.o16
острак CH12.o16

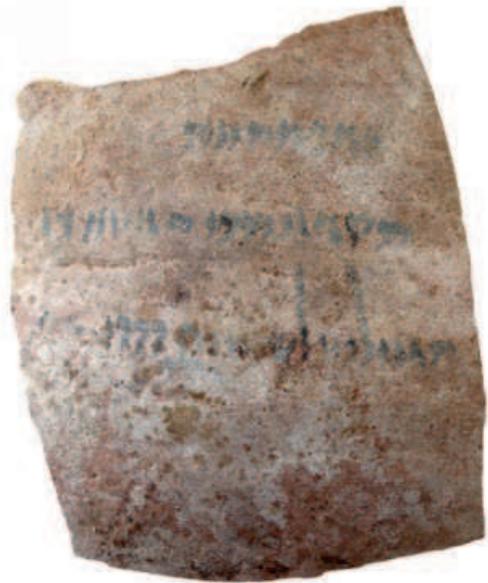

Fig. 13. Ostrakon CH12.o19
острак CH12.o19

Fig. 14. Ostrakon CH12.o22
острак CH12.o22

Fig. 15. Ostrakon CH12.o24
острак CH12.o24

A further aspect of interest, briefly mentioned above, is the presence of dates on some of these ostraca. Four of the ostraca from Room 32a bear indication of the following years of the Arsacid Era: 200 (CH12.o1), 160 (CH12.o2), 180 (CH12.o3) and 161-169 (CH12.o19).¹⁹ Similarly, three ostraca from Room 32 mention the years 162 (CH12.o11), 161 (CH12.o12) and 162 (CH12.o16).²⁰ Thus, the documented chronological span seems to extend approximately from 88 BC, *terminus ante quem* for the second building phase in this sector (with the construction of walls M80 and M81 and the creation of Rooms 31, 32 and 32a), to 48 BC (date reported exclusively on one ostrakon).²¹

Among the ostraca listed here, ostrakon CH10.o5 (the first of the list) is the only one that does not belong to the aforementioned group, as it comes from a different context, Room 30, which is about 25 m away from Rooms 32 and 32a.

2. Ostraca from the north-eastern sector of the south-western Building (SW Area, Sector I)

CH10.o5 (Fig. 5)

11.3x11.4x2 cm. SW Area, Sector I, Room 30, US (= SU) 162. Ostrakon, from a sherd of a *khum*.

Side A: 3 lines, incomplete (top right corner broken off).

/1/ H|(YTY?) MŠH'
/2/ III k III
/3/ [.....](L Š)[NT I C](XX XX) X III

/1/ brought(?) oil /2/ 3 ... 3 k. /3/ (for the year 1)53(?)

CH12.o1 (Fig. 6)

11.9x6.8x1.1 cm. SW Area, Sector I, Room 32a, US (= SU) 541. Ostrakon, from the base of a vessel (jar?).

Side A: 4 lines, clearly legible.

/1/ B HWT(H) Z[NH]
/2/ TYQ MŠH'
/3/ mry III III III k II
/4/ Q'Ylt 'L ŠNT I C

/1/ In this jar /2/ old oil /3/ 9 mari 3 k. /4/ accounted for the year 200

CH12.o2 (Fig. 7)

10x9.5x1.7 cm. SW Area, Sector I, Room 32a, US (= SU) 540. Ostrakon, from a body sherd of a *khum*.

Side A: 6 lines, clearly legible.

/1/ (ŠNT I C XX XX XX) B HWT(?)
/2/ ZNH TYQ MŠH'

/3/ mr(y) X III III (III)
/4/ k I ZY Q'YLTW
/5/ mtrbwzn
/6/ SPR'

/1/ Year 160 in this /2/ jar old oil /3/ 19 mari /4/ 1 k. which was taken into account /5/ Mihrbōžan²² /6/ scribe

CH12.o3 (Fig. 8)

16.9x8.9x2.8 cm. SW Area, Sector I, Room 32a, US (= SU) 540. Ostrakon, from the base of a *khum*; white slip (or more likely gypsum).

Side A: 5 lines, legible.

/1/ B HWT(H) [ZNH]
/2/ (TYQ) MŠH'
/3/ (...) III H III k II
/4/ ŠNT I C XX XX XX XX
/5/ (III H IIII)[.]

/1/ in [this] jar /2/ old oil /3/ ... 3 h. 2 k. 2 /4/ year180 /5/ 3 h. 4 ...

CH12.o5 (Fig. 9)

7.7x8.4x1 cm. SW Area, Sector I, Room 32a, US (= SU) 540. Ostrakon, from a body sherd of a vessel (jar?). Inscription located on the outer surface.

Side A: 4 lines, clearly legible.

/1/ B HWT(H) (ZNH)
/2/ TYQ MŠH'
/3/ mry III I k II
/4/ 'H I Q'Ylt

/1/ In this jar /2/ old oil /3/ 4 mari 2 k. /4/ 1 ah. accounted

CH12.o11 (Fig. 10)

7.5x5.4x2.1 cm. SW Area, Sector I, Room 32, US (= SU) 540. Ostrakon, from a body sherd of a *khum*. Inscription located on the outer surface.

Side A: 6 lines, partially legible.

/1/ (ŠNT I C) XX XX XX II
/2/ B (HWT?) ZNH
/3/ ['](T)[YQ MŠH'...](.)
/4/ (...) [.....](Q'Y)LW
/5/ mtrbwzn
/6/ SPR'

/1/ year 162 /2/ in this jar /3/ ol[d oil?] /4/ [...] accounted /5/ (for) Mihrbōžan²³ /6/ scribe

CH12.o12 (Fig. 11)

9.1x11.1x1.2 cm. SW Area, Sector I, Room 32, US (= SU) 540. Ostrakon, from a body sherd of a vessel (jar?). Inscription located on the outer surface.

Side A: 3 lines, clearly legible.

¹⁹ For what concerns Room 32a, these years correspond to 48/47, 88/87, 68/67 and 87/78 BC(?), respectively.

²⁰ For what concerns Room 32, these years correspond to 86/85, 87/86 and 86/85 BC, respectively.

²¹ A different, older date is apparently recorded on ostrakon CH10.o5, which comes from a disturbed context in Room 30, north-west of the sector considered here. The ostrakon, in truth poorly legible, bears indication of the year (1)53 (although the reading of the date is uncertain), which would correspond to 95/94 BC.

²² On this name, see *Livshits*, 2010. P. 110. N. 352. The scribe Mihrbōžan is also mentioned in CH12.o11, see below.

²³ See above, on CH12.o2.

- /1/ B ḤWT²⁴ ZNH MŠḤ'
 /2/ mry X III II H'LT²⁵
 /3/ 'L ŠNT I C XX XX XX I

/1/ in this jar oil /2/ 15 mari delivered /3/ for the year 161

CH12.o16 (Fig. 12)

13.2x9.4x1.8 cm. SW Area, Sector I, Room 32, US (= SU) 571. Ostrakon, from a body sherd of a *khum*. Inscription located on the outer surface.

Side A: 7 lines, clearly legible.

- /1/ ŠNT C XX XX XX II
 /2/ B ḤWT' ZNH
 /3/ (..)tk/n MŠḤ'
 /4/ mry X III II
 /5/ (ZY) Q'YLV
 /6/ mtrbwzn
 /7/ SP(R')

/1/ year 162 /2/ in this jar /3/ ?? oil /4/ 15 mari /5/ which has been taken into account (for) /6/ Mihr-bōžan²⁶ /7/ scribe

CH12.o19 (Fig. 13)

11.4x9.4 cm. SW Area, Sector I, Room 32a, US (= SU) 540 (passage leading to room 34).

Ostrakon, from a body sherd of a globular jar. Inscription located on the outer surface.

Side A: 3 lines, mostly clearly legible.

- /1/ B ḤWTH ZNH
 /2/ MŠḤ' mry X III III (..)
 /3/ Q'YLV 'L ŠNT I C XX XX XX (L...)

/1/ In this jar /2/ oil mari 16 /3/ accounted for the year 16(.)²⁷

CH12.o22 (Fig. 14)

9.5x9.8x0.8 cm. SW Area, Sector I, Room 32a, US (= SU) 540. Ostrakon, from a fragment of a roof tile or ceramic drainpipe (?). Inscription located on the outer surface.

Side A: 3 lines, legible.

- /1/ B ḤWT(H) ZNH (MN d/r)myt MN
 /2/ kwzry hwmny MŠḤ'
 /3/ (mry)X 'H III I

/1/ In this jar from Dāmyāt/Rāmyāt²⁸ from /2/ Human²⁹ from Kōzar³⁰ oil /3/ 10 mari 4 ah.

CH12.o24 (Fig. 15)

9.4x10.4 cm. SW Area, Sector I, Room 32a, US (= SU) 540 (passage leading to room 32). Ostrakon, from a body sherd of a *khum*. Inscription located on the outer surface.

Side A: 2 lines, partially legible and likely incomplete.

- /1/ B ḤW(T' ZN)H MŠḤ'
 /2/ m(ry) (... 'L) [...]³¹

/1/ In this jar oil /2/ ... mari for ...

3. Concluding remarks

In conclusion, the available archaeological data and the information provided by the group of ostraca presented in this paper allow to reconstruct a rather accurate picture of the organisation and function of the north-eastern sector of the south-western Building. A large room, originally enclosed by walls M4 to the west, M30 to the north, M14 to the east and M57 to the south, was at a some point subdivided into three rooms through the construction of two walls, M80 and M81, ascribable to the same building phase as the second floor level identified in the area. During this phase, to be dated to the beginning of the 1st century BC according to the years reported on some of the ostraca, large jars (*khums*) were neatly arranged along the walls of Rooms 32 and 32a, while no traces of storage activities have emerged in Room 31. The orderly arrangement of the *khums* along walls M80 and M81, which, as already mentioned, were erected in a second building phase, constitutes evidence that the jars are to be related to this later structural intervention.

At least a dozen of the storage jars in Rooms 32 and 32a contained oil, although it is not clear of which type. The years reported on the ostraca from these two rooms seem to indicate that they had been used specifically for the storage/conservation of oil for a rather long period, corresponding to at least forty years, between 88/87 BC and 48/47 BC.³² Furthermore, the specific indication 'TYQ MŠḤ' - 'old oil' appears here for the first time at Nisa.

Finally, the collation of all these data raises the question of the chronological attribution of the entire south-western complex and its different building phases. Indeed, an absolute date for its erection is not available at this stage; however, since the construction and use of Rooms 32 and 32a are to be dated to the very beginning of the 1st century BC, the original layout of the complex can reasonably be placed in the 2nd century BC. Accordingly, it is possible to attribute the south-western complex to one of the first building phases at Old Nisa.

²⁴ The final ' or H is missing.

²⁵ A mistaken spelling for HN'LT?

²⁶ On this name, see *Livshits*, 2010. P. 110. N. 353.

²⁷ After the three signs for '20' there is space for about 6 characters. Perhaps the year could be 166.

²⁸ The word *d/rmyt*, which can be read either as Dāmyāt or Rāmyāt, is attested elsewhere at Nisa; see *Diakonov, Livshits*, 2001. P. 190; *Livshits*, 2010. P. 82. N. 182.

²⁹ See: *Livshits*, 2010. P. 91. N. 237

³⁰ The reading of the relevant signs is uncertain, but if *kwzr* is accepted as the correct interpretation, the word can be taken to refer to an estate whose name is largely documented at Nisa; see: *Livshits*, 2010. P. 191. N. 829.

³¹ After 'L, which translates as 'for', either the space is left blank or the text is broken off.

³² Ostrakon CH10.o5 is excluded, as it is perhaps slightly older and comes from a different context (see note 21).

BIBLIOGRAPHY

- Bader*, 1996 – *Bader A.* Parthian ostraca from Nisa: some historical data // *La Persia e l'Asia centrale. Da Alessandro al X secolo. International Conference, Rome, 9–12 November 1994.* Roma: Atti dei Convegni Lincei. P. 251–276.
- Diakonov et al.*, 1951 – *Diakonov I.M., Diakonov M.M., Livshits V.A., Masson M.E.* Nalogovye Parfjanskije dokumenty II veka do n. e. iz Nisy, (Materialy Juzhno-Turkmenistanskoj Arheologicheskoy Kompleksnoj Ekspedicii. Vol. 2). Moskva-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1951. 64 p.
- Diakonov, Livshits*, 2001 – *Diakonov I.M., Livshits V.A.* Parthian Economic Documents from Nisa – Texts I // *Corpus Inscriptionum Iranicarum Part II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia.* Vol. II. London: SOAS, 2001. P. 161-215.
- Lippolis*, 2013 – *Lippolis C.* Old Nisa. Excavations in the south-western Area. Second preliminary report (2008-2012) // *Parthica.* 2013. Vol. 15. P. 89-115.
- Lippolis*, 2019 – *Lippolis C.* Le acque di Nisa - Mitridato-certa (Turkmenistan) // *Parthica.* 2019. Vol. 21. P. 89-113.
- Lippolis, Manassero*, 2015 – *Lippolis C., Manassero N.* Storehouses and storage practices in Old Nisa // *Electrum.* 2015. Vol. 22. P. 115-142.
- Livshits*, 2010 – *Livshits V.A.* Parfjanskaja onomastika, St. Petersburg: SPbGU, 2010. 400 p.
- Livshits, Pilipko*, 2004 – *Livshits V.A., Pilipko V.N.* Parthian ostraca from the Central Building Complex of Old Nisa // *Ancient Civilizations.* 2004. Vol. 10 (1-2). P. 139-181.
- Pilipko*, 2001 – *Pilipko V.N.* Staraja Nisa. Osnovnye itogi arheologicheskovo izuchenija v sovetskij period. Moskva: Nauka. 2001. 431 p.
- Pilipko*, 2015 – *Pilipko V.N.* Stanovlenie i razvitie Parfjanskoy kultury na territorii juzhnovo Turkmenistana. St. Petersburg: ACR, 2015. 388 p.
- Shpengler III*, 2019 – *Shpengler III R.N.* Fruit and Sands. The Silk Road Origins of the Foods We Eat. Oakland, California: University of California Press. 2019. 374 p.

CULTURAL DIVERSITY AND EVOLUTION OF CERAMIC PRODUCTION DURING THE PRE-ACHAEMENID AND ACHAEMENID PERIODS IN CENTRAL ASIA

Johanna Lhuillier

Summary. In Southern Central Asia, the Middle and Late Iron Ages, corresponding to the pre-Achaemenid and Achaemenid periods (Yaz II and III periods, ca. 1000-329 BC) were a period of significant socio-cultural change during which interruptions in material culture evidenced archaeologically do not coincide with political changes. This article aims to present the study of ceramic assemblages, based on three representative sites (Ulug-depe in Turkmenistan, Kuchuk-tepe and Koktepe in Uzbekistan) that permit an understanding of these major transformations following both a diachronic approach throughout the Iron Age and a synchronic approach at the macro-regional level. Major evolutionary trends emerge, which lead to the suggestion of the existence of regional variations within the widespread Yaz II-III culture, likely as a reflection of polities that are independent, but culturally related.

Key words: archaeology, Central Asia, Iron Age, Yaz II-III, pre-Achaemenid and Achaemenid periods, pottery.

Резюме. В южной части Центральной Азии средний и поздний железные века, соответствующие доахеменидскому и ахеменидскому периодам (периоды Яз II и III, около 1000-329 гг. до н.э.), были периодом значительных социокультурных изменений, во время которых перерывы в материальной культуре, подтвержденные археологически, не совпадали с политическими изменениями. Цель этой статьи - представить исследование керамических комплексов, основанное на трех репрезентативных памятниках (Улуг-депе в Туркменистане, Кучук-тепе и Коктепе в Узбекистане), которые позволяют понять эти основные трансформации, следуя как диахроническому подходу на протяжении всего железного века, так и синхронному подходу на макрорегиональном уровне. Выявленные основные эволюционные тенденции приводят к предположению о существовании региональных вариаций в рамках широко распространенной культуры Яз II-III, что является, вероятно, свидетельством существования независимых, но культурно связанных политий.

Ключевые слова: археология, Центральная Азия, железный век, Яз II-III, до-ахеменидский и ахеменидский периоды; керамика.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-115-123

The long history of the Central Asian Iron Age is marked by two major cultural breaks. The first of them happened at the transition between the Late Bronze Age and the Early Iron Age (ca. 1500/1400 BC), a period of profound cultural transformation that is characterized by the disappearance of the Bronze Age Oxus Civilization and the appearance of the Handmade painted ware cultures, also known as Yaz I (Lhuillier, 2013a).

These cultures disappeared, in turn, around 1000-900 BC, at the beginning of the Middle Iron Age, also known as Yaz II. A new material complex appears that is characterized by highly standardized, wheel-thrown ceramics, and the development of fortifications and

small, fortified buildings. At the same time, however, the period is characterized by the continuation of the same funerary practices and occupation of the same sites as during the Early Iron Age.

These latter elements will remain constant until the next period of the Late Iron Age, which is conventionally considered to begin around 540 BC, when Cyrus II conquered Central Asia, which became a satrapy of the empire. Controlled from the capital of the Persian Empire, this satrapy is known to us by Herodotus and lists of cuneiform inscriptions from Iran. Yet, archaeological data that would allow for the characterization of this period are a rare phenomenon, due to the small amount of purely Achaemenid artifacts that have been found

Fig. 1. Map of regions and sites mentioned (© J. Lhuillier)
Карта регионов и памятников, упоминаемых в тексте

(Lhuillier, 2018; Briant, 2020). This period is generally considered to be the Yaz III period; therefore, the term Yaz III is used here as a chronological marker for the last period of the Iron Age, rather than as a term for the period of Achaemenid control.

Middle and Late Iron Ages: Cultural characterization

In the Middle and Late Iron Ages, the settlements that had appeared during the Early Iron Age period were continuously occupied, but those inhabited from as early as the Bronze Age are generally abandoned, with rare exceptions. New sites were also established and the number of sites during this period is estimated at about 300. They are largely found in the areas already occupied in the Early Iron Age – in Margiana, in the foothills of Kopet Dagh, in Bactria, in Sogdiana, in Ustrushana – but also in areas newly occupied by sedentary cultures – the Chorasmla – while the territory occupied by steppe related cultures now extend to the Chach and Ferghana Valley (Fig. 1). On the margins of this territory, evidences of interaction are found with local cultures, as in the inner Syr-Darya delta in Karakalpakistan (Bonora, 2019) or in the upper Atrek Valley in Iran (Bruno, 2019).

During this period, the territory seems to have been occupied by a material culture much more homogeneous than previously. Therefore, this apparent homogeneity can be explained in two ways: either the previous local cultural substrates disappeared, and whether this was the result of a local evolution or an exterior influence should be clarified, or, they are still very much

present and the occupation of the territory in question is more heterogeneous than it seems at first sight.

The main difficulty in distinguishing between the Middle and Late Iron Ages in Central Asia is that minimal evidence of markers of Achaemenid domination have been discovered, as well as the fact that Central Asian ceramics (Yaz complex II-II) appear to have no commonalities with Achaemenid Persia material culture. A. Cattenat and J.-C. Gardin situate the boundary between the two ensembles near the Helmand River Basin (Afghanistan) and the Kopet Dagh (Turkmenistan), the only regions of Central Asia, including the Chorasmla (Francfort, 2005, P. 321), where instances of Iranian pottery are found (Cattenat, Gardin, 1977, P. 242-243). Other markers of Achaemenid presence in Central Asia can also be identified, such as coins issued in Central Asia and a few inscriptions of the Achaemenid era (Francfort, 2005, P. 324), as well as a group of administrative parchments and inscribed tally sticks, that date to the very end of the Achaemenid domination (Naveh, Shaked, 2012). Luxury objects, such as seals and stone vases of local tradition and fabrication integrate Achaemenid designs (Francfort, 2013, P. 49), and pieces of gold from the treasures of the Oxus and Mir Zakah I and II contain elements of Achaemenid-type objects either imported or locally manufactured (Francfort, 2005, P. 337).

However, it is not necessary to re-discuss the relationship between Iran and Central Asia, as the complexity of these connections were already emphasized long ago in the seminal article by A. Cattenat and J.-C. Gardin. Rather, it is important to focus on Central Asia

itself during this same period: many researchers have indeed demonstrated the existence of a “polity” from the pre-Achaemenid period onward, in speaking of an “ancient Bactrian community” (*D’jakonov*, 1954. P. 140), of an “autonomous cultural entity” (*Cattenat, Gardin*, 1977. P. 245-246), or of an “old Bactrian complex” (*Askarov, Al’baum*, 1979. P. 66), with differences, according to the researchers, concerning the borders given to this cultural entity. As this fact elicits a more or less clear consensus, we seek here to characterize this period to the extent possible, by taking into account the diversity of ceramics, and proposing some very preliminary chronological milestones. Since V.N. Pilipko has devoted his career to investigate the cultures and the pottery of the Iron Age and Antiquity in Central Asia, we believe appropriate to dedicate this small study on the Middle/Late Iron Age to him.

Ceramics: Evidence of manifestations of diversity

In this context, where art objects are very uncommon – a phenomenon accentuated by the absence of burials – ceramics constitute not only the overwhelming majority of the material available, but are also the best indicator of the existence of local characteristics, as well as the technological developments related to the cultural, socio-economic, and political transformations that affected Central Asia during this period.

From a strictly chronological point of view, the distinction between the ceramic complexes of the Yaz II period and the Yaz III period is difficult. However, a few elements of the evolution between these two periods can be found, particularly in northern Bactria, where jars with beak-shaped rims appeared during the Yaz II period and coexisted during the Yaz III period with those that have banded rims (*manzhet-rims*) (*Sverchkov, Boroffka*, 2008; *Shajdul-laev*, 2002. P. 313-319). A similar pattern is observed in southern Bactria, at Bactra and Cheshme-Shafa (*Lhuillier et al.* in print). In the oasis of Merv, these types would have been more numerous, and the lips of jars would have had more diverse forms in Yaz III than in Yaz II period (*Cattani, Genito*, 1998. P. 76). B. Lyonnet points out that, generally, beak-shaped rims are characteristic of the Yaz II period and that jars of small dimension, with a rounded, everted lip and incurving walls and those with a banded rim (Fig. 2) are characteristic of the Yaz III period (*Lyonnet*, 1997. P. 108-109). These studies have laid the groundwork for identifying chronological markers. The work presented here is based on the ceramic material from recent and well-stratified excavations conducted at Ulug-depe and Koktepe, as well as on a review of the ceramics from Kuchuk-tepe, and is part of the same conversation.

Ulug-depe and the Yaz II Complex

Located in the foothills of Kopet Dagh in Turkmenistan (Fig. 1), this site is the only one in Central Asia that

Fig. 2. Yaz-depe, banded rim jar during excavation (© V. M. Masson, unpublished excavation report)
Яз-депе, хум с воротничковым венчиком в процессе раскопок

Fig. 3. Ulug-depe, vases from the Yaz II period: 1. Phase 1; 2. Phase 2 (© MAFTur/ J. Lhuillier & P. Hamouda)
Улуг-депе, вазы периода Яз II: 1. фаза 1; 2. фаза 2 (© MAFTur/ J. Lhuillier & P. Hamouda)

was occupied continuously from the Chalcolithic period to the Middle Iron Age. A Middle Iron Age city, the date of which seems assured by both the stratigraphy and radiocarbon dating, was identified in this area. It consists of an upper town with massive buildings located along a main street and a lower town, surrounded by a fortification wall (Lecomte, 2013. P. 170-180; Lhuillier et al., 2015).

This site, therefore, offers the opportunity to better characterize this period: based on the stratigraphy, two phases that are attached to two ceramic complexes¹ —which differ morphologically and probably also technologically – can be defined (Lhuillier et al., 2013).

The oldest complex (Fig. 3-1), which follows the Early Iron Age without interruption (Bendezu-Sarmiento, Lhuillier, 2011; Lhuillier et al., 2015), seems to be characterized by globular jars, while those with vertical walls are much less frequent. While most of these have a beak-shaped rim, or sometimes hook-shaped rim, examples with a concave, outward slanting, or triangular banded rim are also found. There are also forms that are more prevalent in following periods, such as jars with flat rims or small jars with everted rims. Among the open vessels found, there are also forms that will be frequent during the following periods, including small basins with flared walls and either narrowed or down-turned rims, and semi-spherical bowls with incurving rims. But others seem, in the present state of research, to be only documentable in this period; examples include semi-spherical bowls with rims that

are either raised or everted (S-shaped), bowls with incurving walls and rims that are straight and flat, beak-shaped, or thickened. Cylindrical-conical beakers were already present at this time, but appear to be generally smaller in dimension (average diameters at the base: 4 cm). Small basins may also have carinations, with a concave wall in the upper half, which is not the case in the following ceramic complexes. The most striking feature of this complex is the presence of a red slip on some of the sherds, which appears to have been applied heterogeneously on the interior and sometimes the exterior, of the entire wall or only on the lip.

Within the second complex, new forms emerged (Fig. 3-2). There is a continuation of jars with beak-shaped rims, with either globular or more or less vertical walls, sometimes with a cordon decorating the shoulder. But essentially, from this point on, jars had vertical walls and a banded rim that has a vertical, triangular, concave, or convex profile. These jars are often carinated, and the carination may be angled, convex, thickened, or slanted. There are also small narrow-necked jugs with a thin or rounded outcurving rim, as well as jars with everted rims and in some cases, a neck. Large storage jars with a flat, horizontal rim have a coarser fabric that is often rich in mineral temper. Open vases also show a large variety of forms: small basins with flared or incurving, and sometimes carinated, walls; larger basins with a cordoned rim; plates with a rim that is either narrow, rounded, angular, or down-turned; carinated bowls with a rim that is more or less everted, or even ovoid bowls with incurving rims; beakers with flat bases or more frequently, with truncated bases.

¹ 19 000 sherds from this assemblage were studied.

Fig. 4. Kuchuk-tepe,
bowls with banded rims
(© J. Lhuillier)
Кучук-тепе, сосуды
с воротничковым венчиком

Kuchuk-tepe and the Yaz II and III Complexes

Kuchuk-tepe, located in Bactria in southern Uzbekistan (Fig. 1), was occupied throughout the Iron Age. The site was excavated in the 1970s (Askarov, Al'baum, 1979). The study of the material shows a trend towards increased complexity over time. The earliest forms of wheel-thrown pottery from the Iron Age, which, at this site date back to the Yaz I period,² are very simple and essentially similar to handmade shapes. These include: bowls, small basins, jars with everted rims, but also jars with pointed beak-shaped rims, and the first truncated beakers with shallow walls (Askarov, Al'baum, 1979. Pl. 3-7, 10-11, 13).

Beginning in the Middle Iron Age (Kuchuk II period), new forms appeared (Askarov, Al'baum, 1979. Pl. 15-18). These include globular or vertical wall jars, with beak-shaped rims that are frequently pointed and almost hook-shaped, often with a cordon around the shoulder. There are also jars with banded rims, with vertical, convex, triangular, or raised profiles, as well as jars with everted rims. The truncated beakers have a prominent, angular carination. According to A. Askarov, V. Aminov and U. Rakhmanov, there are very few banded rims in the earliest stages corresponding to the Yaz II period (Askarov et al., 1978. P. 54-55). From the following stage on, which correlates approximately to the second part of the Yaz II period, there are a variety of banded rims; these become more common in the Yaz III period.

Indeed, in the following period (Kuchuk III), jars still may have beak-shaped rims, though more rounded, but the rims are more commonly banded rims, with vertical, concave, or convex profiles. The truncated beakers from this period have a prominent, angular carination, but the overall form becomes more elongated. There are also semi-circular bowls with incurving walls.

The preliminary study of this material³ shows that morphological variations are more significant than what is currently cited in publications: there are much rarer forms, such as beakers with slightly banded rims, evidenced by only a few examples (Fig. 4). This shape is also known in the lower and the upper layers of Talash-

kan-tepe (Shajdullaev, 2002. Fig. 32-5, 50-4,7). Study also shows that the jars with banded rims are more numerous than at Ulug-depe, and that these same banded rims present a larger quantity of variants, with so-called "complex" banded rims, which are either cordoned, raised/pinched, or triangular.

Koktepe and the Yaz III Complex

This site, about 30 km north of Samarkand in Uzbekistan (Sogdiana), was occupied primarily between the Early Iron Age and the Hellenistic period (Fig. 1). No architecture clearly associated with the Middle Iron Age period has been identified, but two fortified buildings and various others relate to the Late Iron Age (Rapin, 2007. P. 36-38).

Researchers believed until recently that, in Sogdiana, the ceramic forms of Yaz II-III type were known from the Middle Iron Age (Isamiddinov, 2002. P. 104-109), but the identification by B. Lyonnet (2013) of an entirely original ceramic complex from Koktepe during the Yaz II period, known as pinkish burnished ware (Fig. 5-1), provides new perspectives (see also Khasanov, 2021). It seems that in Koktepe the handmade painted pottery of the Early Iron Age (Lhuillier et al., 2012) was replaced during the Middle Iron Age by this pinkish burnished ware and not by wheel-thrown pottery. The fabric, which has a rose to dark purple coloration, is rather coarse and tempered with shale that is very visible on the surface. The vessels, handmade, include both high quality bowls and cups with straight, flat rims, as well as coarse large storage jars and blackened cooking pots. Among these, the forms of cooking pots with lugs partially fall within the continuation of certain forms that appeared during the Yaz I period, but most importantly, they show parallels with Saka culture cooking pots from the Central Asian steppe (Lyonnet, 2013. P. 264-266). The appearance of these ceramic types probably indicate an influence of the northern Central Asian cultures, and could be related to the various raids carried out by these nomads to the south of their usual territory; these raids are mentioned later in Achaemenid textual sources.

According to B. Lyonnet (2013), these ceramics seems to have had a long duration of use, since they are found in the following period, where they even imitate

² This is not the case at all sites (see Lhuillier, 2013b. P. 122-124).

³ We were able to study more than 1 800 sherds from Yaz II and III levels.

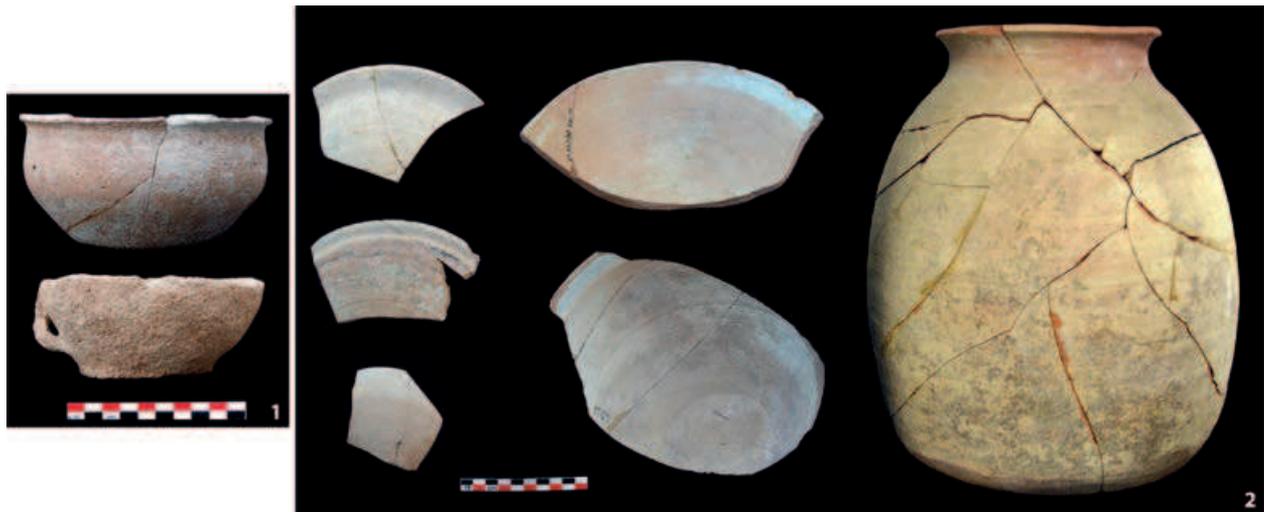

Fig. 5. Koktepe: 1. Handmade pinkish, burnished ware vases from the KT II period; 2. Wheel-made vases from the KT III period (© Mafouz-Sogdiana/ J. Lhuillier & J. Valley Raewsky).

Коктепе: 1. Лепные красно-ангобириванные вазы периода KT II; 2. Вазы периода KT III, изготовленные на гончарном круге

wheel-thrown shapes. Indeed, during the Late Iron Age, wheel-thrown ceramics related to the Yaz III type complex appears in Koktepe, similar to pottery known elsewhere in Central Asia during the same period, both by its forms and fabric, as well as by its color.

Therefore, because of the particularity of these ceramic complexes, it remains difficult to link the occupation of Koktepe to the overall Central Asian chronological sequence. It appears that none of the forms considered to be characteristic at the beginning of the Yaz II – particularly, jars with pronounced beak-shaped rims – are attested at Koktepe.⁴ Some forms, such as jars with everted lips, bowls with flared walls, or truncated beakers with either convex or angular carinations are present, but they appear to have changed little during the Yaz II-III periods, and are therefore not good markers.

However, some characteristic forms from the second part of the Yaz II period are attested. Notably, this is the case for banded rim jars with vertical profiles, and bowls with triangular, down-turned rims.

Finally, most of the forms from the Yaz III period are present (Fig. 5-2). The appearance of banded rims that are either raised or pinched, triangular, or ridged is evidenced during this time. Truncated beakers with angular carinations can be related to this stage. However, it should also be noted that some of the most characteristic forms from the Yaz III period in Bactria are absent, especially complex banded rim jars.

A Study from a Macro-Regional Perspective

Thus emerge common characteristics that can be considered as reliable chronological markers, which confirm earlier observations (beak-shaped rims at the beginning of the period Yaz II; the appearance of banded rims later in the same period, which become more varied and more frequent in the Yaz III period; tendency

toward more elongated ceramic walls). The first results obtained on these ceramics show that the overall impression of homogeneity in the Yaz II-III complexes in fact effectively mask smaller, less noticeable differences that constitute the most valuable information concerning the confusing chronology and other problems of cultural attribution in the Central Asian Iron Age.

Other elements must be understood from a regional, synchronic perspective. Indeed, there are certain sites where a cultural differentiation is observed, in part due to various influences: more circumscribed patterns exist, such as at Koktepe, where wheel-turned ceramics only appear at the end of the Yaz II period.

Thus, the comparison between the Yaz II period assemblage from Ulug-depe and that of Bactria – including that of Kuchuk-tepe (*Sverchkov, Boroffka, 2008; 2016*), shows that there are variations even within the dominant assemblage. At Ulug-depe, the oldest ceramics are characterized by an abundance of beak-shaped or hook-shaped rim jars, which is consistent with the evidence found by L. Sverchkov and N. Boroffka: these ceramic types are characteristic of stage Yaz IIA at Bektepa, Kuchuk, Kyzylcha 6, and at small sites near Denau in northern Bactria, as well as at Tillya II in Southern Bactria,⁵ or at El'ken III or Garry-Kjariz I in the foothills of Kopet Dagh. According to them, the Yaz IIB complex is mainly defined by the appearance of vertical banded rim jars, which only become abundant during the Yaz III period. However, at Ulug-depe, there are numerous banded rim jars found in buildings occupied already during the second stage of the Yaz II period. Ulug-depe is also distinguished by some scarce evidence of carinated bowls with convex walls and S-rims (tulip bowls), a form that was widespread in Iran during the Achaemenid period and before (*Cattenat, Gardin, 1977. P. 235-236. Fig. 5*). This seems to confirm the observations of Cattenat and

⁴ Approximately 4 000 wheel-thrown sherds from the KT II and KT III levels were studied.

⁵ The same observation can be drawn from the pottery excavated at Bactra (*Lhuillier et al. in print*).

Gardin (1977. P. 243), that the Kopet Dagh was a zone of co-occurrence of Iranian and Central Asian shapes. Some of the features that have been observed may be explained, in part, by this geographically privileged position at the interface between Iran and Central Asia.

Also during the Yaz III period, indications of regionalization can be pointed out at Koktepe (absence of complex banded rims, for example), as well as at Kuchuk-tepe (where, on the contrary, there is a large variety of banded rims). During the same time period, the ceramics from Chorasmia are also characterized by their singularity: these forms are Yaz II-III types, but the fabric is coarser and the vessels are decorated with a red slip on the interior and exterior (*Jagodin et al.*, 1985. P. 329. Pl. CLIX) (Fig. 6).

So the phasing of the Yaz II and Yaz III ceramic complexes do not coincide exactly from one site to another. The following two hypotheses, which should be considered as potentially complementary, could offer an explanation:

1. Either it is necessary to adhere to a chronological perspective only, and postulate the existence of a gap between Margiana and the foothills of Kopet Dagh on one hand, Bactria on the other hand, and, finally, Sogdiana. Banded rims would have appeared earlier in Margiana and in the foothills of Kopet Dagh, beginning in the Yaz IIA stage. In contrast, in Sogdiana, their appearance would have been later, with less variation. If this hypothesis is correct, this would mean that the Yaz IIA stage is represented at Yaz-depe⁶ as well as at Ulug-depe, which would be consistent with the stratigraphic continuity observed between Yaz I and II levels at both sites;

2. Either this difference indicates the existence of regional particularities that have been thus far obscured by the apparent uniformity, from one site to another, of the ceramics from the Yaz II-III periods. This phenomenon is well known in the Late Bronze Age (*Luneau*, 2014) and the Early Iron Age (*Lhuillier*, 2013a), and it is therefore quite reasonable to consider a comparable process for the Middle to Late Iron Ages.

Conclusion

During this prolonged period of more than a millennium, Central Asia underwent a major transformation from an autonomous territory during the Early and Middle Iron Ages, to a colony of the Achaemenid Empire during the Late Iron Age. However, it is still difficult to explain the discrepancy between this major political rupture that is well documented by available texts, but almost imperceptible archaeologically (Achaemenid domination), and rupture in material, likely cultural, that cannot be associated with any clear internal or external cause (the disappearance of Yaz I Handmade painted ware cultures).

How can these various elements be resolved? As the zone of Saka culture steppe influence overtook that of the Bronze Age steppe influenced culture (Andronovo

culture), the map showing the distribution of Yaz II-III sites more or less clearly overlaps with the sites of the Oxus civilization, even though the territory occupied by the Handmade painted ware culture during the Early Iron Age was much larger. This indicates the existence of major cultural and underlying socio-economic trends that withstand disruptions in material culture.

It seems, therefore, that the cultural entity that we have already mentioned above was likely previously formed, and is evidenced from at least the Late Bronze Age on. After the rich Oxus civilization, the Early Iron Age appears to be a period of significant breaks with the previous period. But if these ruptures do undeniably exist, they are not alone, and it is simultaneously possible to distinguish a clear, parallel tendency toward cultural continuity. This latter is marked by a certain consistency in settlement patterns, architecture, ceramic technology, and likely glyptic in Margiana, in the foothills of Kopet Dagh, in Bactria and to a lesser extent in Sogdiana. It is also within this sociocultural system, distinguished both by persistence and innovations, that it is possible to see the reappearance, in the Middle Iron Age, of elements that disappeared at the end of the Bronze Age. This phenomenon is particularly evident in monumental architecture, evidenced by the development of large fortified sites throughout Central Asia, whose characteristics are largely similar to Bronze Age fortified architecture, defining a Central Asian tradition of military architecture (*Francfort*, 1979. P. 18, 42). The ceramics reflect the same phenomenon, with a return to the Late Bronze Age tradition of wheel-turning. A global analysis of faunal remains from Iron Age contexts of various sites in Uzbekistan and Turkmenistan had similarly demonstrated that localised cultural choices, perhaps responding to local environmental constraints, persisted throughout the Iron Age sequence, despite successive cultural or political shifts (*Lhuillier*, *Mashkour*, 2017).

What is the nature of this cultural entity? The disappearance of the powerful Oxus civilization, which ensured the homogeneity of a large area, at the end of the Bronze Age, likely led to the emergence of a more variable and less centralized form of power in the Early Iron Age. This resulted in the existence of regional variations within the same cultural group: the society of Early Iron Age was composed of a mosaic of independent polities, which nevertheless shared a common set of characteristic material culture, the same economic base, the same mortuary practices and, thus, probably the same religion.

During the Middle and Late Iron Ages, it is likely that the coherence observed throughout this territory is due to the emergence of a new, strong structure (polity?), though it was apparently not centralized, allowing the expression of some regional and temporal variations. The study of ceramic complexes from this period, from Ulug-depe, Koktepe, Kuchuk-tepe, and other contemporary sites in Bactria, shows that the societal structure, composed of independent but connected units, is likely comparable. The data thus converge to underline the existence of a Central Asian "cultural entity," or "polity," clearly noticeable from the Middle Iron Age on, but the roots of which were probably in place well before that time.

⁶ By analogy with the Yaz IIA et Yaz IIB complexes defined in Bactria, L. Sverchov and N. Boroffka (2008. P. 53) conclude that the occupation of Yaz IIA is not represented at Yaz-depe, the reference site for the Iron Age, where the Yaz IIB stage would directly succeed Yaz I. However, there does not seem to be a stratigraphic hiatus between the Yaz I and Yaz II periods at this site (*Masson*, 1959. P. 29-34).

Fig. 6.
Kjuzeli-Gyr,
vases from the
Yaz II-III periods
(© J. Lhuillier,
courtesy
State Oriental
Museum,
Moscow)
Кюзелигыр,
вазы периодов
Яз II-III (из
коллекций
Музея Востока,
Москва)

Acknowledgements

I want to thank the archaeological missions that gave me full access to this material: the French Archaeological Mission in Turkmenistan and its successive directors, O. Lecomte, J. Bendezu-Sarmiento, and M. Mamedov; and the French-Uzbek Archaeological Mission in Sogdiana, its directors F. Grenet and M. Isamidinov, the head of the excavations at Koktepe, C. Rapin, without forgetting B. Lyonnet, initiator of the study of ceramics of Koktepe. I also extend my gratitude to Sh. Pidaev, former director of the Institute of Archaeology in Samarkand, for giving me permission to study pottery from Kuchuk-tepe kept in the reserves. Also thank you to S. Bolelov for allowing me to see the ceramics from Chorasmia housed at the East Museum in Moscow, thanks to a grant from the Franco-Russian Centre for Research in Humanities and Social Sciences.

BIBLIOGRAPHY

- Askarov, Al'baum*, 1979 – *Askarov A.A., Al'baum L.I.* Poselenije Kuchuktepa. Tachkent: Fan Publ., 1979. 112 p.
- Askarov et al.*, 1978 – *Askarov A.A., Aminov V., Rakhmanov U.* Novye dannye o poselenii Kuchuk-tepa // *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. 1978. Vol. 11. P. 51-56.
- Bendezu-Sarmiento, Lhuillier*, 2011 – *Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J.* Iron Age in Turkmenistan: Ulug depe in the Kopetdagh piedmont // *Historical and Cultural sites of Turkmenistan: Discoveries, Researches and restoration for 20 years of independence*. Ashgabat: Türkmen döwlet neşriyat gullugy, 2011. P. 238-249.
- Bonora*, 2019 – *Bonora G.L.* The Cultural Persian and Achaemenid Evidence in the Inner Syrdarya

Delta // *Ceramics and the archaeological Achaemenid horizon. Near-East, Iran and Central Asia*. Naples: Unior Press, 2019. P. 167-190.

- Briant*, 2020 – *Briant P.* Bactria in the Achaemenid Empire. The Achaemenid Central State in Bactria (again) // *The Limits of Empire in Ancient Afghanistan: Rule and Resistance in the Hindu Kush, circa 600 BCE – 600 CE*. *Classica et Orientalia*. Vol. 24. Wiesbaden: Harrassowitz, 2020. P. 21-44.
- Bruno*, 2019 – *Bruno J.* Between the Iranian Plateau and Central Asia: The Ceramic Complex of the Upper Atrek Valley during the Achaemenid Period // *Ceramics and the archaeological Achaemenid horizon. Near-East, Iran and Central Asia*. Naples: Unior Press, 2019. P. 109-122.
- Cattani, Genito*, 1998 – *Cattani M., Genito B.* The pottery chronological seriation of the Murghab delta from the end of the Bronze Age to the Achaemenid Period: A Preliminary Note // *The Archaeological Map of the Murghab delta. Preliminary Reports 1990-95*. Rome: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 1998. P. 75-87.
- Cattenat, Gardin*, 1977 – *Cattenat A., Gardin J.-C.* Diffusion comparée de quelques genres de poterie caractéristiques de l'époque achéménide sur le plateau iranien et en Asie centrale // *Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques*. Paris: Editions du CNRS, 1977. P. 225-248.
- D'jakonov*, 1954 – *D'jakonov M. M.* Slozhnie klassovogo obshchestva v severnoj Baktrii // *Sovetskaja Arkheologija*. 1954. Vol. XIX. P. 121-140.
- Francfort*, 1979 – *Francfort H.-P.* Les fortifications en Asie centrale de l'âge du Bronze à l'époque kouchane. Paris: CNRS, 1979. 95 p.

- Francfort*, 2005 – Francfort H.-P. *Asie centrale // L'archéologie de l'empire achéménide: nouvelles recherches*. Paris: De Boccard, 2005. P. 313-351.
- Francfort*, 2013 – Francfort H.-P. *L'art oublié des lapidaires de Bactriane aux époques achéménide et hellénistique*. Persika 17. Paris: De Boccard, 2013. 207 p.
- Isamidinov*, 2002 – *Isamidinov M.Kh.* Istoki gorodskoj kul'tury samarkandskogo Sogda (Problemy vzaimodejstvija kaul'turnykh traditsij v epokhu rannezheznogo veka i v period antichnosti). Tashkent: Izdatel'stvo narodnogo nasledija imeni A. Kadyri, 2002. 256 p.
- Jagodina et al.*, 1985 – *Jagodina V.N., Nikitin A.B., Koshelenko G.A.* Khorezm // *Drevnejšie gosudarstva Kavkaza i Srednej Azii*. Arkheologija SSSR. Moskva: Nauka, 1985. P. 317-337.
- Khasanov*, 2021 – *Khasanov M.* Kul'tura Sogda v èpokhu rannego zheznogo veka i antichnosti. Unpublished PhD. Centre for Archaeological Research of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 2021.
- Lecomte*, 2013 – *Lecomte O.* Activités archéologiques françaises au Turkménistan // *L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels, Cahiers d'Asie Centrale 21-22*. Paris: De Boccard, 2013. P. 165-190.
- Lhuillier*, 2013a – *Lhuillier J.* Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale. Dynamiques socio-culturelles à l'âge du Fer ancien (1500-1000 av. n.è.). Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. XIII. Paris: De Boccard, 2013. 377 p.
- Lhuillier*, 2013b – *Lhuillier J.* Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale : un aperçu de l'assemblage céramique de la deuxième moitié du 2e millénaire av. J.-C. // *Iranica Antiqua*. 2013. Vol. XLVIII. P. 103-146.
- Lhuillier*, 2018 – *Lhuillier J.* Central Asia during the Achaemenid period in archaeological perspective // *L'Orient est son jardin, Hommage à Rémy Bouchard*. Acta Iranica. Vol. 58. Leuven-Paris-Bristol: Peters. P. 257-271.
- Lhuillier et al.*, 2015 – *Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Lecomte O.* Ulug-depe and an overview of the Iron Age in Turkmenistan // *Journal of Iranian Archaeology*. 2015. Vol. 4. P. 78-89.
- Lhuillier et al.*, in press – *Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Marquis, Ph.* Ancient Bactra: new elements on the Iron Age occupation of Bactra oasis // *Archaeology of Central Asia during the first millennium BC, from the beginning of the Iron Age to the Hellenistic period*. OREA series/RDAFA. Vienna: Austrian Academy of Sciences press, in press.
- Lhuillier et al.*, 2013 – *Lhuillier J., Dupont-Delaleuf A., Lecomte O., Bendezu-Sarmiento J.* The Middle Iron Age in Ulug-depe: A preliminary typo-chronological and technological study of the Yaz II ceramic complex // *Pottery and chronology of the Early Iron Age in Central Asia*. Warsaw: The Kazimierz Michałowski Foundation, 2013. P. 9-28.
- Lhuillier et al.*, 2012 – *Lhuillier J., Isamidinov M., Rapin C.* Rannezheleznyj vek severnogo Sogda: kharakteristika i predvaritel'naja tipologičeskaja khronologija // *Istorija Material'noj Kul'tury Uzbekistana*. 2012. Vol. 37. P. 57-66.
- Lhuillier, Mashkour*, 2017 – *Lhuillier J., Mashkour M.* Animal exploitation in the oases: an archaeozoological review of Iron Age sites in southern Central Asia. *Antiquity*. 2017. Vol. 91/357. P. 655-673.
- Luneau*, 2014 – *Luneau E.* La fin de la civilisation de l'Oxus. Transformations et recompositions des sociétés de l'âge du Bronze final en Asie centrale méridionale (1500-1500/1400 av. n.è.). Mémoires des Missions Archeologiques Françaises en Asie centrale et en Asie moyenne. T. XVI. Paris: De Boccard, 2014. 425 p.
- Lyonnet*, 1997 – *Lyonnet B.* Prospections archéologiques en Bactriane orientale 2 (1974-1978). Vol.2. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. VIII. Paris: Recherche sur les civilisations. 1997. 447 p.
- Lyonnet*, 2013 – *Lyonnet B.* Recherches récentes sur les céramiques de Sogdiane (de la fin de l'âge du bronze à la conquête arabe): contribution à l'histoire de l'Asie centrale // *L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels, Cahiers d'Asie Centrale 21-22*. Paris: De Boccard, 2013. P. 261-282
- Masson*, 1959 – *Masson V.M.* Drevnezemledel'českaja kul'tura Margiany. M.-L.: Isd-vo AN SSSR, 1959. 215 p.
- Naveh, Shaked*, 2012 – *Naveh J., Shaked Sh.* Aramaic Documents from Ancient Bactria, from the Khalili Collections (Studies in the Khalili Collection). London: The Khalili Family Trust, 2012. 224 p.
- Rapin*, 2007 – *Rapin Cl.* Nomads and the Shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan period // *After Alexander. Central Asia before Islam*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 29-72.
- Shajdullaev*, 2002 – *Shajdullaev Sh.B.* Untersuchungen zur frühen Eisenzeit in Nordbaktrien. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2002. Vol. 34. P. 243-339.
- Sverchkov, Boroffka*, 2008 – *Sverchkov L.M., Boroffka N.* Kompleks perioda Jaz II iz Bandykhana // *Istorija Material'noj Kul'tury Uzbekistana*. 2008. Vol. 36. P. 50-55.
- Sverchkov, Boroffka*, 2016 – *Sverchkov L.M., Boroffka N.* Period Yaz II: Etapy i khronologija // *Vestnik arkheologija, antropologija i ètnografii*. 2016. Vol. 32 (1). P. 5-16.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА В СЕВЕРНОЙ ПАРФИИ И МАРГИАНЕ¹

Р. Г. Мурадов

Резюме. В статье рассматриваются все выявленные к настоящему времени памятники и отдельные археологические находки, которые связываются с распространением христианства в первых веках н.э. в северных провинциях Парфянского царства, а затем державы Сасанидов. Приведена историография темы и краткий обзор истории Церкви Востока на территории этих государств. Подвергается критике распространенная в литературе атрибуция некоторых объектов Маргианы как связанных с христианством. Несомненно христианским признается лишь один памятник, известный как Хараба-кёшк.

Ключевые слова: Мерв, история христианства, ЮТАКЭ, парфяно-сасандский период, Хараба-кёшк.

Summary. The article discusses all the monuments and individual archaeological finds that have been identified so far, which are associated with the spread of Christianity in the first centuries AD in the northern provinces of the Parthian kingdom, and then the power of the Sassanids. The historiography of the topic and a brief overview of the history of the Church of the East on the territory of these states are given. Widespread in the literature the attribution of some objects in Margiana as connected with Christianity comes under criticism. Undoubtedly, only one monument, known as Kharaba-koshk, is recognized as Christian.

Key words: Merv, history of Christianity, YuTAKE, Parthian-Sasanian period, Kharaba-keshk.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-124-145

Несмотря на более чем тысячелетнюю историю восточного христианства, хорошо отраженную в ряде письменных источников, выявленных материальных следов его присутствия на землях Северной Парфии и Маргианы крайне мало. Этот факт свидетельствует, прежде всего, о слабой археологической изученности региона: большинство городищ, имеющих античную основу, включая такой важный для раннего христианства город как Мерв, раскапывались фрагментарно. Значительная площадь исторического ядра Мерва (Эрк-кала и Гяур-кала), до сих пор остается в непо потревоженном состоянии (если не считать разрушения культурного слоя из-за агрессивного воздействия грунтовых вод и заболачивания пониженных участков Гяур-калы) и в будущем может дать огромный археологический материал.

¹ Выражаю искреннюю признательность Анне Андреевне Михеевой за её высококвалифицированную поддержку и критические замечания, которые помогли мне существенно улучшить эту статью.

Свидетельства письменных источников.

Очень раннее распространение христианского вероучения в еврейской среде Месопотамии и Восточного Ирана признается ныне большинством исследователей (Baum, Winkler, 2003. P. 7-10), однако никакими собственно парфянскими и даже сасанидскими текстами об этом современная наука не располагает. Сама проблема определения даты появления самого раннего христианства в Восточной Парфии очень сложна и до сих пор остается без удовлетворительного решения (Koshelenko et al., 1995. P. 65). Но имеется целый ряд документов христианской письменной традиции начиная как минимум с IV в., повествующих о миссионерской деятельности апостола Фомы предположительно в Парфии и Маргиане, а также содержащих разные версии легенды о Баршаббе – первом среди известных восточно-сирийских епископов Мерва (вторая половина IV-первая четверть V в.), которому приписывают основание монастырей в Фарсе, Горгане, Тусе, Абаршахре, Серахсе, Мерверуде, Балхе, Герате и Систане (Sims-Williams, 1988). Несколько документов посвящены монастырям, епископам и митропо-

литам мервской епархии, их вмешательству в выборы патриарха и участию в соборах несторианской церкви (Кошеленко и др., 1994. С. 60-100).

О христианстве Мерва также известно благодаря трудам средневековых персидских и арабских авторов. Прежде всего, это ат-Табари (IX в.), включивший в свою «Историю» несколько версий убийства и погребения по христианскому обычаю последнего сасанидского царя Йездигерда III в 31 г. хиджры (651 г.). Организатором этих похорон был Илия из ал-Ахваза (области на юго-западе Ирана), служивший митрополитом Мерва (*ат-Табари*, 1987. С. 29-30). Представляют интерес сообщения современников ат-Табари – восточно-сирийских христиан Ишоденаха и Фомы Маргского о Мерве (*Лигулевская*, 1979. С. 81), а также труд Абу Рейхана ал-Бируни (973-1048) «Памятники минувших поколений», содержащий подробный рассказ о христианских праздниках, об отличиях сирийских и хорасанских христиан различного толка друг от друга. Он же сообщает о хорезмийских христианах (*Бируни*, 1957. С. 317-360).

Историография. Фактическим основоположником научного изучения раннего христианства Центральной Азии является академик В.В. Бартольд (1869-1930). Ни один из авторов следующих поколений, писавших о центральноазиатском христианстве, не обходился без ссылок на его фундаментальные исследования. Во второй половине XX в. наступил период развития археологии Южного Туркменистана. Во многом это связано с созданием и деятельностью ЮТАКЭ, которую возглавлял академик М.Е. Массон (1897-1986). Те двадцать лет, что он и его команда трудились в сложных полевых условиях окраины Каракумов и предгорий Копетдага, стали временем целой серии блестящих научных открытий, обогативших наши представления о далеком прошлом этого региона. Именно тогда были обнаружены и единичные материальные свидетельства присутствия христиан в оазисе Древнего Мерва и в парфяньских городах Ахала. Сам М.Е. Массон, а также его ученики – сотрудники ЮТАКЭ – опубликовали несколько научных статей об этих редчайших находках, ставших скупыми вещественными доказательствами письменных сообщений средневековых авторов о христианстве разных толков на этой территории. Прежде всего, это памятник, известный как Хароба-кошук/Хараба-кёшк (*Лугаченкова*, 1954; 1958. С. 126-129; 1967. С. 86-87), который большим числом исследователей уверенно признается христианской церковью.

Другие открытия ЮТАКЭ касаются объектов, первоначально также приписанных археологами христианам, но впоследствии такая их атрибуция была поставлена под сомнение. Речь идет об «Овальном доме» на территории городища Гяур-калла – парфяно-сасанидской части Мерва (*Дресвянская*, 1974) и так называемом байрамалийском некрополе² (*Ершов*, 1959; *Дресвянская*, 1968а, 1968б,

1989). Наиболее аргументированно эти сомнения обосновал Г.А. Кошеленко (1935-2015), уделявший исключительное внимание изучению христианских следов в Мерве и, особенно, выявлению древних письменных источников – от сирийских до китайских – свидетельствующих о христианстве в государстве Сасанидов. Он и его ближайшие сотрудники и соавторы – В.А. Гаибов, А.Н. Бадер и А.Г. Губаев опубликовали ряд научных статей по этой теме и выпустили антологию, в которой собраны в переводах на русский язык извлечения из самых различных документов – латинских, сирийских, арабских, согдийских сочинений, а также эдиктов китайских императоров и прочих труднодоступных текстов, касающихся, в частности, распространения христианства в Мерве, его монастырей, епископов и митрополитов мервской епархии, истории Баршаббы и т.д. (*Кошеленко и др.*, 1994).

Российский этнограф С.М. Демидов (р. 1936) является автором монографии, в которой впервые была описана эволюция религиозных верований народов, населявших территорию современного Туркменистана. В его книге представлен краткий обзор всех обнаруженных там к тому времени археологических материалов по христианству, а также характеризуются религиозные системы, в разные эпохи распространившиеся в историческом Хорасане: зороастризм-маздеизм, буддизм, христианство, ислам. Он впервые собрал и проанализировал большое количество сведений о местных христианских общинах раннего средневековья, а также выявил определенные исторически обусловленные моменты, связанные с распространением христианства в странах Востока. (*Демидов*, 1990. С. 55-56).

Важный вклад в дальнейшее, более углубленное изучение источников по восточному христианству внес российский ученый, член Королевского нумизматического общества Великобритании и Северной Ирландии А.Б. Никитин (1956-2022). Одна из его ранних работ дает ключ к пониманию узловых событий истории Церкви Востока и христианского искусства Центральной Азии (*Никитин*, 1984). Он полагал, что Мерв, важный центр культуры и торговли, играл заметную роль в распространении христианства дальше в восточные земли. По его словам, следует различать легендарную и аутентичную традиции, касающиеся основания местных христианских общин. Средневековые христианские хронографы, как правило, были склонны к удревнению истории некоторых известных общин, возводя их происхождение к апостолам, если не к самому Иисусу. Характерным примером является история упомянутого выше епископа Баршаббы. Он служил в Мерве в конце IV в., в царствование сасанидского царя Шапура II. Успех его миссии подтверждается археологическими данными – при Йездигирде I, в 399-420 гг., в Мерве даже чеканились бронзовые монеты с изображением креста. В более поздней традиции Шапур II стал ассоциироваться с Шапуrom I (III в.) и история христианского Мерва приобрела все свойства легенды (*Никитин*, 2015. С. 39-40).

Наиболее полным трудом по истории христианства в Туркменистане стала специальная моно-

² В русскоязычной научной литературе он упоминается как «некрополь Древнего Мерва», «Мервский некрополь» или «Байрам-Алинский некрополь».

графия историка и популяризатора науки О.А. Гундогдыева (1966-2013), выдержившая два издания и давно ставшая библиографической редкостью (Гундогдыев, 1993; 1998. С. 287-334). Объемное повествование опубликовал также православный монах, архиепископ Ашхабадский и Среднеазиатский Владимир (в миру Василий Захарович Иким, р. 1940), ныне митрополит Омский и Таврический. Его книга представляет собой популярный исторический очерк от всходов апостольской проповеди до современности (Владимир, 2000).

Некоторые проблемы истории Церкви Востока. В контексте повествования о рождении Иисуса Христа в Вифлееме Евангелие от Матфея (Мф 2) сообщает о поклонении новорожденному «магами с Востока», которые приносили свои дары. Термин *маг* использовался в древних источниках в основном для обозначения зороастрийских жрецов и астрологов. Почти все исследователи истории Церкви Востока также отмечают, что парфяне упоминаются первыми в числе народов, которые присутствовали в Иерусалиме при сошествии Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы (Деяния апостолов 2.1-31).

Немецкий археолог Эрнст Герцфельд (1879-1948) много внимания уделял вопросу почитания магов и связывал их с парфянским миром. Согласно Герцфельду, один кандидат на происхождение имени Каспар фигурирует в Деяниях Фомы как Гондофар (ок. 20-50 гг. н.э.), провозгласивший независимость от западных Аршакидов и ставший первым индо-парфянским царем. Его якобы посетил апостол Фома. По Герцфельду, его имя увековечено в названии афганского города Кандагар (от Гундофаррона, расположенного в древней Арахозии) (Herzfeld, 1935. Р. 63-66). Предположения, выдвинутые Герцфельдом, могут быть частично не верны, но он делает важное замечание: история трех магов перекликается с некоторыми историческими событиями и отношениями между парфянским миром и Палестиной, которая была частью римского Ближнего Востока (Ольбрыхт, 2022. С. 37-38).

После 64 г. н.э., когда массовые репрессии в Римской империи обрушились на ранних христиан, началось и их движение на Восток. Ряд источников так или иначе свидетельствуют, что новые религиозные идеи стали проникать на территорию Парфянского царства уже вскоре после смерти Иисуса. Ретранслятором новой веры из Палестины служила Месопотамия, хотя она была не единственной страной, куда христианство начало проникать столь рано. Другие, более восточные области Парфянского государства в I в. также могли стать объектами христианской миссии. Но в исследованиях по проблемам истории восточного христианства в течение долгого времени преобладал гиперкритический подход к источникам, касающимся Месопотамии и, тем более, еще более отдаленных восточных областей. Эта тенденция состояла в том, чтобы показать, что в первые века христианство было слабо распространено на Востоке, а подлинная его экспансия началась только с середины III в., когда после победоносных походов в Сирию армии сасанидско-

го царя Шапура I на территории этого государства оказалось огромное число так называемых перемещенных лиц, поселенных в различных, главным образом западных областях Сасанидской империи. Поскольку среди этих депортированных жителей Сирии значительный процент составляли христиане, для многих исследователей естественным был вывод, что только с ними и пришло христианство на Восток. Правда, уже в начале XX в. раздавались протесты со стороны ряда ученых против подобных взглядов. В частности, лютеранский теолог и церковный историк Адольф фон Гарнак (1851-1930) считал их слишком радикальными, чтобы быть верными (Кошеленко и др., 1994. С. 60-62).

В последние десятилетия ситуация начала меняться и на место гиперкритического подхода пришло более взвешенное отношение к данным восточной христианской традиции (Кошеленко и др., 1994. С. 61). Говоря о распространении христианства на Востоке, следует делать различие между появлением первых христиан – миссионеров или переселенцев – в той или иной области, и возникновением местных христианских общин, сложением местной церковной структуры. Появление одного-двух проповедников или переселение нескольких христианских семей в данную область (а подобные случаи наверняка имели место и в I-II вв.) еще нельзя приравнивать ее христианизации, то есть к сложению местной церковной общины. К тому же, если обратиться к источникам, достоверных сведений о проникновении христианства в восточные области Ирана и далее в I-II вв. фактически нет (Никитин, 2015. С. 165-166).

Рассказ Псевдо-Ипполита (IV в.) о миссионерской деятельности апостолов, в том числе Фомы, который принес христианство «парфянам, мидийцам, персам, гирканцам, бактрийцам и маргианцам» (Кошеленко и др., 1994. С. 62), едва ли можно считать достоверным. К нему восходят, очевидно, и все более поздние варианты этой истории: Фома проповедует христианство по одной версии – в Парфии, по другой – в Индии (Никитин, 2015. С. 165-166). Однако, у Псевдо-Ипполита в числе стран, в которых имела место миссионерская деятельность Фомы, названа Маргиана. Поэтому, видимо, есть основания считать, что первоначальной была первая из этих традиций, а Индия заменила Парфию в традиции значительно позднее. Более того, вполне очевидна и причина этой поздней путаницы: первую христианскую общину в Индии основал в 345 г. другой Фома, известный как Фома Канский, торговец из Эдессы (совр. турецкий город Шанлыурфа). Со временем он стал отождествляться со своим тезкой-апостолом. Но в сочинении Псевдо-Ипполита важны два сюжета. Во-первых, он не говорит безлично о Парфии, а дает конкретные указания о том, в каких именно областях Парфии протекала деятельность апостола, и одной из этих областей является Маргиана. Во-вторых, свидетельствует о том, что первое проникновение христианского вероучения имело место очень рано – в середине или второй половине I в. (Кошеленко и др., 1994. С. 63).

Путешествие Фомы в земли индо-парфян в то время не было единичным предприятием. Примерно в 42–43 гг. подобное путешествие предпринял Аполлоний Тианский, римский философ (см. *Флавий Филострат, Жизнь Аполлония* 1.19–3.58). Аполлоний сначала посетил двор парфянского царя Вардана (ок. 40–46 гг.), а затем отправился на восток, чтобы встретиться с царем Фраатом в Таксиле (современный Пакистан). Некоторые детали в рассказе Филострата об индийских приключениях являются романтическими украшениями, но вся история включает в себя подлинные детали. Предполагается, что Аполлоний посетил, среди прочего, Мерв (*Ольбрыхт, 2022. С. 39*).

Во II в. поток христианских миссионеров на Восток усилился. Вероятно, определенного успеха достигали проповеди среди кочевников. Некий документ на сирийском языке, датированный 196 годом, свидетельствует о принятии христианства народами Окса/Амударьи (*Гундогдыев, 1998. С. 295*), однако эта ссылка дается без указания первоисточника и требует изучения.

Хотя ранняя история христианства в Парфянском царстве известна мало, можно не сомневаться, что распространение его не встречало того противодействия со стороны власти, какое было в Римской империи. Многократные гонения на христиан, тысячи мучеников за веру – ничего подобного в Парфии, в отличие от Рима, не было, поскольку она отличалась веротерпимостью. Во всяком случае, к моменту, когда Парфия погибла и к власти пришла династия Сасанидов, на постпарфянской территории уже насчитывалось более тридцати епископских кафедр (*Кошеленко, Гаиров, 2001. С. 97*).

Именно с эпохой Сасанидов связаны наиболее достоверные и хорошо документированные сведения о христианстве на территории между Каспийским морем и Амударьей. Основатель новой династии Ардашир I был жрецом богини Анахиты и ревностным зороастрийцем. Сасаниды придерживались теократической модели правления, и постепенно с помощью зороастрийского клира стала выработываться жесткая формула: «Алтарь – опора трона, трон – опора алтаря». Естественный результат – давление на христиан. Особенно оно усилилось после того, как император Константин в 313 г. сделал христианство государственной религией в Римской империи. Сасанидские власти видели в ее приверженцах прямых агентов своих врагов внутри государства. Римские (а позднее – византийские) императоры подливали масла в огонь, используя вопрос о положении христиан в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела Ирана. Вследствие этого усилились гонения, неоднократно обрушивавшиеся и на церковь. Особенно тяжкое наказание предусматривалось для тех, по чьей вине в новую веру обращался *маг* – служитель зороастрийского культа.

«Однако, – полагают исследователи, – рассматривать положение христиан в Сасанидском государстве только в негативной перспективе неправильно. Несколько обстоятельств смягчали ситуацию. Прежде всего основная часть христианского

населения жила в пограничных провинциях, а непрерывные войны между двумя государствами делали опасными любые конфликты. Кроме того, это были главным образом ремесленники и купцы, то есть люди, дававшие значительные поступления в царскую казну. Значительный процент составляли бывшие жители сирийских городов, в середине III в. переселенные в различные районы Сасанидского государства после победоносных походов Шапура II. Эта принудительная миграция проводилась с целью повышения уровня ремесла и искусства в коренных землях Сасанидов. Правительство создавало особые условия для таких переселенцев, хотя среди них было много представителей духовенства, включая епископа Антиохийского» (*Кошеленко, Гаиров, 2001. С. 97–98*).

В сасанидском Иране и находившихся в зависимости от него соседних областях Южного Туркменистана христианство, как и буддизм, было лояльно по отношению к персидским властям. Да и по характеру своему христианские учения носили, как правило, неагрессивный, более мягкий характер, чем, например, неортодоксальные направления и толки в самой господствующей религии – зороастризме-маздеизме – которые представляли опасность для власти. «Распространение ереси, – писал В.В. Бартольд, – как везде, преследовалось гораздо строже, чем иноверческая пропаганда. Буддисты, христиане и марциониты нашли убежище в Хорасане; дейсаниты, манихеи и маздакиты должны были выселиться за пределы империи Сасанидов» (*Бартольд, 1964. С. 271*).

Ал-Бируни пишет, что христиане появились в Мерве через двести лет после Христа, то есть в III в. (*Бируни, 1957. С. 330*), но его сведения явно заимствованы из сочинений восточных христианских авторов VII–VIII вв., которые уже не замечали различия между легендарной и реальной историей церкви Северного Хорасана.

Археологические раскопки как в Иране, так и в Туркменистане пока не обнаружили следов столь раннего присутствия там христиан. В Иране самым древним памятником считаются «катакомбы», обнаруженные DAFA на острове Харг в Персидском заливе – возможно, восходящие к концу III в. (*Ghirshman, 1965*). Все остальные известные памятники датируются не раньше VI в. (*Никитин, 2015. С. 166*). В Туркменистане единственный древний памятник, несомненно христианский, определен как несторианская базилика (вышеупомянутый Хараба-кёшк в Мервском оазисе).

Мерв занимает совершенно особое место в распространении христианства дальше на Восток. Еще в парфянский период он стал крупнейшим поселением Центральной Азии и относится к числу городов-гигантов в масштабе античной эпохи (Рис. 1). Он занимал площадь 340 га, значительно превосходя такие синхронные городища региона как Афрасиаб (200 га), Эйлатан (200 га), Еркурган (150 га), Айханум (150 га), Бактры (120 га). Гяур-кала – парфяно-сасанидское городище Мерва – лишь немного меньше халдейского Вавилона (410 га – в пределах стены Имгур-Энлиль), но крупнее Хатры (323 га) (*Мурадов,*

Рис. 1. Городище Эрк-кала – наиболее ранняя часть античного Мерва. Аэрофото Г. Джораева, 2019

2019). Однако, археологическая изученность Мерва еще слишком мала несмотря на то, что во второй половине XX в. здесь проводились раскопки сначала силами ЮТАКЭ (1950-1979), а затем девять сезонов в рамках Международного Мервского проекта (International Merv Project, 1991-2000) под руководством профессора UCL Джорджины Херрманн.

В V в., когда возникло учение архиепископа Константинопольского Нестория (несторианство) и, как реакция на него, монофизитство, в Византии начались гонения на тех и других. Таким образом, в Мерве столкнулись сразу три христианские партии: мелькитов (пришедших туда ранее всех), несториан и монофизитов. На первых порах мелькиты и монофизиты объединились против несториан. Однако, по распоряжению персидских властей они вынуждены были принять несторианское учение или же покинуть места своего обитания. Так, община мелькитов Мерва ушла в Хорезм, а несториане заняли главенствующее положение в Мерве, где была образована епископия, а уже в 420 г. — митрополия. В раннеисламский период Мерв еще долго оставался митрополией и отсюда проповедники проникали дальше на Восток.

Следует иметь в виду, что под несторианством нередко объединяют совершенно различные по доктринам христианские течения, что очень похоже на обобщение многообразных гностических идей и систем, возникших в конце I в. н.э. среди иудейских и ранних христианских сект. Еще сложнее выделить такое синкретическое учение как манихейство, составленное в Персии в III в. из ва-

вилонско-халдейских, иудейских, христианских и зороастрийских гностических представлений.

Апостольская церковь Востока впервые появляется в церковной и догматической истории только в спорах V в. в Римской империи по поводу ортодоксальной христологии. Почти во всех справочниках можно найти сведения об этой ветви христианства под названием «Несторианская церковь». Таким образом, Восточно-сирийской церкви приписывается ересь, та ересь, которую сама церковь отвергала как неверную, по крайней мере, с VI в. В 1298 г. выдающийся восточно-сирийский богослов и канонист Абдишо бар Брика († 1318) писал в своей «Книге Жемчужины» (Маргариты), что восточно-сирийские христиане «никогда не изменяли своей вере и сохраняли ее такой, какой они получили ее от апостолов, и их называли несторианами несправедливо, тем более что Несторий не был их патриархом, и они не понимали его языка» (Baum, Winkler, 2003. P. 7).

Христианство было широко распространено и среди древних тюрков. Известно, что в 644 г. Илия, митрополит Мервский, обратил в христианство большое их число – тюркского кагана (царя) со всем его войском «за рекой Окс», то есть в Тохаристане (Litvinsky, 1996. P. 424). Но материальные следы этих известий фактически отсутствуют.

Крайне мало и археологических материалов, которые подтверждали бы свидетельства многочисленных письменных источников о существовании христианских объектов в оазисе Древнего Мерва. Случайно найденные артефакты единичны, а отдельных памятников такого рода всего три:

Рис. 2. Городище Дуечакын. Вид со стороны Хараба-кёшка. Фото Р. Г. Мурадова, 2011

— здание Хараба-кёшк, которое имеет все признаки восточно-христианской базилики,

— так называемый Овальный дом, или «общественный дом типа ханака», нередко отождествляемый с монастырем,

— отдельные типы погребений Байрамалийского некрополя.

Все три объекта изучались, прежде всего, сотрудниками ЮТАКЭ, но установить точный возраст этих памятников не просто: дело в том, что принятая в публикациях ЮТАКЭ датировка археологических комплексов Мерва была условной, ошибка в среднем составляла около 150 лет, при этом возраст многих комплексов искусственно увеличивался (Никитин, 2015. С. 166). Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Хараба-кёшк. Одна из древнейших церквей Центральной Азии, в большинстве публикаций именуется *Хароба-кошук*, что является сильным искажением туркменского топонима. Такая русская транскрипция распространилась в публикациях ЮТАКЭ, а на английском языке она приобрела еще более бессмысленную форму – *Haroba Kosht* (Rossi-Osmida, 2011). На самом деле название этого памятника по-туркменски *Naraba-köshk*, что означает буквально «Развалины дворца»³. Абсолютно ника-

ких указаний на его первоначальную принадлежность или функцию в народной топонимии не сохранилось. Это здание расположено в 15 км севернее современного туркменского города Байрамали на территории сасанидского поселения Дуечакын – его центром является мощный холм с крутыми скатами: остатки цитадели позднего сасанидского периода (Рис. 2). В 150 метрах от него находятся руины, именуемые Хараба-кёшк (Рис. 3). Во второй половине XX в. проведенный поблизости канал и интенсивное развитие земледелия привели к тому, что территория вокруг памятника стала влажной и засоленной, что явилось основной причиной быстрого разрушению здания. Сегодня можно видеть только аморфные руины и лишь отдельные архитектурные детали.

Здание впервые обследовала Г.А. Пугаченкова (1915-2007) осенью 1951 г., когда работала в составе ЮТАКЭ. Раскопки тогда не проводились, всё ограничилось обмерами существующих на поверхности конструкций (рис. 4). Постройка была датирована примерно V-VI вв. и был сделан вывод, что она строилась как христианская церковь. Три года спустя появилась обстоятельная статья, ставшая с тех пор основным источником информации об этом объекте (Пугаченкова, 1954). Специалисты многих стран обращались к ней, чтобы уточнить структуру и функцию сооружения, такого необычного для местного контекста. В 1966-1967 гг. разведочные раскопки внутри Хараба-кёшка осуществила Г.Я. Дресвянская, работавшая в составе XVIII отряда ЮТАКЭ. Публикация этих раскопок очень краткая,

³ Существует мнение, что «...единожды названные памятники археологии, уже вошедшие в науку, переименовывать нельзя» (Смирнов, 2016. С. 198). Но в данном случае речь идет вовсе не о переименовании, а об уточнении местного топонима, который в русской и английской научной литературе приобрел совершенно абсурдную девиацию.

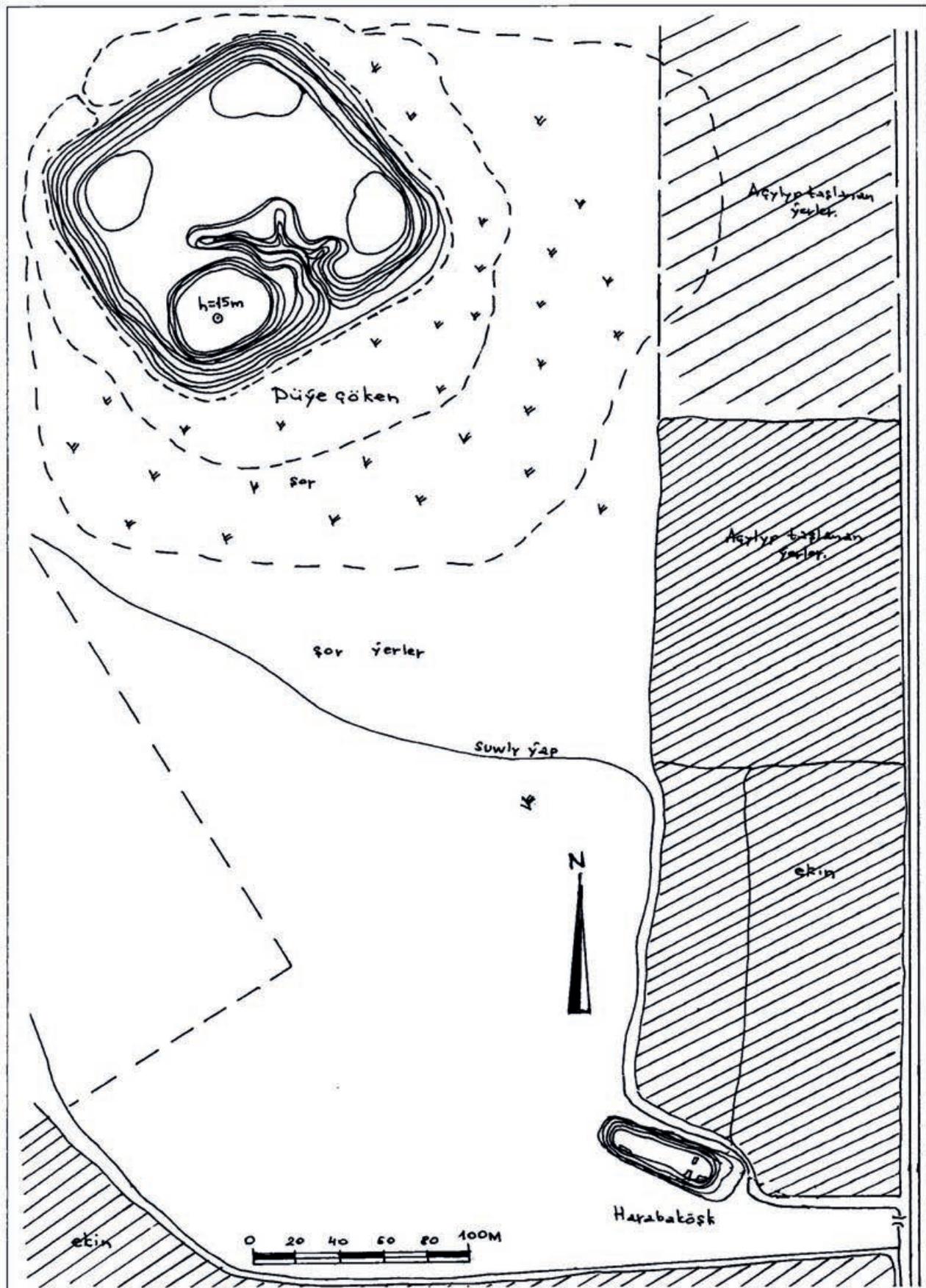

Рис. 3. Схематический план городища Дуэчакын. Съемка А.Т. Оразова, 2009 (Rossi-Osmida, 2011. Fig. 23)

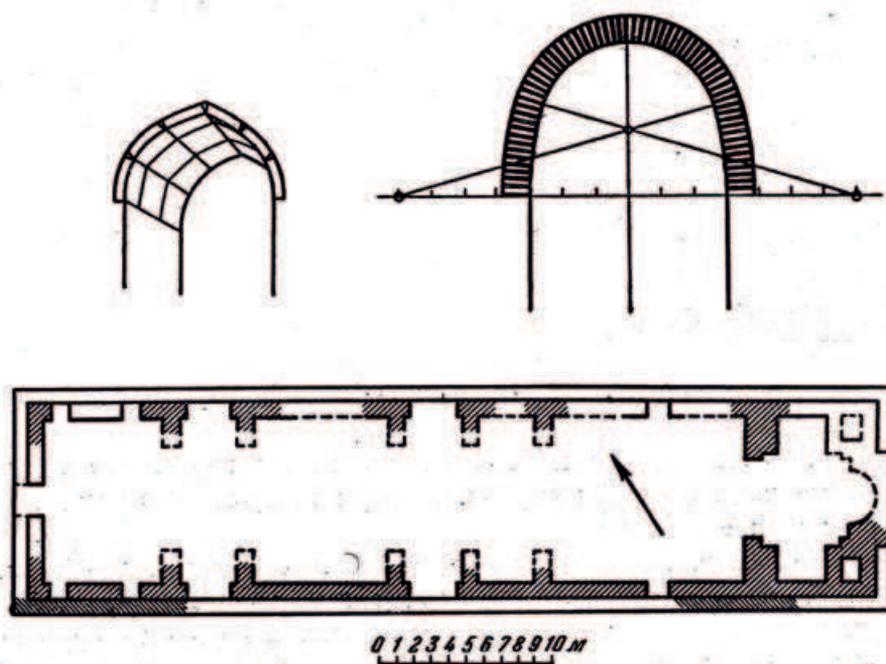

Рис. 4. Хараба-кёшк. Формы арок и план (Пугаченкова, 1954. С. 18)

иллюстративный материал крайне схематичный, на плане ошибочно указана ориентация на север (Дресвянская, 1968а; 1968b). Раскоп не был засыпан, консервация стен не проводилась, и в результате за несколько последующих лет еще сохранявшиеся части стен и свод на восточной и западной сторонах здания обрушились. Фотосъемка 1966 г. дает представление о том, как выглядели эти руины в то время, когда их изучали сотрудники ЮТАКЭ (Рис. 5-6).

В 1981 г. при составлении карты памятников Мервского оазиса археологический отряд под руководством Г.А. Кошеленко произвел топографическую съемку Хароба-Кёшка, дал общее описание его сохранившихся конструкций и собрал небольшой подъемный керамический материал (Михеева, 2019. С. 154-155).

В 1980-е гг. историк архитектуры С.Г. Хмельницкий (1925-2003) предложил свою реконструкцию-гипотезу плана Хароба-кёшка. Он не принял во внимание данные, полученные Дресвянской, и опирался исключительно на план Пугаченковой (Chmel'nizkij, 1989. Abb. 114) (Рис. 7). Впоследствии он вернулся к этой теме в русском издании своей монографии «Между кушанами и арабами» и высказал ряд критических суждений в отношении работы Дресвянской, а также по поводу интерпретации структуры Хароба-кёшка другими авторами – В.Л. Ворониной и А.М. Высоцким (Хмельницкий, 2000. С. 241-243). Все упомянутые авторы считали очевидной христианскую принадлежность этого здания, но не соглашались в отношении его объемно-пространственной структуры.

В.Л. Воронина (1910-2000) – выдающийся исследователь древней архитектуры Центральной Азии – была первым критиком версии Пугаченковой. «Поскольку нет конкретных указаний о наличии

уцелевших частей свода, — писала она, — придется сделать вывод, что неф Хароба Кошук являлся открытым двором. При таком условии отождествление с ‘длинными церквами’ едва ли правомерно. Действительный и очень близкий двойник Хароба Кошук – ак-бешимская часовня с ее вытянутым, обнесенным паховыми стенами двором. Для защиты от зноя служили в первом случае сводчатые ниши, во втором – предположительные навесы вдоль стен двора» (Воронина, 1960. С.54). На этом основании она пришла к выводу, что в отличие от длинных церквей Ктесифона в Центральной Азии сложился особый тип, где неф заменен открытым двором. По ее мнению, эта особенность составляла характерную местную черту церковной архитектуры.

Другой историк архитектуры – А.М. Высоцкий (1944-2002) предложил, на основании раскопок 1966-1967 гг. и своих теоретических выкладок, реконструкцию плана, мало чем отличающуюся от варианта Дресвянской (Высоцкий, 1990. Рис. 27). Его статья на общем фоне историко-археологических публикаций выглядит необычно и была подвергнута резкой критике Хмельницким. Интерпретация и датировка памятника, предложенные Высоцким, не отличались от прежних, а реконструкция представляет план странной постройки, которая нигде и ни при каких обстоятельствах не могла быть христианской церковью, так как противоречит ее самым основным всеобщим функциям: внутреннее пространство, всегда в церкви господствующее, сведено здесь к среднему проходу трехметровой ширины (по масштабу, впрочем тоже неправильному, как не верна и ориентация на СВ). Пространства по сторонам прохода разделены на отсеки с хаотично меняющейся шириной, — у самых узких она, по тому же масштабу, чуть больше 1 метра, у самых широких

Рис. 5. Хараба-кёшк. Северный фасад, 1966 г. Архив ЮТАКЭ

Рис. 6. Хараба-кёшк. Южный фасад, 1966 г. Архив ЮТАКЭ

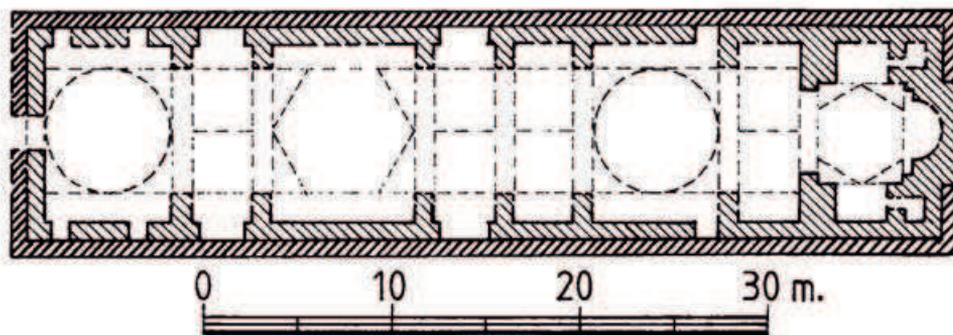

Рис. 7. Хараба-кёшк. Реконструкция плана (*Chmel'nizkij*, 1989. Abb. 114)

около 2,5 м. В задних стенах этих похожих на стойла камер имеются входы, тоже различной ширины. Неправдоподобно изображена и алтарная часть — крестообразная, с квадратным купольным ядром: ниши за боковыми частями креста сбиты с поперечной оси, чего строители этого, да и более позднего времени никогда не делали (Рис. 8). Этот сумбурный план, по словам критика, сопровождаемый не менее сумбурным текстом, не находит ни малейшей аналогии среди церковных построек любой эпохи и страны, — он не вызывает доверия, и говоря далее о Хараба-кёшке, им можно пренебречь. Поиски его хотя бы отдаленных подобий среди сакральных зданий раннего христианства на востоке или на западе заведомо безнадежны. Сведения Пугаченковой, более ранние и, конечно, не исчерпывающие, все-таки предпочтительнее, так как основаны на знании и понимании сырцово-кирпичной архитектуры (Хмельницкий, 2000. С. 241).

В 1990-е годы Хараба-кёшк попал в поле зрения вышеупомянутой Британо-Туркменской экспедиции *International Merv Project* (IMP). Анализ опубликованных материалов и натурное обследование памятника осуществила Габриэла Пушницг. Она пришла к выводу, что ни план здания, ни методы его строительства, ни связанные с ним археологические материалы не подтверждают интерпретацию этого объекта как христианской церкви V в. и его функция остается загадкой (Puschnigg, 1999. Р. 104-105). Проводя аналогию с близлежащим памятником, известном как Сули-кёшк, который может быть датирован XI-XII вв., она предположила аналогичную дату постройки Хараба-кёшка (Puschnigg, 1999. Р. 180).

В 2003 г. Хараба-кёшк впервые посетил итальянский исследователь Габриэле Росси-Осмида (1943-2020). Заинтригованный сложившейся христианской атрибуцией памятника, он инициировал новый этап археологических и консервационных работ на этом объекте, осуществленный им в 2009-2011 гг. при участии архитектора Аннамурада Оразова. Статья в журнале *Parthica* (Rossi-Osmida, 2011) является на сегодня наиболее полной и обстоятельной англоязычной публикацией Хараба-кёшка.⁴ В ней автор анализирует все предшествующие работы и дает детальное описание собственной археологической интервенции. Он пришел к выводу, что этот памятник состоит из двух частей, четко отличных друг от друга: одна конструкция — западная — длинная и более узкая (блок А), а другая — восточная — массивная и более широкая (блок Б). Его стратиграфическая схема показывает, что фундамент блока Б в среднем на 1,5 м глубже, чем фундамент блока А (Рис. 9). Более того, анализ точек соприкосновения между блоками А и Б несмотря на то, что использованные кирпичи кажутся одинаковыми, демонстрирует явное различие между двумя конструкциями стен, что наводит на мысль, что они были построены в раз-

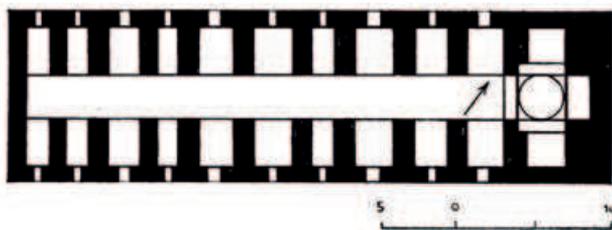

Рис. 8. Хараба-кёшк. Реконструкция плана (Высоцкий, 1990. Рис. 27).

ное время, однако оба в период Сасанидов и были изменены в исламское время (Rossi-Osmida, 2011. Р. 155-159).

Раскрыв центральную часть ЮВ фасада на 2 м ниже уровня современной поверхности, Росси-Осмида обнаружил вход в нижний этаж здания, имеющий стрельчатый свод, оформленный позже более широким сводчатым проходом из обожженного кирпича сельджукского периода и на каком-то этапе функционирования забутованный (Рис. 10). К сожалению, раскопки не затронули внутреннюю часть здания — они проводились лишь на юго-западном и юго-восточном фасадах, где были удалены оплывы и созданы контрфорсы для укрепления стен. Поэтому основные черты здания всё еще окутаны тайной.

Среди многочисленных находок Росси-Осмида выделяется нательный крест из бронзово-медного листа, обнаруженный зажатым в опоре арочной двери ЮВ фасада и повторяющий типичную несторианскую модель, известную в Южной Индии как «Крест Славы», который португальские миссионеры Антонио де Гувва и Дуарте Барбоза назвали «Крестом Св. Фомы». Учитывая контекст находки, Росси-Осмида датировал её XI в. (Рис. 11). Такой выразительный предмет из Хараба-кёшка серьёзно подрывает мнение скептиков и укрепляет позиции тех, кто и раньше был уверен в несторианской принадлежности этого памятника.

Суммируя все имеющиеся данные по его исследованиям на протяжении шестидесяти лет (1951-2011), можно описать Хараба-кёшк следующим образом. Эта глиняная постройка длиной приблизительно 50 м при ширине около 10 м состояла из одного единственного просторного зала с алтарем в торцевой стене. Точные габариты установить никому не удалось и опубликованные планы заметно отличаются. По Пугаченковой — 51 × 13 м, по Деревянской — 41 × 11,4 м, а у Росси-Осмида — 55 × 13 м, причем он отмечает, что восточный торец здания за счет выступов с южной и северной сторон достигает максимальной ширины 18 м (Rossi-Osmida, 2011. Р.151).

Сильно вытянутое здание, построенное из квадратного «мервского» кирпича-сырца (40-41 × 30-41 × 11 см), ориентировано главной осью на СЗ—ЮВ. Сохранность постройки плохая, но все же заметно, что её стены были возведены в два слоя: наружный сырцовый футляр 70-сантиметровой толщины пристроен к несколько более толстым (90 см) отрезкам стен, разделенным промежутками и ограниченным попереч-

⁴ На русском языке также опубликован детальный анализ истории исследований и конструкций памятника, с привлечением большого сравнительного материала по раннехристианской архитектуре Ближнего и Среднего Востока и обсуждением вопроса о перекрытии Хараба-кёшка и устройстве его восточной — алтарной части с учетом работ Росси-Осмида (Михеева, 2019).

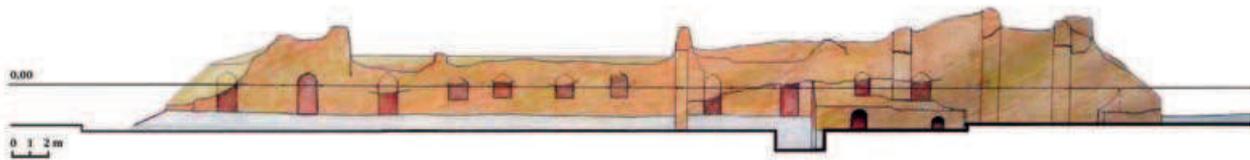

Рис. 9. Хараба-кёшк. Южный фасад. Прорисовка А.Т. Оразова, 2011

Рис. 10. Хараба-кёшк. Общий вид с юго-востока после консервационных работ. Фото: Р.Г. Мурадова, 2011

Рис. 11. Хараба-кёшк. Бронзовый крест. Историко-краеведческий музей Марыйского вelayата. Фото Р.Г. Мурадова

ными выступами, которые членили внутреннее пространство на несколько анфиладно расположенных частей (Лугаченкова, 1954. С.15) (Рис.12). Торцевой СЗ фасад, судя по результатам раскопок, был глухим, входы же – в количестве минимум трех на каждой стороне – прорезали боковые фасады в промежутках между поперечными выступами. В торцевой ЮВ части, которая и сейчас заметно выше остального здания (Рис. 13), внутри сохранилась часть полукруглой осевой ниши-абсиды с остатками почти квадратного в плане алтарного помещения перед ней, расширенного боковыми нишами. Маленькой камере в южном углу отвечала, вероятно, подобная ей камера в разрушенном восточном углу. Проход из сохранившейся камеры не найден, – если его не было, то обе они, возможно, играли роль разгрузочных пустот, уменьшавших массу сырцово-кирпичной кладки в угловых пилонах; вообще же такого рода симметричные камеры (но, конечно, размером побольше) по сторонам алтаря в ранних церквях византийско-сирийско-иранского круга использовались как сакристии – ризницы. В Хараба-кёшке эти ризницы, очевидно, слились с помещением алтаря, превратившись в расширяющие его боковые ниши и вместе с округлой алтарной нишей образовав

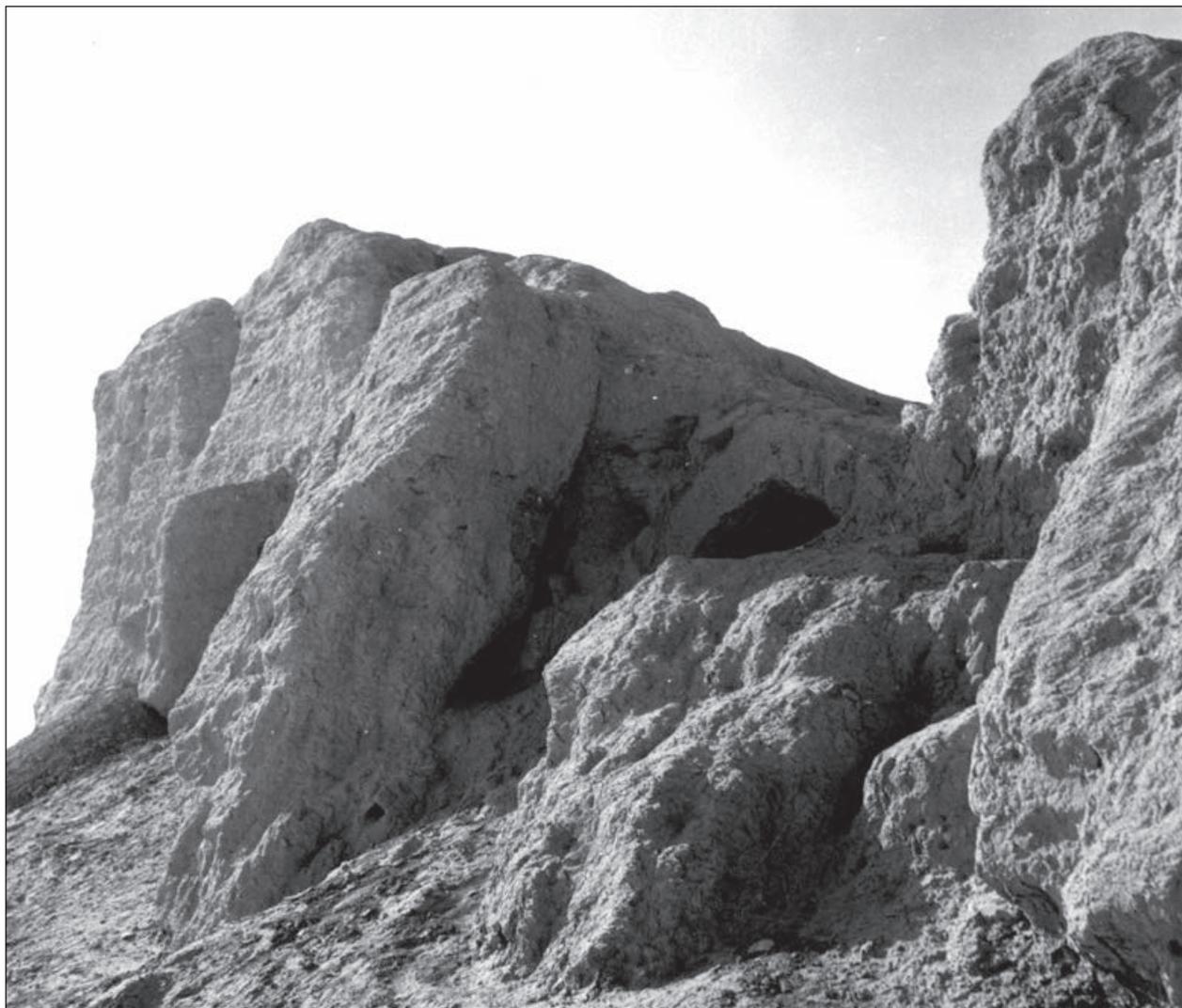

Рис. 12. Хараба-кёшк. Северо-восточный участок стены. 1966 г. Архив ЮТАКЭ

Рис. 13. Хараба-кёшк. Свод над входом в алтарную часть. Вид с севера. 1966 г. Архив ЮТАКЭ

Рис. 14. Хараба-кёшк.
Сводчатый проем
на южном фасаде.
1966 г. Архив ЮТАКЭ

традиционное для архитектуры Центральной Азии крестовидное пространство – триконх.

Торцевые пилоны, выступавшие внутри из продольных стен, были основанием для сводчатых ниш, которые тянулись подобно глухой аркаде по сторонам центрального пространства (Рис. 14). Контур этих ниш, пролетом немногим более 3 м – возвышенно-коробовый, близкий к эллиптическому и, как установила Пугаченкова, построен из трех геометрически найденных центров. Конструкция перекрывающих ниши сводов – клинчатая, небольшие арочные переемы выведены кирпичами плашмя и отличаются, из-за малых пролетов (до 1,5 м), небольшой стрельчатостью (Рис.15). В обоих случаях строители не могли обойтись без кружал (Пугаченкова, 1954. С.16).

Вероятно, между пилонами были переброшены поперечные арки пролетом несколько меньше 7 м – конструкция, в сырцовом кирпиче реально выполняемая. Эти арки делили внутреннее пространство здания на несколько разновеликих частей, не нарушавших, впрочем, его единство. Хмельницкий полагал (его геометрический анализ это подтверждает), что по меньшей мере две квадратные в плане части – первая с СЗ и предпоследняя перед алтарем – были перекрыты куполами; третья от СЗ часть и прямоугольное алтарное пространство могли быть перекрыты сводом «рузан» шестиугольной формы, а узкие промежутки между этими широкими частями перекрывались сводами на подпруж-

ных арках. Разнообразие форм и конструкций перекрытий в просторном, уходящем вглубь церковном зале должно было быть очень эффективным (Хмельницкий, 2000. С. 242-243).

Как отмечалось выше, Воронина сомневалась в возможности сплошных сводчатых перекрытий Хараба-кёшка и считала, что здание было открыто сверху и, значит, представляло собой – исключая алтарную часть – двор (Воронина, 1960. С. 54). По мнению Хмельницкого, это неверно: пролет перекрытий составлял не 10, а около 7 м, их подпружные арки опирались не на сравнительно тонкие стены, а на поперечные пилоны, работавшие как контрфорсы. К тому же все реальные параллели связывают мервское здание с церковными сооружениями купольно-сводчатого типа (Хмельницкий, 2000. С. 243).

Типологически Хароба-кёшк в том виде, каким он представляется в реконструкции Пугаченковой с дополнениями Хмельницкого, можно назвать модификацией церкви так называемого зального типа, распространенного в средние века на Ближнем Востоке и в Закавказье. Вероятно, «зальные» церкви произошли от обычных трехнефных базилик, эволюционировавших – по разным причинам – в направлении сужения боковых нефов, которые в конечном счете совсем исчезли, а разделявшие нефы столбы «срослись» с боковыми стенами и превратились в выступы-пилоны. Первоисточником «зальных» церквей в Закавказье были так называемые купольные базилики. Их центр перекры-

вал купол, а количество опор, разделяющих нефы, было ограничено четырьмя. Вероятно, поэтому храмы «зального типа» в Армении и Грузии не очень длинные, а количество пилонов, выступающих из их боковых стен, обычно ограничено двумя парами. Таковы церкви Ламаси-Сакдари в Грузии (XII в.) и Ширакван в Армении (IX – начало X в.). Правда, есть исключения – например, несторианская церковь в турецкой Армении у города Керкук, датируемая V в. Из стен ее продолговатого сводчатого зала (14 x 5 м) выступают с каждой стороны по четыре пилона, образующих череду из пяти арочных, перекрытых конхами ниш. Эти ниши в сочетании с толстыми спаренными полуколоннами (ими оформлены лицевые стороны пилонов) придают залу древней церкви сходство с залами сасанидского дворца V в. в Сарвистане.

Пугаченкова сопоставляла плановое устройство Хараба-кёшка с «длинными церквями» в таких древних городах как Эфес (Турция), Ктесифон и Хира (Ирак). Хмельницкий добавил еще более близкие аналогии – раннехристианские (IV-V вв.) храмы Южной Сирии (область Хауран) в Умм иди-Джимал и Луббен. Они схожи с Хараба-кёшком не только единым однонефным пространством и пристенными нишами, разделенными пилонами, но и пропорциями, а в одном случае – даже количеством выступов-пилонов. Таким образом, Хараба-кёшк как церковь находит себе достаточно много несомненных, близких и современных ему аналогов (Хмельницкий, 2000. С. 243; Михеева, 2019. С. 161-168).

Несмотря на все эти гипотетические суждения и две инвазии в структуру здания, приходится признать, что оно остается далеко не изученным. Тот факт, что на территории вокруг Хараба-кёшка были найдены свидетельства существования парфянского поселения II-III вв. и что здание V-VII вв. очень напоминает синагоги Сирии и Ирака, дает основания предполагать, что в данном случае мог иметь место протохристианский *domus ecclesiae*, вероятно, построенный на основе предшествующей парфянской постройки (Rossi-Osmida, 2011. P. 174-175).

Итак, Хараба-кёшк за свою долгую жизнь пережил несколько периодов функционирования. Очевидно, когда владельцы ушли, бывшая церковь была капитально перестроена и продолжала использоваться уже в другом качестве еще очень длительное время. Может быть, в связи с изменением функций были удлинены пристенные выступы, превратившиеся в поперечные стены, и между ними в прежде глухих простенках были пробиты новые двери, – на рисунке южного фасада, опубликованном Дресвянской, ясно видны различия в их высоте и форме (Дресвянская, 1968б). Среди находок, выявленных в 2011 г. во время расчистки цокольной части здания, оказалась ремонтная кладка из квадратного жженого кирпича, а также много керамики, изделий из металла и даже монет, относящихся уже к XI-XII вв., когда достигло расцвета государство Великих Сельджуков. Это лишь подтвердило мнение Пугаченковой, что в этот период здание использовалось в каких-то практиче-

Рис. 15. Хараба-кёшк. Пристенные устои в интерьере (южная стена). 1966 г. Архив ЮТАКЭ

ских целях и подвергалось перестройкам. Она даже предположила, что «в эту пору торжества ортодоксального ислама в нем была сбита штукатурка, на которой могла размещаться живопись на евангельские сюжеты» (Пугаченкова, 1967. С. 87). Вероятно, лишь после того, как глиняные своды центрального зала обрушились, люди окончательно оставили это сооружение.

«Овальный дом». Если в отношении Хараба-кёшка у археологов нет особых сомнений, хотя хватает и скептиков, этот памятник по своей планировке и устройству все-таки сходен с другими восточно-сирийскими церквями. Совсем по-иному обстоит дело с «овальным домом», который также назван его исследователем «общественным домом типа ханако» (Дресвянская, 1968а. С. 11). Правомерность использования по отношению к этому сооружению персидско-согдийского термина *ханако* была достаточно убедительно оспорена (Демидов, 1990. С. 48-49). Расположенный в северо-восточной части античного Мерва (городище Гяур-кала), «овальный дом» раскопан силами ЮТАКЭ в 1953-1964 гг. и определен авторами раскопок как христианский, а точнее – мелькитский монастырь (Дресвянская, 1974. С. 179). Это довольно массивное для своего времени сооружение возникло, по данным археологии, в V в. и заброшено, вероятно, в начале VII в. Его возвели на руинах какой-то большой постройки парфянского периода. Оно представляло собой в плане овал неправильной формы, за что и получило условное название «овального дома» (рис. 16). Остатки древнего здания, превращенные в платформу, подняли постройку более чем на 3 м над местностью. Здание ориентировано длинной стороной в направлении Ю—С, имело размеры (в осях) 58 и 42 м, и было заключено в неправильной формы футляр необыкновенно толстых сырцовых стен: на севере их толщина составляла 4,5 м, на юге доходила даже до 6 м. К единственному входу, прорезавшему стену в ее самой толстой южной части, вел прямой глинобитный пандус (Дресвянская, 1974. С. 155-157).

Внутреннее устройство «овального дома» состояло из 33-х комнат, пристроенных изнутри к стене, по большей части продолговатых, узких и сводчатых (угловые комнаты получили редкую треугольно-сегментную форму). Они окружают двор, который строители хотели, вероятно, сделать прямоугольным, но который — из-за общего округлого и несимметричного контура – получил трапециевидную форму. Эти комнаты-кельи почти лишены обычного для жилищ того времени бытового оборудования: очаги имелись лишь в некоторых из них, редко – только в четырех кельях – встречены суфы. Стены многих комнат были окрашены в черный цвет. Установлено, что на протяжении своей относительно недолгой жизни объект много раз перестраивался: закрывались старые и прорубались новые входы, двухкомнатные «квартиры» на восточной стороне разделялись, превращаясь в одиночки, а одиночные камеры на западной стороне объединялись, наоборот, сквозными проходами и лишились прямых выходов во двор. Две продол-

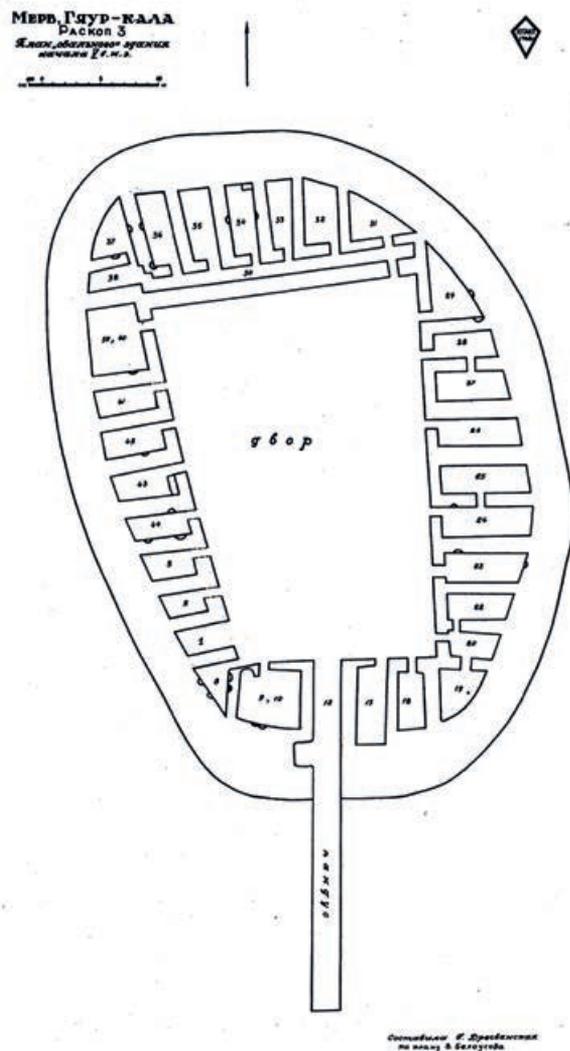

Рис. 16. «Овальный дом», план. Архив ЮТАКЭ

говатые комнаты по сторонам южного входа потеряли обращенные во двор проемы, вместо которых здесь на торцах были сделаны полукруглые абсиды. Почему-то было заложено большинство небольших ниш, составлявших едва ли не единственное украшение этих мрачных камер: они удивляют неожиданным разнообразием их ложно-сводчатых форм.

Комнаты северной группы обращены входами в коридор, отделенный от двора сплошной стеной с единственным угловым выходом. Здесь, вероятно, было всегда темно, так как кельи монастыря окон не имели и освещались только через дверные проемы. Позже южная часть двора близ входа была застроена группой из трех параллельных, сравнительно больших комнат, которая почти вдвое уменьшила его свободное пространство, – до этого самой просторной была комната у СЗ угла двора, разделенная впоследствии на две части.

О том, что это замкнутое, отгороженное от внешнего мира сооружение было построено христианами, по мнению исследователя, свидетельствуют находки: цилиндрическая печать из халцедона (Рис. 17) с изображением креста, а также крест-граффити на оштукатуренной стене одной из келий. Отсутствие минимального – даже по тем временам

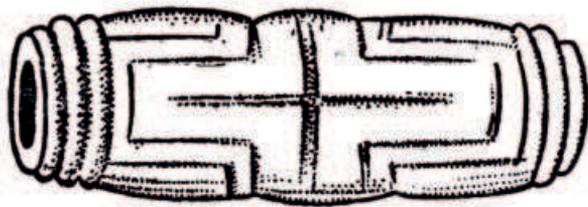

Рис. 17. «Овальный дом», цилиндрическая печать из халцедона (Дресвянская, 1974. С. 168)

– комфорта, женской и детской утвари, намеренно мрачная черная окраска стен говорят о суровом, аскетическом характере живших там людей. Кажется странным, что здание состоит из помещений только жилого – в любом случае явно не культового — назначения: среди окружающих двор келий нет ни одной, которая годилась бы для общих собраний, трапез и богослужений, даже две южные комнаты с абсидами, похожими на алтарные, для этого явно малы (Хмельницкий, 2000. С. 249-250). «Овальный дом» по мнению Г.А. Дресвянской представлял собой христианский монастырь, обитель отшельников (*ханако* в её терминологии) и даже такой гиперкритичный аналитик как С.Г. Хмельницкий считал его «монашеским общежитием и, видимо, больше ничем» (Хмельницкий, 2000. С. 250). Озадачивает сообщение Дресвянской о том, что это была не единственная христианская постройка в СВ части Гяур-калы: по ее словам, в 50 м к ЮЗ от нее сохранились остатки здания, построенного из сырца того же размера (38 x 38 x 9-10 см), того же голубоватого цвета и с такими же клеймами (оттиск правой руки), что и в «овальном доме». На этом шатком основании здание названо христианским храмом IV-VI вв. (Дресвянская, 1974. С. 172). Однако, больше никаких свидетельств об этом объекте в опубликованных материалах ЮТАКЭ нет.

Определение «овального дома» как христианского монастыря оспорили археологи А.Н. Бадер, В.А. Гаибов и Г.А. Кошеленко. Сравнив это сооружение с подлинными монастырями, находящимися на территории Северной Месопотамии, они предположили, что «овальный дом» никак не может считаться монастырем. Наличия небольших комнат, расположенных по периметру двора, которые считаются кельями, по их мнению, недостаточно, потому что отсутствуют другие необходимые для функционирования монастыря помещения, такие как монастырская церковь, трапезная, скрипторий и т.д. «Овальный дом» скорее был каким-то государственным складом, а не монастырем, — считают эти исследователи (Бадер и др., 1996. С. 93). Кроме того, необходимо иметь в виду и ту информацию о мервских монастырях, которая содержится в «Книге благодати». В ней упоминаются три жителя Мерва, которые являлись основателями монастырей. Один из них основал монастырь в Палестине, два других – в области Мерва. При этом в тексте подчеркивается, что эти монастыри были расположены в пустыне. Поэтому больше оснований считать монастырями пещерные комплексы на правом берегу

Мургаба в районе Ташкепри или обширный подземный комплекс с остатками росписей, расположенный в центре Юго-Восточных Каракумов, который еще не был объектом исследований (Бадер и др., 1996. С. 93-94).

Байрамалийский некрополь. Другой, в основном раскопанный объект, связываемый с христианством, это большой некрополь площадью около 3 га, функционировавший несколько веков в доисламский период. Он находился на северной окраине современного города Байрамали и в 5 км западнее городища Гяур-кала. До раскопок некрополь представлял собой семь небольших, но сильно оплывших холмов, расположенных рядом друг с другом. Археологические работы на памятнике, проводившиеся здесь с перерывами в 1954-1975 гг., показали, что в южной части некрополя располагалась группа наземных погребальных сооружений-наусов, построенных примерно в одно и то же время – в конце II – начале III в. Все сооружения были возведены из сырцового кирпича, но имели разную планировку. В итоге этот некрополь был определен как «преимущественно христианский» (Дресвянская, 1989. С. 162), но доказательная база в пользу такой версии крайне слабая, на что не раз указывалось в публикациях (Бадер и др., 1996. С. 94; Никитин, 2001, 2015; Михеева, 2017).

Как писал в свое время М.Е. Массон, «изучение всего комплекса показало, что это здание было связано с христианской общиной и первоначально не предназначалось для использования в качестве кладбищенского науса. Во втором периоде его существования в отдельных помещениях появились христианские захоронения с трупоположением в изолированных могилах. Лишь позднее, когда в 1-й четверти VI в. в Сасанидском государстве начались гонения на христиан всех толков с запретом «осквернять» землю захоронением покойников, здание оказалось заполненным разного типа оссуариями с разрозненными костями скелетов, причем не только христиан, но и лиц, исповедовавших иудейскую религию. Об этом свидетельствуют сделанные на некоторых оссуариях надписи, выполненные буквами древнееврейского алфавита (Массон, 1978. С. 50).

Большую часть захоронений этого некрополя датируют V-VI вв. С.А. Ершов рассматривал их как останки жертв «маздакитской революции» конца V в., а Г.А. Дресвянская, неизвестно почему, определила некоторые массовые захоронения как христианские, связав их появление с гонениями на христиан в IV в., при Шапуре II. По ее мнению, одна из построек некрополя, в которой затем были произведены захоронения, первоначально могла быть христианской церковью (Дресвянская, 1974. С. 172). Действительно, в этом некрополе найдены некоторые явно не-зороастрийские погребения – это захоронения в оссуариях с еврейскими надписями, но они непосредственного отношения к христианству не имеют. находка на некрополе кирпича с крестообразным знаком – недостаточно убедительный аргумент: знаки на кирпичах встречаются самые разные, и связаны они, вероятно, с традицией

маркировки партий кирпича, а не с конфессией их изготовителей (*Никитин*, 2015. С. 166-167). Прямых аналогий погребениям Мервского некрополя с другими захоронениями на территории Центральной Азии, которые можно точно интерпретировать как христианские, не обнаружено, поэтому нет и ответа на вопрос, кому принадлежали мервские погребения. Например, устройство могильной ямы, на что указывала Дресвянская, – это прежде всего строительный прием, а не одна из сторон погребального обряда. Лишь погребение с намогильником в виде креста – единственное захоронение Байрамалийского некрополя, которое, вероятно, можно связать с христианством, потому что доказать обратное практически невозможно. Конечно, можно предположить, что захоронения в могильных ямах на некрополе Мерва относились к христианам, но только исходя из общей исторической картины Мервского оазиса периода раннего средневековья. Вот почему вопрос о принадлежности захоронений христианам по обряду трупоположения для мервских погребений до настоящего времени остается открытым и дискуссионным (*Михеева*, 2017. С. 304).

Отдельные находки. Круг артефактов из Туркменистана, связанных с христианством, также крайне узок. В начале 1930-х гг. при проведении сельскохозяйственных работ в районе Геокдепе (в 40 км западнее Ашхабада) был случайно обнаружен клад, насчитывающий несколько сот раннехристианских золотых медальонов и бляшек. Лишь через несколько лет М.Е. Массону удалось ознакомиться с некоторыми из них (большая часть золотых предметов к тому времени исчезла) и опубликовать этот уникальнейший материал (*Массон*, 1956). Клад состоял из трех видов тонких золотых пластинок-бляшек круглой и сердечкообразной формы, золотых бусинок и медальонов. Наибольший интерес представляли бляшки и медальоны в связи с символическими изображениями на них. На одних бляшках мы видим стоящую в характерной позе птицу, на других – хвостатого барана на постаменте из трех горизонтальных линий, пересеченных наклонной прямой, который поддерживает приподнятой передней ногой древко с развевающейся перевязью и трезубцем в качестве навершия. Медальон имеет двустороннее изображение. С одной стороны, стоящий на постаменте из трех горизонтальных линий с маленьким крестом над ними хвостатый баран с чуть приподнятой левой передней ногой, которой он касается вертикального древка с полотнищем. С другой, – человеческая фигура в тунике, за ней – наклонное древко со сложным навершием.

Древнехристианская символика позволяет объяснить найденные изображения. Хвостатый баран – заимствованный из иудаизма образ агнца, который в христианстве стал символическим изображением Христа-мессии. В наиболее ранних христианских памятниках агнец изображается или без атрибутов, или лишь с сосудом для молока. На геокдепинских находках данный символ уже значительно усложнен. Линии постаментов, на которых стоит баран, – символическое изображение горы Голгофы, где, согласно христианскому учению, был распят Ии-

сус. Об этом говорит встреченный на медальонах крестик под животом агнца, напоминающий подобную композицию на византийских монетах периода императора Тиверия II Константина (578–582). Древки с различными навершиями и перевязями – хоругви, т. е. культовые знамена христианской церкви, которые были призваны символизировать ее победу над язычеством. Наиболее ранние письменные упоминания о хоругвях относятся к шестому веку, хотя использоваться они начали, очевидно, несколько раньше. Формы хоругвий, изображенных на геокдепинских находках, относятся к наиболее ранним (*Массон*, 1956. С. 47).

Семантика символа изображения агнца на медальонах подтверждается прямым изображением на обратной стороне фигуры Христа-пастыря, тоже с хоругвью. Такие сочетания символов вошли в практику с пятого века. В конце VI в. изображение агнца-Христа в православной церкви было отменено. Трулльский собор (691 г.), принявший это решение, предложил изображать Иисуса Христа «по человеческому естеству». Однако это предписание, естественно, не могло тогда быть обязательным для многочисленных центральноазиатских общин христианских сект, отошедших от официальной православной церкви. Что же касается изображенной на бляшках птицы, то это, несомненно, прообраз Бенну, священной птицы Древнего Египта, которая под искаженным греками именем легендарного Феникса стала в раннем христианстве символом воскресения и бессмертия (*Массон*, 1956. С. 47).

Анализируя находки геокдепинского клада, Массон пришел к выводу, что время их изготовления относится «примерно к VI в., когда наряду с Мервской митрополией существовала митрополия в Герате, преобразованная из епископской кафедры в 588 г., и когда епископская кафедра была учреждена в Самарканде, а в Абиверде (город на территории Южного Туркменистана) проживал известный епископ Иосиф Абивердский (*Массон*, 1956. С. 47). Здесь же он высказал мысль относительно наличия отверстий на всех обнаруженных предметах и тонкости непрочных золотых пластинок, из которых они были изготовлены. Эти два момента свидетельствуют о том, что бляшки и медальоны предназначались для нашивания на ткань, не используемую в повседневном быту. В могильных камерах парфянской знати первых веков нашей эры, обнаруженных на городище Новая Ниса, найдены разнообразные мелкие штампованные бляшечки из плакированного золота. Поэтому вполне возможно, что старый обычай нашивания на погребальные ткани таких золотых украшений был унаследован здесь и ранними христианами, привнесшими при этом свою новую символику (*Массон*, 1956. С. 48).

В 1930 г. краевед И.Г. Егоров поднял на поверхности древнемервского городища Гяур-кала обломок штампованной керамической плитки с рельефным изображением креста с расширяющимися к концу лопастями. В свободном поле между ними – четыре маленьких креста с раздвоенными концами. Вся эта композиция обведена овальным бордюром с рельефными дисками и косыми насечками и вписа-

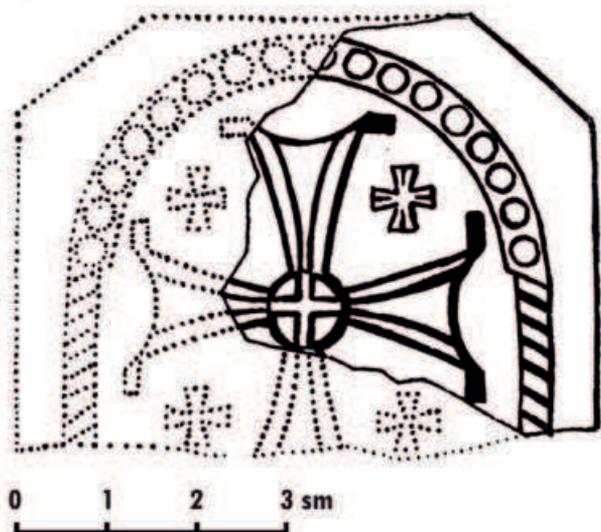

Рис. 18. Мерв, Гяур-кала. Терракотовая плитка.
Прорисовка (Пилипко, 1968. С. 25)

на в плакетку предположительно восьмиугольной формы (Рис. 18). По технике изготовления и качеству глины найденная терракотовая плитка датирована ранним средневековьем (Пилипко, 1968).

Аналогичная целая плитка, но четырехугольная (8,2 × 7,2 см) была обнаружена в ходе работ ЮТАКЭ на Гяур-кале в 1962 г. (Рис. 19). «На ней, – пишет М.Е. Массон, – в продолговатом овале в форме двух колец с заключенными между ними кружками помещен слегка рельефный крест, но не прямой, передающий историческое орудие распятия, а скорее символический, как бы в виде четырехконечного украшения. Его нижняя часть несколько удлинена, верхняя и боковые – одного размера. Все четыре оканчиваются раструбами, парные расходящиеся концы которых снабжены кружками. Внизу по обеим сторонам креста два орнамента, возможно символических. В целом перед нами – один из вариантов типично несторианского креста. Однако этот предмет сам по себе не определяет принадлежность несторианам ни одной из обнаруженных

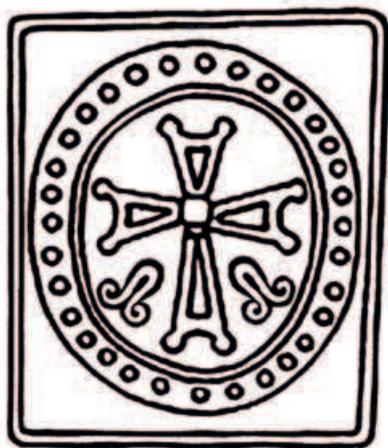

Рис. 19. Мерв, Гяур-кала. Терракотовая плитка.
Прорисовка (Массон, 1978. С. 51)

в Мерве христианских архитектурных руин, так как не связан с ними, а поднят с поверхности земли на городище, к западу от раскопа № 7» (Массон, 1978. С. 51)

Ранее, в 1955 г. среди развалин поселения V–VI вв. у городища Мунон-депе в северной части Мургабского оазиса археологами ЮТАКЭ был найден фрагмент горловины корчаги-хума с процарапанным там несторианским крестом (Массон, 1956. С. 48).

В 1964 и 1971 гг. при раскопках раннесредневекового замка Ак-депе, находящегося в 4 км к северо-западу от железнодорожной станции Артык Каахкинского района Ашхабадской области (ныне Ахалского веляята), найдены многочисленные буллы – глиняные пломбы с оттисками печатей, которыми опечатывали юридические документы и тюки с товарами, предназначенными для оптовой торговли. Некоторые из них содержат знаки и сюжеты, связанные с христианством: изображение равностороннего несторианского креста (Губаев, 1977. С. 69), сюжет «Даниил во рву львином» (Губаев, 1971. С. 47) и другие. На некоторых буллах из Ак-депе, датируемых позднеасанидским периодом (V–VII вв.), читаются названия местностей, связанных с Южным Туркменистаном, — Серахс и Апаверт (Луконин, 1971. С. 50–51). Эти находки, как и обнаруженные в других местах многочисленные печатки сасанидского времени с изображением креста и их оттиски на буллах, свидетельствуют об определенных юридических правах, которыми пользовались христиане, проживающие в разных областях Сасанидской империи (Борисов, 1939. С. 235–242).

В 1993 г. на территории городища Эрк-кала (самая ранняя цитадель Старого Мерва) сотрудники ИМР нашли керамическую форму (матрицу, *калып*, *галып* в местной терминологии) для отливки равноконечных крестов (Рис. 20). Эта находка сделана в слое VII в. непосредственно на полу в одном из раскопанных помещений. Форма изготовлена путем стачивания краев сасанидского керамического кувшина и резьбы на одной поверхности, чтобы можно было одновременно отливать два разных

Рис. 20. Керамическая матрица из Эрк-кала. Марыйский историко-краеведческий музей. Фото Р.Г. Мурадова

Рис. 21. Кайрак N-310. Фонд Института истории и археологии АН Туркменистана. Фото В.И. Артемьева

Рис. 22. Кайрак N-2. Фонд Института истории и археологии АН Туркменистана. Фото Р.Г. Мурадова

объекта. Один из них, по-видимому, имеет форму симметричного листа с маленькими, простыми, равными по длине крестами-плечами («греческими крестами») на концах. Второй – это крест (2,1 × 1,7 см.) с равносторонними плечами, парой маленьких пятен на кончике каждого плеча и еще пятью пятнами на самом кресте. Это первая подобная форма, обнаруженная в Мерве, хотя каменные ювелирные формы аналогичного принципа литья известны и из других местонахождений (например, *Pugachenkova*, eds, 1991. P. 321, № 303). Металл, использованный в мервской форме, неизвестен. Возможно, это была бронза: именно бронзовый кулон в форме «греческого креста», но без пятен, был раскопан в Каср-и-Абу-Насре (*Whitcomb*, 1985. P. 176, 178-179. Fig. 66, k). Форма креста совместима с позднесасанидской датой, на которую указывает место его находки: параллели с шестым веком можно найти в византийском мире, а более сложные типы встречаются на лепных плитах VIII-IX вв. в церквях в Нижней Месопотамии и Персидском заливе (*Okada*, 1990, 1992; ср. также *Wilkinson*, [1974]. P. 335, 362, No 200). Небольшие простые «греческие кресты» и «латинские кресты» (т.е. кресты с удлиненным нижним концом), часто опирающиеся на основание, также иногда встречаются на сасанидской глиптике, иногда связанной с христианскими личными именами (*Simpson*, 1994. P. 68). Эта находка пополнила пока всё еще скудный список твердых архе-

ологических свидетельств богатой христианской истории Мерва.

Наиболее убедительным подтверждением наличия влиятельной христианской общины в Мерве в первой половине V в. являются медные монеты местного чекана времени правления Йездигерда I (399-420) с изображением на реверсе равноконечного креста в обрамлении типичных сасанидских развивающихся лент (*Loginov, Nikitin*, 1993. P. 272. Fig. 11, 10-29). В сасанидской нумизматике это единственный известный случай, когда на монетах (пусть даже медных, муниципального чекана) появляется не-зороастрийская символика. Это могло произойти только при Йездигерде I, отличающемся большой веротерпимостью (*Никитин*, 2015. С. 167).

Наконец, среди археологических материалов, хранящихся в Ашхабаде в фонде Института истории и археологии Академии наук Туркменистана есть два кайрака⁵, которые М.Е. Массон впервые увидел

⁵ Кайраками принято называть эпиграфические памятники, обнаруженные в Семиречье и Восточном Туркестане в конце XIX – начале XX в. Они сделаны из обкатанных горной рекой валунов и содержат религиозную символику с надписями, выбитыми на естественно уплощенных камнях неправильной формы, без следов искусственной обработки, и датируются периодом от появления христианства в этих краях до конца XIV в. Несмотря на ограниченное количество, этот корпус памятников содержит камни, признанные шедеврами сиротюркского искусства и эпиграфики.

в 1929 г. в экспозиции Ашхабадского краеведческого музея без этикетажки и какого-либо объяснительного текста. Он определил, что оба камня попадают под типологию несторианских надгробий, найденных в Семиречье. Много лет спустя он отыскал их в фондохранилище музея, замерил, снял с лицевой стороны эстампажи и направил в Ленинград И.М. Дьяконову. Тот передал их для расшифровки эпиграфическому специалисту по сирийскому языку А.В. Пайковой, которая и перевела надписи. М.Е. Массон дал подробное описание двух этих кайраков и попытался проследить их путь из Семиречья в Закаспий (Массон, 1978). Первый камень (Рис. 21) размером 27,5 × 18,5 × 0,6 см содержит надпись «*Эта могила мальчика Петиона*». Впоследствии этот камень был опубликован Марком Диккенсом в его каталоге каменных надгробий с сирийскими надписями из Семиречья (Dickens, 2016. Р. 121-122)⁶. Второй камень (Рис. 22) размером 23,5 × 15,0 × 0,9 см с надписью «*Алка периодевт*» (по А.В. Пайковой), либо «*Шлиха малтана*» (по П.Дж. Борбону). Теперь осуществлен более тщательный палеографический анализ надписей обоих камней и внесены коррективы в их интерпретацию. Установлено, что один из них из Пишпекского кладбища, второй из Алмалыка (Borbone, Mikheeva, 2023).

***

В VII в. территория, некогда входившая в состав Парфии и Маргианы, была завоевана арабами, в XIII в. – монголами, в конце XIV в. – Тимуридами. Несмотря на почти абсолютное доминирование ислама там продолжали существовать небольшие группы христиан разного толка. В Хорезме, в отличие от южных областей, где преобладали несториане, в доисламский и раннеисламский периоды распространилось православие, идущее из Византии через Хазарию. Хорезмийская (Хвалисская) епископия входила в VIII в. в состав Доросской (Крымской) митрополии (Толстов, 1946. С. 90). Христиане Хорезма обороняли его столицу Гургандж от арабов в 712 г. и от монголов в 1221 г. (см.: *Плано Карпини Дж. История монгалов*. Гл. 5, § III, 4). Последние следы раннего христианства на этой территории датируются XIV в. Армянский государственный деятель и историк Хетум Патмич (Гайтон), автор сочинения «Цветник историй земель Востока», записанного по-старофранцузски и на латыни, и представленного Папе Римскому Клементу V в 1307 г., рассказывая о Хорезме, отмечал: «В этом царстве обитают некие христиане, называемые «согды», имеющие особое наречие и грамоту и подчиняющиеся Антиохийскому патриарху. В церкви они поют различным образом, поклоняются Телу Христову и следуют греческим обрядам. Однако язык их – отнюдь не греческий» (Книга странствий, 2006. С. 221). Принадлежность к антиохийской православной церкви свидетельствует о том, что христиане Хорезма были не несторианами, а мелькитами или яковитами (Бартольд, 1964. С. 286).

В Северном Хорасане постмонгольского периода отдельные группы христиан, судя по письменным источникам, еще оставались не только в Мерве, но и в таких городах как Серахс, Абиверд, Ниса до их упадка и запустения после XV в. Примерно тогда они исчезли везде на территории Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер и др., 1996 – Бадер А.Н., Гаубов В.А., Кошеленко Г.А. Мервская митрополия // Традиции и наследие христианского Востока: Материалы международной конференции. М.: ИВИ РАН, Московская Патриархия, 1996. С. 85–94.
- Бартольд, 1964 – Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Кн. 2. М.: Наука, 1964. 654 с.
- Бируни, 1957 – Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. I. Памятники минувших поколений. Пер. с араб. М. А. Салье. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1957. 488 с.
- Борисов, 1939 – Борисов А.Я. Эпиграфические заметки III // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Вып. I. Л.: ГЭ, 1939. С. 235-242.
- Владимир, 2000 – Владимир (Иким). Большой полет крылатого коня: Духовное наследие Туркменистана и его христианские традиции. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2000. 224 с.
- Воронина, 1960 – Воронина В.Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии // СА. 1960, № 2. С. 42-55.
- Высоцкий, 1990 – Высоцкий А.М. Христианский памятник на поселении Дуе-Чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М.: Наука, 1990. С. 90-100.
- Губаев, 1971 – Губаев А. Сасанидские буллы из замка Ак-депе // Эпиграфика Востока. Вып. XX. Л.: Наука, 1971. С. 46-49.
- Губаев, 1977 – Губаев А. Раскопки 1971 г. на Ак-депе // Каракумские древности. Вып. V. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 60-69.
- Гундогдыев, 1993 – Гундогдыев О.А. Христианская церковь в Туркменистане (с древних времен до Октябрьской революции). Ашхабад: Рух, 1993. 72 с.
- Гундогдыев, 1998 – Гундогдыев О.А. Прошлое туркмен. М.: Интерстамо, 1998. 648 с.
- Демидов, 1990 – Демидов С.М. История религиозных верований народов Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1990. 140 с.
- Дресвянская, 1968а – Дресвянская Г.Я. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания. Автореферат канд. диссертации. Ташкент, 1968.
- Дресвянская, 1968б – Дресвянская Г.Я. Хароба-кошук // Памятники Туркменистана. 1968. № 2(6). С. 28.
- Дресвянская, 1974 – Дресвянская Г.Я. Овальная христианская община в Старом Мерве //

⁶ М. Диккенс не имел возможности увидеть второй ашхабадский кайрак и предположил, что он утерян.

- Труды ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад: Ылым, 1974. С. 155-181.
- Дресвянская*, 1989 – *Дресвянская Г.Я.* Некрополь Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ, Т. XIX. Ашхабад: Ылым, 1989. С. 122-163.
- Ершов*, 1959 – *Ершов С.А.* Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али (раскопки 1954-1955 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, Т. V. Ашхабад, 1959. С. 160-204.
- Книга странствий. Пер с лат. и ст.-фр., сост., статьи и ком. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. 320 с.
- Кошеленко, Гаилов*, 2001 – *Кошеленко Г.А., Гаилов В.А.* Великая церковь Востока // Наука в России. 2001. № 4. С. 92-100.
- Кошеленко и др.*, 1994 – *Кошеленко Г.А., Губаев А., Бадер А.Н., Гаилов В.А.* Древний Мерв в свидетельствах письменных источников. Ашхабад: Юрт, 1994. 158 с.
- Луконин*, 1971 – *Луконин В.Г.* По поводу булл из Ак-депе // Эпиграфика Востока. Вып. XX. Л.: Наука, 1971. С. 50-52.
- Массон*, 1956 – *Массон М.Е.* Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-депе // Известия АН Туркменской ССР. 1956, № 5. С. 45-48.
- Массон*, 1978 – *Массон М. Е.* Происхождение двух несторианских надгробных галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 10. С. 50-55.
- Михеева*, 2017 – *Михеева (Китаева) А.А.* К вопросу об интерпретации захоронений некрополя Древнего Мерва // КСИА, 2017. Вып. 247. С. 296-313.
- Михеева*, 2019 – *Михеева (Китаева) А.А.* Хароба-кошук – история изучения и архитектурная преемственность подобных сооружений на Среднем и Ближнем Востоке // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной науч. конф., посвященной памяти Б.А. Литвинского. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 153-169.
- Мурадов*, 2019 – *Мурадов Р.Г.* Эволюция градостроительной структуры Мерва в парфянский период // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы Международной конференции. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 158-161.
- Никитин*, 1984 – *Никитин А.Б.* Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М.: Наука, 1984. С. 121-137.
- Никитин*, 2001 – *Никитин А.Б.* К истории христианства в Мерве // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сб. науч. трудов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 39-41.
- Никитин*, 2015 – *Никитин А.Б.* К истории христианства в Мерве // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015, № 1 (47). В честь 80-летия Г.А. Кошеленко. М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2015. С. 164-170.
- Ольбрыхт*, 2022 – *Ольбрыхт М.* Парфяне в Туркменистане и зарождение христианства в империи Аршакидов // Под сенью креста. 25 лет католической миссии в Туркменистане. Познань: Misyjne drogi, 2022. С. 36-43.
- Пигулевская*, 1979 – *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. М.: Наука, 1979. 272 с.
- Пилипко*, 1968 – *Пилипко В.Н.* Плитка, подтверждающая предание // Памятники Туркменистана. 1968. № 1(5). С. 25.
- Пугаченкова*, 1954 – *Пугаченкова Г.А.* Хароба Кошук // Известия АН Туркменской ССР. 1954. № 3. С. 15-19.
- Пугаченкова*, 1958 – *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма (Труды ЮТАКЭ. Т. VI). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 490 с.
- Пугаченкова*, 1967 – *Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 года. М.: Искусство, 1967. 342 с.
- Смирнов*, 2016 – *Смирнов Н.Ю.* Аржан в Туве или Аржан в Тыве? Заметка редактора // АВ. Вып. 22. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 196-199.
- ат-Табари*, 1987 – История ат-Табари [Пер. с араб. В.И. Беляева с доп. О.Г. Большакова и А.Б. Халидова]. Ташкент: Фан, 1987. 444 с.
- Толстов*, 1946 – *Толстов С.П.* Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI века // СЭ. 1946. № 2. С. 87-108.
- Хмельницкий*, 2000 – *Хмельницкий С.* Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин – Рига: Gamajun, 2000. 290 с.
- Baum, Winker*, 2003 – *Baum W., Winker D.* The Church of the East: A Concise History. London – New York: RoutledgeCurzon, 2003. 204 p.
- Borbone, Mikheeva*, 2023 – *Borbone P.G., Mikheeva A.A.* Two Nestorian Gravestones in the Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat. With an Appendix on the Kayraks of Almaliq // Manuscripta Orientalia (International Journal for Oriental Manuscript Research). Vol. 29. St. Petersburg: Thesa Publishers (в печати).
- Chmelniczki*, 1989 – *Chmelniczki S.* Zwischen Kuschanen und Arabern. Die Architektur Mittelasiens im V.-VIII.Jh. Berlin: Herausgeber und Hosemann&Coebel Verlag, 1989. 198 с.
- Dickens*, 2016 – *Dickens M.* More Gravestones in Syriac Script from Tashkent, Panjikent & Ashgabat // Winds of Jingjiao. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia. Zürich: LIT Verlag, 2016. P. 105-129.
- Ghirshman*, 1965 – *Ghirshman R.* The Island of Kharg. 2d ed. Teheran: Iranian Oil Operation Companies, 1965. 22 p.
- Herrmann*, 1997 – *Herrmann G.* Early and Medieval Merv: A Tale of Three Cities // Proceedings of the British Academy. Vol. 94. London, 1997. P. 1-43.

- Herzfeld*, 1935 – *Herzfeld E.* Archaeological History of Iran. London: British Academy, Oxford University Press, 1935. 112 p.
- Koshelenko et al.*, 1995 - *Koshelenko G., Bader A., and V. Gaibov.* The Beginnings of Christianity in Merv // *Iranica Antiqua*. Vol. XXX. 1995. P. 55–70.
- Litvinsky*, 1996 – *Litvinsky B.A.* Christianity, Indian and Local Religions // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. III. The Crossroads of Civilizations: A.D. 250 to 700, ed. B. A. Litvinsky, Paris: UNESCO Publ. P. 421-431.
- Loginov, Nikitin*, 1993 – *Loginov S.D., Nikitin A.B.* Sasanian Coins of the late 4th–7th centuries from Merv // *Mesopotamia*, 1993. Vol. XXVIII. P. 271-296.
- Okada* 1990 – *Okada Y.* Reconsideration of Plaque-type Crosses from Ain Sha'ia near Najaf // *Al-Rafidan*, 1990. Vol. 11. P. 103-112.
- Pugachenkova et al.*, 1991 – *Pugachenkova G.A., Rtveladze E.V. and Kato K.*, eds. Antiquities of Southern Uzbekistan. Tashkent: Soka University, 1991. 336 p.
- Puschnigg*, 1999 – *Puschnigg G.* Kharuba Koshuk: an early church // *Herrman G.* Monuments of Merv. Traditional Buildings of the Karakum. London: The Society of Antiquaries of London, 1999. P. 103-105.
- Rossi Osmida*, 2011 – *Rossi Osmida G.* Interventions of Recovery and Restoration conducted at the site of Haroba Kosht, (Turkmenistan) // *Parthica*, 2011. Vol. 13. P. 145–178.
- Simpson*, 1994 – *Simpson St. J.* Ceramics and Small Finds from MEK // *Herrmann G., Masson V.M., Kurbansakhatov K.*, et al. The International Merv Project, Preliminary Report on the Second Season (1993) // *Iran*, 1994. Vol. XXXII. P. 53-75.
- Sims-Williams*, 1988 – *Sims-Williams, N.* Baršabbā // *Encyclopædia Iranica*. Volume III/8: Bardesanes–Bayhaqī, Ṣahīr-al-Dīn. London and New York: Routledge & Kegan Paul, 1988. P. 823.
- Whitcomb*, 1985 – *Whitcomb D.S.* Before the Roses and Nightingales, Excavations at Qasr-i Abu Nasr, Old Shiraz. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1985. 270 p.
- Wilkinson*, 1974 – *Wilkinson C.K.* Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1974. 420 p.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ТУРКМЕНИСТАНА

Э. А. Мурадова

Резюме. В статье дан обзор большого массива археологического материала, который позволяет не только пополнить источниковедческую базу, но и пересмотреть уже устоявшиеся научные положения, обновив концепцию древней истории Туркменистана.

Ключевые слова: Центральная Азия, Туркменистан, Мургабский оазис, Копетдаг, ранний железный век, ЮТАКЭ.

Summary. The article provides an overview of a large array of archaeological material, which made it possible not only to replenish the source base, but also to revise the already established scientific provisions, updating the concept of the ancient history of Turkmenistan.

Key words: Central Asia, Turkmenistan, Murgab oasis, Kopet Dag, Early Iron Age, YuTAKE.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-146-160

Бронзовая индустрия, распространившаяся на рубеже III и II тыс. до н.э. в Малой Азии, Сирии, Палестине, Кипре и Крите, достигла своего апогея во II тыс. до н.э. К этому времени относится открытие сыродутного процесса, позволившего получить железо, которое не встречается в природе в чистом виде. Появление железных изделий, постепенно вытесняющих предметы из других металлов, а также распространение железной индустрии определяет эпоху раннежелезного века (далее – РЖВ). Данные «письменных источников не подтверждают предложенную исследователями гипотезу о повсеместном переходе к производству железа на всем Древнем Востоке в результате политико-экономического кризиса на рубеже XIII–XII вв. до н.э.» (Медведская, 2012. С. 242).

В более ранних исследованиях внедрение железа связывалось с появлением или с вторжением нового народа, либо с распространением технических инноваций «после уничтожения хеттской монополии на производство железа, произошедшего после крушения Хеттского царства около 1200 г. до н.э.» (Медведская, 2012. С. 225). И.Н. Медведская считает эту теорию устаревшей.

Исследования 1970-1980-х гг., базировавшиеся на привлечении письменных источников и археологических материалов, позволили рассматривать начало освоения металлургии железа на Древнем Востоке как единый процесс, включающий определённые закономерности, характерные для всего региона (Медведская, 2012. С. 225). И.Н. Медведская

указывает на то, что накопление определённых навыков производства и обработки железа в эпоху бронзы не привело к наступлению железного века до тех пор, пока железо не стало потребностью хозяйственной деятельности (Медведская, 2011. С. 8).

Железо проникло в Центральную Азию из Южного Копетдага, где известны месторождения и залежи гематита. Начало производства железа может быть датировано временем не ранее чем X в. до н.э., а IX–VIII вв. до н.э. – время его массового распространения. В ассирийских письменных источниках расцвет производства железа относится к IX в. до н.э. (Медведская, 2011. С. 10). К середине XX в. относится принятие постулата о времени (IX–VIII вв. до н.э.) массового внедрения железных орудий труда на Ближнем Востоке. Эта дата и была принята исследователями (Массон, 1959).

Впервые на территории Туркменистана археологические памятники, относящиеся к РЖВ, открыты в результате раскопок южного холма Анау, позволивших выделить комплекс Анау IV. Ещё нет единой точки зрения о времени начала РЖВ в Средней Азии (Массон, 1966; Сарияниди, Кошеленко, 1985. С. 179-180; Аскарлов, Альбаум, 1979). На основании свода древнейших находок железных предметов на этой территории начало РЖВ в регионе предлагается относить к IX в. до н.э., а повсеместное распространение железных изделий – к VI в. до н.э. (Сагдуллаев, 1982. С. 229-234).

Наиболее устоявшаяся и традиционно принятая хронология памятников РЖВ в Центральной Азии

Рис. 1. Городище Яз-депе. Фото Р.Г. Мурадова, 2007.

– первая треть I тыс. до н.э. (Массон, 2006. С. 100). Появление и распространение железных орудий в первой трети и середине I тыс. до н.э. на юге Средней Азии привело к кардинальным экономическим и культурным изменениям. И.М. Дьяконов писал: «Высокая земледельческая культура с постепенным переходом от бронзы к железу известна: в древней Гиркании (причем не только в долинах Горгана и Атрека, но и в ныне бесплодной Дахистанской низменности к северу от Атрека), на севере Парфии (крепость Елькен-депе, Анау IV), вероятно в Харии, безусловно в Маргиане (культура Яз I, около 900-650 гг. до н.э., затем культура Яз II, около 650-500 гг. до н.э.)» (Дьяконов, 1971. С. 132-133).

Существование в Южном Туркменистане двух резко различных культурных комплексов – культуры типа Яз в долине Мургаба (Массон, 1959) и подгорной полосе Копетдага (Гутлыев, *Заднепровский*, 1985; Пилипко, 1975, 1984, 1986, 1991, 2005, 2011, 2012, 2012а, 2015) и культуры архаического Дахистана (Массон, 1952, 1953, 1954, 1956, 1956а, 1957, 1958, 1959; Мурадова, 1991, 2010, 2013, 2016, 2019, 2021, 2021а; Леконт, 2001; Lecomte, 1999, 1999а, 1999b., 2001, 2005, 2009; Cordoba, 2011, 2011а) на юго-западе, синхронных и относящихся к одному историческому периоду, свидетельствует о разных линиях развития культур, находящихся в двух географических зонах.

К истории изучения памятников раннежелезного века Мургабского оазиса и подгорной полосы Копетдага. Наиболее изученные памятники РЖВ находятся в древней дельте Мургаба и подгорной полосе Копетдага. В начале XX в. экспедицией Р. Пампелли в долине Мургаба были открыты первые памятники этого времени (Яз-депе, Аравали-депе, Койне-депе, Уч-депе) (Huntington, 1908). Эти памятники неоднократно обследовались и позже (Ершов, 1956). В 1904 г. в верхних горизонтах южного холма Анау, находящегося в

подгорной полосе Копетдага, впервые найдены слои с материалами эпохи железа. Основную толщу культурных напластований южного холма Анау составляли слои бронзового века (Анау III), перекрывавшиеся слоями периода запустения. После этого периода построено более позднее поселение эпохи железа (Анау IV). В культурных слоях, относящихся к эпохе железа, найдены металлические орудия, связанные с земледелием. Это фрагменты железных серпов, подвергнутых окислению, являющиеся доказательством их использования. Впервые найдены доказательства использования заклёпок на рукояти земледельческого орудия труда, изготовленного из железа. Металлические изделия были представлены бронзовыми трёхгранными наконечниками стрел и фрагментами ножа из железа. «Согласно Геродоту, кочевники этого района не имели железа до V в. до н.э.» (Pumpelly, 1908. Р. 49; Hiebert, *Kurbansakhatov*, 2003. Р. 25-28). А.А. Марущенко, корректируя хронологию, данную Р. Пампелли, отмечает, что верхние слои Анау относятся к «ранне-историческому периоду, совпадающему по времени с эпохой мидян и Ахеменидов в Иране (VII-IV вв. до н.э.)» (Марущенко, 1939. С. 101). Создание ЮТАКЭ в 1946 г. отразилось на археологическом изучении памятников, находящихся в Мургабском оазисе и подгорной полосе Копетдага (Куфтин, 1956. С. 260-290). Наблюдается целенаправленное их выявление с последующим планомерным научным исследованием. Результаты этих работ отражены в многочисленных публикациях.

Широкомасштабные работы (разведочное обследование и раскопки) были осуществлены в 1954-1956 гг. в Мургабском оазисе (Массон, 1959). В результате стратиграфических исследований на Яз-депе (Рис. 1) установлена археологическая периодизация раннего железного века: Яз-депе I - 900-650 гг. до н.э.; Яз-депе II - 650-450 гг. до н.э.; Яз-депе III- 450-350 гг. до н.э. (Массон, 1959. С. 48).

На поселении Яз-депе на раскопе III вскрыта жилища архитектура – остатки трёх домов и переулков. Строительным материалом служил сырцовый кирпич с примесью самана размером 53 × 28-29 × 12-13 см (Массон, 1959. С. 69-70). В южной части цитадели Яз-депе частично раскопано здание общественного назначения (дворец или храм). Цитадель была сооружена на мощной платформе из сырцового кирпича (Массон, 1959. С. 73-74). Фрагмент железного топора из слоя Яз II, шесть аналогичных топоров и железное тесло из слоя Яз III относятся к орудиям труда земледельцев, свидетельствуя не только о развитии земледелия, но и использовании железа в металлургическом производстве (Массон, 1959. С. 40-41). Яздепинский и Аравалийский оазисы орошались водами двух крупных магистральных каналов (Массон, 1959. С. 67-68).

В 1970-х гг. севернее Яз-депе открыты целые оазисы (Таипский, Учдепинский, Аравалинский) поселений, расположенные вдоль высохших русел и протоков Мургаба, относящиеся к бронзовому и раннежелезному веку (Масимов, 1979; 1982. С. 20-33). На поселении Уч-депе 10, являвшимся одним из крупных поселений времени Яз I, выявлены материалы, датированные, на основании аналогий с другими памятниками среднеазиатского региона, IX-началом VII в. до н.э. (Масимов, 1979. С. 82-83; Масимов, 1982. - С. 20-33; Масимов, Удеумуратов, 1984. С. 12-27; Ляпин, 1990; Удеумуратов, 1993).

Географическое расположение, а именно местонахождение Елькен-депе между Намазга-депе на востоке и Хосров-кала на западе, предопределяло его историческое место в наиболее богатой водою части Этекского оазиса, орошаемой горной речкой Казган-чай. По мнению А.А. Марущенко, Елькен-депе является «древнейшим укрепленным городищем не только Туркменистана, но и всей Средней Азии» (Марущенко, 1959. С. 54). Раскопки городища Елькен-депе выявили три стратиграфических горизонта (ЕД I, II, III), хронологически относящихся соответственно к трём периодам: вторая половина II тыс. до н.э.; конец II – начало I тыс. до н.э. или к XII-VII вв. до н.э.; VI-IV вв. до н.э. (Марущенко, 1959. С. 59-69; Дурдыев, 1959. С. 11).

В 1966 г. в городской части Елькен-депе, в 20 м к западу от цитадели расширена траншея, мощность культурных напластований которой составила 6 м, разделённая на пять строительных горизонтов. Уточнена хронологическая шкала Елькен-депе (Качурис, 1967). На Елькен-депе наблюдается непрерывная линия развития древнеземледельческой культуры с эпохи поздней бронзы до РЖВ II. О керамическом производстве раннежелезного века свидетельствует раскопанный гончарный горн около Елькен-депе (Пилипко, 1991. С. 70-73).

В систему крупных поселений древних земледельцев предгорной полосы Копетдага входит Улуг-депе (Яссы-депе), расположенный в 4 км южнее станции Душак Каахкинского этрапа Ахалского велаята. Холм высотой более 30 м, общей площадью около 20 га вытянут с востока на запад. В конце 1960 – начале 1970-х гг. на Улуг-депе исследовались слои РЖВ (Сарианиди, 1969, 1971, 1972; Сариани-

ди, Качурис, 1968). Были изучены керамические печи для обжига глиняной посуды, характеризующие уровень древнего гончарного производства.

На территории Каахкинского этрапа на расстоянии 3 км севернее средневекового городища Чугундор находится Ясы-депе, открытое в 1967 г. в результате маршрутного исследования. Холм высотой более 4 м имеет прямоугольную форму и ориентирован по сторонам света. В 1969 г. в южной части холма был заложен шурф (3 × 2 м) (Гутлыев, 1970. С. 64-71). Толщина культурных напластований шурфа составила 4,5 м. Стратиграфическими исследованиями выявлено четыре строительных горизонта. На основании сравнительного анализа керамического комплекса и аналогий керамики, найденной на Елькен-депе (подгорная полоса Копетдага), Яз-депе (Маргиана) и Чуст (Фергана), Ясы-депе датировано первой половиной I тыс. до н.э. (Гутлыев, 1970. С. 64-71).

В 1971 г. с целью определения продолжительности существования поселения Ясы-депе, в центре холма был заложен стратиграфический шурф, мощность культурных напластований которого составила 6,8 м. В верхнем горизонте, под полуметровым рыхлым культурным слоем, зафиксирована платформа из пахсы и сырцового кирпича толщиной до 1,5 м, относящаяся к последнему периоду существования поселения, т.е. к периоду Яз III. Нижние горизонты представлены материалами разрушений, угольками, зольными и рыхлыми красными слоями с фрагментами керамики, изготовленной на гончарном круге. Керамика самых нижних слоёв имеет отличительные особенности. Она расписная и изготовлена вручную. Весь керамический материал, разделённый на три комплекса, свидетельствует о существовании поселения, начиная с периода Яз I до Яз III. Получена стратиграфия поселения эпохи раннего железа в подгорной полосе, характеризующая локальное своеобразие. Новые поселения возникают на ранее необжитых местах. Это подтверждается выявлением материкового слоя под культурными слоями раннежелезного века (Гутлыев, 1977. С. 18-24).

В 4 км южнее железнодорожной станции Гяурс, на ровном такыре находится поселение Яшиллы-депе, представленное в виде холма, вытянутого с запада на восток, высотой около 6 м, площадью примерно 3 га. В 1930 г. и 1950 г. этот памятник был обследован С.А. Ершовым, а в 1967 г. А.Я. Щетенко заложил шурф, двухметровые культурные слои которого дали материал типа Яз II и Яз III (Щетенко, 1968). Новый этап археологических исследований отмечается в 1970-х гг. На поселении раскопано 12 небольших помещений, находящихся на площади 160 кв.м (Гутлыев, Заднепровский, 1985. С. 45). Шурфовка центральной части холма выявила культурные слои мощностью 7,5 м. Выделено три стратиграфических горизонта. Первый и второй горизонты разделяет слой песка, а второй и третий - галечный слой. Только в первом стратиграфическом горизонте сохранилась сырцовая стена высотой 1,75 м. В двух других горизонтах зафиксированы культурные слои. В восточной

части раскопа, находящегося в северо-восточной части поселения Яшиллы-депе, выявлены остатки постройки, получившей название «зелёный дом». Квадратный в плане (7 × 7 м) дом, ориентированный по сторонам света, сложен из пахсовых блоков зелёной глины размером 40 × 60 см. Верхняя часть стен имеет кирпичи размером 32 × 31 × 10 см. Толщина стен – 60-79 см, при высоте 1 м. Белая известковая штукатурка частично сохранилась на стенах. Внутри здания расположено 6 помещений. На полу центральной части здания сооружён культовый очаг-алтарь размером 1,8 × 1,4 м, высотой 0,4 м, сложенный из сырцовых кирпичей. Это общинное святилище, имеющее культовое назначение, отнесено к периоду Яшиллы II, эпохе РЖВ VIII - VI в. до н.э. (Гутлыев, Заднепровский, 1985. С. 46).

Сравнительный анализ лепной, расписной и гончарной керамики всех трёх стратиграфических горизонтов и керамики Елькен-депе, Ясы-депе, Овадан-депе, Улуг-депе, Тилля-тепе (Афганистан), Джаркутан (Узбекистан) позволил датировать Яшиллы I - XII-IX вв. до н.э.; Яшиллы II – VIII - началом VI в. до н.э.; Яшиллы III – концом VI-началом IV в. до н.э. (Гутлыев, 1980).

В 1,5 км к северо-западу от посёлка Душак Каахкинского района расположено поселение Гараой-депе, впервые обнаруженное в 1970 г. Герксюрским отрядом Института археологии АН СССР, возглавляемым В.И. Сарияниди. На этом поселении были проведены археологические исследования. Было осуществлено вскрытие первого и второго строительных периодов. При строительстве использовались сырцовые кирпичи и пахса. Пахсовые стены имели алебастровую штукатурку. Сырцовые стены покрывались глиняной обмазкой. Прослежено несколько уровней полов, обмазаны глиной с примесью соломы (Гутлыев, 1982). Культурные напластования мощностью более 4-х м, выявленные в стратиграфическом шурфе, позволили проследить последовательное развитие поселения, начиная с периода Яз I до Яз III. В период Яз III отмечается продолжительность жизни на поселении (Гутлыев, 1984. С. 30). Сравнительный анализ керамических комплексов Гараой-депе и синхронных памятников подгорной полосы Копетдага, низовий Мургаба, Тилля-тепе (Афганистан) позволил датировать ранний этап существования поселения Гараой-депе концом XI в. до н.э. (Гутлыев, 1982. С.43).

В подгорной полосе Копетдага, на территории от Гызыларбата до Чаача археологическими исследованиями выявлено примерно 100 древних поселений, относящихся к началу или середине I тыс. до н.э. (Пилипко, 1986. С. 8; 2015. С. 324).

На памятниках Дашлинского оазиса, расположенных к северу от Каушута прослеживаются отдельные этапы эпохи раннего железа, что позволило выявить независимую стратиграфическую колонку археологических комплексов раннего железного века Этека (РЖВЭ) I, II, III (Пилипко, 1986. С.8-18; 2015. С. 324).

Для первого периода – РЖВЭ-I (X-VIII вв. до н.э.) – характерны поселения с плотной застройкой

площадью 1-4 га (поселения либо сближены, либо рассредоточены). Малые изолированные усадьбы встречаются в небольшом количестве. К поселению протогородского типа относится Елькен-депе. При строительстве использовалась пахса и сырцовый кирпич прямоугольной формы. Наличие бронзовых двухлопастных черешковых и втульчатых наконечников стрел – существенный элемент комплекса.

Во втором периоде – РЖВЭ-II (VII-VI вв. до н.э.) прослеживается преемственная связь с предыдущим комплексом. Продолжается изготовление крупных горшкообразных сосудов с шамотом в тесте и лепных ангобированных чаш. Отличием является исчезновение расписной керамики и значительное увеличение количества круговой. При сохранении традиционных для данной культуры корчаг и тюльпановидных кубков, ведущей формой становятся банкообразные цилиндрико-конические сосуды. Отмечается появление хумов, конических крышек, биконических подставок. В комплекс находок входят бронзовые втульчатые лавролистные наконечники стрел.

Третий период – РЖВЭ-III (V-IV вв. до н.э.) характеризуется исчезновением лепных изделий, за исключением котлов, жаровен и хумов с хорошим качеством черепка без примесей. Практически полностью исчезает черноглиняная керамика, но появляется лощеная с плотным красным черепком. Преобладают изолированные усадьбы и рассредоточенные поселения, расположенные на холмах. Жилые постройки, прямоугольные и круглые в плане, укреплены полуовальными и прямоугольными башнями. Единственное поселение городского типа – Елькен-депе. Среди наконечников стрел широкое распространение получают трехперые втульчатые.

Характеристика всех трёх периодов (РЖВЭ I-III) свидетельствует о преемственной линии развития культуры этого региона, традициях и инновациях, имевших место в РЖВ и прогрессивно отражавшихся в историческом процессе. Изучение краниологического материала, полученного в результате проведённых археологических раскопок одного из поселений Дашлинского оазиса и Яшиллы-депе (IX-VIII вв. до н.э.), выявляет для эпохи раннего железа «преемственность антропологического типа от более древних» (Бабаков, 1988. С. 14).

В 1997 г. туркмено-американская археологическая экспедиция проводила работы на северном холме Анау (Hiebert, Kurbansakhatov, 2003). С 2001 г. Французской археологической миссией, возглавляемой О. Леконтом и Х. Бендесу-Сармиенто, планомерно проводятся широкомасштабные, археологические раскопки крупного памятника Улуг-депе, расположенного южнее посёлка Душак, в предгорьях Копетдага. Слои раннежелезного века были выявлены и исследованы на Улуг-депе в 2004 и 2008 гг. (Boucharlat et al., 2005; Lecomte, 2011, 2013).

Последовательная линия развития культур выявлена в траншее 23, где стратиграфически документировано продолжение культурных слоёв

эпохи бронзы и раннего железа: слои Яз I лежат прямо на слоях бронзы (*Bendezu-Sarmiento, Lhuiller*, 2011. P. 240).

В 2005 г. на южном холме Анау были проведены археологические раскопки под руководством Фредрика Хиберта (США) и Овеза Гундогдыева (Туркменистан) (*Хиберт и др.*, 2005). В результате археологических исследований выявлены новые материалы, которые подтвердили особенности строительной техники в эпоху бронзы и раннего железного века. В культурных слоях, относящихся ко II тыс. до н.э. обнаружены зёрна белой пшеницы и ячменя (*Huntington*, 1908 P. 176-177).

В 57 км северо-западнее Ашхабада расположено поселение раннежелезного века Гарры-Кяриз I. Впервые этот памятник в 1951 г. обследовал А.А. Марущенко, датировавший его поздней стадией культуры Анау IV. В 1960-1970-х гг. В.Н. Пилипко проведены стратиграфические и разведывательные исследования (*Пилипко*, 1975). Круглое в плане сооружение, состоящее из 4-х параллельно расположенных, прямоугольных в плане помещений и обводного коридора, имеет восемь радиально расположенных полуовальных башен. Выделены три периода в истории функционирования постройки, возведенной из сырцового кирпича, изготовленного из супеси с обильной примесью соломы. Вся керамика была разделена им на 4 фактурные группы. К первой группе отнесена станковая керамика с красно-коричневым цветом черепка в изломе, внешняя поверхность которой имеет светло-серый, белый, жёлтый цвета или цвета черепка. Характерные формы – хумы, корчаги, горшки средних размеров, мелкие столовые горшочки, кружки, кувшины, цилиндрико-конические банкообразные сосуды, чашевидные сосуды в виде шарового сегмента, чаши и миски с бортиком, подставки, конические и полусферические крышки, чайники (*Пилипко*, 1984. С. 35-47). Вторая группа представлена кухонной керамикой ручной выделки, представленной котлами, жаровнями и тазами. Третья группа, имеющая плотный красноглиняный черепок, состоит из фрагментов горшков, кувшинов и чаш. Полностью восстановленные чаши, имеющие плоское дно, почти прямые конические стенки, отличаются профилировкой венчика («двурогий» венчик). Все чаши на центральной внешней поверхности тулова имеют врезанные полосы (одну, две или три) (*Пилипко*, 1984. С. 50). Самой многочисленной является керамика четвёртой группы, черноглиняная, представленная фрагментами стенок и венчиков, среди которых выделяются высокое цилиндрическое горло кувшина и фрагмент стенки трипода с частично сохранившейся ножкой (*Пилипко*, 1984. С. 50). Керамика Гарры-кяриз I находит близкие параллели в комплексе Анау IV и Елькен-депе III (*Пилипко*, 1984. С. 55). Анализ архитектурных особенностей постройки и керамики позволяет датировать памятник VII-IV вв. до н.э. (*Пилипко*, 1984. С. 51-57). Находки на Гарры-кяриз I сероглиняных чаш на трёх ножках, полусферических чаш с горизонтальной ручкой, чайников свидетельствуют о культурных влияниях и связях с культурой архаического Да-

хистана, распространённой на территории Юго-Западного Туркменистана.

В 50 км северо-западнее Ашхабада в селе Исбирден находится холм Хырлы-депе, имевший высоту около 4-5 м. Овальный, вытянутый с юго-запада на северо-восток холм (размеры по основанию – 87 × 64 м) сильно повреждён техникой и земляными работами. В 1980-х гг. В.Н. Пилипко провёл разведывательные работы на Хырлы-депе. Стратиграфическими исследованиями в северо-восточной части холма выявлено 4 периода функционирования поселения, представленные керамическими комплексами Хырлы-I, Хырлы-II, Хырлы-III и Хырлы-IV. В.Н. Пилипко выделил для территории Ахала два крупных хронологических комплекса, соответствующих периодам РЖВ-II (VII-VI вв. до н.э.) и РЖВ-III (V-IV вв. до н.э.) (*Пилипко*, 2005. С. 57-80; *Pilipko*, 2012. P. 110-112). Раскопки Хырлы-депе позволили расширить ареал распространения культуры архаического Дахистана и установить самый восточный (в пределах Туркменистана) памятник с керамикой культуры архаического Дахистана.

Рассматривая материальную культуру памятников Ахала, В.Н. Пилипко пришёл к выводу, что культурные комплексы этого региона демонстрируют архаичные особенности периода Ахеменидов и показывают почти полное отсутствие греческого влияния. Он пишет о том, что в материальной культуре этой территории прослеживается влияние гирканской культуры (*Pilipko*, 2012. P. 116). Чиле-депе находится в нескольких сотнях метров южнее железнодорожной дороги, проходящей через станцию Бама (на её западной окраине). Холм имеет форму усеченного конуса с основанием 90 × 80 м, высотой около 12 м. Этот холм обследовал А.А. Марущенко в октябре 1951 г. и В.Н. Пилипко в 1970 и 1983 г. В 1986 г. Э.А. Мурадова и В.Ю. Вдовин провели стратиграфические исследования (*Вдовин, Мурадова*, 1993. С. 29-47).

В верхней части поселения заложен стратиграфический раскоп размером 7 × 5 м, доведенный до материка. На глубине 4 м его площадь сокращена до 15 кв.м, а на отметке 10 м – до 3 кв.м. Общая глубина раскопа – 10,75 м. Материковые слои (XXII-XXI ярусы) представлены крупным гравием, ниже которых шел речной светло-желтый песок. В раскопе установлено 11 стратиграфических горизонтов. В стратиграфическом раскопе (7 × 5 м), заложенном в верхней части Чиледепе, установлено и исследовано 11 стратиграфических горизонтов. Мощност культурных напластований составила 10,75 м. Проведён типологический и сравнительный анализ керамики культурных наслоений 11 горизонтов. Выявленные технологические и типологические изменения керамических комплексов свидетельствуют о динамике исторического развития поселения.

На основании аналогий керамический комплекс I – VII горизонтов Чиле-депе (Чиле I) датирован X-VIII вв. до н.э. В стратифицированном керамическом комплексе VIII-X горизонтов Чиле-депе присутствуют типичные формы керамики архаическо-

го Дахистана. В этих горизонтах найдены и цилиндрические сосуды, которые существовали в период Яз I и Яз II. Они сосуществуют с комплексом керамики культуры архаического Дахистана. Элементы цилиндрических сосудов времени Яз I и Яз II (валик, рельефная полоса, подкос) имеются на цилиндрических сосудах Чиле-депе, но при этом они своеобразны, свидетельствуя о локальном проявлении. Корчаги из IX горизонта находят соответствия в комплексе керамики Яз II. Сопоставления позволяют датировать керамический комплекс VIII-X горизонтов Чиле-депе (Чиле II) VII-V вв. до н.э. Стратиграфические исследования на Чиле-депе свидетельствуют о том, что это поселение в раннем железном веке являлось контактной зоной двух культур – культуры Яз и культуры архаического Дахистана.

Распространение керамики культуры архаического Дахистана в подгорной полосе Копетдага (Гарры-кяриз, Хырлы-депе, Чиле-депе), видимо, следует связывать с миграцией части дахистанских племен на восток. В письменных, средневековых источниках упоминаются многочисленные селения, расположенные в подгорной полосе Копетдага. От горной гряды, расположенной около Новой Нисы, в сторону Геокдепе тянется цепочка сохранившихся высохших кяризов, снабжавших когда-то водой, являющейся источником жизни, всю округу. Южнее и севернее Парыз-депе прослеживаются следы русел каналов, использовавшихся в исторические времена. Природный и историко-культурный ландшафт свидетельствует о многотысячелетней истории этого памятника, расположенного на Великом Шёлковом пути. Начиная с V тыс. до н.э. до позднего средневековья, прослеживается непрерывная, преемственная линия исторического развития на Парыз-депе. Об этом свидетельствуют, как подъёмный материал, представленный многочисленными фрагментами керамической посуды, так археологические и стратиграфические исследования, осуществленные в 1980-е гг. В.Н. Пилипко (Пилипко, 2012. С. 145-147; 2012а. С. 304-311).

С 2016 г. Институт истории и археологии АНТ исследует многослойный археологический памятник Парыз-депе (V тыс. до н.э. – XIV в. н.э.), расположенный в Геокдепинском этрапе Ахалского велаята (Бердыев, Ягшимурадов, 2019. С. 68-144). Городище Парыз-депе состояло из внутренней крепости (ци-тадель), шахристана и пригорода (рабат). При рекогносцировочном обследовании основного массива поселения Парыз-депе найдены фрагменты керамических сосудов, относящихся к РЖВ. К ним относятся фрагмент сероглиняной чаши с желобчатым сливом, фрагменты сероглиняных, светлоглиняных и красноглиняных чаш, характерных для керамического комплекса культуры архаического Дахистана.

В результате археологических работ на цитадели Парыз-депе найден фрагмент красноглиняной чаши с горизонтальной ручкой, типичный для керамики архаического Дахистана. Археологические исследования на Парыз-депе позволяют

проследить миграционные волны, происходившие в эпоху раннего железа и оказывавшие существенное влияние на материальную культуру автохтонного населения.

Изучение столичного центра Северной Парфии поселения Елькен-депе (Марущенко, 1959. С. 54-109) и памятников Мургабского оазиса (Массон, 1959) внесло существенные коррективы в исследование культуры РЖВ юга Туркменистана.

Целенаправленное изучение материальной культуры Мургабского оазиса и подгорной полосы Копетдага, характеризуют устойчивую линию развития исторического процесса в РЖВ. Формируются поселения протогородского типа. Ирригационная система создавала стабильную экономику. В этот период совершенствуется система хозяйственного и политического управления обществом (Masson, Sarianidi, 1972. P. 112-136; Masson, 1984. С. 62).

Стратиграфическими исследованиями на поселении Яз-депе установлена периодизация культуры эпохи раннего железа (Яз I, II, III), ставшая эталонной для памятников не только Туркменистана, но и Средней Азии (Массон, 1956). Материальная культура изученных памятников Мургаба и подгорной полосы Копетдага не только расширяет границы распространения памятников раннежелезного века (Яз I-III), но и отражает местную земледельческую культуру доахеменидского времени и периода сложения Ахеменидского государства. «Новые исследования убедительно показали, что это была культура во многом единая для основных оседлых оазисов Средней Азии» (Массон, 1984. С. 6).

К истории археологического исследования памятников Юго-Западного Туркменистана. В истории археологического изучения территории Юго-Западного Туркменистана прослеживаются несколько этапов, связанных с историческими периодами, повлиявшими на состояние науки. Очень немногие путешественники посетили Дехистан. В 1865 г. венгерский путешественник Арминий Вамбери, наряду с группой дервишей, пересекал равнину на пути в Хиву. Он писал о том, что из-за полного отсутствия колодцев и воды, караваны избегали проходить через эту некогда плодородную равнину, превратившуюся в пустыню (Vámbéry, 1864). Несмотря на одиночество и усталость, он очень красочно описывает Мисрианский такыр. В его интересной книге есть описание некоторых историко-культурных памятников Мисриана, располагавшихся на пути его следования в Хиву (Vámbéry, 1864).

В конце XIX в. в «Туркестанских ведомостях» появилось сообщение об открытии развалин древних городов Мешед-и-Мисриан в Туркмении. Дано описание города (Венюков, 1876. С. 31). Мешед получил название города мёртвых. Машат-Ата, как он зафиксирован в научных изданиях XX-XXI вв., является кладбищем, на территории которого находятся полуразрушенные безымянные мавзолеи и мечеть (Пугаченкова, 1958. С. 292 - 299). О памятниках более раннего времени в ведомостях не сообщалось. В конце 1929 г. М.Е. Массон обследовал долину Сумба-

ра – правого притока Атрека. Он добыл первые сведения о памятниках эпохи бронзы и раннего железа этой области (Массон, 1931. С. 53-56).

Аналогичные памятники открыты и обследованы в подгорной полосе Копетдага и на территории Мисрианской равнины в 1930 г. А.А. Марущенко, который назвал их «культурой Мадау» (Марущенко, 1930; 1935). О состоявшейся маршрутной поездке 1930-х гг. сохранилась заметка, где показаны направления обследования территории древнего Мешед-Мисрианского оазиса (Ершов, 1931. С. 55). Отмечен период освоения этого оазиса «в домусульманское время (VII в. до н.э. – VIII в. н.э.). Его экономической базой было, главным образом, земледелие, основанное на чрезвычайно сильно развитой лиманной системе орошения. Центром оазиса был город Мешед-и Мисриан...» (Ершов, 1931. С. 55). Обращает на себя внимание не только скудный характер сообщения, а и ограниченный во времени диапазон истории заселения Мисрианского оазиса. Относительно характера орошения был сделан преждевременный, необоснованный вывод. Последующие палеогеографические исследования показали существование в этом оазисе высокоразвитой, искусственной системы орошения (Кесь, Лисицына, 1975. С. 118-135). По всей вероятности, эта поездка была очень кратковременной и не охватила всей территории Мисрианского оазиса и Чатского земельного массива.

В 1939 г. А.А. Марущенко, обобщая и анализируя результаты работ на холме Анау, внёс изменения в хронологию, данную Р. Пампелли, и предложил считать конец II – начало I тыс. до н.э. началом железной эпохи. «...Возникают новые земледельческие культуры на Сумбаре, Чендыре и Атреке (Мадау)» (Марущенко, 1939. С. 101).

В 1929-1939 гг. все исследования носили рекогносцировочный характер. Постепенно накапливались сведения о памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Юго-Западного Туркменистана.

Новый цикл работ в археологическом изучении памятников первобытной эпохи, античности и средневековья, находящихся в Юго-Западном Туркменистане, связан с созданием ЮТАКЭ в 1946 г. Проводились археологические исследования, связанные с уточнением периодизации истории Туркменистана. В 1947 г. X отряд ЮТАКЭ, возглавлявшийся М.Е. Массоном, впервые обнаружил остатки двух поселений архаического Дахистана – Тангсикыльджа и Чиглык-депе (Чиалык-депе) (Массон, 1951. С. 21). В 1948 г. поселения Мадау-депе, Тангсикыльджа и Чиглык-депе (Чиалык-депе) обследованы отрядом Б.А. Литвинского (Массон, 1955. С.197). В 1950 г. отрядом ЮТАКЭ, руководимым А.А. Росляковым, открыто и обследовано крупное архаическое поселение Изат-кули, находящееся севернее Этрека (Массон, 1955. С. 210).

В 1951-1953 гг. X отрядом ЮТАКЭ под руководством В.М. Массона проведены археологические исследования по изучению культуры архаического Дахистана на территории Мисрианской равнины и в западных районах подгорной полосы

Копетдага (Массон, 1953. С. 4; 1954. С. 3-7; 1956; Атагарриев, Бердыев, 1967; Atagarryev, Berdyev, 1970; Атагарриев, Овезов, 1974. С. 29-30). В 1953 г. в западной части основного массива поселения Мадау-депе В.М. Массон заложил стратиграфический шурф (Массон, 1956), мощность культурных напластований которого составила 7 м. Помещения верхнего яруса уничтожены дефляцией. Сохранилась только вымостка – платформа из сырцового кирпича. Ниже, в шурфе зафиксировано три строительных комплекса, последовательно построенных друг над другом. Прямо на материке было построено здание первого строительного комплекса. Сохранность стен помещений 1-2 м. При возведении новых построек стены нижних зданий заравнивались. Отмечается применение крупноформатного сырцового кирпича.

Учитывая непрерывность возведения зданий и стратиграфические соответствия с другими местами поселения, В.М. Массон установил пять строительных периодов, имевших место за время существования поселения. Культурные слои основного массива поселения Мадау-депе уходят на глубину 2,5 м ниже современной окружающей поверхности – яркое свидетельство процесса аккумуляции. Яркий и характерный керамический комплекс, представленный в шурфе, представлен сероглиняными, красноглиняными сосудами, также сосудами с дресвой и шамотом в тесте. Ведущие формы – чаши на трех ножках, кувшины, банкообразные сосуды, сосуды со сливами (Массон, 1956. С. 409- 420).

В результате раскопок валов, находящихся на Мисрианской равнине, установлено существование развитой системы каналов – основы древнего орошения (Массон, 1954, 1969). Изучением археологических объектов и прилегающих к ним древних русел и каналов на Мисрианской равнине установлены три хронологические группы памятников, соответствующие трём площадям освоения равнины культурой земледелия.

Самая древняя земледельческая культура Юго-Восточного Прикаспия, названная культурой архаического Дахистана и относящаяся к I площади освоения, занимала территорию на юге и юго-востоке Мисрианской равнины (Массон, 1956. С. 388; Masson, Sarianidi, 1972. С. 155-158).

В 1952 г. А.Ф. Ганялин обследовал археологические памятники горных районов Северо-Западного Копетдага (Атагарриев, Бердыев, 1967. С. 124-141; Atagarryev, Berdyev, 1970. С. 285-306) и пришёл к выводу о существовании «культуры типа иранского Гюргена» (Ганялин, 1953. С.17). В заключении он пишет о том, что «в конце II или начале I тыс. до н.э. западные районы Северо-Западного Копетдага осваиваются культурой Мадау, отмеченной для Североатректской степи» (Ганялин, 1953. С.19).

Археологические исследования конца XX в. дают основание рассмотреть этот вопрос в свете новых археологических данных. Выявленные и исследованные археологические комплексы Пархайского и Сумбарского могильников, поселения Пархай-депе (Хлопин, 1975, 1983, 1997, 2002) подтверждают

освоение этой территории с эпохи энеолита. Наблюдается непрерывная линия развития культур, начиная с эпохи энеолита до раннего железного века. Рекогносцировочное обследование Чендырской долины даёт ту же историческую картину (Муродова, 2016).

В 1953 г. А.Ф. Ганялин проводил раскопки на поселении Койне-кала у селения Беурме Бахарденского района, в подгорной полосе Северо-Западного Копетдага, относящемся к эпохе поздней бронзы и раннего железа. Имеется сообщение о наличии в слое керамики как типа Анау IV (или кроющего слоя городища Елькен-тепе), так и архаического Дахистана (типа Мадау) (Марущенко, 1956. С.6). Находки фрагментов керамики архаического Дахистана на этом поселении отмечает и В.М. Массон (Массон, 1956. С. 423). В 1958 г. результатом обследования памятников этрапа Махтумкули (бывш. Каракалинский район) XIV отрядом ЮТАКЭ явилось обнаружение культуры архаического Дахистана на Дузлы-депе (Массон, 1958. С. 2).

Освещая итоги археологических работ, проведённых отрядами Института истории им. Ш.Батырова АН ТССР в 1959-1966 гг., О. Бердыев пишет о том, что «материалы мадауского типа встречены в нижних слоях Монджуклы-депе, Кемерли-депе, у Карры-кала и в верхнем слое Кизыл-Арватского селища» (Бердыев, 1971. С. 13).

Стратиграфический шурф размером 4 × 2 м, заложенный А.А. Марущенко в 1958 г. на Чингиз-депе, находящемся близ селения Парау, выявил культурные слои мощностью около 6 м, состоящие из 12 строительных горизонтов (Бердыев, 1971. С. 11). Шурф, заложенный в центре холма доведён до материка, находящегося на глубине 5,75 м. Уровень материка – на 3,75 м ниже окружающей поверхности, что свидетельствует о процессах аккумуляции. В трёх нижних комплексах, относящихся к переходному периоду от Анау I-Б к Анау II, впервые встречаются кости лошадей, которые затем продолжают встречаться во всех поздних слоях. Выше идет стерильная прослойка, образовавшаяся в результате перерыва в жизни поселения. В конце существования культуры Анау II это место было освоено новыми поселенцами, оставившими 8 строительных горизонтов, последовательно сменявших друг друга. В конце III тыс. до н.э. жизнь прекратилась и лишь в конце II тыс. до н.э. возродилась в последний раз. Кроющий слой поселения датирован «временем Мадау», соответствующим «позднему Теккему»¹. На последних этапах «позднего Теккема» жизнь на поселении существовала непродолжительное время. Подтверждением этому служит небольшой кроющий слой поселения, отделённый от нижележащих слоёв сырцовой платформой, возможно являвшейся фундаментом несохранившегося здания, функционировавшего на последних этапах жизни поселения. Использование фундамента при строительстве зданий или сооружений практиковалось в раннем железном

веке. Не является исключением и Чингиз-депе, где были найдены фрагменты керамики архаического Дахистана, в том числе и триподов (Массон, 1956. С. 423). Они являются свидетельством проникновения или частичной миграции населения из долин Чендыра и Сумбара, где этот тип сосудов является характерным для культуры архаического Дахистана, истоки которой уходят в позднюю бронзу. В раннем железном веке отмечается прогрессивное развитие культуры архаического Дахистана, отразившееся в материальной и духовной культуре автохтонного населения.

Планомерным изучением памятников архаической культуры, ирригации, древнего земледелия характеризуются 1947-1959 гг. Исследование принципов водоснабжения позволило установить искусственные каналы, характеризующие развитую ирригационную систему (Массон, 1969). В результате обобщения, сравнения и интерпретации материалов, полученных с поселений культуры архаического Дахистана, В.М. Массоном впервые дана характеристика этой культуры, обоснованы хронологические рамки её существования.

В 1969 г. на территории Мешед-Мисрианской равнины и Чатского массива совместными полевыми работами Западно-туркменского отряда по изучению истории земледелия, организованного Институтом археологии АН СССР и археологического отряда Института истории им. Ш.Батырова АН ТССР, обследовано и зарисовано 20 памятников, относящихся к поздней бронзе и РЖВ (Атагарриев, Лисицына, 1970. С. 166-183).

Из них на Тильки-депе – самом восточном пункте культуры архаического Дахистана на Мисрианской и Чатской равнинах и на поселениях Бенгуванского оазиса проведены комплексные исследования (Костюченко и др., 1972; Лисицына, Прищепенко, 1972). Стационарные палеогеографические и археологические исследования были проведены у поселения Тильки-депе на площади 13 кв.м (Лисицына, Прищепенко, 1972. С. 4-6). Поселение Тильки-депе расположено на землях древнего орошения с остатками ирригационных сооружений и участков полей. Древнедельтовые отложения, выявленные в двух шурфах, являются материковой породой. Поселение построено на естественном возвышении высотой не менее 1 м (Лисицына, Прищепенко, 1972. С. 4-6). Триподы – чаши на трех ножках, конические чаши, высокогорлые кувшины с ручками, кубки, крышки, ситечки с ручками, тагора, крупные миски, часто с ребристыми стенками, хумчи являются характерными формами керамики архаического Дахистана. Найдены и миниатюрные горшочки, чаши с горизонтальной ручкой, небольшие кубки, котловидные сосуды (Лисицына, Прищепенко, 1972. С. 6). Функционирование поселения относится к культуре архаического Дахистана. На Тильки-депе не обнаружено более ранних слоёв.

На поселении Чыглык-депе, находящемся в 31 км к северо-востоку от посёлка Этрек и имеющем центральное укрепление с усадьбами, сосредоточенными вокруг него, проведены стратиграфи-

¹ Марущенко А.А. Архив // Институт археологии АН СССР. Фонд 15. № 87. Л. 6-8.

ческие исследования (*Атагарриев, Лисицына, 1970. С. 169*). В результате раскопок 1970 г., проведённых Г. Гутлыевым, на поселении Чыглык-депе выявлена цитадель высотой 6 м, окруженная оборонительной стеной. Пространство между цитаделью и оборонительной стеной занимали жилые и хозяйственные постройки (*Гутлыев, 1972. С. 47-49*).

В 1971 г. археологическая экспедиция Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР и Института археологии АН СССР провела стратиграфические исследования на поселениях Геокчик-депе и Тангсыкыльджа, в результате которых получен керамический материал, типичный для культуры архаического Дахистана (*Атагарриев и др., 1977. С. 92-101*).

Результаты анализов металлических изделий, собранных в 1960-х гг. на поселениях Мадау-депе, Чыглык-депе, Изат-кули, Тильки-депе, впервые были получены в спектральной лаборатории Центрального научно-исследовательского института чёрных металлов им. И.П. Бардина (*Комаровская, Панарин, 1970. С.195-202*). Все исследованные образцы (оружие, орудия труда, сосуды и украшения) являются либо медными, либо бронзовыми. Исключением является квадратное в сечении железное шило с уплощённым черенком прямоугольного сечения из Чыглык-депе, которое повторяет форму бронзовых шильев, широко распространённых в степных районах Средней Азии в конце II – начале I тыс. до н.э. (*Комаровская, Панарин, 1970. С. 197*). Исследователи отмечают ведущий местный вариант орудий труда, не имеющих аналогов в материалах Гиссара и Шах-тепе (*Комаровская, Панарин, 1970. С. 197*). Сравнительный контрольный анализ химического состава металлических изделий Хака (Северо-Восточный Иран), Маргианы, Заман-баба, подгорной полосы Северного Копетдага, Ферганы и Дахистана установил главное – «набор металлических предметов с памятников Дахистана сопоставим только с металлами Хака и Маргианы» (*Комаровская, Панарин, 1970. С. 202*).

Однородность химических составов металлических изделий из Дахистана и Хакского клада подтверждает специфичность культуры в Юго-Западном Туркменистане в эпоху поздней бронзы и раннего железа, «более тяготеющей к Прикаспию, чем к Восточной Туркмении» (*Комаровская, Панарин, 1970. С. 202*). Отсутствие полиметаллических руд в Маргиане, подгорной зоне Северного Копетдага, Мисрианской и Чатской равнинах не исключает использования единого источника сырья, находящегося в Южном Копетдаге, где известны месторождения и залежи железа (*Андреев, Бушмакин, 1992. С. 36, 82-84*). На склонах Эригдага обнаружены фрагменты металлической руды.

Заселение Сумбарской долины произошло в эпоху энеолита (*Хлопин, 1997*). В окрестностях современного города Махтумкули (бывш. Кара-кала) обнаружено десять древних поселений и могильников, большинство из которых подверглось археологическому изучению. Культурные комплексы, выявленные в результате этих исследований, дают возможность проследить эволюцию суще-

ствования древнеземледельческих культур Юго-Западного Туркменистана с эпохи энеолита до эпохи поздней бронзы (*Хлопин, 1975, 1983, 1997, 2002*). Источником информации для характеристики выделенных периодов явились Пархайский и Сумбарский могильники. Пархайский могильник, расположенный у западной окраины города Махтумкули, функционировал в течение нескольких тысячелетий (V-II тыс. до н.э.). Действие могильника в этот исторический период следует связывать с существованием определенных культур, носители которых жили в долине Сумбара.

Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа, находящиеся в Сумбарской долине, планомерно исследовались с 1968 по 1991 гг. И.Н. Хлопиным и Л.И. Хлопиной. На Пархай-депе, впервые обнаруженном в 1968 г., вскрыты слои, относящиеся к РЖВ. На южном склоне холма заложена стратиграфическая траншея, где прослежены 8 строительных горизонтов (*Хлопин, 1975; Хлопина, 1981. С. 75-82*).

В 1972 г. на раскопе площадью 300 кв. м, заложенном на верху холма, вскрыты два последовательных строительных горизонта. Исследованный керамический материал относится к раннежелезному веку (*Хлопин, 1975. С. 118*). Археологические исследования И.Н. Хлопина позволили проследить последовательное развитие культуры, каждая из которых характеризует и освещает определенный исторический период. Систематические раскопки на могильниках Сумбар I, Сумбар II, Пархай I и Пархай II имели существенное значение для решения вопросов культурогенеза (*Хлопин, 1975, 1981-1983, 1983а, 1987, 1989, 1997, 2002*).

В долине Чендыра, в этот период, не проводилось археологических исследований, нет публикаций о памятниках этой историко-культурной области. Имелись лишь сведения о названии памятников, датированные IV- VII, IX-XII вв. В 1977 г. на возвышенности Бенгуван Е. Атагарриев впервые обнаружил памятник культуры архаического Дахистана (Д-104). В 1979 г. на этом памятнике (Д-104), в культурных слоях шурфа выявлен керамический материал, типичный для культуры архаического Дахистана (*Чарыева, 1980. С. 44-51*). Небольшая толщина культурных слоёв и отсутствие архитектурных остатков в шурфе свидетельствуют о непродолжительности периода обживания на данном участке.

С целью изучения керамического производства в эпоху раннего железа, в 1980 г. Мисрианским археологическим отрядом Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР произведены раскопки гончарных печей на Изат-кули (*Чарыева, 1981. С. 469-470*). В начале 1980-х гг. археологическим отрядом Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР проводились планомерные, систематические раскопки на поселениях Бенгуванского оазиса (*Мурадова, 1991*). В 1985 г. проведены стратиграфические исследования на поселении Изат-кули (*Мурадова, 1991. С. 51-71; Muradova, 2009, 2014*) и раскопано культовое сооружение на Бенгуванской возвышенности (*Мурадова, 1991. С. 49-51*).

Исследования 1968-1980-х гг. на памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа характеризуются масштабностью, стационарностью и комплексностью археологических работ, проводимых на территории Юго-Западного Туркменистана. В результате этих работ составлена археологическая карта, получены и интерпретированы новые материалы по истории земледелия, техники орошения. На Мисрианской и Чатской равнинах открыты новые памятники, принадлежащие культуре архаического Дахистана – Тильки-депе, Д-45, Д-46, поселения Бенгуванского оазиса и памятник на Бенгуванской возвышенности. В долине Сумбара открыты и изучены сумбарская культура, Пархай-депе и могильник Пархай, в котором последовательно представлен археологический материал эпохи энеолита и бронзы (ЮЗТ I – ЮЗТ VII).

Стратиграфические исследования, проведенные на некоторых объектах, показали отсутствие на территории Мисрианской и Чатской равнин более ранних памятников, чем период существования культуры архаического Дахистана. Цитадели, обводные стены, центры керамического производства, имеющие место на крупных поселениях, свидетельствуют о формировании поселений протогородского типа в конце II – I тыс. до н.э.

С 1992 г. в Туркменистане наступил новый период в изучении, сохранении и реставрации памятников истории и культуры (Мамедов, 2011. С. 49-69; Мамедов, 2015. С. 15 -24). С 1991 по 1993 гг. Бенгуванская археологическая экспедиция Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменистана проводила археологические исследования на поселении Изаткули (Мурадова, 2010, 2013). На Изат-кули, на маленьких всхолмлениях (Раскоп I и Раскоп II), прилегающих к выделенному центральному укреплению, исследована архитектура верхнего строительного горизонта. На сравнительно небольшом участке поселения вскрыты жилищно-хозяйственные комплексы, каждый из которых имел двор, ряд жилых и хозяйственных помещений (Мурадова, 2010, 2013). В 1994-1997 гг. туркмено-французской экспедицией на поселении Геокчик-депе проведены археологические раскопки, отразившиеся в публикациях О. Леконта (Lecomte, 1999, 1999a, 1999b, 2001, 2005, 2009; Lecomte, Mashkour, 1997) и автора этой статьи (Мурадова, 2004. С. 368-370). Целью этих исследований было изучение истории заселения территории Дехистана, начиная с раннежелезного века до средневекового периода включительно. Систематическими обследованиями при помощи спутников планировалось создание археологической карты всего региона (Lecomte, 1999. Р. 135-170). Работы французско-туркменской миссии опирались на уже имеющиеся исследования по истории заселения и древнего орошения, проведенные А.С. Кесь, В.П. Костюченко и Г.Н. Лисицыной в 1960-70-х гг. (Лисицына, 1978; Кесь и др., 1980). Этими же исследователями было выполнено картирование ирригационной системы и памятников, хронологически относящихся к РЖВ и средневековому пе-

риоду (Кесь и др., 1972. С. 26-35; Кесь, Лисицына, 1975. С. 118-135).

В 2010-2015 гг. Туркмено-Испанская экспедиция, возглавляемая профессором Мадридского университета Хоакином Кордобой, проводила раскопки на поселении Геокчик-депе и Изат-кули (Cordoba, 2011, 2011a, 2015-2016, 2017, 2017-2018; Cordoba, Mamedov, 2016. Р. 601-614; Мурадова, 2021, 2021a; Pareja, 2021). С целью закрытия лакуны в археологическом изучении долины Чендыра, осенью 2014 г. было осуществлено целенаправленное, рекогносцировочное обследование этого историко-культурного ландшафта. Были обследованы и нанесены на карту все памятники, находящиеся в долине Чендыра, хронологические рамки которых охватывают II-I тыс. до н.э.; IV-VII; IX-XII вв. н.э. На памятниках Тархан-депе, Акдепе, Сейпел и Кичи Сейпел впервые выявлен археологический материал эпохи бронзы и раннего железа (Мурадова, 2016. С. 529-533.).

Рекогносцировочное обследование Чендырской долины позволило исследовать памятники, относящиеся к эпохе бронзы и РЖВ. Впервые выявлен археологический материал, документально констатирующий факт существования памятников эпохи бронзы и РЖВ, аналогичных известным памятникам (Мадау-депе, Тангсикильджа, Чыглык-депе, Изат-кули, Геокчик-депе, поселения Бенгуванского оазиса), расположенным на Мисрианской и Чатской равнинах. Открытие РЖВ в долине Чендыра расширяет ареал распространения культуры архаического Дахистана, генетические истоки которой уходят в долины Сумбара и Чендыра.

Таким образом, в первой трети I тыс. до н.э. в двух различных культурах проявились общие закономерности их развития, присущие РЖВ. Распространение железа, развитое земледелие, возведение центральных укреплений и цитаделей характеризует развитие хозяйства и общества двух культур. В Мургабском оазисе и подгорной полосе Копетдага отмечается единая культурная и даже этнокультурная общность племён расписной керамики. Керамический комплекс культуры архаического Дахистана отличается стандартизацией и стереотипизацией форм, отсутствием росписи на сосудах. Диагностической формой, индикатором принадлежности к этой культуре являются полусферические сосуды на трёх ножках – триподы. Отличительной особенностью культурного развития на юго-западе является высококоразвитая ирригационная система, основанная на проведении больших каналов. Несмотря на синхронность, культуры Юго-Западного Туркменистана отличаются от культур типа Намазга (Намазга-депе и Алтын-депе) подгорной полосы Копетдага и типа Яз (Маргиана, Ахал и Этек), что позволяет отнести их к различным культурным зонам, а значит, и к различным культурно-историческим общностям, населявшим территорию современного Туркменистана в древности. При этом нельзя отрицать культурные взаимодействия и влияния, отражавшиеся в материальной культуре.

Огромный археологический материал дал возможность не только пополнить источниковедческую базу, но и пересмотреть уже устоявшиеся научные положения, обновив концепцию древней истории туркменского народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев, Бушмакин, 1992 – Андреев В.Д., Бушмакин А.Г. Металлогения Копетдага. Ашхабад: Ылым, 1992. 96 с.
- Аскарлов, Альбаум, 1979 – Аскарлов А., Альбаум Л.И. Поселение Кучук-тепа. Ташкент: Фан, 1979. 112 с.
- Атагарриев, Бердыев, 1967 – Атагарриев Е., Бердыев О. Археологическое изучение Туркменистана за годы советской власти // СА. 1967. № 3. С. 124-141.
- Атагарриев, Лисицына, 1970 – Атагарриев Е., Лисицына Г.Н. Работы над составлением археологической карты Мешед-Мисрианской равнины - Чатского земельного массива // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад: Ылым, 1970. С. 166-183.
- Атагарриев и др., 1977 – Атагарриев Е., Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В. Работы на Мешед-Мисрианской равнине в 1971 г. // Каракумские древности. Вып. V. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 92-110.
- Атагарриев, Овезов, 1974 – Атагарриев Е., Овезов Дж. Развитие археологической науки в Туркменистане // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук. 1974, № 4. С. 26-32.
- Бабаков, 1988 – Бабаков О. Средневековое население Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1988. 416 с.
- Бердыев, 1971 – Бердыев О. Некоторые результаты археологических работ Института истории имени Ш.Батырова АН ТССР (1959-1966 гг.) // Материальная культура Туркменистана. Вып. 1. Ашхабад: Ылым, 1971. С. 7-22.
- Бердыев, Ягшимурадов, 2019 – Бердыев А., Ягшимурадов Г. Транскаркумские трассы Великого Шёлкового пути. Ашхабад: Ылым, 2019. С. 68-144.
- Вдовин, Мурадова, 1993 – Вдовин В.Ю., Мурадова Э.А. Стратиграфические исследования на Чиле-депе // Türkmenistanuň Yulymlar Akademiýasunyň Habarlary. Gumanitar yulymlary. 1993. № 3. С. 29-47.
- Венюков, 1876 – Венюков М. Открытие развалин древних городов Мешед и Местериан в Туркмении // Туркестанские ведомости. 1876. № 8. С. 31.
- Ганялин, 1953 – Ганялин А.Ф. Археологические памятники горных районов Северо-Западного Копетдага // Известия Академии наук Туркменской ССР. 1953. № 5. С. 14-20.
- Гутлыев, 1970 – Гутлыев Г. Работы на поселении раннежелезного века Яссы-депе у Баба-Дурмаза // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад: Ылым, 1970. С. 64-71.
- Гутлыев, 1972 – Гутлыев Г. Раскопки на холме Чилалык (Чыглык-депе) // Каракумские древности. Вып. IV. – Ашхабад: Ылым, 1972. С. 47-55.
- Гутлыев, 1977 – Гутлыев Г. Раскопки поселения раннежелезного века Ясы-депе в Каахкинском районе // Каракумские древности. Вып. V. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 18-24.
- Гутлыев, 1980 – Гутлыев Г. Стратиграфический шурф Яшыллы-депе у Гяурса // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 21-34.
- Гутлыев, 1982 – Гутлыев Г. Раскопки Гараой-депе // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1982. С. 33-47.
- Гутлыев, 1984 – Гутлыев Г. Стратиграфический шурф на Гараой-депе // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 22-31.
- Гутлыев, Заднепровский, 1985 – Гутлыев Г., Заднепровский Ю.А. Яшилдепе – эталонный памятник раннежелезного века на территории Северной Парфии // Известия АН Туркменской ССР. Серия обществ. наук. 1985. № 4. С. 44-50.
- Дурдыев, 1959 – Дурдыев Д. Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР 1954-1957 гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т.V. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1959. С. 7-14.
- Дьяконов, 1971 – Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира // История иранского государства и культуры. М.: Наука, 1971. С. 122-154.
- Ершов, 1931 – Ершов С. Итоги трёх лет (Обзор работы археологической секции Туркменкульта) // Туркменоведение, 1931. № 7-9 (31). С. 55-56.
- Ершов, 1956 – Ершов С. А. Северный холм Анау // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 2. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. С. 24-36.
- Качурис, 1967 – Качурис К. Раскопки на Елькен-депе в Южной Туркмении // АО 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 335-336.
- Кесь и др., 1972 – Кесь А.С., Костюченко В.П., Лисицына Г.Н. Источники древнего орошения в Юго-Западном Туркменистане // Проблемы освоения пустынь, 1972. № 5. С. 26-35.
- Кесь и др., 1980 – Кесь А.С., Костюченко В.П., Лисицына Г.Н. История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении. М.: Наука, 1980. 126 с.
- Кесь, Лисицына, 1975 – Кесь А.С., Лисицына Г.Н. Древние оросительные сооружения Юго-Западной Туркмении // СА. 1975. № 1. С. 118-135.
- Комаровская, Панарин, 1970 – Комаровская Ф.Г., Панарин С.А. Химический состав металлических изделий из памятников архаического Дахистана // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад: Ылым, 1970. С. 195-202.
- Костюченко и др., 1972 – Костюченко В.П., Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В. Бенгуванский

- оазис поселений времени архаического Дахистана // Каракумские древности. Вып. IV. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 56-65.
- Куфтин*, 1956 – *Куфтин Б.А.* Полевой отчёт о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. С. 260-290.
- Леконт*, 2001 – *Леконт О.* Гиркания между Ираном и Тураном // Культурные ценности: Международный ежегодник, 1999. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 150-152.
- Лисицына*, 1978 – *Лисицына Г.Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М.: Наука, 1978. 239 с.
- Лисицына*, *Прищепенко*, 1972 – *Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В.* Тильки-депе и некоторые вопросы палеогеографии Юго-Западной Туркмении // КСИА. Вып. 132. М.: Наука, 1972. С. 3-11.
- Ляпин*, 1990 – *Ляпин А.А.* К палеогеографии дельты Мургаба (эпоха бронзы, железный век) // Проблемы освоения пустынь. 1990. № 3. С. 57-65
- Мамедов*, 2011 – *Мамедов М.А.* Изучение и сохранение памятников истории и культуры Туркменистана за 20 лет (1991-2011) // Памятники истории и культуры Туркменистана. Научные открытия, исследовательские и реставрационные работы за 20 лет независимости. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2011. С. 49-69.
- Мамедов*, 2015 – *Мамедов М.А.* Археология и охрана исторических памятников Туркменистана // SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 4. М.: Собрание, 2015. С. 15-24.
- Марущенко*, 1930 – *Марущенко А.А.* Существенные поправки // Туркменоведение, 1930. № 12 (27). С. 13-16.
- Марущенко*, 1935 – *Марущенко А.А.* Археологические открытия последних лет в Туркменистане // Известия Туркменского государственного научно-исследовательского института. 1935. № 1.
- Марущенко*, 1939 – *Марущенко А.А.* Анау. Историческая справка // Архитектурные памятники Туркмении. М.-Ашхабад: Изд-во Академии архитектуры СССР и Туркменского государственного научно-исследовательского института истории, 1939. С. 97-101.
- Марущенко*, 1956 – *Марущенко А.А.* Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. II. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. С. 5-10.
- Марущенко*, 1959 – *Марущенко А.А.* Елькен-депе (отчёт о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.). Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. V. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1959. С. 54-109.
- Масимов*, 1979 – *Масимов И.С.* Изучение памятников эпохи бронзы в дельте Мургаба // УСА. Вып. 4. Л.: Наука, 1979. С. 82-83
- Масимов*, 1982 – *Масимов И.С.* Новые памятники раннежелезного века Мургабского оазиса. // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1982. С. 20-33.
- Масимов*, *Удеумурадов*, 1984 – *Масимов И.С., Удеумурадов Б.Н.* Новые материалы по раннежелезному веку низовий Мургаба // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 12-27.
- Массон*, 1953 – *Массон В.М.* Изучение культуры древнего Дахистана // Известия Академии наук Туркменской ССР. 1953. № 1. С. 54-61.
- Массон*, 1954 – *Массон В.М.* Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Известия Академии наук Туркменской ССР. 1954. № 2. С. 3-7.
- Массон*, 1956 – *Массон В.М.* Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. VII, Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. С. 385-458.
- Массон*, 1956а – *Массон В.М.* Первобытнообщинный строй на территории Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. С. 233-259.
- Массон*, 1957 – *Массон В.М.* Археологические работы на Мисрианской равнине // КСИА. Вып. 69. М.: Наука, 1957. С. 66-71.
- Массон*, 1958 – *Массон В.М.* Отчёт о работе XIV отряда ЮТАКЭ в 1958 г. // Архив ЮТАКЭ. С. 2.
- Массон В.*, 1959 – *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, № 73, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 216 с.
- Массон В.*, 1969 – *Массон В.М.* Древнее орошение на Мисрианской равнине // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М.: Наука, 1969. С. 96-110.
- Массон В.*, 2006 – *Массон В.М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 384 с.
- Массон*, 1931 – *Массон М.Е.* Силуэты Сумбарского района (Историко-археологический очерк) // Туркменоведение, № 3-4 (29), 1931. С. 53-56.
- Массон*, 1951 – *Массон М.Е.* Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. // Труды ЮТАКЭ. Т. II. А.: Изд-во АН Туркменской ССР, 1951. С. 7-73.
- Массон М.*, 1955 – *Массон М.Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948-1952 гг. // Труды ЮТАКЭ. Т. V. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1955. С. 197-249.
- Медведская*, 2011 – *Медведская И.Н.* Вопросы хронологии раннежелезного века на Древнем Востоке: письменные источники о железе // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы круглого стола 23-24 июня 2011 г. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, 2011. С. 8-10.

- Медведская*, 2012 – *Медведская И.Н.* Вопросы хронологии раннежелезного века на Древнем Востоке: письменные источники о железе // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2012. С. 224-245.
- Мурадова*, 1991 – *Мурадова Э.А.* Поселения архаического Дахистана. Ашхабад: Ылым, 1991. 147 с.
- Мурадова*, 2004 – *Мурадова Э.А.* Стратиграфия поселения Геокчик-депе // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М.: Старый сад, 2004. С. 368-370.
- Мурадова*, 2010 – *Мурадова Э.А.* Раскопки в западной части поселения Изат-кули // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетей, 2010. С. 214-226.
- Мурадова*, 2013 – *Мурадова Э.А.* Археологические исследования на Изат-кули / Archaeological explorations at Izat-kuli // ISIMU. 2013. Vol. 16. P.113-120
- Мурадова*, 2016 – *Мурадова Э.А.* К изучению памятников раннежелезного века Туркменистана // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. М.: Старый сад, 2016. С. 529-533.
- Мурадова*, 2021 – *Мурадова Э.* К вопросу о формировании городских поселений // Nomina in aqua scripta. Homenaje a Joaquin Maria Cordoba Zoilo. Madrid: UAM ediciones, 2021. P. 435-442.
- Мурадова*, 2021а – *Мурадова Э.А.* Исследования на Изат-кули // АВ. 2021. Вып. 32. С. 100-109.
- Пилипко*, 1975 – *Пилипко В.Н.* Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад: Ылым, 1975. 156 с.
- Пилипко*, 1984 – *Пилипко В.Н.* Поселение раннежелезного века Гарры-Кяриз I // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 28-58.
- Пилипко*, 1986 – *Пилипко В.Н.* Ранний железный век Этека (Южный Туркменистан) // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 11. М.: Наука, 1986. С. 8-18.
- Пилипко*, 1991 – *Пилипко В.Н.* Керамическая печь раннежелезного века в окрестностях Елькен-депе // Известия АН Туркменистана. Гуманитарные науки. 1991. № 6. С. 70-73.
- Пилипко*, 2005 – *Пилипко В.Н.* Раскопки на Хырлы-депе // ПИФК. 2005. Вып. XV. С. 57-80.
- Пилипко*, 2011 – *Пилипко В.Н.* Некоторые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Ахала (Южный Туркменистан) // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в северной Евразии. Материалы круглого стола 23-24 июня 2011 г. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, 2011. С. 38-40.
- Пилипко*, 2012 – *Пилипко В.Н.* Поселение Парыз-депе в период развитого средневековья // Средневековые города Туркменистана в системе евразийской цивилизации. Материалы междунар. науч. конференции (28-30 марта 2012 г.). Ашхабад, 2012. С. 145-146.
- Пилипко*, 2012а – *Пилипко В.Н.* История археологического изучения раннесредневековых памятников Ахала // ПИФК. 2012. №4 (38). С. 304-311.
- Пилипко*, 2015 – *Пилипко В.Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб.: АИК, 2015. 420 с.
- Пугаченкова*, 1958 – *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма (Труды ЮТАКЭ. Т. VI). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 493 с.
- Сагдуллаев*, 1982 – *Сагдуллаев А.С.* Заметки о раннем железном веке Средней Азии // СА. 1982. № 2. С. 229-234.
- Сарияниди*, 1969 – *Сарияниди В.И.* Продолжение работ на Улуг-Депе // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. – С. 434-435.
- Сарияниди*, 1971 – *Сарияниди В.И.* Исследование слоёв раннежелезного века на Улуг-депе // АО 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 433-434.
- Сарияниди*, 1972 – *Сарияниди В.И.* Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // УСА. Вып. 1. - Л.: Наука, 1972. С. 53-55.
- Сарияниди*, Качурис, 1968 – *Сарияниди В.И., Качурис К.А.* Раскопки на Улуг-Депе // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 342-345.
- Сарияниди*, Кошеленко, 1985 – *Сарияниди В.И., Кошеленко Г.А.* Средняя Азия в раннем железном веке // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985. С. 178-192.
- Удеумурадов*, 1993 – *Удеумурадов Б.Н.* Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология и происхождение. Ашхабад: Ылым, 1993. 148 с.
- Хиберт* и др., 2005 – *Хиберт Ф., Гундогдыев О.А., Курбанов А.Д.* Предварительный отчет о раскопках на южном холме Анау в 2005 году // Miras. 2005. № 3. С. 132-133.
- Хлопин*, 1975 – *Хлопин И.Н.* Поселение эпохи бронзы Пархай-депе // КСИА. Вып. 142. - М.: Наука, 1975. С. 116-121.
- Хлопин*, 1981 – *Хлопин И.Н.* К уточнению хронологии культуры архаического Дахистана. // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 95-99.
- Хлопин*, 1982 – *Хлопин И.Н.* К происхождению культуры серой керамики раннего железного века Северного Ирана // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. С. 143-145.
- Хлопин*, 1983 – *Хлопин И.Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.: Наука, 1983. 240 с.
- Хлопин*, 1983а – *Хлопин И.Н.* Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад: Ылым. 1983. 209 с.
- Хлопин*, 1987 – *Хлопин И.Н.* Раскопки в долине Сумбара и их значение для Переднего Востока и Средней Азии // Информационный бюл-

- летень МАИКЦА. Вып. 12. М.: Наука, 1987. С. 20-34.
- Хлопин*, 1989 – *Хлопин И.Н.* Открытие Гиркании // Природа. 1989. № 4. С.50-59.
- Хлопин*, 1997 – *Хлопин И.Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана (Труды ЮТАКЭ. Т. 20). СПб.: Европейский дом, 1997. 302 с.
- Хлопин*, 2002 – *Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. (Труды ЮТАКЭ. Т. 21). СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 336 с.
- Хлопина*, 1981 – *Хлопина Л.И.* Стратиграфия поселения раннего железного века Южной Туркмении Пархай-тепе // Известия АН Туркменской ССР, серия обществ. наук, 1981. № 2. С. 75-82.
- Чарыева*, 1980 – *Чарыева Э.А.* Новый памятник культуры архаического Дахистана // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 44-51.
- Чарыева*, 1981 – *Чарыева Э.А.* Раскопки гончарных печей на Изат-кули // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 469-470.
- Atagarryev, Berdyev*, 1970 – *Atagarryev E., Berdyev O.* The archaeological exploration of Turkmenistan in the years of Sowiet Power // East and West. 1970. Vol. 20 (3). P. 285-306.
- Bendezu-Sarmiento, Lhuiller*, 2011 – *Bendezu-Sarmiento J., Lhuiller J.* Iron Age in Turkmenistan: Ulug-depe in the Kopetdagh piedmont // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Discoveries, researches and restoration for 20 years of independence. Ashgabat: Turkmen state publishing service, 2011. P. 239-248.
- Boucharlat et al.*, 2005 – *Boucharlat R., Francfort H.-P., Lecomte O.* The citadel of Ulug depe and the Iron Age archaeological sequence in Southern Central Asia // Iranica Antiqua. 2005. Vol. XL. P. 479-514.
- Cordoba*, 2011 – *Cordoba J.* Turkmen-Spanish archaeological mission in Geokchik depe // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Discoveries, researches and restoration for 20 years of independence. Ashgabat: Turkmen state publishing service, 2011. P. 257-261.
- Cordoba*, 2011a – *Cordoba J.* La cultura de la Edad del Hierro en Dehistan (1300- 500 a. c.). Excavaciones y estudios en la llanura de Misrián // INFORMES Y TRABAJOS. Excavaciones en el exterior 2011. Vol. 9. Madrid: Instituto del Patrimonio Cultural de España. 2011. P. 728-751.
- Cordoba*, 2015-2016 – *Córdoba J.M.* «De re rustica» in extrema pars mundi. Agricultura, parcelas y canales en Dehistan durante la Edad del Hierro (1500-500 a.c.) // ISIMU. Vol. 18-19, Madrid: UAM ediciones, 2015-2016 P. 391-406.
- Cordoba*, 2017 – *Cordoba J.M.* La cultura de la Edad del Hierro en Dehistan (1300- 500 a.c.). Nuevos trabajos en Geokchik Depe e Izat Kuli (2014-2015) // INFORMES Y TRABAJOS 2016. Vol. 14. Madrid: Instituto del Patrimonio Cultural de España. Madrid, 2017. P. 188-207.
- Córdoba*, 2017-2018 – *Córdoba J.M.* Bau von Lehmziegel-Plattformen in der Eisenzeit Der Horizont der Baumeister in Geoktchik Depe und Izat Kuli (Turkmenistan) Kurze Notizen von der Feldarbeit im Gang // ISIMU. Vol. 20-21. Madrid: UAM ediciones, 2017-2018. P. 419-441.
- Córdoba, Mamedov*, 2016 – *Córdoba J.M., Mamedov M.* L'âge du Fer à Dehistan. Nouvelles recherches archéologiques turkmènes et espagnols dans les sites de Geoktchik Depe et Izat Kuli (Province de Balkan, Turkménistan). // Proceedings of the The 9th ICAANE. Vol. 3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 601-614.
- Hiebert, Kurbansakhatov*, 2003 – *Hiebert F., Kurbansakhatov K.* A Central Asian village at the dawn of civilization: excavations at Anau, Turkmenistan. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2003. 489 p.
- Huntington*, 1908 – *Huntington E.* Description of the Kurgans of the Merv oasis // Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Vol. 1. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1908. P. 219-232.
- Lecomte*, 1999 – *Lecomte O.* Vehrkana and Dehistan: late farming communities of south-west Turkmenistan from the Iron age to the Islamic period // Parthica. 1999. Vol. 1. P. 135-170.
- Lecomte*, 1999a – *Lecomte O.* Le complexe culturel de Geoktchikdepe // Archeologia. Paris, janvier 1999. No 352. P. 54-66.
- Lecomte*, 1999b – *Lecomte O.* Iran et "non-Iran". L'Hyrcanie, entre plateau iranien et steppes d'Asie centrale // Dossiers d'Archeologie. 1999. No. 243. P. 14-17.
- Lecomte*, 2001 – *Lecomte O.* Activités archéologiques françaises au Turkmenistan // Cahiers d'Asie Centrale. 2001. No. 9. P. 289-302.
- Lecomte*, 2005 – *Lecomte O.* The Iron age of northern Hyrcania // Iranica Antiqua. 2005. Vol. XL. P. 461-478.
- Lecomte*, 2009 – *Lecomte O.* Origine des cultures agricoles du Dehistan (Sud-Ouest Turkménistan) // Stratégies d'acquisition de l'eau et société. Beyrouth: Presses de l'IFAPO. 2009. P. 69-77.
- Lecomte*, 2011 – *Lecomte O.* Ulug-depe: 4000 years of evolution between plain and desert // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Discoveries, researches and restoration for 20 years of independence. Ashgabat: Turkmen state publishing service, 2011. P. 220-237.
- Lecomte*, 2013 – *Lecomte O.* Activités archéologiques françaises au Turkmenistan // Cahiers D'Asie Centrale. 2013. No. 21/22. P. 165-190.
- Lecomte, Mashkour*, 1997 – *Lecomte O., Mashkour M.* Hyrcania and Dehistan from the Iron Age to the Islamic Period (13th Century B.C. – 8th Century A.D.) // Iranian Journal of Archaeology and History. 1997. Vol. 10. No. 2. P. 1-12; Tab. 1; Fig. 8-10.
- Masson V., Sarianidi*, 1972 – *Masson V.M., Sarianidi V.I.* Central Asia. Turkmenia before the Achaemenids. London: Thames and Hudson, Ltd, 1972. 219 p.

- Muradova*, 2009 – *Muradova E.* Stratigraphical explorations on Izat-kuli // Abstracts of The Third International Symposium on Middle Asia Intercultural Space (MAIS). Tehran, 2009. P. 23-24.
- Muradova*, 2014 – *Muradova E.* Archaeological explorations at Izat-kuli // 'My Life is like the Summer Rose' Maurizio Tosi e l'Archeologia come modo di vivere. (BAR International Series 2690). Oxford: BAR, 2014. P. 563-564.
- Pareja et al.*, 2021 – *Pareja T.F., Martínez de Ibarreta Soriano C., Cortés Calvo M.C.* Documentación geoespacial en los yacimientos arqueológicos Geoktchickdepee Izat Kuli, Turkmenistan // *Nomina in aqua scripta. Homenaje a Joaquín María Córdoba Zoilo.* Madrid: UAM ediciones, 2021. P. 399-416.
- Pilipko*, 2012 – *Pilipko V.* Remarks on the Material Culture of the Akhal Area in the Hellenistic Period // *Anabasis, Studia Classica et Orientalia.* Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. Issue 3. Rzeszow, 2012. P. 109-127.
- Pumpelly*, 1908 – *Pumpelly, R.* Explorations in Turkestan. Vol. 1. 242 p.; Vol. 2. 355 p. Washington, 1908.
- Vámbéry*, 1864 – *Vámbéry Á.* Travels in Central Asia. London: John Murray, 1864. 504 p.

ТРИ ПАРФЯНСКИХ МЕДЯКА ИЗ СОГДА

А. И. Наймарк, А. Х. Атаходжаев

Резюме. В статье представлены первые документированные находки парфянских монет на территории Согда. Это три маргианские медные драхмы, относящиеся по классификации В.Н. Пилипко к типам II/1 (из Сарыкуль-тепе в 35 км к З-З-Ю от Самарканды); III/4 и IV/6 или 7 (обе из района Варахши, в 20-25 км к западу от Бухары). Места их находок расположены на древних путях, ведущих на Среднюю Амударью, что позволяет видеть в этих монетах часть потока медных монет (главным образом кушанских, но с небольшой примесью маргианских) двигавшегося во II веке н.э. в широтном направлении от Бактрии до Хорезма. В статье также сделана попытка суммировать существующие сейчас ограниченные сведения о находках парфянских монет на Амударье и к северу от неё на фоне накопленных данных о денежном обращении Трансоксианы. Судя по составу находок, динамика поступления парфянских монет в Трансоксиану зависела от политического статуса Маргианы: (1) в течении эллинистического периода, когда Мерв контролировали бактрийские греки (230-е – 140-е гг. до н.э.), находок парфянских монет в Трансоксиане нет; (2) в парфянский период (140-е гг. до н.э. – первые десятилетия I в. н.э.) мы видим парфянское серебро и медь на Амударье и в других районах Центральной Азии (Фергана, Талас, Иссык-Куль); (3) а когда в Маргиане приходят к власти местные владельцы (середина I в. н.э. – начало III в. н.э.) выплески общегосударственной парфянской монеты сокращаются, а маргианская медь присоединяется к потоку кушанской меди идущему по Амударье в Хорезм. В приложении 2 предлагается датировка (конец II – первая половина I в. до н.э.) и интерпретация 12-ти самаркандских подражаний Антиоху, найденных в северном комплексе Старой Нисы.

Ключевые слова: Маргиана, Мерв, Старая Ниса, Согд, медные монеты, драхма.

Summary. The article presents the first documented finds of Parthian coins on the territory of Soghd. These are three Margiana copper drachms, which according to V.N. Pilipko's classification belong to types II/1 (from Sarykul-tepe, 35 km to S-W-W from Samarqand); III/4 and IV/6 or 7 (both from the Varakhsha region, 20-25 km west of Bukhara). Their find spots are sitting on the ancient routes leading to the Middle Amu-Darya, which allows us to see these specimens as a part of the flow of copper coins (mainly Kushan, but with a small admixture of Margiana ones) that was moving in the 2nd century CE in the latitudinal direction between Bactria and Khorezm.

The article also attempts to summarize the currently available information about the finds of Parthian coins on the Amu-Darya and to the north of it against the background of the recently accumulated data on the monetary circulation in Transoxiana. Judging by the composition of the finds, the dynamics of the arrival of Parthian coins in Transoxiana depended on the political status of Margiana: (1) during the Hellenistic period, when Merv was controlled by the Bactrian Greeks (230s - 140s BC), no Parthian coins were reaching Transoxiana; (2) in the Parthian period of Margiana history (140s BCE— the first decades of the 1st century CE) we see Parthian silver and copper coins on the banks of Amu Darya and in different areas of Central Asia (Ferghana, Talas, shores of Issyk-Kul); and, finally, when (3) local rulers gained control over Margiana (mid-1st century AD – early 3rd century CE), their copper issues started joining the flow of Kushan copper that was moving along the Amu-Darya to Khorezm. Appendix 2 offers the dates (late 2nd – first half of the 1st century BC) and an interpretation of the 12 Samarqand Antiochus imitations found in the northern complex of Old Nisa.

Key words: Margiana, Merv, Old Nisa, Sogd, Copper Coins, Drachms.

До сих пор нумизматы не располагали никакими сведениями о находках парфянских монет на территории Согда. Но три медные маргианские монеты, обнаруженные недавно в Узбекистане, отчасти восполняют этот пробел.

Описание и атрибуция монет

Плохо сохранившаяся медная монета (№ 1). Диаметр 15 x 17 мм; вес – 3.37 г; оси – 12:00.

Ав. Голова царя в профиль влево. Волосы перехвачены диадемой, состоящей, судя по ширине, из трех параллельных рядов, в нижнем из которых скорее угадывается, чем читается, цепочка перлов. Над диадемой волосы образуют характерный зубчатый край. Масса волос ниже диадемы показана одним прямоугольным блоком с внутренней разделкой на пряди, выполненной в виде параллельных линий. Позади головы летит Ника, двумя руками держащая маленький венок (нижняя часть её фигурки лишь угадывается по изгибу рельефа).

Rev. Сидящая фигура держащая лук тетивой вверх в вытянутой вперед правой руке. Под луком – буква П. Следы от четырёх букв легенды сохранились над изображением.

Пр о и с х о ж д е н и е. Случайная находка 2021 года на Сарыкуль-тепе в Сагаганской степи, в Нурабадском районе Самаркандской области (в 35 км к 3-3-Ю от Самарканда).

К о м м е н т а р и й. Буква П под луком на обороте определяет этот экземпляр, как продукцию монетного двора Мерва (*Пилипко*, 1980. С. 106-107). По всем основным критериям она соответствует типу П/1 в классификации В.Н. Пилипко (1980. С. 113. Табл. I, Тип П.1. С. 116; 1985. С. 389, Табл. СI, Тип П.1. В этой второй публикации на самой таблице по ошибке дважды указан Тип П.3). Продемонстрировав, что Тип П/1 занимает промежуточное положение между I.2 и III.1, В.Н. Пилипко пишет: «Все это заставляет относить выпуск монет П.1 к первой половине правления Артабана II, когда еще были памятны традиции чекана Фраатака, но господ-

ствующее положение занимает новый стиль в изображении парфянских правителей» (Пилипко, 1980. С. 116). Для сравнения с драхмами в параллельном общегосударственном серебряном чекане Артабана II см.: (Sellwood, 1980. P. 196-204 и соответствующие таблицы в конце книги). О датах и обстоятельствах правления Артабана II (8/9-39/40 CE) см.: (Olbrycht, 2014; Olbrycht, 2022).

Плохо сохранившаяся медная монета (№ 2).
Диаметр – 17 мм; вес – 3.6 г; оси – 12.

Av. Голова бородатого царя в профиль влево. Масса волос сзади головы разделена коротким загибающимися вверх штрихами.

Rev. Сидящая фигура. В вытянутой вперед правой руке – лук, обращенный тетивой вверх. Под луком – буква П. Всё изображение обрамлено квадратом легенды. В нижней его строке видны три буквы СВА, дальше вдоль левой стороны видны следы ещё четырёх нечитаемых букв, оказавшиеся по большей части за пределами кружка, и совсем уже незначи-

тельные остатки ушедших за край нескольких букв сохранились от противоположающей правой строки.

Пр о и с х о ж д е н и е. Случайная находка, сделанная несколько лет назад в районе городища Варахша на западной окраине Бухарского оазиса.

К о м м е н т а р и й. Это монета также отчеканена в Мерве. По основным критериям она соответствует типу III.4 в классификации В.Н. Пилипко (1980. С. 113, Табл. I, Тип III.4, С. 117; 1985. С. 389, Табл. CI, Тип III.4). Из «стилистических» признаков особенно характерны «волнистая» борода и «взбитые» локоны волос шевелюры позади головы. Легенда ΒΑΣΙΛΕΥ ΣΑΝΒΑΡΗΣ, которая, согласно В.Н. Пилипко, впервые появляется на предыдущем типе III.3, на типе III.4 уже искажена (Пилипко, 1980. С. 117). Три сохранившиеся на нашем экземпляре буквы – это заключительное сигма имени (в характерном оквадраченном варианте лунарного написания), тогда как два последующих знака принадлежали титулу: сильно искаженная начальная бета и достаточно четкая альфа.

1

1. Маргианская медная драхма, тип II/1 по классификации В.Н. Пилипко. Диаметр – 15 x 17 мм; вес – 3.37 г; оси – 12:00. Случайная находка 2021 года на Сарыкультепе в Сазаганской степи, в Нурабадском районе Самаркандской области (в 35 км к Ю-З от Самарканда)

2

2. Маргианская медная драхма, тип III/4 по классификации В.Н. Пилипко. Диаметр – 17 мм; вес – 3.6 г; оси – 12:00. Случайная находка в районе Варахши, на западной окраине Бухарского оазиса

3

3. Маргианская медная драхма, тип V/6 или V/7 по классификации В.Н. Пилипко. Диаметр – 12 мм; вес – 2.9 г; оси – 12. Случайная находка в районе Варахши, на западной окраине Бухарского оазиса

Отождествление Санабара, имя которого появляется на типе III.3 и сохраняется на нашем типе III.4, остаётся предметом дискуссии. К примеру, не знавший о мервских находках Альберто Симонетта предлагал видеть в медных мервских монетах чекан Санабара II, власть которого ограничивалась Систаном (*Simonetta*, 1957. P. 54, fig. 4, №№ 16-28). Писавший тогда же В.М. Массон считал, что серебряные драхмы Санабара, которые традиционно относили к индо-парфянскому чекану, могли быть локализованы в Маргиане на основании находок медных монет с именем Санабара (*Массон*, 1957. С. 39). В отличие от него, В.Н. Пилипко настаивает, что серебряные монеты индо-парфянского правителя Санабара «почти не имеют ничего общего с бронзовыми, кроме имени. Санабар на серебряных монетах изображается с веерообразной бородой, в кулахе, петля диадемы треугольная, лучник сидит на троне с высокой спинкой, под луком $\bar{A}$, легенда двухрядная, квадратная. Санабар, выпускавший серебряные монеты, вероятно, действительно был индо-парфянским царем, а Санабар, чеканивший бронзовые монеты со знаком П под луком, возможно, правил в Маргиане. Совпадение имени, видимо, случайно» (*Пилипко*, 1980. С. 119). К настоящему моменту индо-парфянский чекан Санабара твердо локализуется в Систане и Арахосии (*Senior*, 2001; *Fröhlich*, 2008. P. 57-59). А.В. Никитин обнародовал синопсис своей большой неопубликованной работы, где предлагал считать Санабара основателем «новой династии, условно называемой индо-парфянской, систанской или восточно-аршакидской». Согласно его теории, империя Санабара включала, наряду с другими восточными областями, и Маргиану. При этом в Систане он чеканил серебро, а в Маргиане – медь (*Никитин*, 2008. С. 222-223). Отсутствие консенсуса в вопросе об идентификации Санабара (или Санабаров) чеканившего (или чеканивших) монеты в столь отдалённых друг от друга местах, никак не отменяет того факта, что медные монеты интересующего нас типа чеканились в Мерве.

Плохо сохранившаяся медная монета (№ 3). Диаметр – 12 мм; вес – 2.9 г; оси – 12.

Ав. Голова бородатого царя в профиль влево. Волосы перехвачены диадемой, изображенной двумя полосками. Позади головы подтреугольный узел диадемы и лента. Масса волос ниже диадемы показана большой аморфной копной.

Rev. Сидящая фигура.

П р о и с х о ж д е н и е. Случайная находка из района Варахши.

К о м е н т а р и й. Из типов учтённых в классификации В.Н. Пилипко эта монета более всего похожа на V.6 и V.7 в (*Пилипко*, 1980. С. 114, Табл. II, Тип V.6, Табл. III, Тип V.7, С. 121; *Пилипко*, 1985. С. 389, Табл. CI, Типы V.5 и V.6)¹. Исходя из параллелей в чекане Вологеза III (110–147 г. н.э.) (*Sellwood*, 1980. P. 250. Туре 78, 11) и на драхмах Митридата V (около

140 г. н.э.) (*Sellwood*, 1980. P. 263-265), где этот царь фигурирует ещё как Митридат IV, В.Н. Пилипко датирует выпуск монет группы V первой половиной II в. н. э., хотя считает возможным и «продолжение их чеканки во второй половине этого столетия» (*Пилипко*, 1980. С. 122).

Сарыкуль как место находки

Что можно сказать о местах находок этих монет? Сарыкуль-тепе, откуда происходит первая из наших монет, был значительным городом, в котором, судя по необыкновенному разнообразию найденных там древнесогдийских монет, существовала крупная общесогдийская ярмарка. Кроме того, через Сарыкуль проходила основная дорога из Нахшеба в Самарканд. В свою очередь, Нахшаб был связан с Мервом отдельной прямой трассой, шедшей через Безду до Амударьинской переправы, известной по имени выросшего при ней городка Навидах (*Muqaddasi*, 1906. S. 284, 291, 292; *Naymark*, 1997. P. 39-40)². Таким образом, для людей, направлявшихся из Мерва в Самарканд, дорога через Навидах, Нахшаб и Сарыкуль была «экспресс-маршрутом», гораздо более коротким, чем «почтовый Хорасанский тракт», который шел круглым путем через Бухару «с остановками» в других больших городах Зеравшанской долины. Иными словами, появление парфянской монеты на Сарыкуль-тепе имело свои «географические» предпосылки и, тем самым, было не совсем случайным.

Варахша как место находки

Жизнь в районе Варахши во II веке н.э. О двух других монетах мы знаем лишь, что они происходят из района Варахши. Между тем, состав монетных сборов с городища и его ближайшей округи позволяет думать, что во II в. н.э. крепость Варахша переживала упадок, если вообще не была оставлена полностью.

Кроме нумизматических материалов, к такому же выводу подводят и результаты археологических работ на фортификационных сооружениях городища. Раскопки круглой башни со стреловидными бойницами во внешней линии укреплений показали, что после большого пожара (?) её освоили под жильё и, тем самым, она потеряла свое военное значение. В конце концов, башня вообще была оставлена и в дальнейшем даже занесена песком. Новую же крепостную стену возвели на этом месте лишь в V в. н.э. (*Шишкин*, 1963. С. 107-111).

Если во II-III вв. жизнь на городище и продолжалась, то только на центральном бугре, т.е. в самом «древнем замке». К сожалению, история этого сооружения так и осталась недоисследованной. В маленьком по площади шурфе 1938 года, документация которого к тому же была впоследствии утрачена, ранние керамические материалы представлены минимальным количеством маловыразительных

¹ Таксономия в публикации В.Н. Пилипко 1985 г. не соответствует нумерации типов в статье 1980 г.

² Навидах совершенно справедливо отождествляют с городищем, известным у местного населения как Зухра-Тахир, или просто Кёшк-кала (*Пилипко*, 1972. С. 73-74).

фрагментов и уверенно выделить среди них материалы II-III вв. н.э. не представляется возможным. В более значительном по площади раскопе 1953-1954 гг. была получена вполне выразительная керамика кушано-сасанидского комплекса III-IV вв. (Урманов, 1956. С. 139-140, рис. 20; Шишкин, 1963. С. 120-122, рис. 59, №№ 1-8], но нижележащие слои дали значительно меньше материала. Те фрагменты керамики, что опубликованы (Шишкин, 1963. С. 120-122, рис. 59, 9-18), относятся к разным периодам начиная со II в. до н.э. и до I в. н.э., а некоторые формы находят и более поздние параллели. В тексте упоминается фрагмент сосуда с вертикальным полосчатым лощением, который вполне мог относиться ко второму столетию. Но в целом приходится констатировать, что мы пока точно не знаем, обживалось ли центральное укрепление Варахши в то время, когда в этот район могли попасть два вышеописанных парфянских медяка.

В любом случае, полного заброса ирригационных систем в районе Варахши во II в. не произошло – на расстоянии километра и более от городища встречаются участки с поздними монетами серии Гиркода, которые датируются II – первой половиной III в. В целом, однако, понятно, что район Варахши во II-III вв. н.э. превратился в сельскую местность.

Что же могли делать в таком периферийном районе, вдали от городской жизни и торговли медные маргианские монеты? Могли ли они участвовать в денежном обращении этой части территории Согда? Вряд ли, поскольку до середины III в. н.э. оно базировалось практически исключительно на серебре и биллоне.

Непосредственный контакт с Маргианой?

Можно было бы, конечно, опереться на общее соображение, что район Варахши был одной из ближайших к Маргиане согдийских территорий и, соответственно, являлся контактной зоной. Другими словами, заключить, что эти монеты могла быть карманной мелочью, потерянной людьми, ведшими дела по обе стороны границы. Такое объяснение, однако, сталкивается с двумя проблемами.

Первая из них – расстояние от Маргианы до района Варахши. По современной «спрямлённой» дороге от Мерва до Амуля – 230 км. Причем путь этот пролегает по достаточно серьёзной пустыне. Древние дороги проходили там же (Массон, 1966. С. 75-76). По данным Ибн Хордадбега и Мукаддаси между Мервом и Амудем было 6 дневных переходов (мархаля) (Ибн Хордадбех, 1986, С. 63-64; МИТТ, 1939. С. 207), а сумма указанных первым из этих географов расстояний между перечисленными станциями – 36 фарсахов, что составляет около 215-225 км. А дальше, после переправы через Амударью (из Амуля в Фараб), путникам нужно было преодолеть ещё 60 км до первого крупного согдийского города Пайкенда, и опять-таки в основном по пустынной местности. Согласно средневековому дорожнику ибн Хордадбега этот отрезок дороги преодолевали за дневных перехода (Ибн Хордадбех, 1986, С. 64). Другими словами, речь идет о суммарном расстоянии почти в 300 км или о восьми достаточно тяжелых

дневных переходах. Для распространения древних монет такое расстояние несомненно должно было быть весьма значительным препятствием.

Для того, чтобы определить, насколько «непреодолимой» было такое расстояние, достаточно было бы знать, какие монеты обращались в это время на Средней Амударье, в особенности, в расположенных на пути от Мерва к Бухаре оазисах Амуля и Фараба. К сожалению, у нас до сих пор нет никаких сведений о находках монет первых веков н.э. из этих мест. Если не считать найденного на южном берегу реки около Амудской переправы клада архаического и раннеклассического греческого серебра (добыча одного из возвращавшихся домой воинов Ксеркса?) (Kagan, 2011), самые ранние из зарегистрированных там находок относятся к посткушанской эпохе (Пилипко, 1978; Пилипко, 1985; Бурханов, 2007).

Вторая проблема с обсуждаемым здесь простым «соседским» вариантом объяснения заключается в том, что Варахша стоит в стороне от Большого Хорасанского тракта, по которому шло движение из Маргианы в Согд.

Дороги, проходившие через район Варахши.

Через район Варахши проходили две древние дороги к Средней Амударье и дальше в Хорезм: одна, более южная, шла вдоль периодически обводнявшегося русла Махандарьи до Наргиз-калы, а другая срезала угол и направлялась через Амдизу/Амзах, рабат Таш (Ак-рабат), Шурух и пески (Рамаля) до рабата Туган на берегу реки (МИТТ, 1939. С. 206), остатки которого сохранились в Гугертли, но раскопкам не подвергались. Эти дороги использовались не только бухарцами и хорезмийцами – через Амдизу и Пайкенд можно было напрямую попасть в Кум-Совтан/Султан), расположенный на низовых протоках Кашкадарьи, и далее в Нахшеб. Т.е. через район Варахши проходил альтернативный короткий путь из Хорезма в Нахшеб, а оттуда через Кеш и Железные Ворота в северную Бактрию/Тохаристан (Наймак, 1992. С. 176).

Как уже говорилось, у нас пока нет материалов по раннему монетному обращению в поселениях, расположенных вдоль Амударьи от оазиса Амуля до района Джигербента – самого восточного из городов Хорезма, но на возможность хождения там маргианской монеты указывают как находки таких монет выше и ниже по течению, так и общая нумизматическая ситуация в Хорезме (об этом ниже).

Другие находки монет маргианского чекана к северу от Парфии. Еще одно обстоятельство, которое здесь нужно принять во внимание – обьем маргианского медного чекана. Судя по всему, он был очень значителен. Именно обилие таких монет в материалах ЮТАКЭ позволило опознать в них продукцию мервского монетного двора (Массон, 1953. С. 146; Массон, 1957, С. 39, 41, прим. 3; о более поздних пополнениях см: Smirnova, 2007. Р. 382). С двумя большими кладами – из Варрык-тепе в окрестностях Мерва (около 500 экземпляров) и с Дашлыджи возле современного Мары (более 600 экземпляров) (Пилипко, 1980. С. 106), число таких монет с известными местами находок давно должно было перевалить за полторы тысячи.

Монеты маргианского чекана известны на парфянских землях и за пределами дельты Мургаба: в Серахском оазисе (Оразов, 1972. С. 20-21; Оразов, 1975. С. 73-75), в предгорной полосе Копетдага, то есть, собственно, в Парфии (Пилипко, 1980. С. 107).

Однако, вне территорий, находившихся под контролем парфян, находки таких монет редки. К северу от Маргианы, кроме публикуемых здесь трех экземпляров, к настоящему моменту зарегистрированы ещё пять находок медных монет мервского чекана. Одна медная «драхма» Фраата IV маргианского чекана была найдена на Кампыр-тепе (Gorin, 2010. P. 109-11, coin 1; Горин, 2013. С. 305-307, монета 1). И ещё три монеты маргианского чекана зарегистрированы в Хорезме (Вайнберг, 1977. С. 176, № 3-5). Надо полагать, что появление этих четырех монет на территориях расположенных вдоль Амударьи было связано с проходившим по этой реке водным путем, который Э.В. Ртвеладзе величает Великим Индийским (Rtveladze, 2010; Ртвеладзе, 2012). В конечном итоге, с функционированием этой торговой артерии была, скорее всего, связана и находка монеты маргианского чекана на Мангышлаке (Петров, Астафьев, Белтенев, 2020. С. 74, фототаблица I, № 2).

В каком качестве эта медь маргианского чекана попадала в приамударьинские районы? Когда речь идет о хорезмских находках, нужно помнить, что в отличие от Согды, где до середины III в. н.э. всё обращение основывалось на серебре или биллоне, в Хорезме медная монета начала циркулировать с первых десятилетий II в. н.э. К такому заключению позволяют прийти многочисленные находки кушанских монет с надчеканами и без оных. Судя по датам самих монет, активное поступление кушанской меди в Хорезм началось с правления Вимы Кадфиза и достигло пика в царствование Васудевы I (Вайнберг, 1977. С. 87-89; Вайнберг, 1982, С. 61-65). Кушанские монеты, несомненно, достигали Хорезма по Амударье, где к их потоку вполне мог присоединяться дополнительный ручеек монет из Маргианы. А поскольку «иностранная» для Хорезма масса кушанской меди была весьма неоднородной как по своей весьма разнообразной иконографии, так и по метрологическим показателям, то в неё вполне могли «вписываться» и маргианские медяки.

К этому можно добавить, что монеты маргианского чекана не были единственными парфянскими достигавшими Хорезма: в окрестностях городища Шасенем в Южном Хорезме была найдена биллонная драхма Вардана I, эмиссии 64/33 по Селвуду, отчеканенная на монетном дворе Митрдаткерта, отождествляемого со Старой Нисой (Никитин, 1991. С. 122-123). Поселение на месте Шасенема возникло ещё в IV веке до н.э. и оставалось значительным укрепленным пунктом в так называемый «кангюйский» период хорезмской истории и в кушанскую эпоху. В средневековье там располагался город, носивший название Субурна, или Субарна. Согласно географическому словарю Якута, в XIII в. Субурна была последним хорезмским пунктом на дороге, ведущей из Гурганджа в хорасанский го-

род Шахристан (Бартольд, 1963а. С. 209, прим. 10), расположенный в непосредственной близости от Нисы, где и была отчеканена эта биллонная драхма Вардана I (Никитин, 1991. С. 123).

Наконец, здесь следует вспомнить, что в районе Варахши начиная с царя Вазамара встречается хорезмская медь. А совсем недавно в районе Варахшинского массива земель древенного орошения был подобран кушанский халк с S-образным хорезмским надчеканом.

Другими словами, появление двух монет маргианского чекана в районе Варахши вполне могло быть результатом связей этой юго-западной окраины Бухарского оазиса со Средней Амударьей и Хорезмом.

Историческая интерпретация находок парфянских монет за Амударьей

Нумизматические материалы по бактро-парфяно-согдийским отношениям. Какими бы путями не попали три маргианских медяка на территорию Согды, их находка заставляет вернуться к важному общему вопросу об отношениях, в первую очередь экономических, между Парфией и Согдианой. В научной литературе достаточно часто можно встретить утверждения о политическом, экономическом и культурном влиянии Парфии на Согд. И в верности этого мнения вряд ли можно сомневаться – в конце концов Парфия была великой державой с мощной самобытной культурой; согдийцы и парфяне были этнически близки, а их языки взаимопонятны; и те и другие исповедовали зороастризм; и, наконец, две страны если не даже и не граничили непосредственно, то всегда оставались ближайшими соседями. Однако, как это часто оказывается при рассмотрении конкретных случаев, даже такие критически важные факторы, как прямое соседство, не являются гарантией интенсивного культурного и экономического обмена.

В данном случае, тот факт, что мы знаем только три находки парфянских монет в Согде, говорит скорее против существования значительных экономических связей между двумя странами за все четыре с половиной века их сосуществования. Это становится особенно явно если принять во внимание более чем заметное число находок монет тех же столетий из другой соседней страны, Бактрии-Тохаристана. Так, к настоящему моменту в Согде зарегистрировано, не считая двух значительных кладов, более четыре десятков отдельных находок греко-бактрийских монет (Наймарк, 2005. С. 130-135; Наймарк, 2008. С. 56, прим. 4; Atakhodjaev, 2013; Атаходжаев, 2013; Naymark, 2014; Naymark, 2016; Атаходжаев, 2019; Atakhodjaev, 2021; Atakhodjaev, Naymark, 2023).

Бактрийско-Тохаристанские имитационные чеканы представлены в согдийских находках гораздо хуже. К настоящему моменту зарегистрированы лишь одно подражание Деметрию из Ер-курмана (Ртвеладзе, Нефедов, 1995. С. 61-62) и два подражания Гелиоклу, найденные в долине Кашкадарьи. Этот «отрицательный» результат несколько нивел-

лируется другим свидетельством проникновения бактрийско-тохаристанских подражаний в Согд: две самостоятельные линии монет, воспроизводящих тип тохаристанских подражаний Евкратиду, возникли в долине Кашкадарьи (Беляев, Наймарк, 2015) и в Самаркандском Согде (Атаходжаев, Наймарк, 2020).

Поток монет из Тохаристана вновь увеличился с началом регулярной кушанской чеканки при Куджуле Кадфизе. К настоящему моменту в Согде зафиксировано 48 отдельных находок кушанских монет и один микроклад состоящий из трех экземпляров (Атаходжаев, Наймарк, 2021) (с момента этой последней публикации количество зарегистрированных находок кушанских монет в Согде выросло на семь единиц). В целом же, на три парфянские монеты приходится, даже если не принимать во внимание кладовый материал, чуть меньше сотни находок бактрийско-тохаристанских монет.

Можно думать, что причины такого положения на разных исторических этапах были разными, но главным и самым основным фактором была конфигурация политических границ.

Ситуация в Маргиане за время существования Парфянского государства. Ключевой вопрос исторической географии, на который здесь необходимо ответить: кому принадлежала Маргиана в разные периоды парфянской истории? Первая работа, специально посвящённая этой теме, появилась ещё в середине XX столетия (Массон, 1951), но поскольку данные письменных источников по этой проблеме, как классических так и китайских, предельно кратки и не вполне определённы, а зачастую и вовсе неоднозначны, это исследование не могло предложить однозначный ответ на поставленный вопрос. За последние десятилетия, однако, появился достаточно значительный нумизматический материал, который продвинул нас на пути к решению этой проблемы.

Так, судя по монетным находкам, Маргиана входила в состав Греко-Бактрийского царства со времени Диодота I до правления Евкратиды I включительно (Массон, 1970, С. 12-23; Loginov, Nikitin, 1996, P. 40; Smirnova, 1996, С. 270; Смирнова, 1999, С. 254; Smirnova, 2007, P. 379-381). Это значит, что между собственно парфянскими землями и Согдом во второй половине III – первой половине II вв. н.э. располагалась обширная территория контролируемая бактрийскими греками, которые значительную часть этого времени состояли во враждебных отношениях как с Аршакидами, так и кочевниками, захватившими Согд около 230 г. до н.э. (Наймарк, 2023).

Нумизматическая ситуация в Маргиане после середины II века до н.э. выглядит так: «Все монеты, чеканившиеся в Маргиане в парфянский период, можно разделить на две разные группы: (1) драхмы и бронзовые монеты чеканенные от имени аршакидских царей между последней четвертью II века до н.э. и началом I века н.э.; (2) “бронзовые драхмы” местных правителей очевидно связанных с иранскими Аршакидами. В том, что эти местные правители были независимы начиная с первой половины

I века н.э. очевидно из их монет – некоторые из них несут надписи греческим письмом или парфянские легенды с именами отличными от современных им иранских Аршакидов» (Loginov, Nikitin, 1996, P. 39).

Первую из этих групп – 88 монет из находок 1940-х – начала 1990-х обработали С.Д. Логинов и А.Б. Никитин. Самый ранний из опубликованных ими экземпляров относится к правлению Фраата II (138-126 гг. до н.э.) (Loginov, Nikitin, 1996, P. 42-43, No 2). К правлению того же царя относится и самая ранняя известная парфянская монета с монограммой мервского монетного двора MAP – драхма из раскопок В.Н. Пилипко на Гарры-Кяриз в Парфиене (Пилипко 1976, С. 116, табл. 2, № 28; Loginov, Nikitin 1996, P. 39, 42-43, No 1). Тем не менее, на основании известного пассажа в Эпитоме Юстина [41.4. 1-3], исследователи полагали возможным, что Маргиана перешла под контроль парфян уже в конце правления Митридата I (170-138 гг. до н.э.). Самые поздние опубликованные парфянские монеты общегосударственного образца из находок в Маргиане относятся к правлениям Артабана II (12-41 гг. н.э.) и Вардана I (12-40 гг. н.э.) (Loginov, Nikitin, 1996, P. 47, №№ 46-48). Известны, правда, монеты Фраата V (Фраатака) (2 г. до н.э. – 4 г. н.э.) и Готарза II (38-51 гг. н.э.) со знаком П под луком, но А.Б. Никитин сомневался в том, что это свидетельство сохранения прямого контроля парфянских царей над Маргианой, а не просто дань традиции (Loginov, Nikitin 1996, P. 47, №№ 46-48). Другими словами, последним парфянским царем, прямо контролировавшим Маргиану, А.Б. Никитин считал Фраата IV (37-2 гг. до н.э.).

Главное исследование «бронзовых драхм» местных правителей, как видели выше, принадлежит В.Н. Пилипко (Пилипко, 1980; Пилипко, 1985б). Он убедительно продемонстрировал зависимость иконографии монет выделенной им серии III от центрального чекана Вологеза I (51-78 гг. н.э.). Однако, В.Н. Пилипко считает, что «нет никаких оснований приписывать монеты этой серии с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ к чекану самого Вологеза I. Это, бесспорно, чекан какого-то самостоятельного правителя (или двух правителей), дерзнувших присвоить себе титул “царь царей”. Красноречивым свидетельством этого является продолжающий эту серию тип III.3, монеты которого имеют легенду с именем царя – Санабар» (Пилипко, 1980, С. 119).

Единственный письменный источник, дающий достаточно определённую информацию о политическом статусе Маргианы в эту эпоху, относится к самому концу I века н.э. – по сведениям Хоу Ханшу: «Город Мулу (Мерв) располагается в восточной зоне, которую также называют Малое Анси (Парфия)» (Hill, 2009, P. 23, 238-239; Zanous, Yang 2018, P. 125-127). В китайских источниках так обычно обозначаются полунезависимые владения. Скорее всего, эта информация восходит к отчету Гань Ина, которого Бань Чао отправил в 97 г. н.э. с посольством в Рим (Hill, 2009, P. 23, 240-254).

Маргиана сохраняла некоторую независимость ещё и при ранних Сасанидах – царь Мерва Арташир упоминается в числе вассалов Ардашира I в надписи Шапура I на Кааб-и Зардушт (Huysse, 1999, Vol. I.

Р. 54). А.Б. Никитин отнес к его чекану или чекану его ближайшего преемника выпускавшиеся в 240-260 гг. мервские монеты со всадником (*Никитин*, 1986. С. 249). Реинтерпретация этих монет как выпусков самого Шапура I, не так давно предложенная Николаусом Шинделем (*Schindel*, 2010. Р. 23-32), не учитывает первоначальную русскоязычную публикацию, где дана прорисовка легенды с достаточно прилично сохранившегося экземпляра (*Никитин*, 1986. С. 245, рис. 1). Кроме того, высказанное Рикой Гизелин и учтенное Николаусом Шинделем соображение, что у нас нет сведений о мервском владельце во время правления Шапура I (*Afram, Gyselin*, 2003. Р. 286) опирается только на отсутствие упоминания о царе Мерва среди придворных Шапура в надписи на Кааб-и Зардушт. Между тем представленный там список фиксирует положение на момент составления надписи (ок. 262 г. н.э.). Тем самым, он «оставляет» на возможное правление царя Мерва первые два десятилетия из 30-летнего правления Шапура I, т.е. то самое время, когда по наблюдениям В.Г. Луконина, в Иране шел процесс «собираения земель» (*Луконин*, 1969. С. 37-38). Другими словами, несмотря на точность целого ряда иконографических наблюдений Николауса Шинделя, решающего аргумента против отнесения этих монет к чекану местного царя Мерва, он не привел. Как бы ни решался в конечном итоге вопрос о принадлежности монет «мервского всадника», самих по себе сведений надписи на Кааб-и Зардушт вполне достаточно для утверждения, что в начале Сасанидской эпохи Маргиана ещё сохраняла некоторую независимость.

Другими словами, речь идет о трех разных периодах в истории Маргианы: (1) греко-бактрийском (230-е – 140-е гг. до н.э.; (2) парфянском (130 гг. до н.э. – первые десятилетия I в. н.э.); и (3) о правлении местных царей (середина I в. н.э. – середина III в. н.э.).

Для полноты картины упомянем, что южная граница Согда как историко-культурной области могла проходить и несколько южнее Бухарского оазиса. Так, по мнению П.Б. Лурье, Амудья упоминался в китайских источниках как Му или Уди (в среднекитайском произношении Моути) и в раннем средневековье был одним из «кантонов» Согда (*Лурье*, 2021). Если принимать эту гипотезу, то расстояние между Маргианой и Согдом несколько сокращается. Однако, нумизматических материалов для подкрепления этой гипотезы у нас нет – находки доисламских согдийских монет в оазисе Амудья пока неизвестны.

Находки раннепарфянских монет в приамударьинских районах. Посмотрим под этим углом зрения на те несколько находок парфянских монет, которые зарегистрированы в приамударьинских районах. В 1927 г. в Керки найдена драхма Синатрука (75-70 до н.э.) с надчеканом, про который М.Е. Массон писал, что он такой же как в Мервском кладе 1912 года (т.е. «в виде головы лошади (или оленя?) со следами неясной легенды») (*Массон*, 1928. С. 285, № 4). Ещё одна драхма Синатрука была найдена выше по течению на городище Мирзабек-кала в Мирзабекском оазисе (*Пилипко*, 1976. С. 24; *Пилип-*

ко, 1985в. С. 189, кат. № 32). У того же городища (в исходной публикации -- Мирзабек-депе Басагинского района) в 1949 г. была найдена драхма Фраата III (70/69-58/57 до н.э.) (*Массон*, 1955. С. 205; *Пилипко*, 1976. С. 24; *Пилипко*, 1985в. С. 189, кат. № 33). К сожалению, не вполне понятно, сколько и каких парфянских монет найдено на Кампыр-тепе. В разных публикациях их число варьировалось от 6 до 12 [*Rtveladze*, 2000. С. 89; *Ртвеладзе*, 2010. С. 13; *Бирюков*, 2010. С. 34-49; *Rtveladze*, 2011. С. 149-178; *Ртвеладзе* 2012, С. 143], но только 6 попали в коллекцию Института искусствознания в Ташкенте. После очистки этих «выживших» монет две оказались неопределимы, три другие идентифицированы не как собственно парфянские монеты, а как медные подражания драхмам Фраата IV, и лишь одна монета оказалась действительно парфянской – медный номинал маргианского чекана Фраата IV (37-2 до н.э.) (*Gorin*, 2010. Р. 107-111; *Горин*, 2011. С. 305-307, табл. 1, 1). И, наконец, среди нумизматических материалов, полученных экспедицией Б.А. Ставиского в ходе работ 1979-80 гг. на Орлиной Горке (Ходжа Гульсуар), расположенной на 30 км выше Термеза по течению Амударьи, оказался «маргианский обол Фраата IV» (*Ставиский*, 1985. С. 126-7; *Ставиский*, 2001. С. 53).

Таким образом, в возделанной приамударьинской полосе между Земмом (Керки) и Ходжа Гульсуаром, т.е. на протяжении почти 270 км зарегистрировано шесть достоверных находок парфянских монет: пять серебряных и одна медная. Вполне очевидно, что этих скудных данных недостаточно для каких-либо серьёзных исторических реконструкций, и уж тем более для определения политических границ. Нетрудно, однако, заметить, что все эти монеты были выпущены между 75 и 2 гг. до н.э. и, тем самым, приходятся на второй из обозначенных выше периодов, когда цари Парфии контролировали Маргиану и их владения непосредственно граничили с приамударьинской зоной.

Возможная интерпретация находок парфянских монет «за Согдом». Именно потому, что раннепарфянских монет в Согде пока не обнаружено, находки их в районах, расположенных по отношению к Парфии «за Согдом», приобретают особый интерес, поскольку они почти наверняка прошли через территорию Согда, прежде чем попасть в места их недавнего обнаружения. У нас есть информация о четырех парфянских монетах из «северных» районов Центральной Азии: двух в Фергане, и по одной из района Таласа и с берега Иссык-Куля (см. приложение в конце статьи).

Как и следовало ожидать, три из четырех известных сейчас находок парфянских монет «за Согдом» относятся к I веку до н.э., т.е. к тому же самому периоду, когда Маргиана входила в зону, контролируемую парфянскими царями. Драхма Орода II (57-38 гг. до н.э.) была найдена возле Коканда (*Массон*, 1931. С. 8, № 4). Халк Митридата IV (58-55 гг. до н.э.) происходит из Ошской области (*Камышев*, 2017. С. 9, фототабл. 1 / 2). А в горном районе к северу-западу от Тараза (Таласа) и к северо-востоку от Шимкента (Испиджаба) зафиксирована ещё одна

драхма Фраата IV (37-2 гг. до н.э.) (ОАК 1901, С. 144, 171; Лунин, 1969. С. 178-179).

Сами по себе три отдельные находки мало что говорят, но дело в том, что эти три парфянские монеты – единственные ранние «западные» монеты, которые в это время появляются в северных регионах Центральной Азии. Ни в Фергане, ни в Талаской долине, ни в Семиречье, ни на Иссык-Куле нет ни селевкидских, ни греко-бактрийских монет, и, более того, нет даже ранних бактрийских и согдийских подражаний эллинистическим монетам. Самая ранняя бактрийская монета, зарегистрированная в Фергане – медное подражание Гелиоклу позднего типа, датирующееся I веком н.э. (Массон, 1956. С. 65, табл. № 8). Что же касается согдийского чекана, то самая ранняя из ферганских находок – это происходящая из Ошской области монета по типу тетрадрахм Евтидема (л.с.: правитель в тиаре; о.с.: Геракл, сидящий на трапециевидной скале, и легенда *MR'Y wnwk*) (Камышев, 2002. С. 64, фото 97, С. 65, С. 123, № 97; Камышев, 2014. С. 55). Монеты этой серии чеканились в Бухаре в первой половине III в. н.э. (Naymark, 2023). На фоне такого нумизматического вакуума даже три разрозненные находки парфянских монет I в. до н.э. заслуживают самого пристального внимания.

То, что эти три находки не являются случайностью, или, выражаясь точнее, статистической погрешностью из тех, что возможны при совсем маленьких выборках, подтверждается сведениями китайских источников. Они сообщают о сравнительно интенсивном обмене посольствами между Парфией и Китаем начиная с 115 г. до н.э. (Wang, 2007). Для нас же особенно важно, что в Китай прибывают парфянские посольства, причем, согласно повествованию о Давани в «Исторических Записках» Сыма Цяня, в 110 г. до н.э. парфянский посол прибыл в Китай вместе с послом из Сусе [Сыма Цянь, 2010. С. 209]. Два других упоминания Сусе в китайских хрониках определённо позволяют идентифицировать его как согдийское владение (Bi Bo, 2019, С. 53-54), а древнекитайское произношение иероглифов, составляющих слово Сусе, достаточно точно передаёт название Согда (Pulleyblank, 1963. Р. 214, 219). Другими словами, информация Ши Цзи позволяет считать, что парфянское посольство прошло через Согд, чтобы попасть на хорошо разведанную к этому времени дорогу, соединявшую Давань с Китаем.

Таким образом, сопоставление наших крайне лимитированных нумизматических данных со столь же скудными сведениями письменных источников позволяет предполагать, что в конце II и I веке до н.э. парфяне были активны не только на Амударье, но и за Согдом, т.е. на дорогах, ведущих, в конечном итоге, в Китай. Характерно, что на том же временном отрезке приток бактрийско-тохаристанских монет в Согд практически прекращается. Здесь нужно отдать должное интуиции В.В. Бартольда, который почти столетие назад писал, что «парфяне лучше других народов сумели воспользоваться открывшимся во II в. до н.э. караванным путем из Китая в Переднюю Азию» (Бартольд, 1963б. С. 178).

Похоже, однако, что к I веку н.э. дорога, уходившая из Маргианы на северо-восток, стала терять своё значение. Характерно, что главная транспарфянская магистраль, описанная в «Парфянских стоянках» Исидора Харакского, писавшего скорее всего в начале I в. до н.э., тянется на северо-восток лишь до Маргианы, и по достижении оной резко поворачивает на юг и уходит в Арею (*Isidore of Charax*, 1914). Это, конечно, не вполне надежный *argumentum ex silentio*, но он, как будто, перекликается с существующими сейчас нумизматическими данными.

Важно также отметить, что китайская дипломатия в I-II вв. н.э. искала не столько торгового партнерства с Парфией, сколько контактов с Римом, или даже обходных путей, которые позволили бы китайским товарам достигать средиземноморских рынков без парфянского посредства.

Некоторые выводы

Обнаружение трех медных маргианских монет в Согде указывает на существование связей между двумя странами. С другой стороны, оценка этих новых данных на фоне многократно выросшего объема согдийского нумизматического материала, также как и учёт подобных находок в ближайших к Согду регионах, определённо подталкивает нас к негативному умозаключению: редкость находок парфянских монет свидетельствуют скорее против существования значительных экономических связей между Парфией и Согдом. Конечно, при общей оценке ситуации необходимо принимать во внимание сравнительно низкий уровень развития товарно-денежных отношений в Трансоксиане, отторгнутой от экономически более развитого ближневосточного мира кочевническими вторжениями и, соответственно, не стоит полностью полагаться только на нумизматические данные. Однако, малочисленность находок парфянских монет нельзя и снимать со счетов, особенно в виду сравнительно многочисленных бактрийско-тохаристанских материалов того же рода.

Все дальнейшие выводы статьи основываются на сопоставлении тех чрезвычайно скромных парфянских материалов, которые всё-таки к настоящему времени в Трансоксиане накопились, и перипетий в истории Маргианы, расположенной на северо-восточной границе Парфии.

До второй половины II века до н.э. Маргиана входила в состав бактрийского царства греков и, соответственно, по основной трассе, соединявшей её с Согдом, могли поступать, в первую очередь, греко-бактрийские монеты.

Под контроль Парфии Маргиана перешла либо в конце правления Митридата I, либо при его сыне и преемнике Фраате II. Она оставалась в её составе Парфянской Империи до начала I в. н.э. Все шесть монет общегосударственного парфянского образца, которые происходят из оазисов, расположенных по течению Амударьи, относятся к этому времени. К тому же первому столетию до н.э. относятся и три из четырех парфянских монет зафиксированных

на территориях расположенных по отношению к Парфии «за Согдом». Эти находки показывают, что некоторое движение парфянских товаров в северо-восточном направлении в I в. до н.э. всё-таки намечалось. Связано оно было, скорее всего, с освоением северного пути в Китай после Даваньской экспедиции 101 г. до н.э.

Не позднее середины I столетия н.э., однако, Маргиана обрела независимость, по крайней мере частичную. Вполне резонно предположить, что появление такого буферного государства привело к сворачиванию дипломатических усилий парфян на путях, ведущих в Китай. Между тем, древняя торговля всегда была наитеснейшим образом связана с дипломатией.

В то же самое время образуется новое направление в движении монетной массы – с начала II в. н.э. нарастает поток кушанских монет, движущийся в широтном направлении – из Бактрии-Тохаристана в Хорезм. Причины этого движения ещё не вполне ясны, но два важных фактора можно идентифицировать: (1) то, что Э.В. Ртвеладзе назвал Великим Индийским путем; и (2) импорт мехов из Восточной Европы, шедший через Хорезм по крайней мере с конца I в. н.э.

Публикуемые здесь находки трёх медных драхм маргианского чекана относятся ко второй половине I и ко II веку н.э. Они найдены на трассах путей, соединивших Согд с приамударьинскими областями, и, скорее всего, отражают участие маргианской меди в широтном потоке монет, двигавшихся по Амударье в направлении Хорезма. Количество известных сейчас находок парфянских и маргианских монет как на Амударье, так и в Согде, а также «за Согдом» – в Фергане и Семиречье, крайне незначительно, и потому все выводы нашей статьи носят сугубо предварительный характер.

Приложение I

Список парфянских монет, найденных «за Согдом»

Три из четырех парфянских монет, найденных в северных районах Центральной Азии, расположенных по отношению к Парфии «за Согдом», известны лишь по старым публикациям, подготовленным на современном им уровне развития парфянской нумизматики, и не снабженным иллюстрациями. Поэтому мы решили воспроизвести информацию из этих труднодоступных старых изданий, снабдив их комментариями с некоторыми уточнениями, ставшими к настоящему времени уже необходимыми. А уже поскольку этот «каталожец» для общего удобства пользователей должен быть полным, то мы включили сюда же и единственную недавнюю находку с «северных территорий», опубликованную А.М. Камышевым.

1. Согласно М.Е. Массону (1931. С. 8, № 4): «в 1927 году в окрестностях города Коканда найдена парфянская драхма Орода I (57 – 38/37 г. до х.э.)»

Ав. «Бюст Орода I в царской повязке влево; за головой полумесяц с точкой. Ободок точечный.

Rev. Сидящий Аршак и монограмма как № 5. Легенда – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΑΡΣ-ΛΚΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ ΔΙΚΑΙΟΥ ΕΡΙΦΑΝΟΥΣ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.»

Комментарий. Судя по титулу, а также по упоминанию диадемы и полумесяца с точкой за головой речь идет от типа, которому Давид Селлвуд присвоил номер 46.22 (Sellwood, 1980. P. 144), и который этот исследователь относит к чекану Орода II (57-38 гг. до н.э.).

2. В 1984 г. в Ошской области был найден парфянский халк. Монета хранится в коллекции А.М. Камышева, им же была опубликована и отнесена к правлению Митридата III (57-54 гг. до н.э.). (Камышев, 2017. С. 9, фототабл. 1/2).

Комментарий. Тип соответствует 40.18 в классификации Селлвуда, где и отнесен к чекану Митридата III (Sellwood, 1980. P. 126). Сопоставляя данные хранящегося в Британском музее фрагмента клинописного астрологического дневника с текстом Иосифа Флавия, а также учитывая косвенные данные других письменных и нумизматических источников, Голампеза Ассар показал, что в Парфии был ещё один царь с именем Митридат, даты правления которого выпадают на июль/август 87 – август/сентябрь 80 гг. до н.э. (Assar 2006, P. 69-75). Соответственно, в новом варианте парфянской генеалогии и хронологии царь, выпустивший найденную в Оше монету, стал Митридатом IV, а с учетом новых календарных расчётов, даты его правления теперь относят к 58-55 гг. до н.э. (Assar, 2006. P. 96-97).

3. Б.В. Лунин писал со ссылкой на Архив ЛОИА (Ф. 1, оп. 1, л. 187, 1901 г., л. 1-3), что «30 июля 1901 г. военный губернатор СДО [Сырдарьинской области – Прим. авторов] направил в Комиссию [Императорскую археологическую комиссию. – Прим. авторов] серебряную аршакидскую монету (драхма царя Фраата IV), найденную при земляных работах в местности Джаллаули «близ древнего урочища Чайновской волости Чимкентского уезда, в 25 верстах к востоку от станции Бугунь» (Лунин, 1969. С. 178-179). Та же информация, но с меньшим количеством деталей, опубликована в ОАК за 1901 г. (Отчет, 1901. С. 144, 171). При этом в ОАК указывается, что монета была передана в Санкт-Петербургский университет. В Археологической комиссии монеты определял А.К. Марков.

Комментарий. Фраат IV правил с 37 до 2 г. до н.э. Станция Бугунь существует и сейчас. Она расположена в горах Каратау, в 60 км к С-З от нынешнего Тараза, и в 70 км к С-С-В от Шимкента. Местность Джаллаули без путешествия на место идентифицировать трудно, поскольку казахское *жайлау* (в других тюркских языках: *джайляу*, *джайла*, *джайлоо*) это – общеупотребимое слово, обозначающее летнее пастбище, обычно высокогорное, что прекрасно подходит для общего описания местностей в 25 км к востоку от станции Бугунь.

4. М.Е. Массон сообщал, что «в дореволюционное время в окрестностях города Каракола, у озера Иссык-Куля найдена парфянская драхма Митридата IV», и что ему удалось ознакомиться с ней «по оттиску, любезно доставленному А.И. Шевченко» (Массон, 1931. С. 8, № 5).

Av. «Бюст Митридата в царской повязке влево.»

Rev. «Сидящий Аршак и монограмма как № 6». Легенду М.Е. Массон воспроизводит в типографском шрифте как: ... ΛΙ ... ΟΛΙΔΙΝ ΛΓΣΑΝΟ ΓΥΠΓΙ ΔΙΚΑΙΟΥ ... + ΑΝΟΥΣ и реконструирует как «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΑΡΣΑΚΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ ΔΙΚΑΙΟΥ ΕΡΙΦΑΝΟΥΣ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ.»

Комментарий. Очень краткое описание М.Е. Массона, конечно, не обеспечивает всех необходимых деталей, потребных для точной атрибуции, но как легенда с её характерными искажениями, так и монограмма вполне подходят под тип драхм, получивший у Селлвуда номер 82 (*Sellwood*, 1980. P. 264), и относимый им к правлению Митридата IV. После недавних ревизий парфянской генеалогии и хронологии (*Assar*, 2011. P. 113-171), царя, при котором чеканили тип 82 и, скорее всего, была выпущена каракольская монета, стали именовать Митридатом V. Несмотря на эту «ренумерацию» его царствования, сами даты правления остаются прежними, такими же как у Селлвуда, т.е. 115-147 гг. н.э.

Приложение II

Согдийские монеты в Парфии

Развивая тему парфяно-согдийских отношений по данным нумизматики, нельзя обойти и единственную известную находку согдийских монет в Парфии – 12 самаркандских подражаний Антиоху из Старой Нисы (*Smirnova*, 1996. P. 270-271, P. 275, №№ 46-57, С. 276-277, №№ 46-57). Одиннадцать из них были найдены на суфе и под (?) суфой в помещении Г северного комплекса (*Smirnova*, 1996. P. 270-271, 282-283, №№ 46-53, 55-57, табл. на стр. 273) вместе драхмой Александра Балы (150-145 гг. до н.э.) (*Smirnova*, 1996. P. 264, 278, № 20) и семью драхмами черноморского порта Амиса. Н.М. Смирнова опубликовала пять из этих драхм, хранящихся в коллекции ЮТАКЭ: четыре отчеканенных ещё в доэллинистическую эпоху, в период, когда этот малоазиатский город именовался Пиреем (*Smirnova*, 1996. P. 263, 276, № 1-5), а одну несколько более позднего образца (*Smirnova*, 1996. P. 263, 276, № 6). Ещё одно, двенадцатое подражание Антиоху происходит с пола помещения, расположенного за южным фасадом «Здания с квадратным залом Старой Нисы» (*Smirnova*, 1996. С. 271, 283, № 54). Вместе с ним опять-таки была найдена монета Амиса (*Smirnova*, 1996. С. 263, 276, № 1). По сведениям М.И. Максимовой, полученным от М.Е. Массона в 1950-х гг., общее число монет Амиса, найденных в Старой Нисе, достигало восьми (*Максимова*, 1956. С. 82). Действительно, ещё две ранние монеты Амиса из комнаты Г оказались в числе нумизматических материалов, переданных Г.А. Пугаченковой в 1986 гю в фонд Музея истории Узбекистана (*Мусакаева*, 2017. С. 36, №№ 1, 2). Несмотря на то, что подражания Антиоху происходят из двух разных точек северного комплекса Старой Нисы, не может быть никаких сомнений в том, что они изначально составляли одну группу, почему-то разъединенную и разнесенную в разные места ещё в древности. В этом убеждает повторяющееся в обоих случаях уникальное соче-

тание двух совершенно необычных для Парфии категорий монет.

Все двенадцать подражаний Антиоху из Старой Нисы принадлежат ко второй стадии этого самаркандского чеканка (140-е – 150-е гг. до н.э.). Более того, в находке не представлены монеты ранней фазы этой второй стадии. Все они относятся к средней и поздней фазам, которые с большой вероятностью можно датировать от самого конца II в. до н.э. до середины I в. н.э.

Как можно интерпретировать находку в царском мемориально-поминальном комплексе 12-ти подражательных, почти совершенно нечитаемых монет с пониженным содержанием серебра? Предположение, что подражания Антиоху могли иметь хождение в Парфии, не кажется нам правдоподобным. И дело здесь не только в том, что кроме этой единственной группы монет из совершенно особого контекста – династийного комплекса Старой Нисы, других находок таких подражаний на территории Парфии и даже Маргианы не встречено. Главная проблема была в пониженном качестве серебра, которое стало достаточно заметно на второй стадии чеканки подражаний Антиоху и которое наверняка лишало бы эти монеты статуса «сокровищ», а тем самым и возможности признания на «рынке международной валюты». По той же самой причине невозможно представить себе, что они могли попасть в Парфию просто как весовое серебро. С другой стороны, низкое содержание драгоценного металла, как и общая, мягко говоря, «непрезентабельность» этих подражательных выпусков не позволила бы их использование в качестве дипломатического дара, так сказать «государственного сувенира». Да и сама Ниса к этому времени уже перестала быть главным политическим центром Парфянского государства (cf. *Zanous, Yang*, 2018. P. 125-125, footnote 1), а потому и крайне маловероятно, чтобы туда доставлялись дипломатические дары. Столь же непохоже на то, что это был просто сувенир, привезенный частным лицом в качестве подарка – в этой находке слишком много однотипных монет, да и место их обнаружения имеет сугубо официальный характер.

Из причин дальних странствий древних монет, традиционно учитываемых нумизматами, остаются лишь храмовые дары, основную массу которых составляли приношения частных лиц. Такие вотивы нередко включали экзотические предметы, многие из которых могли и не иметь «внутренней стоимости», обеспечиваемой ценностью исходного материала (драгоценного металла или камня, редкой кости и т.п.). При этом они как объекты, принадлежащие богам, всё равно помещались в храмовые хранилища и в конце концов оказывались в захоронениях священных предметов, в ботросах и фависах. Заметим, что согласно определению М.Е. Массона, помещение, где были найдены монеты, функционировало как сокровищница (*Массон*, 1953а. С. 150). И далее, учитывая мемориально-культурный характер всего комплекса Старой Нисы, мы вполне резонно можем предположить, что эта необычная для Парфии группа монет могла быть таким вотивным подношением.

А если так, то находка эта свидетельствует, скорее всего, о непосредственных контактах. В этой связи хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что датировка найденных в Нисе подражаний Антиоху укладывается во второй из обсуждавшихся выше периодов, в течении которого Маргиана входила в состав Парфянской империи. Другими словами, монеты эти относятся к тому времени, когда парфянские границы максимально придвинулись к Согду, и когда парфяне появляются на путях, ведущих через Согд в Китай.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаходжаев*, 2013 – *Атаходжаев А.Х.* Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV-II вв. до н.э. // *Scripta Antiqua*. Том 3. М.: Собрание, 2013. С. 243-280.
- Атаходжаев*, 2019 – *Атаходжаев А.Х.* Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV-II вв. до н.э. (Addenda et corrigenda) // *Scripta Antiqua*. Том 8. М.: Собрание, 2019. С. 29-61.
- Атаходжаев*, *Наймарк*, 2020 – *Атаходжаев А.Х., Наймарк А.И.* Самаркандские подражания тохаристанским подражаниям оболам Евкратиды // *Узбекистан и Центральная Азия в системе мировой цивилизации. Материалы международной научной онлайн-конференции. Самарканд*, 2020. С. 184-186.
- Атаходжаев*, *Наймарк*, 2021 – *Атаходжаев А.Х., Наймарк А.И.* Неопубликованные находки кушанских монет в Согде // *Археология Узбекистана*, 2021. Вып. 1. С. 42-62.
- Байтанаев*, *Петров*, *Брагин*, 2020 – *Байтанаев Б.А., Петров П.Н., Брагин А.О.* Денежное обращение в Южном Казахстане в III–XV вв. Кн. 1. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.
- Бартольд*, 1963а – *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I. М.: Изд-во восточной лит., 1963. 761 с.
- Бартольд*, 1963б – *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II, часть 1. М.: Изд-во восточной лит., 1963. 1020 с.
- Беляев*, *Наймарк*, 2015 – *Беляев В.А., Наймарк А.И.* Чекан Нахшеба второй половины I века н.э. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М.: Государственный исторический музей, 2015. С. 53-55.
- Бирюков*, 2010 – *Бирюков Д.В.* Пандахейон и Парфавниса (эвристическое значение аршакидских монет с Кампыртепа) // *Нумизматика Центральной Азии*. Вып. IX. Ташкент: Нихол, 2010. С. 34-48.
- Бурханов* 2007 – *Бурханов А.А.* Кушанские и кушано-сасанидские монеты из Лебапского региона (по материалам археологических исследований в области Амуля) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. № 3 (31), С. 80-86.
- Вайнберг*, 1977 – *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. 194 с., 31 табл.
- Вайнберг*, 1982 – *Вайнберг Б.И.* Кушанские монеты в древнем Хорезме // *Древняя Индия. Историко-культурные связи*. М.: Наука, 1982. С. 61-65.
- Горин*, 2013 – *Горин А.Н.* Парфянские монеты Кампыр-тепа // *Scripta Antiqua*. Т. 3. М.: Собрание, 2013. С. 302-329.
- Ибн Хордадбех*, 1986 – *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. Пер. с араб., комм., исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 427 с.
- Камышев*, 2002 – *Камышев А.М.* Нумизматическое наследие Кыргызстана. Бишкек: Национальный Банк, 2002. 128 с.
- Камышев*, 1917 – *Камышев А.М.* Монеты на великом Шелковом пути (Кыргызстан) // *Археология Евразийских степей*. 2017. № 6. С. 7-13.
- Логинов*, *Никитин*, 1986 – *Логинов С.Д., Никитин А.Б.* Монеты с всадником из Мерва // *СА*. 1986. № 3. С. 243-249.
- Лунин*, 1969 – *Лунин Б.В.* К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана // *ИМКУ*. 1969. № 8. С. 169-192.
- Лурье*, 2021 – *Лурье П.Б.* Оксийские кантоны Согдианы в китайских исторических источниках // *АВ*. Вып. 32. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 347-355.
- Максимова* 1956 – *Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья: Синопа, Амис, Трапезунд. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 472 с.
- Массон*, 1928 – *Массон М.Е.* Монетные находки в Средней Азии 1917-1927 гг. // *Известия Среднеазиатского археологического комитета*. Вып. 3. Ташкент, 1928. С. 280-293.
- Массон*, 1931 – *Массон М.Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. // *Материалы Узкомстариса*. Выпуск 5. Ташкент, 1931. 18 с.
- Массон*, 1953а – *Массон М.Е.* Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана // *ВДИ*. 1953. №1. С. 143-160.
- Массон*, 1953б – *Массон М.Е.* О северо-восточных пределах Парфянского государства // *КСИИМК*. Вып. 38. Л.: 1951. С. 145-151.
- Массон*, 1955 – *Массон М.Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948-1952 гг. // *Труды ЮТАКЭ*. Т. V. Ашхабад: Изд-во АН Туркм.ССР, 1955. С. 197-249.
- Массон*, 1956 – *Массон В.М.* Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиока // *Эпиграфика Востока*. Т. XI. М.-Л.: 1956. С. 63-75.
- Массон*, 1957 – *Массон В.М.* Восточнопарфянский правитель Санабар // *Нумизматический сборник*. Ч. 2. Труды ГИМ. Вып. XXVI. М.: ГИМ, 1957. С. 34-42.
- Массон*, 1966 – *Массон М.Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в

- пределах Туркменской ССР) // Труды ЮТАКЭ. Т. XIII. Ашхабад: Туркменистан, 1966. 298 с.
- Массон*, 1970 – *Массон М.Е.* К вопросу о Маргиане в составе греко-бактрийского царства // Известия АН Туркм.ССР, серия общественных наук, 1970. № 5. С. 12-23.
- Мусакаева* 2017 – *Мусакаева А.А.* К изучению монет Амиса и Согда на Великом Шелковом пути // Археология Узбекистана. 2017, № 2 (15). С. 35-46.
- Наймарк*, 1992 – *Наймарк А.И.* Географический фактор в истории Пайкенда // Социально-пространственные структуры в стадияльной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы докладов конференции. М.: ИА АН СССР, 1992. С. 175-177.
- Наймарк*, 2005 – *Наймарк А.И.* Находки греческих монет в Согдиане // Нумизматика и эпиграфика. Т. XVII. 2005. С. 116-138.
- Наймарк*, 2008 – *Наймарк А.И.* О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // ВДИ. 2008. №1. С. 55-70.
- Никитин*, 1991 – *Никитин А.Б.* Монетные находки из района городища Шах-Сенем // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Часть I. М.: ИЭА АН СССР, 1991. С. 120-124.
- Никитин*, 2008 – *Никитин А. Б.* Восточная ветвь Аршакидов. Туркменистан в парфянскую эпоху // Туркменистан в парфянскую эпоху // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций. Материалы Междунар. науч. конф. Ашхабад, 2008. С. 221-225.
- Оразов*, 1972 – *Оразов О.* Парфянские монеты // Памятники Туркменистана. 1972. № 2. С. 20-21.
- Оразов*, 1975 – *Оразов О.* Находки монет из Серахско-го оазиса // ВДИ. 1975. № 1. С. 75- 77.
- Отчет 1901 – Отчет Императорской археологической комиссии за 1901 г. СПб., 1903. 197 с.
- Петров*, *Астафьев*, *Белтенев*, 2020 – *Петров П.Н., Астафьев А.Е., Белтенев Ж.М.* История полуострова Мангышлак в памятниках нумизматики // Материалы международной онлайн-конференции «I Иссыкские чтения: Золотой человек и проблемы археологии кочевников степного пояса Евразии». Алматы: Есик, 2020. С. 73-78.
- Пилипко*, 1972 – *Пилипко В.Н.* Некоторые археологические памятники правобережья Средней Амударьи // Известия АН Туркм.ССР, серия общественных наук. 1972, № 5. С. 72-77.
- Пилипко*, 1976 – *Пилипко В.Н.* Клад парфянских монет из Гарры-Кяриз // ВДИ, 1976, № 3, С. 114-121.
- Пилипко*, 1978 – *Пилипко В.Н.* Топография находок кушанских монет на побережье Средней Амударьи // История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978. С. 89-97.
- Пилипко*, 1985 – *Пилипко В.Н.* Находки парфянских монет на Амударье // Памятники Туркменистана. 1976, № 2. С. 24.
- Пилипко*, 1980 – *Пилипко В.Н.* Парфянские бронзовые монеты со знаком П под Луком // ВДИ. 1980. № 4 (154). С. 105-124.
- Пилипко*, 1985а – *Пилипко В.Н.* Побережье Средней Амударьи // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1985. С. 243-249.
- Пилипко*, 1985б – *Пилипко В.Н.* Монетный чекан Маргианы (Табл. CI) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1985. С. 389.
- Пилипко*, 1985в – *Пилипко В.Н.* Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад: Ылым, 1985. 216 с.
- Ртвеладзе*, 2000 – *Ртвеладзе Э.В.* Парфия и Юечжийская Бактрия (некоторые аспекты политической истории) // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд: Фан, 2000. С. 86-90.
- Ртвеладзе*, 2010 – *Ртвеладзе Э.В.* Находки монет на Великом Индийском Пути // Нумизматика Центральной Азии. Выпуск IX. Ташкент: Нихол, 2010. С. 5-25.
- Ртвеладзе*, 2012 – *Ртвеладзе Э.В.* Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. 295 с.
- Ртвеладзе*, *Нефедов* 1995 – *Ртвеладзе Э., Нефедов Н.* 1995. Уникальная серебряная монета греческого правителя из Ер-Кургана (Южный Согд) // Нумизматика Центральной Азии. Вып. I. Ташкент, 1995. С. 60-62.
- Смирнова*, 1999 – *Смирнова Н.М.* Находки эллинистических монет на городище Гяур-кала (Туркменистан) // Нумизматика и Эпиграфика. Выпуск XVI. М.: ИА РАН, 1999. С. 242-264.
- Ставиский*, 1985 – *Ставиский Б.Я.* Ходжа Гульсуар – Гора Орлиная // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры, и археологии. Тезисы докладов конференции, посвященной 70-летию Г.А. Пугаченковой. Ташкент: Институт Искусствознания, 1985. С. 126-127.
- Ставиский*, 2001 – *Ставиский Б.Я.* Гора Орлиная – Ходжа Гульсуар // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. С. 52-54.
- Сыма Цянь*, 2010 – *Сыма Цянь.* Исторические Записки: Ши Цзи. Т. IX. Пер. под ред. А.Р. Вяткина. М.: Наука, 2010. 623 с.
- Шишкин*, 1963 – *Шишкин В.А.* Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 250 с.
- Alarm*, *Gyselen* 2003 – *Alram M., Gyselen R.* Sylloge Nummorum Sasanidarum Paris-Berlin- Wien. Band I: Ardashir I – Shapur I. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2003, 404 p.
- Assar*, 2006 – *Assar G.R.F.* A revised Parthian chronology of the period 91-55 BC // Parthica. 2006. Vol. 8. P. 55-104.
- Assar*, 2011 – *Assar G.R.F.* Iran under the Arsakids, 247 BC – AD 224/227 // Numismatic Art of Persia. The Sunrise Collection, Part I: Ancient. 650 BC to AD 650. Lancaster: Classical Numismatic Group, 2011. P. 113-212.
- Atakhodjaev*, 2013 – *Atakhodjaev A.* Données numismatiques pour l'histoire politique de la Sogdiane

- (ive-iiie siècles av. n. è.) // *Revue Numismatique*. 2013. Vol. 170. P. 213-246.
- Atakhodjaev*, 2021 – *Atakhodjaev A.* Données numismatiques pour l'histoire politique de La Sogdiane (ive-iiie siècles av. n. è.) (Addenda et corrigenda) // *Revue Numismatique*. Vol. 178. 2021. P. 25-55.
- Atakhodjaev, Naymark*, 2023 – *Atakhodjaev A., Naymark A.* Hellenistic coins found in the Bukharan Oasis // *Western Sogdiana During Antiquity: Archaeological, Numismatic, and Historical Studies*. New York, ISAW/NYU Press: 2023 (в печати).
- Bi Bo*, 2019 – *Bi Bo.* Recent Archaeological Discoveries Regarding Kangju and Sogdiana // *New Research on Central Asian, Buddhist and Far Eastern Art and Archaeology*. Inner and Central Asian Art and Archaeology II. Turnhout: Brepols, 2019. P. 49-62.
- Fröhlich*, 2008 – *Fröhlich Ch.* Monnaies indo-scythes et indo-parthes du departement des Monnaies, Medailles et Antiques Catalogue raisonne. Paris: Bibliotheque nationale de France, 2008. 158 p., 29 p. de pl.
- Gorin*, 2010 – *Gorin A.N.* Parthian Coins from Kampyrtepa // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. 2010. Vol. 1. P. 107-134.
- Hill*, 2009 – *Hill J.E.* Through the Jade Gate to Rome. An annotated translation of the chronicle on the Western Regions in the Hou Hanshu. Cooktown, 2009. 691 p.
- Huise*, 1999 – *Huise P.* Die dreisprachige Inschrift des Sahburs I. an der Ka'ba-i Zardust. Vol. 1- II. London, 1999.
- Hulsevé, Loewe* 1979 – *Hulsevé A.F.P., Loewe M.A.N.* China in Central Asia: the Early Stage 125 BC – AD 23: an annotated translation of chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty. Leiden: Brill, 1979.
- Isidore of Charax* 1914 – Parthian stations by Isidore of Charax. An Account of the overland trade route between the Levant and Indian in the first century B.C. The Greek text with translation and commentary by W. Schoff. London, 1914, 46 p.
- Kagan*, 2011 – *Kagan J.* Archaic Greek coins east of the Tigris: evidence for circulation? // *Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress*, Glasgow, ed. by Nicholas Holmes. London: Spink, 2011. P. 230-234.
- Loginov, Nikitin*, 1996 – *Loginov S.D., Nikitin A.B.* Parthian Coins from Margiana: Numismatics and History // *Studies in Honor of Vladimir A. Livshits*. Bulletin of the Asia Institute, new series. 1996. Vol. 10. P. 39-51.
- Mukaddasi*, 1906 – *Muhammad ibn Aḥmad al-Mukaddasi.* Descriptio imperii moslemici, auctore Shams ad-dīn Abū Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn abī Bekr al-Bannā al-Basshārī al-Moqaddasi. Editio secunda. Bibliotheca geographorum arabicorum, Pars III. Lugdini Batavorum: Brill, 1906. 498 p.
- Naymark*, 1997 – *Naymark A.* A Road from Marw to Samarqand through Nakhshab (A Commentary to al-Muqaddasi) // *Annual Central Eurasian Studies Conference. Abstracts 1997*. Bloomington: Indiana University, 1997. P. 39-40.
- Naymark*, 2014 – *Naymark A.* Seleucid coinage of Samarqand? // *Journal of the Oriental Numismatic Society*. Autumn 2014. № 221. P. 1-5.
- Naymark*, 2016 – *Naymark A.* Finds of Hellenistic coins in the Bukharan oasis // *S. Stark, F. Kidd, D. Mirzaakhmedov, Z. Silvia, S. Mirzaakhmedov, M. Evers.* Bashtepa 2016: Preliminary Report of the First Season of Excavations (with an appendix by Aleksandr Naymark) // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2016. Band 48. P. 250-256.
- Naymark*, 2023 – *Naymark A.* Monetary history of Bukhara in the 4th century BCE-4th century CE. // *Western Sogdiana During Antiquity: Archaeological, Numismatic, and Historical Studies*. New York: ISAW/NYU Press, 2023 (в печати).
- Nikitin*, 1998 – *Nikitin A.B.* Early Parthian Coins from Margiana // *The Art and Archaeology of Ancient Persia: New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. London: I.B. Tauris, 1998. P. 14-19.
- Olbrycht*, 2014 – *Olbrycht M.* The genealogy of Artabanos II (AD 8/9–39/40), King of Parthia // *Miscellanea Anthropologica et Sociologica*. 2014. Vol. 15 (3). P. 92–97.
- Olbrycht*, 2022 – *Olbrycht M.* The Arsakid Empire and Its Internal Structure in the First Century // *Imperia sine fine? Der römisch-parthische Grenzraum als Koflikt- und Kontaktzone*. Stuttgart ,2022. P. 357-370.
- Pulleyblank* 1963 – *Pulleyblank E.G.* The consonantal system of Old Chinese // *Asia Major* 9 (1963), pp. 58–144, 206–265.
- Rtveladze*, 2010 – *Rtveladze E.V.* The Great Indian Road: India – Central Asia – Transcaucasia // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. 2010. Vol. 1. P. 80-96.
- Rtveladze*, 2011 – *Rtveladze E.V.* Parthians in the Oxus Valley. Struggle for the Great Indian Road // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. 2011. Vol. 2. P. 149-178.
- Schindel* 2010 – *Schindel N.* The 3rd Century “Marw Shah” Bronze Coins Reconsidered // *Commutation et Contentio. Studies in the Late Roman, Sasanian and Early Islamic Middle East*. Düsseldorf, 2010. S. 23-32.
- Sellwood*, 1980 – *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia, 2nd edition. London: Spink and Son, 1980. 322 p.
- Senior*, 2000 – *Senior R.C.* A Catalogue of Indo-Scythian Coins. Glastonbury: R.C. Senior Ltd, 2000. 3 vols.
- Simonetta*, 1957 – *Simonetta A.* An essay on the so-called "Indo-Greek" coinage // *East and West*, Vol. 8, No. 1 (April 1957). P. 44-66.
- Smirnova*, 1996 – *Smirnova N.* On finds of Hellenistic coins in Turkmenistan // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 3.2-3. 1996. P. 260-285.
- Smirnova*, 2007 – *Smirnova N.* Some Questions Regarding the Numismatics of Pre-Islamic Merv

- // Cribb J., Herrmann G. (eds.). *After Alexander. Central Asia before Islam*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 377-388.
- Wang*, 2007 – *Wang Tao*. Parthia in China: a re-examination of the historical records // *The Age of the Parthians: The Ideas of Iran*. Vol. 2. London & New York: Tauris, 2007. P. 87–104.
- Zanous, Yang* 2018 – *Zanous H.P., Yang J.* Arsacid Cities in the Hanshu and Houhanshu // *Iran and the Caucasus*, 2018, Vol. 22, No. 2 (2018). P. 123-138.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ВОЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ БАКТРИИ, ХОРЕЗМА И СОГДА

Ш. З. Нурмухамедова, Ф. Ш. Субхонов

Резюме. Сведений по истории фортификации Бактрии, Хорезма и Согда совсем немного, особенно скудны данные о процессах взаимодействий и взаимовлияний военно-архитектурных традиций в этом регионе. В статье предпринята попытка изучить и обобщить результаты археологических исследований и сделать выводы о возникновении и развитии военной архитектуры Трансоксианы. На основе комплексного и сравнительного анализа рассмотрены местные особенности оборонного строительства в VI-IV вв. до н.э. Авторы предлагают также графическую реконструкцию защитных стен ахеменидского и эллинистического периодов на городище Коктепа.

Ключевые слова: военная архитектура, Бактрия, Хорезм, Согд, город.

Summary. There is not much information about the history of the fortification of Bactria, Khorezm and Sogd, especially scarce data on the processes of interaction and mutual influence of military architectural traditions in this region. The article attempts to study and summarize the results of archaeological research and draw conclusions about the emergence and development of the military architecture of Transoxiana. Based on a comprehensive and comparative analysis, the local features of defense construction in the 6th-4th centuries BC are considered. The authors also offer a graphical reconstruction of the defensive walls of the Achaemenid and Hellenistic periods at the site of Koktepa.

Key words: Military architecture, Bactria, Khorezm, Sogd, city.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-176-183

Многолетние работы археологических экспедиций на территории Узбекистана и соседних государств свидетельствуют о наличии на их территории развитой традиции оборонной архитектуры в эпоху античности, которая в этом регионе мира отождествляется с восточным эллинизмом. На становление местной фортификации оказали влияние такие факторы как ландшафт, климат, ирригация, религия и определенная степень культурных взаимодействий, постоянно здесь происходивших. Важную роль играла также система азиатского рабовладения, способствовавшая объединению больших масс людей для строительства городов, крепостей и монументальных зданий (Массон, 1955. С. 37; Хмельницкий, 2000. С. 9). Античный период для Центральной Азии – это время важных социально-экономических перемен, отразившихся и в строительной деятельности. Им предшествовал исходный пласт высокоразвитых оседлых культур бронзового века (Алтын-депе, Сапаллитепа), где уже имелась сырцовая архитектура (Массон, 1979. С. 4).

Все основные историко-культурные области Трансоксианы – Бактрия, Согд, Хорезм, Чач, Устру-

шана и Фергана – сформировавшиеся к началу эпохи раннего железа, находились на относительно одинаковом уровне социального и культурного развития. В этих областях осуществлялось строительство различных типов сооружений – гражданских и культовых, но среди них выделяются Хорезм, Согд и, особенно, Бактрия, ставшая одним из «центров распространения культурных инноваций и архитектурно-строительных достижений в других областях Центральной Азии» (Сагдуллаев, 2009. С. 72).

Военная архитектура – экономический и политический показатель уровня развития государства. Длительная эволюция сыграла большую роль в истории фортификации. Города могли не иметь крепостных стен, роль которых выполняли естественные преграды в виде речных протоков или скал. Необходимость в искусственном ограждении и защите возникла с ростом городских организмов (Абдуллаев, 2011. С. 47). Для возведения внешних укреплений, отличавшихся в древний период внушительными масштабами и монументальностью (к примеру, общая протяженность стен Шахринау – 1,3-1,4 км, Кей-Кобадшаха – 1,3 км, Самарканда – 11

км), требовались большие материальные и человеческие ресурсы (*Заднепровский*, 1976. С. 8-10), четкая налаженная система организации труда, которую мог обеспечить сильный государственный аппарат. В строительстве городских стен участвовали опытные профессионалы, специалисты по полиоркетике, фортификации и строительному делу, ремесленные корпорации, а также сами горожане и рабы (*Массон*, 1968. С. 93-101).

Фортификационные объекты были связаны, в первую очередь, с топографическими условиями, так как «от рельефа местности зависел выбор для них наиболее выгодных позиций, их размеры и характер» (*Хожаниязов*, 1990. С. 88). Крепости сооружались на возвышенностях, в местах слияния рек, среди болот и озер (Пиль-кала). Уровень развития и постоянное совершенствование фортификации было обусловлено состоянием экономики, строительным и военным искусством, а также постоянными контактами с обитателями соседних регионов, вносивших инновационные элементы в традиции военной архитектуры (*Пугаченкова*, 1966. С. 42; *Абдуллаев*, 2006. С. 130). Строительные материалы и конструкции, техника боя и применяемое оружие также влияли на развитие крепостной архитектуры. Её достаточно высокий уровень был связан «с расцветом рабовладельческой системы, формированием крупных государственных образований и с крупными военными операциями» (*Пугаченкова*, 1966. С. 27-43). Общим для всех областей региона служил строительный материал – лёссовая глина в основных ее производных (сырец и пахса), наиболее пригодных для рассматриваемых видов сооружений (*Долгоруков*, 1982. С. 182). Благодаря использованию менее трудоемкой кладки (сырцовые кирпичи укладывались на паховые слои) (*Мамбетбуллаев*, 1990. С. 95), стены становились более устойчивыми к сопротивлению. Также наблюдается использование вместе с сырцом и камня – рваного и необработанного (крепостная стена близ горного кишлака Сина в 30 км от Денау, Дарбандская стена) (*Бельш*, 2020. С. 147). С оборонительной точки зрения основными составляющими крепостей были цитадель, стены с бойницами, башнями и пилястрами, а также привратные сооружения. Их наличие и ритмическая разбивка стен придавали городу архитектурную выразительность, «создавая богатую игру светотени и своеобразный ажурный силуэт» (*Лапиров-Скобло*, 1967. С. 281). Однако, единого шаблона для данных типов сооружений не было, о чем свидетельствует военная архитектура таких историко-культурных областей как Бактрия, Хорезм и Согд.

Военную архитектуру **Бактрии** можно подразделить на городскую, пограничную (крепость Дарбанда) и районную (стены Балха) (*Рахманов*, 1990. С. 82-83). В своем развитии данный вид фортификации восходит к бронзовому веку и претерпел определенные трансформации в период раннего железа. В середине и второй половине II тыс. до н.э. территория Южного Узбекистана была одним из центров формирования культуры древневосточного типа, для которого была характерна «стан-

дартная планировка поселения с крепостью и сложной фортификацией» (*Аскарлов, Альбаум*, 1979. С. 78). Об этом свидетельствуют поселение Кучуктепа с тройным кольцом стен, а также Сапаллитепа с коридорной системой в сочетании с ложными входами-ловушками (*Аскарлов*, 1986. С. 48; 1973. С. 12; *Аскарлов, Альбаум*, 1979. С. 76). На следующем этапе крупные городища ахеменидского времени имели развитую фортификацию и в каждом оазисе были свои крепости: к примеру, для Бандыханского – Бандыхан II с наличием стрелковых казематов, соединительных коридоров, толстых стен у основания (до 6 м), фланкированных полукруглыми башнями. Для Миршадинского оазиса – Кызылтапа (30 га) с двойным рядом стен с бойницами и полуовальной формы башнями (*Сагдуллаев, Хакимов*, 1976). И хотя в середине VI в. до н.э. эти городища разрушаются, но местные традиции возведения укрепленных башнями стен получают последующее развитие.

Контакт с эллинизированным миром оказал определенное влияние на развитие военного искусства Центральной Азии (*Пугаченкова*, 1966. С. 42). В его последовательном развитии можно выявить определенную систему, в которой совмещались как приемы греческой и местной полиоркетики, так и некоторые новые принципы, повлиявшие на развитие военной архитектуры. В первую очередь, в обширной программе урбанизации, начатой греками на Востоке, «использовались исключительные качества местности» (*Лериш*, 1987. С. 68), к примеру, горная территория для Узундары (*Ртвеладзе*, 2001. С. 10), к которой приспособляли линии городских стен. Также у греков имелись определенные наработки в сырцовом строительстве (стены вокруг Афин и Пирея), которые они использовали на Востоке. Сами цитадели, окруженные стенами, в греко-бактрийский период выполняли военно-оборонительную функцию (Кампыртепа, Дильберджин) (*Ртвеладзе*, 2000. С. 10) и располагались со стороны наименее вероятного нападения на город. Часто военные строители применяли прямоугольные башни, легко разрушавшиеся осадной техникой, характерные не только для Бактрии (Кухне-кала, Кум-кала, Шахринау, Беграм), но и для Хорезма (Аяз-кала, Базар-кала, Кургашин-кала) и Северной Парфии (Старая Ниса).

Примерами крепостной архитектуры городов, построенных в традициях греческой фортификации, являются Ай-Ханум и Кампыртепа. Крепости греко-бактрийского периода отличаются монолитными стенами, устойчивыми против стенобитной техники (Древние авторы, 1940. С. 69-72) и башнями (Ай-Ханум, Кампыртепа), наличием пилястр (Дильберджин, Кухнекала) и протейхизмы (Кей-Кобадшах, Карабагтепа), мощными привратными бастиянами (*Пугаченкова*, 1976. С. 143).

Фортификация данной области постепенно совершенствовалась вместе с развитием городов, особенно в кушанскую эпоху, синтезирующую греческий и бактрийский опыт. В связи с тем, что города были рассчитаны на долговременную оборону, стены заключались в сырцовый или паховый

панцирь (Дальверзинтепа, Карабагтепа) (Массон, 1977. С. 140; Долгоруков, 1979. С. 76), в результате чего толщина стен достигала внушительных размеров (около 9 м на Дильберджин). С военной точки зрения, недостатком такого инертного массива было осуществление обороны только с гребней стен (Дальверзинтепа). В связи с активной строительной деятельностью в юеждийско-бактрийский период в Бактрии наблюдается масштабное строительство оборонительных систем (Болелов, 2013. С. 127; Массон, 1976. С. 11). Об этом свидетельствуют стены Зартепа (I в. до н.э. – IV в. н.э.) (Массон, 1977, С. 140) с обводными коридорами вдоль стен, как в Согде, Парфии и Хорезме, и башнями полукруглой формы подобно башням Аяз-кала в Хорезме, а также Хайрабадтепа и Узундара (160 × 140 м), укрепленные также округлыми в плане башнями диаметром до 20 м (Ртвеладзе, 1992. С. 5). Для Бактрии характерен большой акцент на башни (Сабиров, 1976. С. 49), расстояния между которыми, согласно Витрувию, не должны превышать полета стрелы (Витрувий, 1936. С. 32-33). Расстояния между башнями в Бактрии составляли 16-34 м, тогда как в Хорезме – 11-28 м, Парфии – 17-40 м, Фергане – 35-40 м.

Таким образом, бактрийская военная архитектура, восходящая к эпохе бронзы и раннего железа, отличается достаточно очевидной преемственностью традиций. Наиболее высокий уровень ее развития приходится на III-II вв. до н.э., что объясняется возросшей опасностью нападения кочевников. Некоторые особенности бактрийской крепостной архитектуры прослеживаются в согдийских и хорезмийских военных крепостях.

Хорезм. Эволюцию архитектурно-планировочных решений в военных сооружениях данного региона можно наблюдать хронологически, т.е. в архаический (VI-V вв. до н.э.), кангюйский (IV в. до н.э. – I в. н.э.) и кушанский (I-IV вв. н.э.) периоды. Политическая независимость Хорезма в V-IV вв. до н.э. еще больше усилила необходимость сооружения крепостей, защищавших границы данной области. Характерными особенностями военной архитектуры архаического периода, помимо их огромных размеров, были многорядные межстенные коридоры, придававшие стенам дополнительную устойчивость (Лебедева, Ширинов, 1997. С. 37), незначительный выступ башен, прямоугольной формы бойницы, а также лабиринтообразные ворота прямоугольной формы (Кюзелигыр, Калалыгыр).

В IV-II вв. до н.э. наблюдается значительный прогресс в фортификации Хорезма (мощные оборонительные стены и сложные предвратные лабиринты) (Итина, 1977. С. 48), связанный с расцветом городской жизни. Существовала определенная тенденция в строительстве данных сооружений как в левобережном, так и в правобережном Хорезме – располагать укрепления на возвышенностях. Крепости могли иметь разную конфигурацию плана – геометрически правильную (Хазарасп, Топрак-кала Хивинская, Капарас, Базар-калу, Кюнерли-кала) или круглую форму (Кой-Крылган-кала, Топрак-кала на Шавате, Малый Кырк-кыз, Устык, Турпак-кала на Чермен-ябе). В каждом случае при соблюдении

основных правил фортификации: мощных стен, привратных лабиринтов особой сложности (Лапиров-Скобло, 1967. С. 308), наличия дополнительной барьерной стенки (Маньлов, Хожаниязов, 1981. С. 41) как в Сузах, Вавилоне, Экбатане, многочисленных башен и бойниц – строители привносили в архитектуру данных сооружений что-то новое. Это, к примеру, использование разных форм башен: полуовальной в Топрак-кале на Шавате (Мамбетбуллаев, Юсупов, 1974. С. 483), каплевидной в Капарасе, открытых круглых башен на Кой-Крылган-кала, или их отсутствие (Джанбас-кала, Акчагелин, Большая Айбугир-кала), свидетельствующих о местном происхождении данной обороны (Толстов, 1939. С. 180). Возведение мощных крепостей и характерные для этого периода основные элементы военной архитектуры свидетельствуют о ее важной роли в защите независимого государства, каким был Хорезм в IV в. до н.э. – I в. н.э.

В кушанский период в Хорезме возводятся новые крепости (Кургашин-кала, Кош-кала, Ангка-кала, Топрак-кала) с новыми изменениями в планах (в основном квадратных и прямоугольных, иногда мелких по размерам) и с новыми деталями, но при соблюдении традиций предыдущих периодов в виде стрелковых галерей, лабиринтообразных входов, протейхизмы и башен различных форм (Кургашин-кала) (Хожаниязов, 1984. С. 45). Вершина крепостного строительства Хорезма – Топрак-кала (350 × 500 м), отличавшаяся оригинальной и сложной трактовкой укреплений, начиная от регулярной планировки самого города, пахового цоколя высотой около 3 м, частого расположения прямоугольных (через каждые 11 м) и угловых башен, а также устройством в стене специальных ниш, куда были выведены отверстия бойниц (Итина, 1977. С. 50).

Мы видим, что в крепостной архитектуре Хорезма были выработаны определенные архитектурно-строительные приемы, истоки которых восходят к ахеменидскому времени. Это предвратные лабиринты (Калалыгыр), выносные башни разных форм (к примеру, овальные башни на Кюзелигыр), безбашенные крепости (в левобережной части Амударьи – Акчагелин, Большая Айбугир-кала, Каладжик, в правобережной – Джанбас-кала и Бурлы-кала), связанные с особенностями рельефа местности и рассчитанные на участие в обороне всего населения. В фортификации кушанского периода можно наблюдать архитектурные традиции предшествующего времени: те же предвратные лабиринты (Ток-кала), стены с коридорами внутри, применявшиеся с середины I тыс. до н.э., угловые башни в виде «ласточкина хвоста», возникшие в кангюйский период (Кургашин-кала, Аяз-кала, Базар-кала), известные также в военной архитектуре Двуречья и Древнего Египта.

Согд. Первые сооружения, отражающие истоки военной архитектуры на территории Согда, заметны в таких городищах как Узункыр, Еркурган (в Кашкадарьинском Согде) и на Коктепа (в Самаркандском Согде) – там, где «обживание началось задолго до зарождения жизни на Афрасиабе, с конца

эпохи бронзы или с начала железного века» (Лионе, 2014. С. 12). Если некоторые укрепления (Узункыр, Афрасиаб) на каком-то этапе из-за возвышенности естественного рельефа не нуждались в дополнительных оборонительных сооружениях, то населенные пункты, расположенные на относительно равнинных территориях (Еркурган, Коктепа), наоборот, требовали создания искусственных оборонительных валов. Эти факторы способствовали стремлению местного населения при создании жилого пространства использовать все природные и климатические условия региона.

Со временем, по мере дальнейшего развития согдийских городов, природного рельефа или оборонительных валов было уже недостаточно для защиты города, и в VIII-VII вв. до н.э. административные города Согда начали создавать собственную фортификацию. Так, например, в VIII-VII вв. до н.э. городище Еркурган было обнесено оборонительной стеной (Сулейманов, 2000. С. 44) и становится административным центром западных просторов и равнин Южного Согда. На Коктепа крепостные стены «культового центра» и «резиденции правителя», имели оборонительный характер, о чем свидетельствуют внушительная толщина стен и наличие в них полукруглых башен. Если толщина стен «культового центра» достигала 3 м (Исамиддинов и др., 2001. С. 80), то в некоторых местах ансамбля («резиденция правителя») она достигала 6 м (Бердимуратов, Исамиддинов, 2015. С. 31).

По мнению Э.В. Ртвеладзе, уже в VIII-VII вв. до н.э. Согд и соседние с ним государства образовали «общесогдийское объединение типа конфедерации» (Ртвеладзе, 2006. С. 3). В плане безопасности эти дружеские узы, которые, на наш взгляд, впоследствии привели к синтезу соседних культур, обусловили необходимость сосредоточить внимание не на южных территориях Согда, граничащих с Бактрией, а на ее северных границах, которые были гораздо более «суебливыми» и всегда представляли угрозу для Согда и всей империи в целом. Возможно, поэтому самый северный город Согда (городище Коктепа) на данном этапе обносится мощной оборонительной стеной толщиной более 9 м (Исамиддинов, 2002. С. 39). Согдийцы понимали, что оборона городов, расположенных на равнинах, достаточно сложна и что эта стена не сможет долго защищать все возрастающее население от врагов. Это, в свою очередь, послужило основой для возрождения жизни на Афрасиабе, который еще в бронзовом веке привлекал внимание древнего населения своими благоприятными природно-климатическими условиями и естественно-возвышенным рельефом, который мог служить неотъемлемой частью оборонительной системы всего городища. В то же время из-за того, что рельеф Афрасиаба состоял из возвышенностей и низин, не всегда удавалось выровнять поверхность оборонительных валов. Поэтому в целях выравнивания и создания единой оборонительной системы, на этих низинах были сооружены искусственные валы из лесса и комков пахсы методом лумбоз (плохо промешанная глина). После того, как поверхность территории значительно выровня-

лась, жители стали возводить монолитные стены из плоско-выпуклых кирпичей. Город на Афрасиабе «строился с учетом опыта строительства на Коктепа по уже выработанному принципу планировки столичного города с большим административным ядром» (Иневаткина, 2010. С. 11).

С присоединением Согда к империи ахеменидского Ирана, оборонительные сооружения и в целом военное искусство, а также градостроительная культура данного региона поднялись на более высокий уровень. Эти аспекты хорошо прослеживаются в основном на примере оборонительных сооружений Афрасиаба, в военной, культовой и дворцовой архитектуре городища Коктепа. Поскольку первоначальные оборонительные стены Афрасиаба доахеменидского периода были значительно разрушены и превращены в вал, в ахеменидский период они теряют свою прежнюю функцию и теперь служат мощной основой для новых оборонительных стен. Над ними были возведены оборонительные стены коридорно-галерейного типа, характерные для эпохи Ахеменидов. Наружная стена коридора была прорезана бойницами, расположенными в два ряда и в шахматном порядке, чтобы лучники могли стрелять стоя и с колена. Бойницы нижнего яруса были ложными, и этот архитектурный прием создавал у врага впечатление, будто город охраняет вдвое больше солдат.

Ширина внутреннего коридора оборонительных стен городища Афрасиаба составляла 2,60 м. По мнению архитектора Е.А. Куркиной, высота потолка коридора не должна была превышать этот размер, то есть 2,60 м. Видимо, воины из коридора поднимались на верхнюю часть оборонительной стены посредством приставных лестниц, а верхняя открытая площадка для стрелков должна была иметь защитные зубцы в рост человека, т.е. высоту не менее 1.60 м. Верхняя открытая площадка оборонительной стены и защитные мерлоны, считавшиеся их неотъемлемой частью, были не только основной зоной обороны, но и частью декора, придававшей оборонительному ансамблю еще большую монументальность. Поэтому и «общая высота стены от уровня материка, включая высоту зубцов парапета, составила около 6.60 м по фасаду» (Куркина, 2002. С. 48). По мнению О.Н. Иневаткиной, внешний вид оборонительных стен этого периода с внутренним пространством «мог напоминать образцы монолитных в основе крепостных сооружений Ассирии и Мидии» (Иневаткина, 2002. С. 32). С самого раннего этапа своего развития и до конца правления Ахеменидов оборонительная система Афрасиаба и других городов Согда становилась все более совершенной.

В связи с захватом юга Центральной Азии войсками Александра Македонского и включением её в сферу влияния эллинистической культуры, с конца IV в. до н.э. в Согде начинается интеграция местной и эллинистической культуры, что в первую очередь отражается в архитектуре. В этот период на городище Коктепа строится оборонительная стена, которая окружала внутреннее естественное плато, создавая при этом «акрополь» трапецевидной формы с четырьмя воротами с каждой стороны, распо-

Рис. 1. Художественно-графическая реконструкция городища Коктепа. Автор Ф.Ш. Субхонов

ложенных по центру. Данная оборонительная стена городища, сооруженная из квадратных кирпичей размерами 45 x 45 x 14 см, имела внутренний коридор. По сравнению с другими, южные ворота были относительно большего размера, и, возможно, тут был главный или же парадный вход для царей, откуда «можно было попасть к основному зданию, расположенному в центре города» (Исамиддинов, Рапен, 1999. С. 68). В двух углах южной стены были ворота меньшего размера и они, видимо, были предназначены только для пешеходного доступа. При строительстве стены использовались кирпичи размерами 46 x 28 x 7-8; 44 x 24 x 6-7; 60 x 23 x 7-6 см. Более детальное представление о древней структуре города можно получить, графически реконструировав исторический облик городища (Рис. 1).

По нашему мнению, при возведении внутренней оборонительной стены Коктепа должны были быть использованы некоторые образцы мидийско-персидской архитектуры. Поскольку греки вошли в Центральную Азию через Иран, который был главной административной частью Ахеменидской державы, функциональность, монументальность и изящный вид древних оборонительных стен, возведенных в этом регионе, не остались незамеченными греками, которые восхищались красотой и закономерностью архитектуры региона. Поэтому не исключено, что греки использовали готовые образцы при строительстве фортификационных систем городов античного Согда. Достаточно сравнить внешний вид Годин-тепе VII в. до н.э. (Cuyler Young et al., 1974) и эллинистической стены Афрасиаба III-II вв. до н.э. (Иневаткина, 2010. С. 12) (Рис. 2).

Заключение. Таким образом, военное зодчество античного периода, зародившись в Центральной Азии в конце II тыс. до н.э. и достигшее больших успехов в VI-IV вв. до н.э., прошло длительный эволюционный путь развития. Эта архитектура постоянно менялась и совершенствовалась, а отсутствие единого шаблона и регулярные изменения и дополнения были связаны в первую очередь с экономическими и политическими условиями реальной жизни. Стены воздвигались под государственным руководством, о чем свидетельствуют схожие архитектурно-планировочные принципы Бактрии (Кей-Кобадшах), Хорезма (Топрак-кала) и Согда (Афрасиаб). Изменения в стенах в виде присутствия башен или их отсутствия можно объяснить наличием разных местных архитектурных традиций.

Городские стены, наряду с оборонительной функцией, выполняли также и эстетическую роль. В них особым образом проявлялся «крепостной стиль» в виде гладких стен с четкими членениями башенных или башнеобразных выступов (пилястр), стреловидными бойницами, смотровыми щелями-люкарнами, придававшими городам масштабность, четкость и монументальность и, подобно пирамидам Египта или зиккуратам Вавилона, наглядно характеризовавшими рабовладельческий строй. Т.е. данный вид архитектуры во всех регионах Трансоксианы имел местные традиции, восходящие к эпохе бронзы и раннего железа и усовершенствованные в античный период. В дальнейшем, в ранне-средневековый период в военной архитектуре стали применяться такие фортификационные приемы и элементы античного времени как внутрискладчатые галереи, протейхизма, ниши с бойницами, оваль-

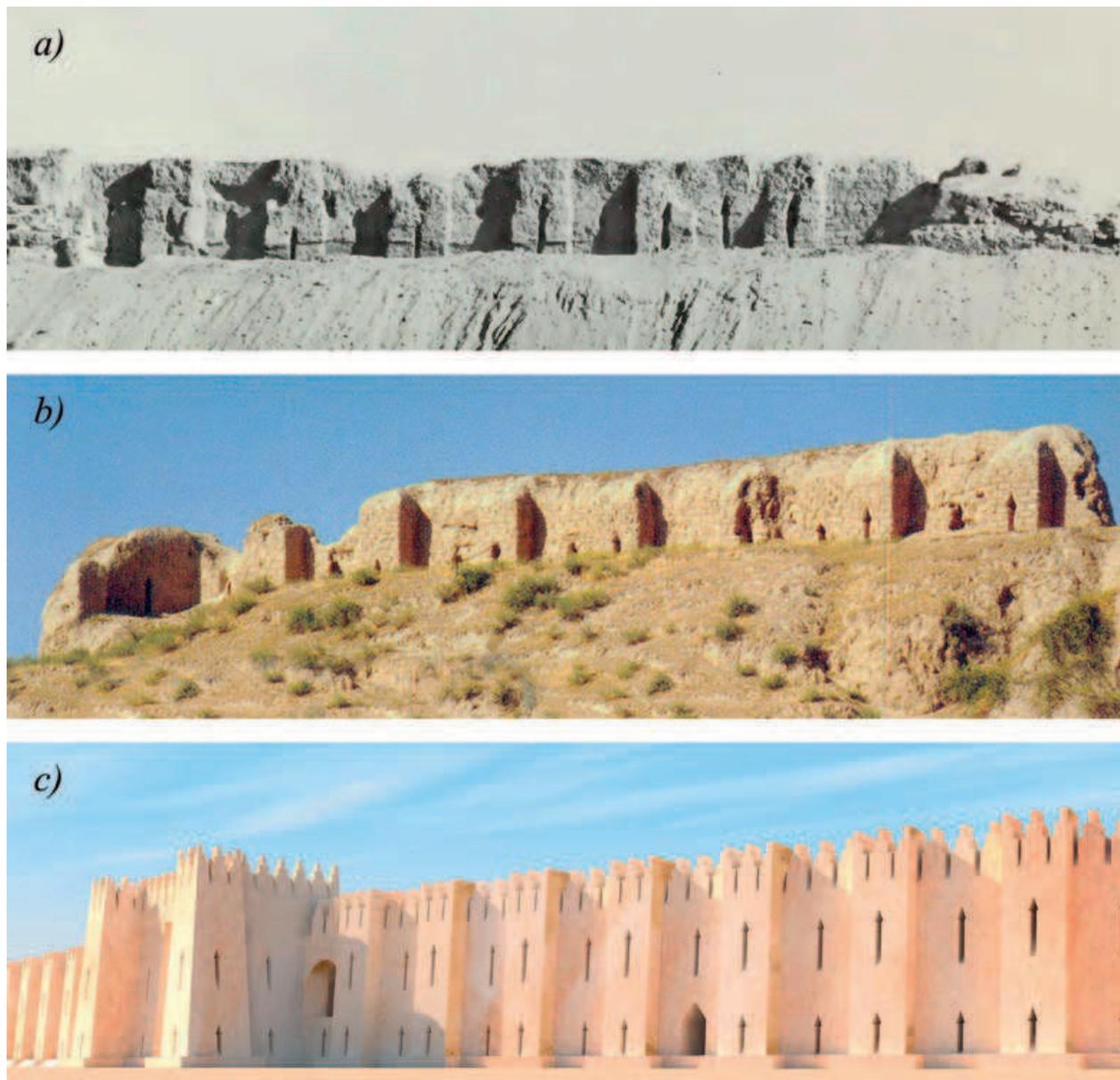

Рис. 2. а) Годин-тепе. Иран, VII в. до н.э. (Cuylar Young, 1974. Р. 158); б) Греко-эллинистическая стена Афрасиаба; в) художественно-графическая реконструкция оборонительной стены городища Афрасиаба греко-эллинистического периода (вариант авторов)

ные башни и др. При наличии в военной архитектуре характерных особенностей, свойственных для каждой историко-культурной области, очевидны и общие черты фортификации, и единый крепостной стиль архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев, 2006 – Абдуллаев Б.М. К истории античной фортификации Ферганы // ИМКУ. №35. Ташкент: Фан, 2006. С. 130-137.
- Абдуллаев, 2011 – Абдуллаев К. Древнейшие государства на территории Узбекистана и их культурные связи с древневосточными цивилизациями // Археология Узбекистана. №1(2). Самарканд, 2011. С. 40-46.

Аскарлов, 1986 – Аскарлов А. Южноузбекистанский очаг древнебактрийской цивилизации // Древние цивилизации Востока. Материалы II Советско-американского симпозиума. Ташкент: Фан, 1986. С. 44-54.

Аскарлов 1973 – Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.

Аскарлов, Альбаум, 1979 – Аскарлов А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979. 112 с.

Бердимуратов, Исамиддинов, 2015 – Бердимуратов А.Э., Исамиддинов М.Х. Каталог археологических памятников Узбекистана. Т. I. Самаркандская область. Ч. 1. Самарканд и его округа. Самарканд: Zarafshon, 2015.

Бельш, 2020 – Бельш О.В. Длинные стены в фортификации Средней Азии // Древние и средневековые культуры Центральной Азии.

- Становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ. Материалы Межд. науч. конф., посвященной 100-летию А.М. Мандельштама и 90-летию И.Н. Хлопина. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 147-149.
- Боделов*, 2014 – *Боделов С.Б.* Кампыртепа – античная крепость на Оксе: стратиграфия, периодизация, хронология // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах, посвященный юбилею Э.В. Ртвеладзе.* М.: Собрание, 2013. С. 75-132.
- Витрувий*, 1936 – *Витрувий.* Десять книг об архитектуре. Пер. Ф.А. Петровского. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1936. 331 с.
- Долгоруков*, 1979 – *Долгоруков В.С.* Основные этапы существования фортификационных сооружений Дильберджина // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Ташкент: Фан, 1979. С. 75-77.
- Долгоруков*, 1982 – *Долгоруков В.С.* Укрепления раннегреческого города // *Археология Старого и Нового света.* М.: Наука, 1982. С. 176-190.
- Древние авторы 1940 – Древние авторы о Средней Азии. Ташкент: Гостехиздат УзССР, 1940. 172 с.
- Заднепровский*, 1976 – *Заднепровский Ю.А.* Укрепления чувшских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии // *КСИА.* 1976. Вып. 147. С. 3-13.
- Исамиддинов*, 2002 – *Исамиддинов М.Х.* Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент: Изд-во народного наследия им. А. Кадыри, 2002. 256 с.
- Исамиддинов, Рапен*, 1999 – *Исамиддинов М., Рапен К.* К стратиграфии городища Коктепа // *ИМКУ.* Самарканд: АН Респ. Узбекистан, Самарканд, отд-е ИА, 1999. Вып. 30. С. 68-79.
- Исамиддинов и др.*, 2001 – *Исамиддинов М., Рапен К., Грене Ф.* Раскопки на городище Коктепа // *АИУ.* Самарканд: ИА АНРУз, 2001. С. 79-86.
- Иневаткина*, 2002 – *Иневаткина О.Н.* Фортификация акрополя древнего Самарканда в середине первого тысячелетия до н.э. // *Материальная культура Востока.* Вып. 3. М.: ГМВ, 2002. С. 24-46.
- Иневаткина*, 2010 – *Иневаткина О.Н.* Начальные этапы урбанизации Самаркандского Согда и его западные пределы // *Материальная культура Востока.* Вып. 5. М.: ГМВ, 2010. С. 8-28.
- Итина*, 1977 – *Итина М.А.* Проблемы археологии Хорезма (К 40-летию Хорезмской экспедиции) // *СА.* 1977. №4. С. 41-52.
- Куркина*, 2002 – *Куркина Е.А.* Опыт реконструкции древней фортификации Афрасиаба // *Материальная культура Востока.* Вып. 3. М.: ГМВ, 2002. С. 47-55.
- Лапиров-Скобло*, 1967 – *Лапиров-Скобло М.М.* Реконструкция памятника // *Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* (Труды ХАЭЭ. Т. V). М.: Наука, 1967. С. 265-309.
- Лебедева, Ширинов*, 1997 – *Лебедева Т.И., Ширинов Т.Ш.* Антисейсмическое строительство в Средней Азии в античности и раннем средневековье // *ИМКУ.* Вып. 28. Самарканд: Сугдиён, 1997. С. 34-52.
- Леруш*, 1987 – *Леруш П.* Оборона эллинистического города Айханум в Афганистане // *Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда.* Ташкент: Фан, 1987. С. 68-71.
- Лионе*, 2014 – *Лионе Б.* От Ай-Ханум до Коктепе. Вопросы абсолютной хронологии эллинистической керамики Средней Азии // *Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых.* Т. II. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 4-17.
- Мамбетбуллаев*, 1990 – *Мамбетбуллаев М.* Городище Большая Айбугир-кала (раскопки 1976 – 1977 и 1981 гг.) // *Археология Приаралья.* Вып. IV. Ташкент: Фан, 1990. С. 91-131.
- Мамбетбуллаев, Юсупов*, 1973 – *Мамбетбуллаев М., Юсупов Н.* Археологические работы в Хорезмской области // *Археологические открытия 1973 года.* М.: Наука, 1974. С. 483.
- Маньолов, Хожаниязов*, 1981 – *Маньолов Ю.П., Хожаниязов Г.* Городища Аязкала 1 и Бурлыккала (К изучению фортификации древнего Хорезма) // *Археологические исследования в Каракалпакии.* Ташкент: Фан, 1981. С. 32-49.
- Массон*, 1968 – *Массон В.М.* К вопросу об общественном строе древней Средней Азии // *История, археология и этнография Средней Азии.* М.: Наука, 1968. С. 93-101.
- Массон*, 1976 – *Массон В.М.* Кушанские поселения и кушанская археология // *Бактрийские древности.* Л.: Наука, 1976. С. 3-17.
- Массон*, 1977 – *Массон В.М.* Зар-тепе – кушанский город в Северной Бактрии // *История и культура античного мира.* М.: Наука, 1977. С. 138-144.
- Массон*, 1979 – *Массон В.М.* Археологические комплексы и культурный процесс в древней Средней Азии // *Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзного науч. совещания.* Ташкент: Фан, 1979. С. 3-5.
- Массон*, 1955 – *Массон М.Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // *Труды ЮТАКЭ.* Т. V. Ашхабад: Изд-во АН Туркм.ССР, 1955. С. 7-70.
- Пугаченкова*, 1966 – *Пугаченкова Г.А.* О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // *ВДИ.* 1966. № 2. С. 27-43.
- Пугаченкова*, 1976 – *Пугаченкова Г.А.* К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // *Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг.* М.: Наука, 1976. С. 125-162.
- Ртвеладзе*, 2001 – *Ртвеладзе Э.В.* К вопросу о Петрах // *Древняя и средневековая культура Сурхандарьи.* Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. С. 7-11.

- Ртвеладзе*, 2000 – *Ртвеладзе Э.В.* Кампыртепа – структура. Периодизация // *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент: San'at, 2000. С. 5-18.
- Ртвеладзе*, 1992 – *Ртвеладзе Э.В.* Фортификационные сооружения на северных границах Кушанского государства // *Маскан*. 1992. № 5-6. С. 4-5.
- Ртвеладзе*, 2006 – *Ртвеладзе Э.В.* Карши: вехи истории (середина I тыс. до н.э.-VIII в.н.э.) // *ОНУ*. 2006. № 6. С. 3-10.
- Рахманов*, 1990 – *Рахманов Ш.А.* Пограничная стена Бактрии и Согда // *Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда*. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 сентября 1990 г. Ташкент, 1990. С. 82-83.
- Сагдуллаев*, 2010 – *Сагдуллаев А.* Этнокультурные процессы в древней Центральной Азии (некоторые итоги изучения, современные проблемы и подходы) // *Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии*. Материалы Междунар. конф. Самарканд, Ташкент: МИЦАИ, SMI-ASIA, 2010. С. 68-73.
- Сагдуллаев*, *Хакимов*, 1976 – *Сагдуллаев Т.*, *Хакимов З.* Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (по итогам работ 1973-1974 гг.) // *Бактрийские древности*. Л.: Наука, 1976. С. 24-30.
- Сабиров*, 1976 – *Сабиров К.С.* Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-тепе // *Бактрийские древности*. Л.: Наука, 1976. С. 46-51.
- Сулейманов*, 2000 – *Сулейманов Р.Х.* Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Самарканд – Ташкент: Фан, 2000. 343 с.
- Толстов*, 1939 – *Толстов С.П.* Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии // *ВДИ*. 1939. №3. С. 172-199.
- Хожаниязов*, 1990 – *Хожаниязов Г.* Малая Кырккыз-кала – городище раннеантичного Хорезма // *Археология Приаралья*. Вып. IV. Ташкент: Фан, 1990. С. 82-91.
- Хожаниязов*, 1984 – *Хожаниязов Г.* Оборонительные сооружения городища Кургашин-кала // *Археология Приаралья*. Вып. II. Ташкент: Фан, 1984. С. 39-46.
- Хмельницкий*, 2000 – *Хмельницкий С.* Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин-Рига: Gamajun, 2000. 290 с.
- Cuyler Young et al.*, 1974 – *T. Cuyler Young, T. Cuyler Young Jr., Louis D. Levine.* Excavations of the Godin Project: Second Progress Report // Toronto: The Royal Ontario Museum, 1974. 167 p.

AUTOKRATOR PHILOPATOR, KING OF PARTHIA

Marek Jan Olbrycht

Summary. The period of over two decades following the close of Mithradates II's rule (ca. 122-87) is regarded in the literature as a time of deep crisis in the Parthian Empire (ca. 90–70/69). During this time, the succession to the Arsakid throne turned out to be disputed and fights over the crown took place. One of the kings of that period used the titles of *Autokrator Philopator* on his coins (type Sellwood 31). The S31 coins were issued earlier than the S30 and S33 series, which are definitely associated with the Sinatrukids, i.e. with Sinatrukes and Phraates III. The coinages minted by the Autokrator Philopator prove that almost the entire Parthian Empire was under his control, as he struck coins in Seleukeia and in mints in Iran. The new royal epithets used by Autokrator Philopator prove that he was not the obvious candidate for the Arsakid throne and had to compete for power. *Philopator*, or "Loving Father," is an epithet suggesting that the monarch's father was a well-known and significant ruler who represented a certain point of reference for his successors. At the same time, the issuer of S31 emphasized his own achievements by introducing the very rare title of *Autokrator*, or "Self-Appointed." The only ruler to whom Autokrator Philopator conceivably referred to was Mithradates I (ca. 165-133/2). He was therefore one of the numerous sons of Mithradates I alongside Phraates II and possibly Sinatrukes. In this way, Autokrator Philopator took a stand against the dynastic line of Mithradates II, including Gotarzes I. Autokrator Philopator may be identified as Orodes I, whose rule is attested to in cuneiform texts from ca. 80 until 75. Autokrator Philopator may have been connected to the line of Sinatrukes. The name "Orodes" became known in the Sinatrukid line: Phraates III, son of Sinatrukes gave one of his sons the name Orodes (II).

Key words: Parthia, Autokrator Philopator, Orodes I, Sinatrukids, Arsakids, Iran.

Резюме. Период более двух десятилетий после окончания правления Митридата II (ок. 122–87 гг. до н.э.) рассматривается в литературе как время глубокого кризиса в Парфянской империи (ок. 90–70/69 гг. до н.э.). В это время наследование престола Аршакидов оказалось спорным и имела место борьба за корону. Один из царей того периода использовал на своих монетах титул Автократор Филопатор (тип Sellwood 31). Монеты S31 были выпущены раньше серий S30 и S33, которые определенно связаны с Синатрукидами, т.е. с Синатруком и Фраатом III. Монеты, отчеканенные Автократором Филопатором, доказывают, что почти вся Парфянская империя находилась под его контролем, так как он чеканил монеты в Селевкее и на монетных дворах в Иране. Новые царские эпитеты, которыми пользуется Автократор Филопатор, доказывают, что он не был очевидным кандидатом на аршакидский престол и должен был бороться за власть. Филопатор, или «Любящий отца», — это эпитет, предполагающий, что отец монарха был известным и значительным правителем, который представлял определенную точку отсчета для своих преемников. При этом эмитент S31 подчеркнул собственные достижения, введя очень редкое звание *Autokrator*, или «Самодержец». Единственным правителем, на которого предположительно ссылался Автократор Филопатор, был Митридат I (ок. 165–133/2 гг. до н.э.). Таким образом, он был одним из многочисленных сыновей Митридата I наряду с Фраатом II и, возможно, Синатруком. Автократор Филопатор выступил против династической линии Митридата II, включая Готарза I. Автократор Филопатор может быть идентифицирован как Ород I, правление которого засвидетельствовано в клинописных текстах приблизительно с 80 по 75 г. до н.э. Автократор Филопатор мог быть связан с линией Синатруков. Имя «Ород» стало известно в линии Синатрукидов: Фраат III, сын Синатрука, дал одному из своих сыновей имя Ород (II).

Ключевые слова: Парфия, Автократор Филопатор, Ород I, Синатрукиды, Аршакиды, Иран.

The period of over two decades following the close of Mithradates II's rule (ca. 122-87)¹ is regarded in the literature as a time of deep crisis in the Parthian Empire (ca. 90-70/69). During this time, the succession to the Arsakid throne turned out to be disputed and fights over the crown took place. There is no uniform record concerning this period of Parthia's history. In Babylonian cuneiform texts, the kings of Parthia most often appear under the regnal name "Arsakes," which makes identifying them difficult. A monarch's proper name was added only sporadically (Oelsner, 1975; *Del Monte*, 1997. P. 169-182; 249-259; *Shayegan*, 2011. P. 188-240). Coins constitute the most abundant source category for Parthian history ca. 90-70/69 (Le Rider 1965, passim; Sellwood 1976; Mørkholm, 1980; A.M. Simonetta, 1966, 2001; Sellwood, Simonetta, 1978; Nikitin, 1984; 1995; Dobbins, 1974; 1975; Olbrycht, 1997; 2020; Assar, 2006; 2009). No proper names of kings can be found on coins; however, royal epithets, attributes (like types of tiaras), and symbols appear which allow us to draw certain historical conclusions. One of these kings used the titles of *Autokrator Philopator*. He minted the most mysterious coins of the period 90-70/69 in Parthia (type S31). They encompass tetradrachms (at least four different issues), drachms, hemidrachms, and bronzes minted in Seleukeia on the Tigris, Ekbatana, Rhaga, Margiana (S31.9), and Susa. The obverse of tetradrachms depicts a bearded bust left wearing tiara decorated on side with six or eight point star, and a circular border of pellets. The reverse shows a beardless archer wearing bashlyk and cloak seated right on throne, holding bow in right hand. Mørkholm (1980, P. 35) knows of seven different obverse dies for the S31 tetradrachms.

The legend on S31 coins reads ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ. Apart from the usual epithets, the legend also includes two rarer ones: *Autokrator* (αὐτοκράτωρ) and *Philopator* (φιλοπάτωρ). This is why the issuer of S31 can be referred to as Autokrator Philopator.

A hoard of coins found at Diyarbekir (Turkie) contained 28 specimens of S31 and 20 or 21 specimens of S33, the latter minted by Sinatrukes (ca. 76/5-70/69) (IGCH 1744). This fact proves that there was a chronological proximity of these two types. The very common S30 coins are missing from the Diyarbekir hoard. This fact implies that the S30 coins were minted after S31 and S33 coinages (Mørkholm, 1980. P. 39). There is also another chronological link between type S31 and S33: a type S33 coin was struck from a modified obverse die of type S31; the reverse die was left unchanged (Loginov, Nikitin, 1996. P. 41, 44. Fig. 3, 18).

In some iconographical aspects, type S31 clearly refers to the S32 issues, that is, to the coins of Gotarzes I: the tiara shows a star (six-pointed or eight-pointed one) ornament on the side, the legend is arranged in seven lines similarly to that in S32.1. One of the issues, S31.1, shows the control mark A, which also appears on S32.1 coins. A floral emblem appears on the tiara of the issuer of S31 on a few coins (S31.7 drachms). It is known from S34 coins. Furthermore, it can be observed that there is

a chronological proximity between types S31 and S30. (Nikitin, 1995. P. 227-228) stresses that S30.9 and S31 coins share the monogram HAP.

All of these observations lead to the conclusion that the S32 and S34 tetradrachms were issued earlier than the S31 coins. The sequence of the drachms is likely S29 – S32 – S34 – S31 – S33 (Mørkholm, 1980. P. 40) assumes that the drachms feature the following sequence: S29 – S34 – S31 – S33/S30. He proposes that S31 tetradrachms were minted after S32 tetradrachms and before S34 which is not convincing. Nikitin (1995. P. 228) rightly states that S31 coins were issued after S34. Possibly, Autokrator Philopator captured parts of Iran and ruled there simultaneously with another ruler, probably Gotarzes I, for some time. Only later did he control Babylonia, where his tetradrachms were issued.

Seven type-S31 coins were found at Shahr-e Qumis (Parthia proper, northeastern Iran) in the upper layers of Site VII. An ostrakon dated to year 170 of the Arsakid era, which translates to ca. 79/78 B.C., was found nearby (Bivar, 1981. P. 80-82); he assumes the calculation 248-170 = 78 B.C.). If the ostrakon and coins come from the same deposit and the same time, then the S31 coins were in circulation around 79/78 B.C. Admittedly this assumption may be not quite exact, but generally the date from the ostrakon falls within the chronological framework that we can attribute to a ruler named Autokrator Philopator who certainly reigned in the decade prior to Sinatrukes, i.e. in the early 70s B.C.

In general, it should be assumed that the S31 coins were issued earlier than the S30 and S33 series, which are definitely associated with the Sinatrukids, i.e. with Sinatrukes and Phraates III. The coinages minted by the Autokrator Philopator prove that almost the entire Parthian Empire was under his control, as he struck coins in Seleukeia and in mints in Iran. Most of the S31 drachms were minted in Ekbatana and Rhaga (S31.5-8). Shore (1993, no. 126) assumes a mint in Areia. Some S31 coins were issued in Margiana (S31.9). Autokrator Philopator's coins were discovered at Merv too (one drachm and two chalkoi, see Loginov, Nikitin, 1996, P. 41, nos. 15-17).

At Susa, Le Rider 161-169 issues, wrongly attributed to Sinatrukes, represent S31 type. In total, according to G. Le Rider, these bronze issues correspond to 9 years of reign (Le Rider, 1965. P. 92-100, 391-404, types 161-169. See also Olbrycht, 2020). However, the Susa S31 bronzes may correspond to a semi-annual sequence within five years. The S31 tetradrachms cover four subtypes Mørkholm (1980. P. 35) lists seven different obverse dies for S31 tetradrachms), which may hypothetically suggest four years, although this reasoning can only be considered a possibility, but requires verification based on further research. In turn S31 drachms have five subtypes, which may theoretically indicate a rule of up to five years.

The new royal epithets used by Autokrator Philopator prove that he was not the obvious candidate for the Arsakid throne and had to compete for power. *Philopator*, or "Loving Father," is an epithet suggesting that the monarch's father was a well-known and significant ruler who represented a certain point of reference for his successors. At the same time, the issuer of S31 emphasized

¹ All dates are B.C. unless otherwise stated. S is the prefix to Parthian coins types after Sellwood, 1980.

Fig. 1. Drachm of Autokrator Philopator. S31.5. Cracow National Museum (no. 5068). Photo: Courtesy of the Cracow National Museum, Numismatic Cabinet
 Драхма Автократора Филопатора. S31.5. Краковський національний музей (№ 5068). Фото предоставлено Краковским национальным музеем, Нумизматический кабинет

Fig. 2. Drachm of Arsakes Theopator Nikator (Sinatrukes). S33.4. Cracow National Museum (no. 5070). Photo: Courtesy of the Cracow National Museum, Numismatic Cabinet
 Драхма Аршакида Феопатора Никатора (Санатрука). S33.4. Краковський національний музей (№ 5070). Фото предоставлено Краковским национальным музеем, Нумизматический кабинет

his own achievements by introducing the very rare title of *Autokrator*, or “Self-Appointed.” The title *Autokrator* was used in Parthia by Arsakes I (S1.1, S2.1). Another example offers the rival of Phraates IV (37-3/2), Tirdates (S55.7-9) (Olbrycht, 2013). The title of *Autokrator* implies that the claimant was not the legal heir to the late Mithradates II, which is understandable if he was not his son or his brother. The same applies to Gotarzes I as the possible brother or son of Mithradates II. Apparently, *Autokrator Philopator* was not a son of Artabanos I, and thereby a brother of Mithradates II, for his legal legitimacy would have been too strong to use the extraordinary epithet “Self-Appointed.” The succession of *Autokrator Philopator* was obviously not recognized as evidently legitimate among the successors to Mithradates II. But in all likelihood, his father was king, otherwise his chances of taking the throne in Parthia would have been negligible. Likely, therefore, his father had ruled before Mithradates II. Taking into account the political developments in Parthia in the decades prior to the death of Mithradates II, *Autokrator’s* father could have been Phraates II but the latter reigned too short and was too young to leave prominent established successors. The only ruler to whom *Autokrator Philopator* conceivably referred to was Mithradates I (ca. 165-133/2). He was therefore one of the numerous sons of Mithradates I alongside Phraates II and possibly Sinatrukes (Olbrycht, 2021. P. XVII). In this way, *Autokrator Philopator* took a stand against the dynastic line of Mithradates II, including Gotarzes I.

The identification of the issuer of S31 coins is disputed and several rulers have been proposed including Orodes I (Sellwood, 1980. P. 89-92; Nikitin, 1995. P. 228) and Sinatrukes (Wroth, 1903. P. 42-44; Le Rider 1965, 959-960). Mørholm (1980, 43) concludes that S31 coins were minted by an Arsakes within the period 90-86/87. Historical findings and the sequence of coin types imply that the *Autokrator Philopator* reigned between Gotarzes I (ca. 90-80) and Sinatrukes (76/75-70/69). Thus, the possible bearers of the title comprise a mysterious “Arsakes” (Gotarzes I?) from ca. 86–80, known from Babylonian sources, or Orodes I, whose rule is attested to in cuneiform texts from ca. 80 until 75 (Del Monte, 1997.

P. 170, 177, 254-5). The latter possibility seems to be more plausible.

Orodes I appeared in Babylonian texts with the title of King of Kings in the year 80/79 (232 SE, 168 AE) (ADART 5, 25 (obv. 1-3). In other Babylonian texts Orodes, or Urud, is referred to simply as King, and his wife Ispubarza is often mentioned (LBAT 1162 + 1163 [234 SE = 170 AE = 78/77 BC]; LBAT 1171 [236 SE = 172 EA = 76/75 BC]; LBAT 1174 [236 SE = 172 AE = 76/75 BC]. See Del Monte 1997, 255). Orodes I, who was probably responsible for S31 monetary issues, ruled for about five or six years (80-75). This length of reign correlates with the types of monetary issues that suggest coinages covering at least four or five years.

On some coins of *Autokrator Philopator* were countermarks of a ruler called Otanlis (OTANAIS, S91.2), who was most likely a local prince from Bactria or Sakastan (earlier, his name was read as OTANNEΣ, cf. Koshelenko, 1971). The same type of countermark appears later on the coins of the Sinatrukid kings Phraates III (S91.3-5) and Orodes II (S91.6) (NPIIN 1184-1188). In the 1st century B.C., countermarks were often used by local rulers in the eastern borderlands of the *Imperium Parthicum*, especially in Bactria and Sistan/Sakastan, as signs on the coins of the Arsakids, which were considered to be the dominating issues in the regions (Sellwood, 1980. P. 294-295; NPIIN 1142ff.). The links of *Autokrator* with local rulers in Afghanistan imply that this king in some way relied on nomad clans from Bactria and eastern Iran, a policy that was later typical of the Sinatrukids (Sinatrukes, Orodes II, Phraates IV). Therefore, *Autokrator Philopator* may have been connected to the line of Sinatrukes.

On the origins of Orodes I no direct evidence exists. The name Orodes is first recorded in Parthia for 107 B.C. A certain Orodes, a high ranking Parthian official – *rab kumar(ri)* – is mentioned in a Babylonian text (ADART 3, -107 C 16') in connection with the temple of Babylon (for the title of *rab kumar*, see Del Monte, 1997. P. 158; Boiy, 2004. P. 181, 211-212). We are informed that a “man from Subartu who performed instead of Orodes” entered Babylon from Media, during the month Addaru of the year 204 SE (February/March 107 B.C.). Then, the man from Subartu went out to Media (ibidem, 20'-21').

Subartu usually refers to countries north of Babylonia (*Michałowski*, 2013; *Del Monte*, 1997. P. 158) states that Subartu in the Neo-Babylonian age and in the early Achaemenid period indicated Assyria, but in the Parthian period this term possibly took a more generic meaning) – it could have been Adiabene, north Mesopotamia, Syria or even Atropatene. It can be assumed that Orodes later became king of Parthia around 80 B.C. Orodes I probably rose against Gotarzes I and won the Parthian throne. In unclear circumstances Orodes I died, and it was then that the Sakaraukai placed his alleged brother Sinatrukes, until then standing aside, on the throne of Parthia.

Orodes I may be conceivably linked to the Sinatrukids. The name “Orodes” became known in the Sinatrukid line: Phraates III, son of Sinatrukes gave one of his sons the name Orodes (II). We know of two sons of Phraates III, his heirs, who fought a civil war for the Parthian throne after the death of their father, Mithradates and Orodes (for the name Orodes, see *Livshits*, 2010, no. 267 (Parthian *Hurōd). Cf. *Karras-Klaproth*, 1988, 103ff.). The name Mithradates could be a reference to Mithradates II, or even Mithradates I. The name Orodes must have referred to a rather prominent predecessor who played a decisive role after the death of Mithradates II.

BIBLIOGRAPHY

- ADART = A. Sachs / H. Hunger, *Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia*. Volumes: III 164–61 BC, Vienna 1996; V: Lunar and planetary texts, Vienna 2001; VI: Goal Years Texts, Vienna, 2006.
- Alram*, 1986 – *Alram M.* *Nomina Propria Iranica in Nummis*. Materialgrundlagen zu den iranischen Personennamen auf antiken Münzen. Wien: Verlag der Ost Ak. d. Wiss., 1986. 372 p.
- Assar*, 2006 – *Assar G.R.F.* *A Revised Parthian Chronology of the Period 91–55 BC* // *Parthica*. 2006. No. 8. P. 55-104.
- Assar*, 2009 – *Assar G.R.F.* *Some Remarks on The Chronology and Coinage of the Parthian “Dark Age”* // *Electrum*. 2009. Vol. 15. P. 195-134.
- Bivar*, 1981 – *Bivar A.D.H.* *The Second Parthian Ostrakon from Qūmis (Qūmis Commentaries No. 3)* // *Iran*. 1981. Vol. 19. P. 81-84.
- Boiy*, 2004 – *Boiy T.* *Late Achaemenid and Hellenistic Babylon*. Leuven; Paris; Dudley MA: Peeters, 2004. 385 p.
- Del Monte*, 1997 – *Del Monte G.F.* *Testi della Babilonia Ellenistica*, Pisa; Roma, 1997.
- Dobbins*, 1974 – *Dobbins K.W.* *Mithradates II and his Successors: A Study of the Parthian Crisis 90-70 B.C.* // *Antichthon*, 1974. Vol. 8. P. 63-79.
- Dobbins*, 1975 – *Dobbins K.W.* *The Successors of Mithradates II of Parthia* // *NC*. 1975. Vol. 15. P. 19-45.
- IGCH* = *An Inventory of Greek Coin Hoards*, M. Thompson, O. Mørkholm, C.M. Kraay (eds.). New York: American Numismatic Society, 1973. 408 p.
- Karras-Klaproth*, 1988 – *Karras-Klaproth M.* *Prosopographische Studien zur Geschichte des Partherreiches auf der Grundlage antiker literarischer Überlieferung*, Bonn: In Kommission bei R. Habelt, 1988. 313 p.
- Koshelenko*, 1971 – *Koshelenko G.A.* *Drakhma Sinatruka s nadchekankoī Otany* // *Numizmatika i epigrafiika*. 1971. Vol. 9. P. 33-37 (in Russian).
- LBAT = *T. G. Pinches et al.*, *Late Babylonian Astronomical and Related Texts*, Providence: Brown University Press, 1955. 271p.
- Le Rider*, 1965 – *Le Rider G.* *Suse sous les Séleucides et les Parthes*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1965. 491 p.
- Livshits*, 2010 – *Livshits V.A.* *Parfiānskaia onomastika*. St.Petersburg: SPb. University, 2010. 400 p. (in Russian).
- Loginov, Nikitin*, 1996 – *Loginov S.D., Nikitin A.B.* *Parthian Coins from Margiana: Numismatics and History* // *BAI*. 1996. Vol. 10. P. 39-51.
- Michałowski*, 2013 – *Michałowski P.* *Subartu* // *The Encyclopedia of Ancient History*, First Edition. P. 6431–6432.
- Mørkholm*, 1980 – *Mørkholm O.* *The Parthian Coinage of Seleucia on the Tigris* // *NC*, 1980. P. 33-47.
- Nikitin*, 1984 – *Nikitin A.B.* *Datirovannye drakhmy Fraata III i khronologiya suziānskikh mednykh emissii* // *SA*, 1984. No 4. P. 249-252 (in Russian).
- Nikitin*, 1995 – *Nikitin A.B.* *“Temny period” parphyansroy istorii* // *Ermitazhnye chteniya*. Pamyaty V.G. Lukonina, St.Peterburg, 1995. P. 227-229 (in Russian).
- NPIIN = *Alram*, 1986.
- Oelsner*, 1975 – *Oelsner J.* *Randbemerkungen zur arsakidischen Geschichte anhand von babylonischen Keilschrifttexten* // *AoF* 3, 1975. P. 25-45.
- Olbrycht*, 1997 – *Olbrycht M.J.* *Parthian King’s Tiara – Numismatic Evidence and Some Aspects of Arsacid Political Ideology* // *Notae Numismaticae (Kraków)*, 1997. No. 2. P. 27-65.
- Olbrycht*, 1998 – *Olbrycht, M.J.* *Parthia et ultiores gentes*. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München, 1998. 337 p.
- Olbrycht*, 2013 – *Olbrycht, M.J.* *The titlature of Arsaces I, king of Parthia* // *Parthica* 15, 2013. Vol. 15. P. 63-74.
- Olbrycht*, 2020 – *Olbrycht, M.J.* *Crisis in Parthia (ca. 90-70/69 BC) and Arsakid Coinages: Preliminary Remarks on Numismatic Evidence* // *The Arsakid World: Studies on The History and Culture of Western and Central Asia (Anabasis 10)*, Rzeszów, 2020. P. 49-59.
- Olbrycht*, 2021 – *Olbrycht, M.J.* *Early Arsakid Parthia (ca. 250-165 B.C.)*. At the Crossroads of Iranian, Hellenistic, and Central Asian History. (Series: Mnemosyne, Supplements, Volume: 440 Leiden – Boston: Brill, 2021).
- Sellwood*, 1976 – *Sellwood D.G.* *The Drachms of the Parthian “Dark Age”* // *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1976. Vol. 108. P. 2-25.
- Sellwood*, 1980 – *Sellwood D. G.* *An Introduction to the Coinage of Parthia*, 2nd ed., London: Spink & Son Ltd, 1980. 322 p.

- Shayegan*, 2011 – *Shayegan M.R.* Arsacids and Sasanians. Political Ideology in Post-Hellenistic and Late Antique Persia. Cambridge, 2011. 570 p.
- Shore*, 1993 – *Shore F.B.* Parthian Coins and History – Ten Dragons Against Rome. Pennsylvania: Classical Numismatic Group, 1993. 188 p.
- Simonetta*, 1966 – *Simonetta A.M.* Some Remarks on the Arsacid Coinage of the Period 90-57 BC // NC. 1996. Vol. 6. P. 15-40.
- Simonetta*, 2001: *Simonetta A. M.* 'A Proposed Revision of the Attributions of the Parthian Coins Struck During the So-called "Dark Age" and Its Historical Significance // East and West, 2001. Vol. 51. P. 69-108.
- Simonetta, Sellwood*, 1978 – *Simonetta, A.M., Sellwood D.G.* Again on the Parthian Coinage from Mithradates II to Orodes II // Quaderni Ticinesi di Numismatica e di Antichità Classiche, 1978. No. 7. P. 95-119.
- Wroth*, 1900 – *Wroth W.* On the Rearrangement of Parthian Coinage // NC. 1900. 3rd ser. 20. P. 181-202, pls. vii-ix.
- Wroth*, 1903 – *Wroth W.* Catalogue of the Coins of Parthia (A Catalogue of Greek Coins in the British Museum, vol. 23), London: Trustees, 1903. 413 p.

OLD NISA AND GREEK ART IN TRANSITION

Eleonora Pappalardo

Summary. This paper deals with the 48 ivory rhytons found at Old Nisa, in the Square House. Questions concerning rhytons involve with several domains and raise different problems: which was the centre of production, how and why the rhytons were carried to Old Nisa, when and for which purchaser they were produced and, finally, what their function was. In this work, attention will be paid to the stylistic analysis, by considering style as a conscious form of communication and self-representation, as well as iconography. The detailed analysis, along with the direct examination of the material, allowed several groups (named “style-groups”) to be determined on a stylistic and generally formal basis. On the basis of these principles every figure in each rhyton has been analyzed. In order to carry out an adequate and clear research, it was chosen to adopt a very simple but effective pattern of analysis, recently suggested for the study of 1 st millennium Near Eastern ivories. In a heterogeneous cultural system, such as the after-Alexander Orient, characterized by extreme political and economic variability, the creation of a generally understandable communication code became essential. The above analysis shows that more than one generation of craftsmen worked on ivory rhytons. The subsequent ones assimilated what had already been experimented by the previous ones, and adapted it to new formal conceptions of representation for which, evidently, the Hellenistic schemes were, in the end, no longer useful.

Key words: rhytons, Nisa, style, art.

Резюме. В статье речь идет о 48 ритонах из слоновой кости, найденных на Старой Нисе, в так называемом Квадратном доме. Вопросы, касающиеся ритонов, затрагивают несколько сфер и ставят разные проблемы: где находился центр их производства, как и почему ритоны были перенесены в Старую Нису, когда и для какого заказчика они были изготовлены и, наконец, какова была их функция. В данной статье внимание уделено стилистическому анализу, рассматриваются стиль как сознательная форма общения и саморепрезентации, а также иконография. Детальный анализ наряду с непосредственным рассмотрением материала позволил выделить несколько групп (названных «стилевыми группами») на стилистической и в целом формальной основе. На основе этих принципов проанализирована каждая фигура в каждом ритоне. Для проведения адекватного и ясного исследования было выбрано очень простое, но эффективное направление анализа, недавно предложенное для изучения ближневосточной слоновой кости первого тысячелетия. В гетерогенной культурной системе, такой как послеалександровский Восток, характеризующийся крайней политической и экономической изменчивостью, стало необходимым создание общепонятного коммуникативного кода. Нижеприведенный анализ показывает, что над ритонами из слоновой кости работало не одно поколение мастеров. Последующие ассимилировали то, что уже было опробовано предыдущими, и приспособили это к новым формальным концепциям представления, для которых, очевидно, эллинистические схемы в конце концов уже не годились.

Ключевые слова: ритоны, Ниса, стиль, искусство.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-189-201

It is a pleasure and a honor to contribute this volume. I thank Dr. Pilipko for the fundamental contribution he provided to the knowledge of Central Asian culture.

During the excavations carried out by the YuTAKE expedition at Old Nisa in 1948 (Masson, 1950. P. 547; 1953. P. 149-157; 1955; 1974; 1978; Masson, Pugachenkova, 1982; Pilipko, 2001), 48 ivory rhytons were found on the bench of room XI of the Square House (Pilipko, 1996; 2008), along with fragmentary pieces of ivory furniture elements (Pappalardo, 2010).

As it's well-known, the study of these rhytons raised several questions concerning different archaeological aspects: what was the centre of production, how and why were the rhytons taken (if they were taken) to Old Nisa, when and for which purchaser were they produced and, finally, what was their function (Bernard, 1985; 1991; Invernizzi, 1999; 2001; 2007; 2009; Manassero, 2007; 2008). In this paper, I would like to summarize main questions concerning some artistic aspect, useful in order to clarify chronological and cultural issues. The strong Hellenistic features of some Nisa rhytons have often given rise to a tendency to place this material, together with other famous pieces of art deriving from several Asian sites, among the examples of the pure Hellenized Asian production, linking them to more or less Hellenizing contexts (Bernard, 1985; 1991). They, in fact, have until now been considered as a non-distinguished and homogeneous corpus of material that was dated and stylistically classified uniformly.

From the research carried out (Pappalardo, 2010), an evident heterogeneity inside the corpus has emerged: each specimen is in fact characterized by formal and stylistic peculiarities which make each rhyton an almost unique work of art.

Methodological Issues

It can happen, studying ancient cultures, that we are naturally brought to apply modern interpretative categories to all the objects carrying aesthetic value, looking at the past through modern lenses. Often it isn't kept in mind that what we in present days define "art" was differently conceived by those producing it in the past. On this respect it would be fundamental the distinction between art and artistic industry, the last expression indicating a serial production of objects characterized by figurative properties (Winter, 1995). In the different conception of art in the past lay several difficulties in carrying out analysis concerning meaning and impact of discreet images.

In comparison with Eastern art, the Greek world was critically viewed already in the past (Pappalardo, 2018): technical details, use of colours, proportions, facial expressions, movement, were from time to time critically appreciated and the authors of precise works of art were celebrated in particular when their creations seemed to reproduce the reality (Winter, 2002). There are, then, examples in ancient Greece of the reasoned interpretation of the artworks both from philological-stylistic and moral points of view, possibly connected with judgment of authenticity: some sort of consciousness of the making art. In general, art production is strongly linked with categories as technical and aesthetic competences and preferences as well as by the opportunities afforded by the social context.

The exigency of terminological clarifications rises prominently in order to define several levels of style. The distinction between those formal traits ascribed to individual artists (or craftsman), those ascribed to cultural regions and those ascribed to socio-political sectors that are within or stretched across cultural regions. The term *style* rises issues of meanings and attribution: today we speak about *Italian style* or *individual style* making no terminological distinction. The study of ancient arts, nevertheless, imposes to clarify at what level features shared (or not) by different artistic productions must be considered as a result of a more or less conscious will (Winter, 1998; Pappalardo, 2018).

In general, the trend of researching the *unconscious signature* of the artist through the analysis of those features not conditioned by external influences, representing nothing but the natural way of doing of an individual, characterized an important period of Western art history. The most famous example of this approach was given by Giovanni Morelli who carried out the analysis of micro-details in works-of art with the aim to find those features that were prerogative of just one "person" (Morelli, 1892). The same approach is almost common in the study of Greek art history. John Beazley (Beazley, 1951) adopted an almost similar model in studying Attic pottery, by analysing the single variations or repetitions detectable in the figures represented on vases.

Detailed analysis of the rhytons, directly carried out at the State Museum of Turkmenistan, Hermitage Museum, Pushkin Museum and Oriental Cultures Museum, allowed the distinction of several stylistic and iconographic groups.

In order to make an accurate stylistic study, it was chosen to adopt a very simple but effective pattern of analysis, recently suggested for the study of 1st millennium Near Eastern ivories. It was substantially founded on the necessity to clarify some terminological issues, essential for the process of classification of the material (Winter, 2005):

The first phase of research consisted in isolating meaningful units, consistent with the characteristics of the material at issue: Old Nisa ivory rhytons: 1. Hand, 2. Workshop, 3. Centre, 4. Region (area culturally coherent and defined on an ethnic and/or linguistic base), 5. Period. The second phase consisted in articulating the investigation from more specific to more general characteristics:

1. Indicative of the hand:

a) individual facial features; b) proportion of facial features; c) proportions of bodies; d) details of dresses or body treatment; e) "additive elements" (equivalent to "signature elements", of limited distribution, co-varying with stylistic evidence for a single hand); f) relation with the edges and the spatial field; g) composition; h) degrees of overlap of elements/figures; i) positive-negative space proportions; j) carving techniques; k) overall judgments of quality.

2. Indicative of the "style-group":

a) commonality of theme despite recognition of hands;

b) "conscious signature elements" which could transcend hand; c) general compositional principles; d) additive elements (mostly decorative); e) similarity in some facial and bodily features, difference in others; f) range of carving techniques; g) mounting techniques;

h) judgment of quality (with a broader range of performance than that of individuals).

Point 2 of the model schematically here exposed, as it can be seen, is adapted in order to define "style-groups".

The definition of "style-group" could be "the amount of several artefacts which, although not sharing all the characterizing features defined unconscious signatures (hand), are joined by elements of a more generic nature, these latter not detectable among other artefacts belonging to the corpus and, then, ascribed to other groups". So, it is obvious that specimens produced by the same hand must be placed into the same group, while objects belonging to one group were not necessarily produced by the same hand. Furthermore, the order and the sequence of the groups are not casual. They are based on the similarity criteria of different elements constituting the groups themselves.

On the base of the aforementioned model of analysis, the interpretation of the rhytons as objects "generically" linked with the Hellenistic influences on Asian production of the 2nd century B.C. has turned out to be inconsistent: a large amount of hands worked on the rhytons, and an internal line of development has been traced, carrying important chronological implications (Pappalardo, 2010).

Furthermore, the adoption of a precise "way of doing" things can involve important cultural-ideological issues, sometimes better detectable than in the study of the iconography (Winter, 1998, P. 55; 2005. P. 23; Pappalardo, 2019; 2020). The style often reflects a more or less conscious choice of sharing a precise language. This kind of choice should originate from particular needs, at the base of which there are ideological assumptions of the group commissioning the works of art. Not only the iconography, then, but the style is also a fundamental indicator of the image that the purchaser wanted to present for himself. On the basis of these principles every figure in each rhyton has been analyzed.

Matters of style in the Nisa Rhytons

I'll begin by briefly describing those artistic aspects already known, including a particular group of rhytons in which the influence of Hellenistic art is evident in both iconographic and stylistic choices. Here also, however, it would be appropriate to specify which of the Hellenistic models inspired the production of Nisa.

A large group of friezes is decorated with figures that seem to calque the models typical of early Hellenism (or, better, late Classicism), that period in which the experience of Lysippus and his school left an indelible mark on formal schemes¹.

The artist of rhyton n. 22, for example, pays attention to detail and sense of movement. Particular care is taken in rendering proportion and equilibrium, as well as the natural location in space (Fig. 1).

To cite a few features, we can look at the figure of Hermes, which is very naturalistic and dynamic. The formal scheme, particularly in the groin area, recalls a grave stone from Ai Khanum (Bernard, 1974. P. 125, n. 35; 1972. P. 623-625, fig. 13), in which a young man

with petasus is depicted, perhaps alluding to Hermes himself, in his role as *Psychopompos* (Fig. 2)².

The figure of Aphrodite is also calqued from Greek models: the goddess is depicted with the same iconography on 15 rhytons.

The prototype from which the model was taken, probably lies in the tradition of the "Venus Pudica" (Agen Aphrodite) (Reinach, 1897-1930. P. 369), which inspired a large range of terracottas in the Mediterranean basin³. The face of the goddess and the heaviness of some anatomical details reveal without a doubt the production in an Asian context.

Worthy of note is the representation of Apollo on rhyton n. 22, which is unfortunately damaged, for which an iconographic model different from that adopted on the other friezes is used.

The position of the arms and legs follows the classical models, and once again recalls the manner of Lysippus, visible, for example, on the *Tespies Eros* (Figs. 3-4)⁴.

Among those ivory friezes in which the figures are calqued from Hellenistic iconographic prototypes, there is a clear difference in the style in which analogous subjects are rendered.

I cite the case of the representation of Demeter. On rhyton n. 22, the figure abandons the "relief-like" construction through some sort of spiral movement, obtained by changing the position of the head and of the right arm, which is bent across the torso (Pappalardo, 2010. P. 147). On the other friezes, instead, Demeter presents a formal and iconographic scheme in which the body is shown in an almost frontal view.

A slight change in the position of the head and the bent right arm clearly links the Demeter of rhyton n. 30 to the Cybele depicted on the well-known plaque from Ai-Khanum (Figs. 5-6). The iconographic model coincides exactly, both in the rendering of the dress and in the shape of the kalathos on the head. What changes, however, is the sense of movement that the figure of the frieze communicates through her protruding left hip. The models shown on another group of rhytons belong to a different phase of Hellenistic art. I refer to that mature period in which famous sculptures such as those decorating the altar of Pergamon were produced.

An example is the representation of Poseidon and Zeus on rhytons n. 52 and 65 (Fig. 7). With regard to Poseidon, the adherence to the model of Poseidon of Melos⁵, which was widespread in the eastern Mediterranean, is evident. As for style, however, note the particular projection of the right hip, resulting in an S-shaped curve, from the side to the torso.

² In the case of the Hermes' figure consistent comparisons can be made with works as the small bronze of Anticitera (Lippold, 1950. P. 274; Bieber, 1961. P. 12, Giuliano, 1987. P. 701-702; Stewart, 1990. P. 185).

³ Examples of the type are known from Syria and Palestine (Jentel, 1997. P. 156, cat. n. 31-33).

⁴ The model, which had very fortune, can be dated between 338 and 335 BC. The figure of rhyton 22 shares with the original of Lysippus the evident protruding hip, as it is visible in the torso of Musei Capitolini in Rome (Mustilli, 1939. P. 83-85, num. 4, plt. L, 201; Moreno, 1988. P. 471, fig. 9)

⁵ See the statue of the Athens National Museum (Bieber, 1961. Fig. 684).

¹ Rhytons n. 22, 23, 27, 28, 29, 77 belong to this group.

Fig. 1. Rhyton 22
Ритон 22

Fig. 2. Relief from Ai Khanum
Рельеф из Ай Ханум

Fig. 3. Rhyton 22
Ритон 22

Fig. 4. Torso of the Musei Capitolini
Тор из Музея Капитолини

Fig. 5. Rhyton 30
Ритон 30

Fig. 6. Plaque
from Ai Khanum
Плакетка из Ай Ханум

Fig. 7. Rhyton 65
Ритон 65

Fig. 8. Tetradrachm of Antimachus I
Тетрадрахма Антимаха

Fig. 9. Fragment of cornice (Rhyton 22?)
Фрагмент карниза (Ритон 22?)

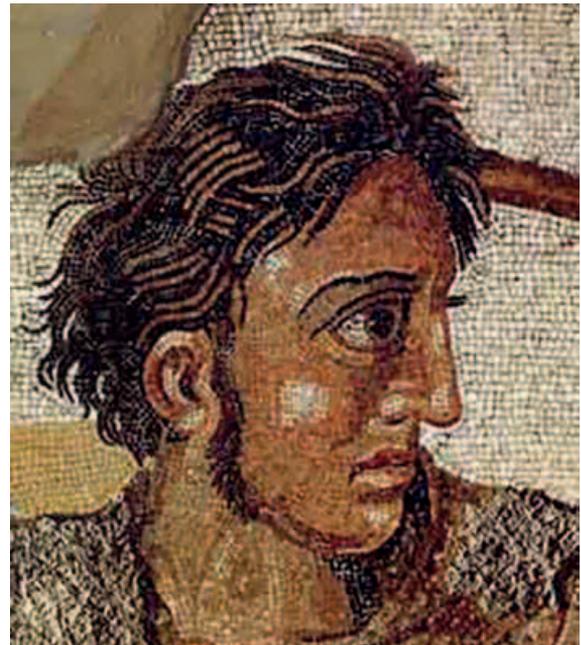

Fig. 10. Alexander the Great (Mosaic of Pompeii)
Александр Великий (Мозаика из Помпеи)

This pronounced sinuosity furthermore contrasts with the rigidity of the right leg that carries the weight of the body.

The same iconographic outcome can be observed on Poseidon, depicted on a tetradrachm of Antimachus the first (fig. 8)⁶. An identical model was used by the artisan

⁶ The coin can be dated in the 185-170 BC and carries the inscription "Antimachus the divine king" (Crossroads, 1992. P. 85, no. 85).

of rhyton n. 65 in order to represent Zeus, by replacing the trident with a scepter and adding the thunderbolt in his left hand.

Some of the male faces, in which special attention is paid to the eyebrow area, also seem to refer to middle Hellenism. The eyebrows are very thick and prominent. A fold in the center, at the nasal root, gives a particular expression, emphasized by the strong chiaroscuro inside the orbit.

The Hellenistic taste inspiring the production of the Nisa rhytons is evident.

Study of the corpus, figure by figure and, mostly, fragment by fragment, revealed how astonishing can be in some cases the links between these objects, namely those produced to the East of the Caspian Sea, and the western prototypes. I cite just one of the fragments studied in Ashgabat, which surely originally belonged to the cornice of rhyton n. 22 (Fig. 9). The head is quite certainly the product of the same hand of the aforementioned rhyton, and is the expression of the passage between the late Classicism and the Hellenistic period. Influences of Skopas' style are evident, in particular in the rendering of wide and deep eyes and long hair. The expression of the faces, along with the general structure of the head, very recall the figure of Alexander the Great (Fig. 10) as was depicted in the famous mosaic at Pompei, to be probably connected with an original painting of Philoxenos of Eretria (*Bianchi Bandinelli*, 1977. P. 471-477; *Hoesh*, 1996. P. 456-457; *Moreno*, 2000).

Few of the Nisa friezes seem to reflect a more Italic taste, particularly in the rendering of the faces. Rhyton n. 18 (Fig. 11) is one of the more beautiful pieces of the corpus in terms of finesse of carving. Originally interpreted as "sacrifice of the horse", the scene on its frieze most probably depicts a very common theme in the Italic context of late Hellenism: the farewell of the dead before undertaking the last trip, to the afterlife (*Pappalardo*, 2010. P. 212). The canonical subjects, frequent on the Etruscan Sarcophagi are represented (*Brunn*, 1916; *Pfuhl, Möbius*, 1979. P. 340, 361). In particular, the two principal figures of the theme, a man and a woman hand in hand, communicate a slight sense of nostalgia. The presence of a caparisoned horse shows us that the travel of this individual will be the travel of a hero.

I will not dwell on the importance of the meaning of this frieze, and on its ideological implications in the general context of the Old Nisa rhytons. But I would like to stress how many routes some Greek models traveled across, and what can be intriguing when trying to trace them. On the frieze, a female figure viewed from the back is depicted (Fig. 12). The anatomical details are soft and full. The dress clings to the upper part of her body and unfolds softly between her legs. The composition of the figure reveals a genuine tendency to illusionism. The girl moves freely toward the back of the frieze, according to a scheme well-known in Greek art and adopted in order to produce several iconographic models. An example of the adoption of this scheme comes from Begram (*Hackin*, 1954. No. 128, figs. 293, 389). It is visible on one of the plaster casts from the treasury, in which a naked man is depicted with his right arm extended forward (Fig. 13). So, in Begram and at Nisa, the same compositional scheme is used in order to render different subjects. And we cannot exclude that the female figure, unfortunately scraped off, was originally represented with her right arm also extended forward.

Hellenistic models and formal schemes inspired the figures briefly described above, and many others, to varying degrees. The same subject recurs on the Nisa friezes, several times with various changes. Different hands can be discerned.

For each group of subjects, or even of complex scenes, it is possible to reconstruct the original model. This is then locally adapted on the base of the contingent needs and of the individual competences.

Sometimes, however, the same model, based on a well-defined iconography, appears to reflect different artistic traditions. In these cases, the style provides more information about the cultural identities than iconography.

The figure of Zeus on rhyton n. 30 (Fig. 14), for example, wears the same clothes and has the same attribute displayed on other friezes. However, it is clearly carved according to different formal principles.

The chin is slightly raised, giving a different inclination to the head. If compared to the other examples, the Zeus on frieze n. 30 show a three-quarters view of his torso, with a slightly protruding swollen belly. The movement of the left leg, bent and moved forward, and the bent left arm, respond properly to this composition of the figure.

Although the iconography is not the same, the formal scheme seems very similar to that which inspired the figure of Vajrapani on a Gandharian relief housed at the Musée Guimet (*Bussagli*, 1984. P. 144; *Crossroads*, 1992. P. 125, num. 128 (I-II sec. AD) (Fig. 15).

Similar remarks could be made about a particular iconographic model, adopted at Old Nisa to render different subjects, depending on the represented theme.

The figure of a bearded man resting on a long *pedum* is, for example, represented on friezes depicting the cycle of "dodekathēoi" in order to represent Hephaestus (*Pappalardo*, 2010. P. 132-134)⁷. By closely observing the different representations of Hephaestus, it is evident that they were carved by *different hands*, but with the aim of representing the same subject, the Greek god.

The same model is also depicted on rhyton n. 47 (Fig. 16), in a completely different iconographic context, which aims to celebrate literature and philosophy. Just in this case, one among 15, the subject shares with the original Western model, not only the iconography, but also the meaning.

An accurate analysis, dedicated entirely to the exegesis of the rhyton 47 was carried out by Paul Bernard (*Bernard*, 1985). The focus of the interpretation is the figure of an old man resting on a long *pedum*, interpreted by the first publishers such as Hephaestus (*Masson, Pugachenkova*, 1982. P. 95), based on the analogy of the general scheme with the god of the forges depicted on the friezes of the twelve gods. Upon identification with Hephaestus, Bernard replaces that with Hesiod, native of Boeotia, who, as well known, received the poetic vocation at the feet of the Helicon directly from the Muses (*Hesiod. Theog.*, 22-24; *Callim. Aitia*, frgm. X).

Already in Hellenistic western art, in fact, the old man covered only by a himation resting on a *pedum*, is one of the most recurrent models used in the representation of scenes of literary taste, which celebrate the "toil of thinking" (Fig. 17) (*Zanker*, 2006. P. 65).

⁷ There are several objects in which Hephaestus is depicted at work, just as an example, remember the famous Nola amphora of the Boston Museum, in which the god is in the presence of Thetis, while working tools and finished objects hang in the background (*Brommer*, 1978. P. 207, B3, fig. 9). See also *Mendel*, 1908. P. 509; *Brommer*, 1978. P. 216, I, plt. 30, 3.

Fig. 11. Rhyton 18
Ритон 18

Fig. 12. Rhyton 18
Ритон 18

Fig. 13. Plaster cast from Begram
Гипсовый отпечаток из Бергама

Fig. 14. Rhyton 30
Ритон 30

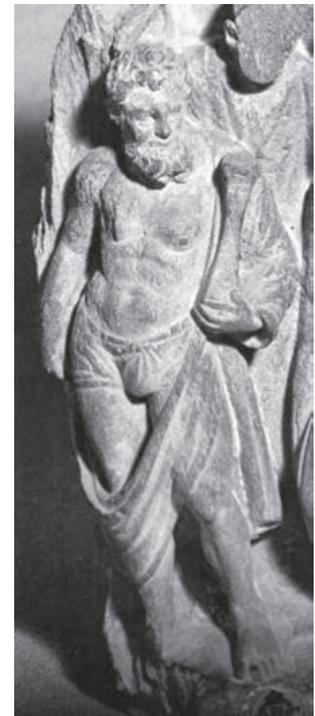

Fig. 15. Vajrapani
on a Gandharian relief
of the Musée Guimet
Вайрапани на гандхарском
рельефе из Музея Гиме

From a stylistic point of view, however, the figure of the frieze on n. 47 introduces new elements in comparison to other friezes. The technique used to depict the curls of the hair and beard seems to be far from the classical Greek one. The same can be said about the faces of the girls depicted in the frieze, who read volumina and write on tablets.

If, indeed, the girls represented on the frieze are inspired by Greek iconographic models (Fig. 18), the ones

usually adopted for the representation of the Muses, there is something in the composition of the drapery, in the soft and full anatomical details, and in the well-defined curls that seems to look to the East. The eyes of the figures carved on rhyton 57 have a shape similar to the ones of the n. 47, being the only difference the pupil, rendered through a small hole. Of a great interest is the absolute identity between the faces of the girls of the rhyton 47 and the projecting heads of the n. 57, closely

remembering the head of Bodhisattva in Bruxelles (*Bus-sagli*, 1984. P. 229)⁸.

A similar phenomenon also concerns the beautiful rhyton n. 76. The frieze depicts a scene of ritual capture. From an iconographic point of view, it could be linked with the Dionysian imagery.

The central figure, seated on a rock, is rendered in archaizing style, and is characterized by fleshy and feminine forms (*Pappalardo*, 2010. P. 217-222). The Greek inscription "ESTIAS" engraved on the horn has, for obvious reasons influenced the interpretation of the subject. I would not exclude, however, that the central figure depicts Dionysus himself, according to the tradition that describes him as *muriòmorfos*, and that often attributes a feminine appearance to him. If this were the case, the ivory figure should have the same meaning as the one depicted with a kantharos in her hand on the golden belt from Tillia Tepe (*Schiltz*, 2007. N. 107.)⁹. The scheme used for the rendering of the crossed legs of the Nisa figure, furthermore, does not seem very different from the one adopted on a Gandharan cosmetic tray in which a girl seated on a sea monster is depicted (*Piacentini, Lippolis*, 2007. N. 228; *Oxus*, 1993. P. 15).

The unusual lumps visible on the heads of some of the huntresses are probably a reference to the Dionysian sphere too. These are small bosses on which a rosette pattern is engraved. In an Asian context, this attribute appears on the Falera found at Dushanbe (*Treuer*, 1958. P. 24-29; 1961. P. 98-109), on the head of a figure commonly interpreted as Dionysus¹⁰. In the Mediterranean context, they adorn the hairstyles of Ariadne and the other members of the cortege of Dionysus. From a stylistic point of view, the formal features inherited from Hellenistic art are revisited according to a new taste.

Once again, the rendering of the hair reflects a non-Greek tradition (Figs. 19-20): the wavy locks frame the face and fall on the shoulders, according to a scheme similar to that observed on the heads of Buddha from Taxila and Lahore (*Ingholt*, 1957. Figs. 499, 544).

The frieze provides, furthermore, interesting comparisons with works from Surkh Kotal.

I refer in particular to the characteristic rendering of the drapery of the huntresses, with wide folds that are flat, slightly hollow in the middle, and end in thick edges. These seem to be completely identical to some fragments of clay sculptures from Surkh Kotal (*Schlumberger*, 1970. Fig. 9).

The frieze of rhyton n. 78, in which the figures are characterized by an evident heaviness, is far from the Hellenistic style. The Greek hairstyles with upper krobylos were replaced by flowing hair already in the previous frieze (*Pappalardo*, 2010. P. 160-165). In this case

a new element appears, a sort of twisted rim adorning the forehead. The hair is long since it ends in soft curls above her shoulders. The face of the young girl who leads an animal to sacrifice is wide and slightly flattened. Her forehead is low, and her eyes are almond-shaped. Her head is set on a massive and wide neck, bordered below by the semicircular neckline of her dress. The compositional scheme does not seem to be very different from the one of the two figures (Dionysus and Ariadne) depicted in the golden clasp from Tillia Tepe (*Schiltz*, 2007. P. 176-177)¹¹.

Figures rendered in frontal view appear on this frieze. They are certainly different from those represented according to the classical composition of the body, based on the scheme of "contrapposto". The frieze on n. 8 provides an example of this compositional scheme: the bearded men near the altar, in a Dionysian scene depicting a sacrifice (Fig. 21). In this case, a large flared dress substitutes nebris and hymation, reserving only a small portion of the cloth for any reference to movement. This last is almost completely lost in the representation of the double flute player on rhyton n. 78 (*Pappalardo*, 2010. P. 173). Only a distant echo of pure Asiatic Hellenism remains on the frieze n. 81.

The Aphrodite inspired by the model of the "Venus Pudica" is replaced by a rather flat and almost two-dimensional female figure. She rests her left arm on a low pillar, according to an iconographic scheme that is not very different from the origin of the two figures known as the "Aphrodite of Bactria" and "Aphrodite Kushana" (*Marshal*, 1951. Plt. 191, nos. 96-97)¹². This latter, in particular, has in common with the ivory figure an arched engraving at the pubis, left uncovered by the himation.

The face is small, the forehead framed by curls with a middle parting, on his head raises a high krobylos. Deep grooves separate the mouth from the cheeks. The general scheme recalls the one of a female figure depicted on the golden reliquary in the British Museum (*Cribb*, 1985. P. 83; *Harle*, 1986. P. 25, plt. 9; *Tissot*, 1985. Fig. 33)¹³. On the same frieze another girl in frontal view is depicted with both arms bent. She wears a chiton and hymation.

The frontal view makes the figure very expressive, while the general composition recalls that of the stat-

⁸ Furthermore, the drapery rendering system is one of the most interesting tools for the investigation of artistic production techniques in Asia in this period (*Schlumberger*, 1960. P. 158-160).

⁹ The figure of the belt, in his hands holds a kantharos. The clothing is that of the Hope type Dionysus, with a short tunic. The *nebris* is missing. The hair is curled up in krobylos on the head. What is striking about the representation of the god on the golden belt is precisely the strongly feminine characterization, evident as well as in clothing, in the body's treatment.

¹⁰ Abdullaev points out that comparisons can be found for these only later, for example in Sogdiana on an applique from Erkourgan dating back to the 5th century. AD (*Abdullaev*, 2005. P. 230-231).

¹¹ Another singular feature which associates the female figure on the rhyton 78 with the Bactrian production of the early years of the vulgar era, is given by the rendering of the rounded, almost spherical, and swollen breasts. This type of expedient leads to a milieu not far from the one which inspired Begram's production, although stylistically completely different.

¹² Of the so called Aphrodite Kushana, actually better interpreted as Psyche, several examples come from the nearby Golden Hill (Tillia Tepe), from the Indo-Parthian levels of Taxila. The state of conservation of the ivory figure, unfortunately scraped off along the torso, doesn't allow a detailed analysis of the upper portion of the body. Therefore, it is not possible to ascertain the modeling of the breast which, in my opinion, could have provided interesting information about possible links with the Afghan production of the early centuries of the modern Era.

¹³ In particular, the female figures on the gold artefact, in addition to re-proposing the krobylos hairstyle which, given the frontal representation, is placed right above the head, are characterized by the peculiar relationship between the narrow and slightly rounded forehead and the small and strongly shaded eyes which give to the gaze a certain fixity.

uette of Hariti, from Herat (Figs. 22-23) (Crossroads, 1992. P. 108-109, nos. 111)¹⁴.

The last female figure of the frieze is a very enigmatic subject. A woman entirely wrapped in a heavy mantle, holding a large torch. Her dress is rendered through a cascade of subsequent concentric arched folds that entirely cover her right side (Fig. 24).

The conception of the dress is new. Its peculiarity consists in the clearly non-Greek taste for rendering the folds. Rather than resembling Greek drapery, they in fact recall once again the clay sculpture of Surkh Khotal and, more distantly, some productions such as the relief depicting the death of the Buddha of Peshavar (*Ingholt*, 1957. Fig. 137), or the famous statue of Karachi (*Ingholt*, 1957. Fig. 356).

Conclusions

The fast conquest and the short-lived Macedonian empire in the Orient were followed by a slow but inexorable cultural and social transformation that, to a greater or lesser extent, involved regions as far as India, Iran and Turkmenistan.

Such a process of transformation was accomplished together with one of codification of a new figurative language, exceptional for its uniqueness. This was adapted from time to time to the communication needs of those peoples whose cultural roots were sunk in substrates as diverse as were the cultural and the geographical realities they belonged to. The formal elements of the Hellenic matrix flourished in these regions in parallel with the Greek language, providing new means of expression. These were formed over centuries in the Mediterranean basin, the result of a process of human maturation and philosophical, as well as artistic endeavours that since the end of the Bronze Age had led to an awareness of the inseparability of art from the human experience. The adoption of Hellenistic representative models becomes a clear message of identity, mostly when applied to the figurative language of the court.

In the mean time, nevertheless, it has provided a substantial contribution to the formation of local artistic productions, both those related to political propaganda, and those in the service of a spiritual-religious message. It is in this complex cultural context, that of a deep historical change, that the production of the Nisa rhytons must be considered. So, if their meaning is closely related to the role of Hellenism in the creation of an art form for the court, it is essential to keep in mind the diversity of their value, and the ethnic variety of the neighboring populations, from Gandhara to Bactria.

The brief excursus we made through just few Nisa rhytons, showed as the presence of Hellenistic features on them is just one among numerous aspects. As style can be used as an active form of communication, it could be manipulated, like the iconography, in order to convey information according to a precise will of self-representation. On this respect, the concept of different levels of style rises more prominently (style can be, in fact,

manipulated up to a certain degree, that is until it is the result of a conscious choice in “doing things”) (*Winter*, 2005. P. 23).

In this case style assumes an explicit role, as iconography does, that of conveying messages about identity. Issues concerning cultural identity and intercultural exchange rose in the public agenda of the twenty-first century, due to some critical processes of growing political and economic integration and/or conflict. As stated by Chr. Uehlinger and C. Suter, “migration research and diaspora studies have contributed to making social and cultural identity one of the most investigated subjects of contemporary social-scientific research” (*Suter, Uehlinger*, 2005. Pl. XVII).

We know that cultural groups, at several levels, adopt codes of self-identification through the adoption of precise visual codes and schemes. The bulk of visual information provided by people belonging to different cultural domains can concur to define and, to a certain extent, distinguish centres and peripheries, us vs others. Then, both in modern and ancient times as well, the distinction between East and West, in terms of culture, beliefs, behaviour and images, led to different approaches to cultural studies.

This approach considers “Images as Media”, and provides the fundamental base for the study of ancient societies in general, of cultural interconnection in particular. Without any doubt, images can some time constitute a valid historical source, being part of a complex communication process within and between ancient societies.

What is fundamental to consider, nevertheless, is the process of evaluation of the objects *per se*, as items carrying precise function in precise contexts. In the meantime, as an object’s meaning can reasonably change on the base of the respective context of use or interpretation, also the value of a precise iconography can be imagined as differently viewed in several circumstances.

As I recently stated (*Pappalardo*, 2018), figured objects of art can be discussed in their triple function as artefacts (that is to say, products of craftsmen who relied on raw material, practiced their skills, followed models of style and defined repertoires), as visual media (i.e. in terms of communication), and as reflections of social and cultural identities, inter-cultural contact and artistic emulation. Otherwise, when style coincides with hand, then principles of unconsciousness come into play.

If, on the one hand, the evident change in the formal schemes, style and iconography, detected in the Nisa corpus, can be explained through the different cultural matrixes involved in the production of the rhytons, on the other, it could also reflect a more substantial process of transformation, involving at the base the concept of art and its meaning. A mutation, then, in the function of the images and in their value, whose origin could lie in the change of the exigencies of representation themselves, linked with phenomena of local re-elaboration and the experimentation which generated a change in shape and meaning. In any case, the ivory rhytons from Old Nisa completely reflect the phenomenon of exchanges and interconnections that occurs in this complex period, taking part in a coherent system involving different cultural areas.

¹⁴ In addition to the iconographic similarities, in particular recognizable in the neckline of the dress, in the belt under the chest, in the position of the himation on the hips and in the hairstyle, the shape and features of the face and hair must be noted.

Fig. 16. Rhyton 47
Ритон 47

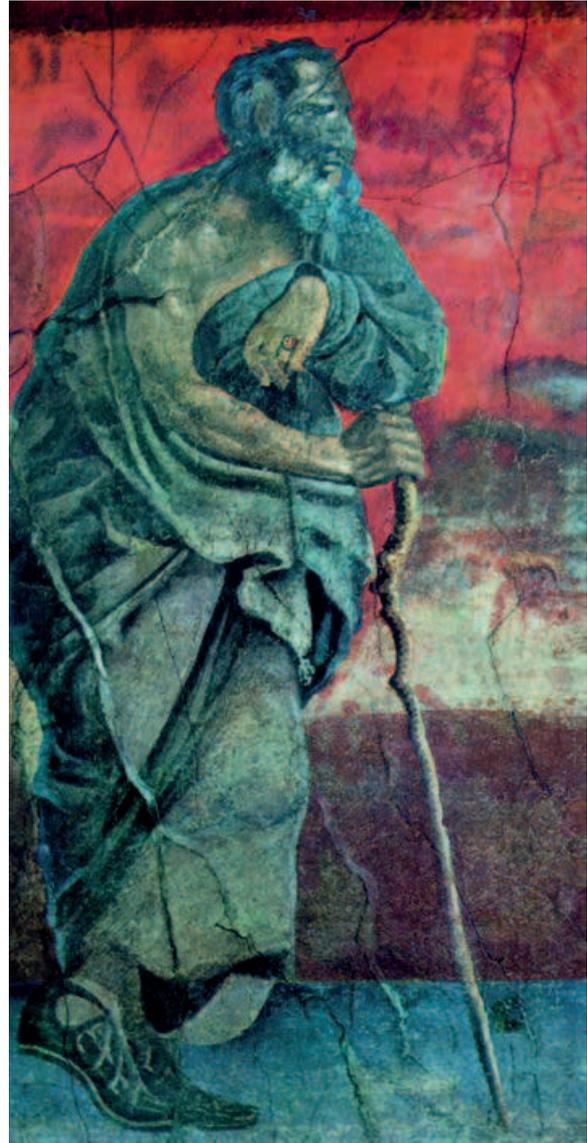

Fig. 17. Pompei Fresco
Фреска из Помпеи

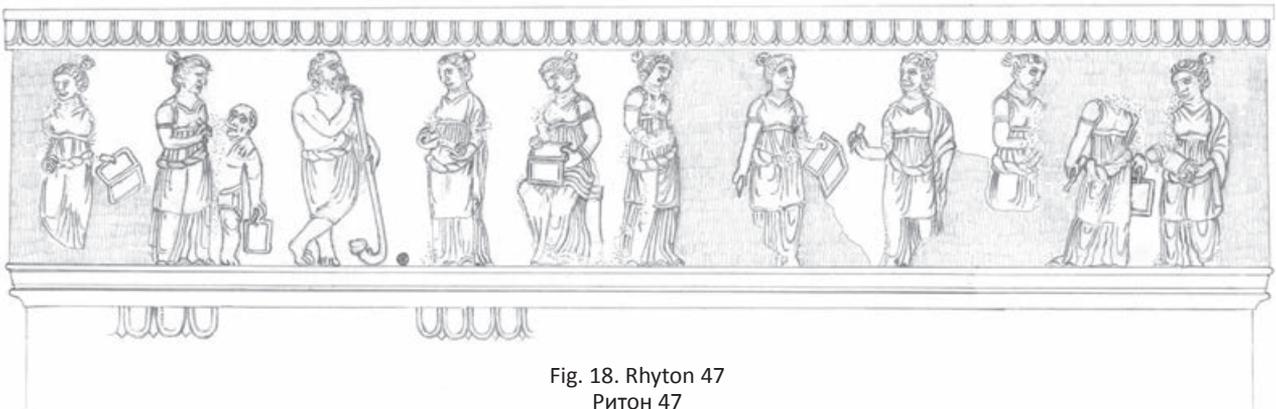

Fig. 18. Rhyton 47
Ритон 47

BIBLIOGRAPHY

- Abdullaev*, 2005 – *Abdullaev K.* Les motifs dionysiaques dans l'art de la Bactriane et de la Sogdiane // *Afghanistan. Ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest.* Turnhout: Brepols, 2005. P. 227-257.
- Beazley*, 1951 – *Beazley J.D.* The Development of the Attic Black-Figure. Berkeley and Los Angeles: Uni-

- versity of California Press (London: Cambridge University Press), 1951. Pp. xiv + 127, 49 pll
- Bernard*, 1985 – *Bernard P.* Les rhytons de Nisa, I. Poétesses grecques // *JSav.* 1985. P. 25-96.
- Bernard*, 1972 – *Bernard P.* Campagne de fouilles à Aï Khanoum (Afghanistan) // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 116e année. 1972. No. 4. P. 605-632.

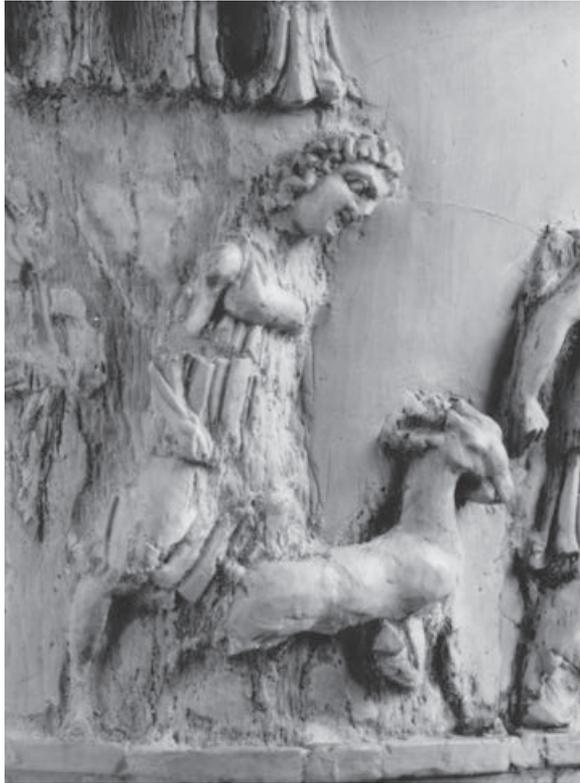

Fig. 19. Rhyton 76
Ритон 76

Fig. 20. Buddha head from Taxila
Голова Будды из Таксилы

Fig. 21. Rhyton 8
Ритон 8

Fig. 22. Rhyton 81
Ритон 81

Fig. 23. Statuette of Hariti,
from Herat
Статуэтка Харити из Герата

Fig. 24. Rhyton 81
Ритон 81

- Bernard*, 1991 – *Bernard P.* Les rhytons de Nysa: à quoi, à qui ont-ils servi? // *Bernard P., Grenet F.* (eds.). Histoire et cultes de l'Asie centrale Préislamique (Actes du Colloque international du CNRS). Paris: Editions du CNRS. 1991. P. 31-38.
- Bianchi Bandinelli*, 1977 – *Bianchi Bandinelli R.* La pittura // Storia e civiltà dei Greci. Vol. X. Milano: Bompiani, 1977. P. 416-513.
- Bieber*, 1961 – *Bieber M.* The Sculpture of the Hellenistic Age. New York: Columbia University Press, 1961 (II ed.). 436 p.
- Bopearachchi*, 2005 – *Bopearachchi O.* (ed.). Afghanistan. Ancien Carrefour entre l'Est et l'Ouest. Actes du Colloque International, 5-7 mai 2003, Turnhout: Brepols, 2005. 540 p.
- Bottini*, 2006 – *Bottini A.* (ed.). Musa Pensosa. L'immagine dell'intellettuale nell'antichità, Catalogo della Mostra. Roma: Mondadori Electa, 2006. 253 p.
- Brommer*, 1978 – *Brommer F.* Hephaistos. Der Schmiedegott in der antiken Kunst. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1978. 261 p.
- Brunn*, 1916 – *Brunn E.* I rilievi delle urne etrusche, Band 3 I-III. Roma: Tipi del Salviucci, 1916. 255 p.
- Bussagli*, 1984 – *Bussagli M.* L'arte del Gandhāra. Torino: UTET, 1984. 296 p.
- Cambon*, 2007 – *Cambon P.* (ed.). Afghanistan. I tesori ritrovati. Collezioni del Museo nazionale di Kabul. Catalogo della mostra, Torino: Allemandi, 2007. 253 p.
- Cribb*, 1985 – *Cribb J.* New Evidence of Indo-Parthian Political History // Coin Hoards. 1985. Vol. VII. P. 282-300.
- Crossroads*, 1992 – *Allchin F.R., Boardman J., Cribb J., Harle J.C., Kreitman N.* (eds.). The Crossroads of Asia. Transformation in image and symbol, Cambridge: Ancient India and Iran Trust, 1992. 306 p.
- Giuliano*, 1987 – *Giuliano A.* Arte greca, II. Dall'età classica all'età ellenistica. Milano: Il Saggiatore, 1987. 606 p.
- Hackin*, 1954 – *Hackin J.* Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kapici) 1939-1940. Paris: Imprimerie nationale, 1954. 354 p.
- Harle*, 1986 – *Harle J.C.* The Art and Architecture of the Indian Subcontinent. New York: Viking Penguin, 1986. 597 p.
- Hoesch*, 1996 – *Hoesch H.* Alexandermosaik // Der Neue Pauly. 1996. No. 1. P. 454-457.
- Ingholt*, 1957 – *Ingholt H.* Gandhāran Art in Pakistan. New York: Pantheon, 1957. 203 pp + 577 plates.
- Invernizzi*, 1999 – *Invernizzi A.* Sculture in metallo da Nisa Vecchia (Acta Iranica, 35, vol. XXI). 236 p.
- Invernizzi*, 2001 – *Invernizzi A.* Arsacid Dynastic Art // Parthica, 2001. No. 3. P. 133-162.
- Invernizzi*, 2007 – *Invernizzi A.* Introduzione all'arte dell'Asia ellenizzata // Sulla via di Alessandro da Seleucia al Gandhāra. Milano: SilvanaEditoriale, 2007. P. 63-72.
- Invernizzi*, 2009 – *Invernizzi A.* Nisa Partica. Le sculture ellenistiche (Monografie di Mesopotamia, XI), Firenze: Le Lettere, 2009. 180 p.
- Jentel*, 1997 – *Jentel M. O.* Thetis // LIMC, VIII. 1997.
- Lippold*, 1950 – *Lippold G.* Die Griechische Plastik Handbuch der Altertumswissenschaft; 6. Abt., 3. T. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1950. 441 p.
- Manassero*, 2007 – *Manassero N.* New Light on the Rhyta of Old Nisa // Hephaistos. 2007. Vol. 25. P. 7-42.
- Manassero*, 2008 – *Manassero N.* Têtes coupées on the cornices of the Nisa rhyta. Nothing to do with Dionysus? // Parthica. 2008. Vol. 10. P. 63-98.
- Marshall*, 1951 – *Marshall J.* The Buddhist Art of Gandhāra. The Story of the Early School, its Birth, Growth and decline. Cambridge, 1951. 112 p.

- Masson*, 1950 – *Masson M.E.* Nekotorye novye dannye po istorii Parfii // *Vestnik Drevnej Istorii* [ВДИ]. 1950, No 3. P. 41-55 (in Russian).
- Masson*, 1953 – *Masson M.E.* Novye archeologicheskie dannye po istorii rabovladel'cheskogo obshestva na territorii Turkmenistana // *Vestnik Drevnej Istorii* [ВДИ]. 1953. No. 1. P. 143-160 (in Russian).
- Masson*, 1955 – *Masson M.E.* Kratkaya hronika polevyh rabot YuTAKE za 1948-1952 gg. // *Trudy YuTAKE*. T. V. Ashgabat: AN Turkmenskoy SSR, 1955. P. 197-249. (in Russian).
- Masson*, 1974 – *Masson M.E.* Kratkaya hronika polevyh rabot YuTAKE za 1953-1954 gg. // *Trudy YuTAKE*. T. XV. Ashgabat: Ылым, 1974. P. 283-310 (in Russian).
- Masson*, 1978 – *Masson M.E.* Kratkaya hronika polevyh rabot YuTAKE za 1955-1957 // *Trudy YuTAKE*. T. XVI. Ashgabat: Ылым, 1978. P. 111-186 (in Russian).
- Masson, Pugachenkova*, 1982 – *Masson M.E., Pugachenkova G.A.* The Parthian Rhytons of Nisa. Firenze: Le Lettere, 1982. 149 p. (ed. originale: Parfyanskije ritony Nisy. *Trudy YuTAKE*. T. 4. Ashgabat: AN Turkmenskoy SSR, 1959. 268 p.
- Mendel*, 1908 – *Mendel G.* Catalogue des figurines grecques de terre cuite. Konstantinopel: Ahmed Ihsan, 1908. 663 p.
- Morelli*, 1892 – *Morelli G.* Italian painters: Critical studies of their works. London: J. Murray, 1892. 358 p.
- Moreno*, 1988 – *Moreno P.* Sculture lisippee nei Musei di Roma // *Archeologia Laziale*. 1988. Vol. 9. P. 467-480.
- Moreno*, 2000 – *Moreno P.* Apelle: la battaglia di Alessandro. Milano: Skira Ed., 2000. 136 p.
- Mustilli*, 1939 – *Mustilli D.* Il Museo Mussolini. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1939. 204 p.
- Oxus*, 1993 – *Oxus.* Tesori dell'Asia Centrale (Catalogo della mostra). Roma: De Luca editore, 1993. 147 p.
- Pappalardo*, 2010 – *Pappalardo E.* Nisa Partica. I Rhyta Ellenistici. Firenze: Le Lettere, 2010. 548 p.
- Pappalardo*, 2018 – *Pappalardo E.* Connoisseurship and Classification. Chap. 5 // *A. Gunter* (ed.), *A Companion to the Art of the Ancient Near East*. Oxford: Wiley-Blackwell Publishers, 2018. P. 103-127.
- Pappalardo*, 2019 – *Pappalardo E.* L'Archeologia dello Stile. Osservazioni in merito ai modelli di indagine archeologico-culturale delle immagini nel mondo antico // *E. Frasca* (a cura di). Il valore e la virtù. Studi in onore di Silvana Raffaele. Catania: Bonanno Editore, 2019. P. 253-264.
- Pappalardo*, 2020 – *Pappalardo E.* Art and Agency. Meaning-making in Iron Age Mediterranean // *Creta Antica*. Vol. XIX (2018). P. 13-28.
- Pfuhl, Möbius*, 1979 – *Pfuhl E., Möbius H.* Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz am Rhein: Von Zabern, 1979. Vol. 2.
- Piacentini, Lippolis*, 2009 – *Piacentini P., Lippolis C.* (eds). L'Iran dei Parti, Catalogo alla mostra fotografica, Roma: Museo Nazionale d'Arte Orientale "G. Tucci", febbraio-marzo 2009.
- Pilipko*, 1996 – *Pilipko V.N.* Staraya Nisa. Zdanie s kvadratnym zalom. Moskva: Vostochnaya literatura RAN, 1996. 256 p. (in Russian).
- Pilipko*, 2001 – *Pilipko V.N.* Staraya Nisa. Osnovnye itogi archeologicheskogo izucheniya v sovetskij period. Moskva: Nauka, 2001. 430 p. (in Russian).
- Pilipko*, 2008 – *Pilipko V.N.* The Central Ensemble of the Fortress Mhrdatkirt. Layout and Chronology // *Parthica*. 2008. Vol. 10. P. 33-52.
- Reinach*, 1897-1930 – *Reinach S.* Répertoire de la Statuaire grecque et romaine. T. I-VI. Paris: Leroux, 1897-1930.
- Schiltz*, 2007 – *Schiltz V.* Schede num. 36-146 // *Cambon*, 2007.
- Schlumberger*, 1960 – *Schlumberger D.* Descendants non méditerranéens de l'art grec // *Syria*. 1960. Vol. 37. P. 131-166; 253-319.
- Schlumberger*, 1970 – *Schlumberger D.* L'Orient Hellénisé. L'Art grec et ses Héritiers dans l'Asie non Méditerranéenne. Paris: Éditions Albin Michel, 1970.
- Stewart*, 1977 – *Stewart A.F.* Skopas of Paros. New Jersey: Noyess Press, 1977.
- Stewart*, 1990 – *Stewart A.F.* Greek Sculpture. An Exploration. Vol. I-II. New Haven – London: Yale University Press, 1990. 800 p.
- Tissot*, 1985 – *Tissot F.* Gandhâra. La vie publique et privée dans l'Inde ancienne. Paris: J. Maisonneuve, 1985. 212 p.
- Trever*, 1958 – *Trever K.V.* Bronzovyj falar, najdennyj v Stalinabade // *Soobshchenia Respublikanskogo Istoriko-kraevedcheskogo muzeja Tadjikskoy SSR*, 1958. Vol. 3. P. 24-29. (in Russian).
- Trever*, 1961 – *Trever K.V.* Baktrijskij bronzovyj falar s izobrazheniem Dionisa // *Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1961. Vol. 5. P. 98-109 (in Russian).
- Winter*, 1995 – *Winter I.J.* Aesthetics in Ancient Mesopotamian Art // *J.M. Sasson* (ed.), *Civilizations of the Ancient Near East*. Vol. IV. New York: Charles Scribner's Sons, 1995. P. 2569-2580.
- Winter*, 1998 – *Winter I.J.* "Review of G. Herrmann, The Small Collections from Fort Shalmaneser (Ivories from Nimrud V) // *Journal of Near Eastern Studies*. 1998. Vol. 57. P. 150-153.
- Winter*, 2002 – *Winter I.J.* Defining "Aesthetics" for Non-Western Studies. The Case of Ancient Mesopotamia // *M. A. Holly and K. Moxey* (eds.), *Art History, Aesthetics, Visual Studies*, Williamstown: Yale University Press, 2002. P. 3-28.
- Winter*, 2005 – *Winter I.J.* Establishing group of boundaries: Toward methodological refinement in the determination of sets as a prior condition to the analysis of cultural contact and/or innovation in first millennium BCE ivory carving // *Uehlinger Chr., Suter C.E.* (eds.) *Crafts and Images in Contact, Studies on Eastern Mediterranean Art of the first millennium BCE*. Fribourg: Göttingen: Academic Press; Vandenhoeck & Ruprecht 2005. P. 23-43.
- Zanker*, 2006 – *Zanker P.* La fatica del pensare: poeti e filosofi nell'arte greca // *A. Bottini* (ed.), *Musa pensosa. L'immagine dell'intellettuale nell'antichità*. Milano: Electa, 2006. P. 65-77.

PARTHIAN MERV

Gabriele Puschnigg

Summary. Ancient Merv was an urban space in constant transformation, but the Parthian era signified a special, pivotal moment for the city's further development. In the archaeological record related to this period, we find for the first time primary evidence, such as locally minted coin issues, shedding light on the political and administrative status of Merv. Substantial shifts are also noticeable in the local material culture reflecting changes in patterns of consumption. In the present contribution, I trace individual aspects of these developments selecting a number of examples from the archaeological evidence to define general trends and attempt to interpret their significance. Pottery assemblages are once more of particular interest in this regard. Changes affected individual parts of the repertoire differently. While single vessel types developed slowly from early Parthian times onwards and continued into the Sasanian period, others gradually disappeared, and new stylistic features emerged during the first centuries of the Common Era but became dominant only in Sasanian times.

Key words: Merv, Parthian period, Archaeology, Pottery, Central Asia.

Резюме. Древний Мерв был городским пространством, находящимся в постоянной трансформации, но парфянская эпоха стала особым, переломным моментом для дальнейшего развития города. В археологических памятниках, относящихся к этому периоду, мы впервые находим первичные свидетельства, такие как монеты местной чеканки, проливающие свет на политический и административный статус Мерва. Существенные сдвиги заметны и в местной материальной культуре, отражающие изменение моделей потребления. В настоящей работе я прослеживаю отдельные аспекты этих событий, выбирая ряд примеров из археологических свидетельств, чтобы определить общие тенденции и попытаться интерпретировать их значение. Особый интерес в этом отношении вновь представляют гончарные комплексы. Изменения коснулись отдельных частей репертуара по-разному. В то время как отдельные типы сосудов развивались медленно, начиная с раннепарфянских времен, и продолжались до сасанидского периода, другие постепенно исчезали, а новые стилистические черты возникали в течение первых веков нашей эры, но стали доминирующими только в сасанидское время.

Ключевые слова: Мерв, парфянский период, археология, керамика, Центральная Азия.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-202-209

Parthian times at Merv, the period between the 2nd century BC and the 3rd century AD, are highly significant for the development of the city and its oasis. It is in this phase that the city receives its own mint and local coin issues are henceforth traceable across the city's stratigraphy providing a more reliable reference for dating. They also allow us to gain insights into the eventful political history of this region at the time. Another important aspect of Parthian Merv concerns the changes observable in the material culture within this period marking a departure from the strong Hellenistic influence visible in the pottery as well as architectural elements. Structural remains and finds from this period at Merv are far less spectacular than those from other

sites, especially Nisa, but they nonetheless help us to further shed light on a phase that in all its complexity remains elusive. In this contribution, I will trace the transformations palpable in the material assemblages in the city considering also nature and problem of the archaeological record at hand.

Specialist studies examining the various groups of numismatic, epigraphic and sphragistic data including coin finds (Nikitin, 1996; Smirnova, 2007), ostraca and inscribed vessels (Livshits, Nikitin, 1991) as well as bullae (Gaibov, Nikitin, 2018) have greatly contributed to our understanding of the political, administrative and religious history of Merv and its oasis during the Parthian period. In the following discussion I will explore

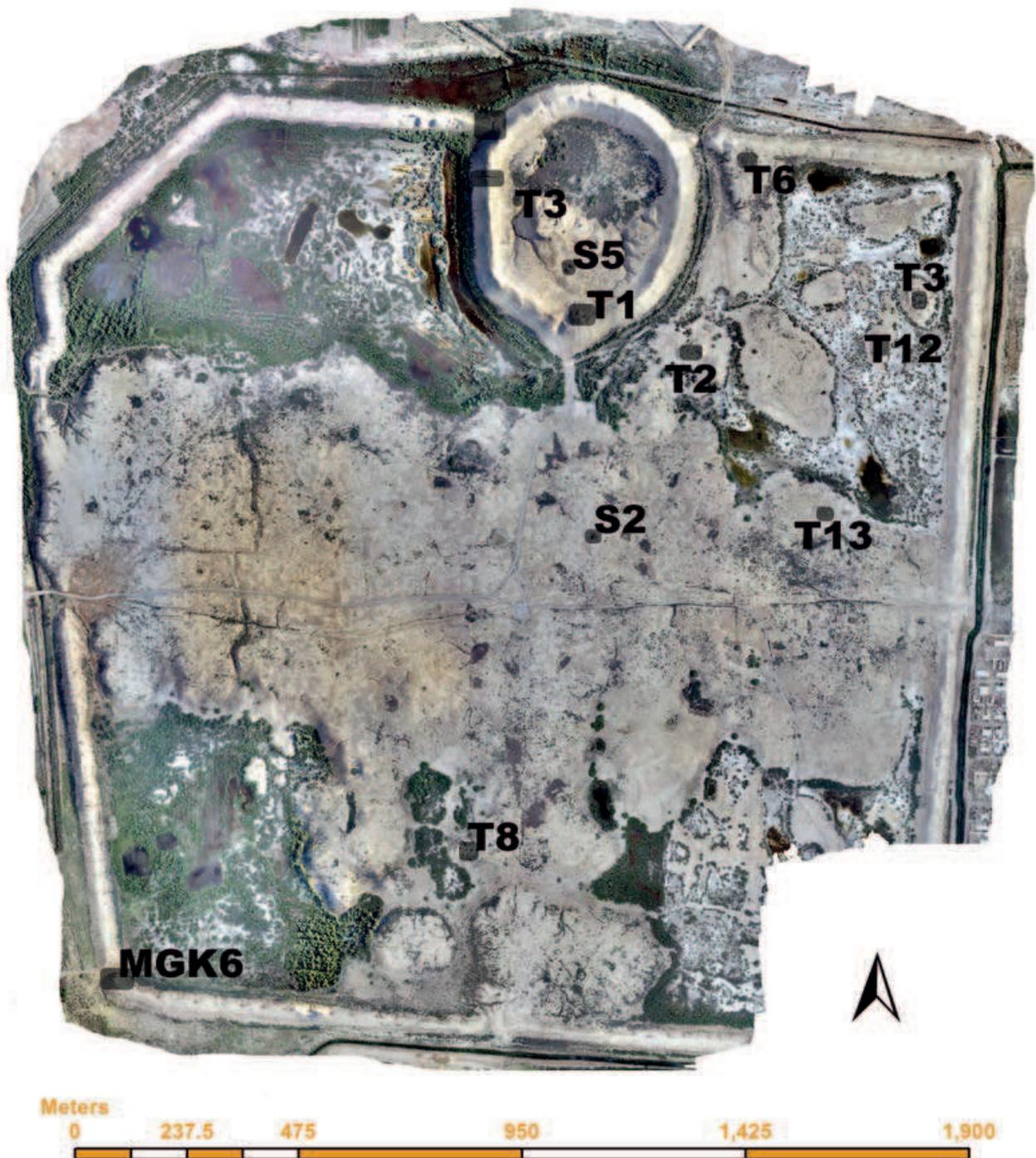

Fig. 1: Merv, Gyaur Kala (Unmanned Aerial Vehicle (UAV) photomosaic), marks indicating locations of excavations reaching Parthian levels (Photo by G. Jorayev; courtesy of the AMP, Institute of Archaeology, UCL)

Мерв, Гяур-кала (фотомозаика с беспилотного летательного аппарата), метки, указывающие места раскопок, достигающих парфянского уровня (фото Г. Джораева; предоставлено AMP, Институт археологии, Университетский колледж Лондона)

the archaeological evidence aside of these political narratives to highlight the regions changing cultural fabric.

Parthian occupation at Merv. In the city's long history of archaeological exploration evidence for its development during Parthian times were recorded on several occasions. Apart from relevant military installations exposed in Erk- and Gyaur Kala (*Usmanova*, 1963a. P. 33–56; *Filanovich*, 1974. P. 36–49; *Zavyalov*,

2007), civil occupation levels dated to the Parthian period were excavated at least at 10 locations in the city. These include Erk Kala, Trench 3, and Soundings 5 and 6 (*Usmanova*, 1963a. C. 81–85; *Usmanova*, 1969. P. 23–26, 32), and Gyaur Kala Trenches 2 (*Usmanova*, 1963b), 3 (*Filanovich*, 1974. P. 68), 6 (*Katsuris*, *Buryakov*, 1963. P. 124–26), 8 (*Filanovich*, 1974. P. 97), 12 (*Filanovich*, 1974. P. 76), 13 (*Filanovich* 1974. P. 82–83) and Sound-

ing 2 (*Filanovich*, 1974. P. 50-51). These control points revealed Parthian habitation in the city along the main occupational area in the central part and the north-south axis but also on a number of individual mounds located in the northeast corner of the city (Fig. 1). Many of the relevant layers, however, were only documented within stratigraphic soundings inevitably resulting in relatively small areas of excavated deposits or 'keyholes' producing assemblages of variable size and often incomplete which may lead to distortions in comparative studies. The only substantial architectural structures of Parthian date were excavated in Gyaur Kala Trench 2 (*Usmanova*, 1963b). Usmanova interpreted the area as metal or copper workshop and dated their functioning from the 1st century BC to the 1st and 2nd century AD based on numismatic evidence and other finds including also a comparative study of the pottery (1963b. P. 173, 181-188). Illustrations of the ceramic material retrieved from levels below the workshop area in soundings 3 and 4 reflect particularly rich assemblages which Usmanova attributed to the 2nd century BC (1963b. P. 192. Fig. 21, P. 194 Fig. 23, P. 195 Fig. 24) and the 2nd to 1st centuries BC (1963b. P. 196. Fig. 25). Due to the position of the relevant levels early in the stratigraphic sequence of Gyaur Kala and usually deep below the present surface, our access is limited, though, and our data remains on the whole fragmented.

Absolute chronology is a complex issue in a mudbrick environment such as Merv, and the chronological phases described in studies of the city's archaeological stratigraphy are slightly variable in their extent and definition. Usmanova in her comprehensive report on sounding 5 in Erk Kala differentiates between an early antique (3rd – 2nd centuries BC), antique (2nd century BC – 1st century AD) and late antique (2nd – 4th c. AD) phase (*Usmanova*, 1969. Fig. 15), while *Filanovich* examining the occupational history of Gyaur Kala distinguishes between an early Parthian phase (end of 3rd to 1st centuries BC) and later Parthian phase (1st to 2nd centuries AD) (*Filanovich*, 1974. P. 101).

In general, absolute chronology tends to rely on coin evidence. Numismatic data for Parthian Merv is, however, sparse in comparison to that of the Sasanian period (*Smirnova*, 2007. P. 382, 384). This is also illustrated by the number of coins retrieved from the Gyaur Kala fortifications for these periods (*Puschnigg, Daghmechi, Nokandeh*, 2019. P. 28, table 2), though quantities seem generally lower in military structures compared to domestic contexts (*Puschnigg*, 2006. P. 113–18). Still, this degree of uncertainty highlights the need to broaden the basis for chronological assessments, and stylistic and art-historical analogies are also widely used in the literature (cf. *Usmanova*, 1963b. P. 177-178) as well as epigraphic evidence, where available (cf. *Usmanova*, 1963b. P. 181). The dating of the individual construction phases of the Gyaur Kala fortifications, MGK6, are equally based on a combination of available evidence, including architectural parallels, coin finds and, in some instances, small objects or epigraphic data (*Zavyalov*, 2007. P. 326). Two phases were distinguished for the Parthian period, an early Parthian phase – phase 3, and a middle Parthian construction phase – phase 4 (*Zavyalov*, 2007. P. 325-326). The subsequent phase, phase 5,

is already dated to the early Sasanian period (*Zavyalov*, 2007. P. 326).

Ceramic evidence. Pottery remains an important source of information for Parthian Merv. Evidence for ceramic design and production at city is not consistent in quality and volume throughout this period, though. Assemblages for the early centuries of Parthian rule derive primarily from stratigraphic soundings but still reflect vessel repertoires rich in variety and forms (cf. *Usmanova*, 1963b. P. 192. Fig. 21, 194. Fig. 23, 195. Fig. 24; *Katsuris, Buryakov*, 1963. P. 125. Fig. 5), while those associated with the main occupation levels in Trench 2 in Gyaur Kala and dated to the turn of the era or the early centuries CE seem on the whole to show less diversity (cf. *Usmanova*, 1963a. P. 59. Fig. 31, 83. Fig. 42; *Filanovich*, 1974. P. 75-76 Fig. 19). This impression is reinforced by the presence in assemblages of pottery shapes, which already occur in preceding phases (cf. *Filanovich*, 1974. P. 102; *Katsuris, Buryakov*, 1963. P. 125-126. Figs. 5-6; *Usmanova*, 1963b. P. 187. Fig. 16, 191-192. Figs. 20-21) suggesting large-scale reverberations of ceramic designs (cf. *Usmanova* 1963a. P. 58) and a lack of innovation. The same situation prevails in assemblages from the more recent excavations of the Gyaur Kala defensive walls, where many of the vessel forms found in phase 4 were already part of assemblages from phases 2 and 3. With regard to MGK6, however, we need to bear in mind that the ceramic assemblages from the individual phases differ substantially in volume, and Phase 3 ceramics by far exceed those from Phase 4 in quantity (*Puschnigg, Daghmechi, Nokandeh*, 2019. P. 26 table 1). The continuity between early and late Parthian repertoires suggested by the pottery evidence, however, might be deceptive for other reasons, too, as the large-scale reuse of deposits and their mixed, secondary nature is well documented for Merv and its oasis and relates to the characteristics of the dominant adobe architecture in this region (*Puschnigg*, 2006. P. 107-109).

We need to differentiate further to understand the development or composition of the pottery repertoires of the time. One aspect concerns the extent and state of preservation of relevant occupation levels in archaeological excavations in the city to date and the volume of material they contain. Another aspect relates to the ceramic finds themselves. As noted above, coherent architectural remains are sparse. Interpreting pottery assemblages from the various deposits at Merv, however, is not always easy.

Pottery assemblages: Almost all deposits in this mudbrick environment are secondary containing material from various chronological periods (cf. *Puschnigg*, 2006. P. 107-109). Relative dates for specific pottery types throughout the sequence gain in probability the more material is documented from different parts of the city. Still, there is uncertainty, how long specific shapes were being produced and stayed in use. Some indication may be obtained from the state of preservation of individual ceramic vessels, though this needs further corroboration. Small and abraded ceramic fragments are likely to have experienced a long history of re-deposition and are therefore likely to be chronologically farther removed from the actual date of occupation of a building (cf. *Orton, Tyers*, 1990. P. 86). Some of the illustrations of

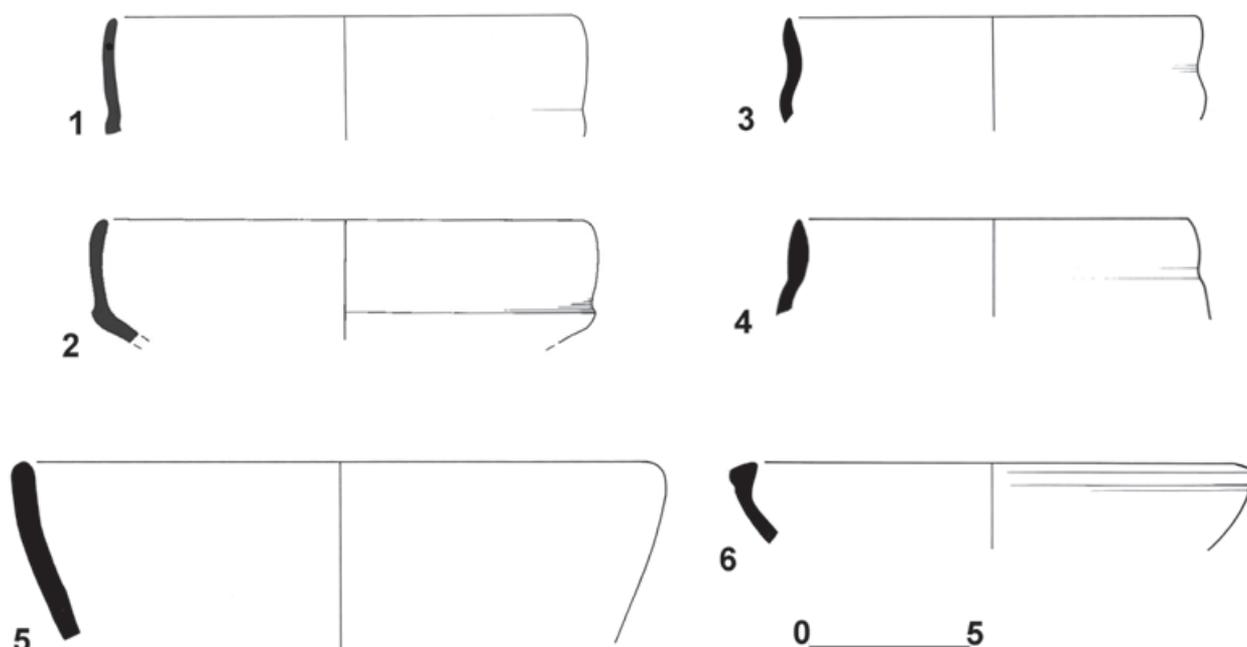

Fig. 2: Open vessel forms, nos. 1-4 – bowls with waisted profile, nos. 1, 3-4, Gyaur Kala MGK5 and MGK6, no. 2 Erk Kala T7. Drawings F. Vardy; nos. 5-6 – bowls with upright or internally thickened rim. Drawings K. Morton.
 Формы открытых сосудов, № 1-4 – чаши с зауженным профилем: № 1, 3-4, Гяур-кала МГК5 и МГК6, № 2 Эрк-кала Т7. Рисунки Ф. Варди; № 5-6 – чаши с вертикальным или утолщенным внутри венчиком. Рисунки К. Мортон

pottery from the 1st to 2nd centuries AD show complete vessel profiles, which for these shapes testifies to a date relatively close to that of their deposit. The shape of a deep rounded bowl (Usmanova, 1963b. P. 187. Fig. 16, 22), for instance, already occurred in phases assigned to the Graeco-Bactrian and early Parthian period of the defensive walls of Gyaur Kala, but the well-preserved specimens illustrated by Usmanova (1963b. P. 187. Fig. 16, 22) suggest, that these forms probably continued in use and production.

Usmanova noted that the ceramic assemblages of the early Sasanian period, 3rd century CE, do not show noticeable changes in relation to the later Parthian material (1963b. P. 170). Pottery contemporary with the functioning of the buildings in trench 2 already seem less various and rich in comparison to those of the preceding phase (Usmanova, 1963b. P. 185-187. Figs 14, 16).

How can we define the middle to late Parthian pottery repertoire at Merv and what are the developments occurring in this period? A closer look at selected vessel shapes might help to gain an insight into this issue.

Open forms: Open forms generally appear to play a significant role in the repertoires of the early Parthian period (Puschnigg, 2019. P. 336-37; Usmanova, 1963b. P. 192. Figs 21, 194. Fig. 23, 195. Fig. 24). Not all the shapes continue throughout the Parthian period. Equally, some bowl types seem to gradually change in appearance, being either further developed or new variants gaining preference. Already in the last two centuries BC, a bowl shape with waisted body profile emerged in the assemblages (R241, Fig. 2, 3). Bowls of this type show some degree of variation (R183, R358, R241, Fig. 2, 1-4) and are well attested in excavations in Gyaur Kala including Erk Kala Sounding 5 (Usmanova, 1969. P. 35,

Fig. 7), Gyaur Kala YuTAKE Trench 2 (Usmanova, 1963b. P. 191. Fig. 20, 1-2, 195. Fig. 24, 32 and 40) Trench 13 (Filanovich, 1974. P. 83. Fig. 22) and in more recent excavations of the defenses MGK6 (Fig. 2, 3-4). The early versions of this type found in MGK6 are plain, though the specimens from trench 2 often show a change in surface colour between the upper and lower body part (Usmanova, 1963b. P. 190). Open forms with waisted body profile continue in use until the early to middle Sasanian period, when they often show burnished decoration on the inside (Puschnigg 2006. P. 132. Fig. 6, 4).

Deep rounded bowls with upright or internally thickened rim (R236, R008, Fig. 2, 5-6) are another well-preserved vessel profile that appear to continue into the middle and later Parthian phases (Usmanova, 1963b. P. 187. Fig. 16, 21-22). Evidence accordingly is also found in the data from the MGK6 excavations. In Phases 3 and 4 of the Gyaur Kala defenses such bowl shapes are continuously represented (Puschnigg, Dagh-mehchi, Nokandeh, 2019. P. 36-37).

Closed forms: Overall, open forms lose significance in the later assemblages, though, while closed forms diversify increasingly. This phenomenon is not unique to the Merv assemblages but seems to signify a broader shift in the ceramic repertoires slowly emerging from the middle Parthian to Sasanian times (Puschnigg, 2019. P. 348).

Main innovations in this period concern a general increase in the decoration of rims, mainly grooving, and of neck- and shoulder areas. Small to medium sized closed forms also gain in popularity, though.

A small, single-handled jar or jug first occurs in a context of Phase 3 of the Gyaur Kala defenses, which is assigned to the early Parthian period (Zavjalov, 2007. P.

325). The rim of this early version is almost upright with a slightly outward bent and the rim-shoulder junction marks a horizontal rib (R248, Fig. 3, 1). From the specimens found in MGK6 Phase 3 it is unclear whether this shape had a handle or not. Material documented from Sounding 5 in Erk Kala and dated to the first centuries AD shows a similar form (*Usmanova*, 1969. P. 25. Fig. 8.1) but furnished with a single handle and already close in its appearance to the little juglet or mug so prominent in the early and middle Sasanian assemblages of Gyaur Kala (*Puschnigg*, 2006. P. 140-141). Possibly, this form began its development early in the Parthian pottery repertoire and, in the process, might have slowly replaced goblets as a drinking vessel or mug.

Double-handled jars with externally thickened and grooved rim and conical neck (R239, R269, R032 and Ref21, Fig 3, 2-5) represent a vessel type characteristic for the later Parthian to early Sasanian period. Jars of this shape are illustrated for the 1st to 2nd and 3rd centuries AD from deposits in YuTAKE Sounding 5 at Erk Kala (*Usmanova*, 1969. P. 23, fig. 5 (right), 25 fig. 7 (right)) and in Gyaur Kala YuTAKE Trench 2 (*Usmanova*, 1963b. P. 185, fig. 14. 15 without handles), Trench 13 (*Filanovich*, 1974. P. 84, fig. 23). In MGK6, the Gyaur Kala defenses, corresponding fragments occurred in Phase 5 identified as early Sasanian (*Zavyalov*, 2007) or in windblown deposits on the inside face of the wall (context no. 40, no phasing). It is important to note that the handles of the specimen from MGK6 shows the bean-shaped section, a form present in assemblages from the earliest phases of the Gyaur Kala defenses. In Sasanian times, handle sections are mostly oval or undulated in shape (cf. *Puschnigg*, 2006. P. 120. Fig. 6.3, 135. Fig. 6.6, 136. Fig. 6.7). Individual fragments are also documented from the middle Sasanian domestic area in Gyaur Kala, MGK5, though it is not clear, whether these specimens are already residual elements in these deposits. Double-handled jars are a significant part also of the Sasanian repertoire, but the later versions have a straight or slightly flared neck. Jars with conical neck do not form part of the common middle Sasanian repertoire (*Puschnigg*, 2006. P. 134-144).

This pottery type rather appears to be characteristic for the early centuries of the Common Era, the later Parthian period and the beginning of Sasanian times, though they might be regarded as precursor of the later amphora-shaped vessels. One complete profile is preserved from Sounding 5 in Erk Kala (*Usmanova*, 1969. P. 23. Fig. 5; cf. Fig. 3, 6). Occasionally, specimens of this type already show a rib around the neck, sometimes furnished with regular impressions (*Usmanova*, 1969. P. 23. Fig. 5; 1963b. P. 170. Fig. 6, 9). In subsequent phases, this type of decoration usually marks the neck-shoulder junction of jars (cf. *Puschnigg*, 2006. P. 136. Fig. 6.7). On vessels of late Parthian or early Sasanian date this feature often occurs around the neck (cf. Fig. 3, 3).

Neckless jars of medium size with everted rim constitute a regular part in the pottery repertoire from the Seleucid period onwards (cf. *Puschnigg*, *Houal*, 2019. P. 124-125. Fig. 2, R240) and seem to continue with slight modifications in the rim shape into later Parthian times (R302, R192, Fig. 3, 5-6).

Surface decoration appears to be generally sparse from the Seleucid and well into the Parthian phase, though some vessel types show specific decorative patterns from early on. Specimens illustrated from YuTAKE Trench 13 in Gyaur Kala show horizontal bands of incised wavy decoration (*Filanovich*, 1974. P. 83. Fig. 22). The fragments are assigned to the first centuries of the common era, though analogous shapes equally occur in domestic deposits in Ai Khanoum and are dated slightly earlier there (*Lyonnet*, 2013. P. 190-91. Fig. 85, 2,4).

One of the most difficult aspects in the interpretation of Parthian ceramics from Merv are coarse- or cooking wares. Vessels of this type only occasionally feature in texts or illustrations of the publications of previous excavations (cf. *Katsuris*, *Buryakov*, 1963. P. 126. Fig. 6, 5), and their quantities are generally small in the assemblages of the Gyaur Kala Fortifications, MGK6 (*Puschnigg*, 2016. P. 455-56) providing only restricted evidence. The data we have to date suggests that substantial innovations in cooking ware fabrics largely set in with Sasanian levels. This image is, however, likely to be still incomplete and more evidence is needed. Considering the shape and fabric of a globular jar with everted rim illustrated amongst pottery dated to the 2nd and 1st centuries BC from the sounding at YuTAKE Trench 6, Gyaur Kala, cooking wares begin to change already during the Parthian period. *Katsuris* and *Buryakov* note that the fabric of this jar is tempered with gravel or grit (*Katsuris*, *Buryakov*, 1963. P. 125), while most coarse ware fabrics recently analysed from pre-Sasanian levels are tempered with grog (*Puschnigg*, 2016. P. 456).

Inscribed pottery sherds and near-complete vessels occurred in almost every excavation at Merv (cf. *Puschnigg*, 2006. P. 39) and are also published from sites in the oasis, such as Göbekli-depe (*Livshits*, *Nikitin*, 1991). The use of the Parthian language for inscriptions on ceramic vessels continues well into the Sasanian period, as the example of a Sasanian jar from Göbekli-depe illustrates (*Livshits*, *Nikitin*, 1991. P. 112-113). This aspect of continuity is to a certain extent also mirrored in the enduring adaptation of some of the Parthian pottery types until the early and middle Sasanian period (*Puschnigg*, 2006. P. 144-146. Fig. 6.12).

Additional evidence. Amongst the various object categories testifying to Parthian Merv only a small selection is mentioned here again for illustration.

Details of architectural decorations from domestic buildings of Parthian date rarely survive. *Usmanova* published a column capital that was excavated from YuTAKE Trench 2 in Gyaur Kala (*Usmanova*, 1963b. P. 181, 183, 184. Fig. 13). The capital is made of a stucco containing gypsum, quartz and lime and shows a composite design with acanthus leaves and a female head at the centre (*Usmanova*, 1963b. Fig. 13). Based on stylistic comparisons with material from Bactria, *Usmanova* suggested a date of the 1st to 2nd century AD for the capital (1963b. P. 183).

During the excavations of a Sasanian bastion at the Gyaur Kala fortifications, MGK6, the fragment of another capital was retrieved (Fig. 4) (*Herrmann* et al. 2001. P. 21). The piece was, however, found outside its original archaeological context, and from its location it appears that surveyors had placed it inten-

Figure 3: Closed vessel forms, nos. 1-5 and 7-8, Gyaur Kala MGK6; no. 6 Erk Kala, Sounding 5 (after Usmanova, 1969. Fig. 15).

Drawings nos. 1 and 7 – F. Vardy, nos. 2-5 and 8 – K. Morton

Формы закрытых сосудов, № 1-5 и 7-8, Гяур-кала МГК6; № 6, Эрк-кала, зондаж 5 (Usmanova, 1969. P. 15);

Рис. 1 и 7 – Ф. Варди, рис. 2-5 и 8 – К. Мортон

tionally on top of a cemented trigonometry point during the Soviet period (Herrmann et al. 2001. P. 21-22). Despite its unknown primary find spot, the capital still reflects part of the city's architectural history. In contrast to the capital from Trench 2, this specimen is made of fired clay and is designed in Ionian style similar to that of decorative clay plaques found in the Parthian cemetery in New Nisa (Pilipko, 2015. P. 176. Pl. 10). Pilipko suggests a date for the functioning of the cemetery from the end of the 3rd/beginning of the 2nd century BC onwards for several centuries possibly up to early Sasanian times (Pilipko, 2015. P. 209). It is possible that the clay capital slightly pre-

dates the one crafted in stucco (cf. Herrmann et al., 2001. P. 21).

How does our evidence compare to assemblages from contemporary neighbouring regions?

The beginning of the Parthian period at Merv, the 2nd century AD, is still characterized by over-regional Hellenistic-inspired material assemblages that show significant overlaps with adjacent territories. Similarities are specifically strong with assemblages from Bactrian sites that share a common group of tableware forms (Puschnigg, Houal, 2019). Developments in ceramic technology, on the other hand, and the overall composition of the vessel repertoire have parallels

with assemblages from northeast Iran (*Puschnigg, Daghmehchi, Nokandeh*, 2019. P. 37-38). This trans-regional quality is also documented in architectural features, such as the column capitals, though our evidence from Merv is very limited in this respect. Aside of the strong cosmopolitanism of the time, there are always aspects of local traditions and particularities visible (*Puschnigg, Houal*, 2019. P. 136-137). From the late 1st century BC onwards, these interregional aspects change, and common pottery types are now mainly restricted to Bactria (*Houal*, 2021. P. 47. Fig. 25: O18-5, 49. Fig. 27: F3:7/4). This link extends into the early Sasanian period (*Puschnigg* 2006. P. 144), though in later Sasanian times connections are again noticeable with regions west of Margiana, such as Khosrow-Kala and northeast Iran (*Puschnigg*, forthcoming).

Discussion. Parthian times at Merv cover a period of considerable transformations in material culture in this city and its oasis. At the outset assemblages strongly reflect the cosmopolitan qualities of the Hellenistic material culture noticeable across the eastern Mediterranean and much of the Near East and Central Asia in the 2nd century BC (*Fenn, Römer-Strehl*, 2013; *Puschnigg, Houal*, 2019). These over-regional links gradually weaken towards the turn of the era. Our initial impression regarding lack of innovation in middle Parthian pottery repertoires certainly requires modification, though. Some of the vessel shapes introduced in early Parthian times, such as the bowl with waisted body profile, are further modified and continue to be produced in different versions well into the Sasanian period. Regarding closed vessel forms, a similar trend is noticeable with regard to the small juglets or mugs that appear early in Parthian times and represent likely precursors of the comparable middle Sasanian types. Interestingly, the jars with conical neck, often double-handled, show a shorter period of use restricted probably to the first three centuries of the Common Era. Some features of the rim, the grooving for instance, remain popular throughout much of the Sasanian period, though (cf. *Puschnigg*, 2006. P. 146. Fig. 6.12, P. 168. Fig. 7.11).

Overall, a number of decisive developments in the ceramic repertoire of Merv begin during Parthian times. These include the decrease of open vessel forms and an increase and refinement of small and medium closed shapes. A potential change in habits, the likely use of closed forms, mugs, rather than goblets for drinking, might underlie or further this trend. In the later Parthian period patterns of decoration, such as the ribs with rows of impression, set in and become a regular feature of specific pottery types for several centuries.

Political history and cultural developments do not evolve at the same pace. Administrative changes are not immediately shown in objects used for daily routines. Transformations in the design of utilitarian objects and domestic environment are all the more significant, as they are born out of interactions of various agencies. Economic exchange, transmission of technological know-how through travelling crafts persons as well as changes in social practices contribute to the processes of transformation in material culture. In this

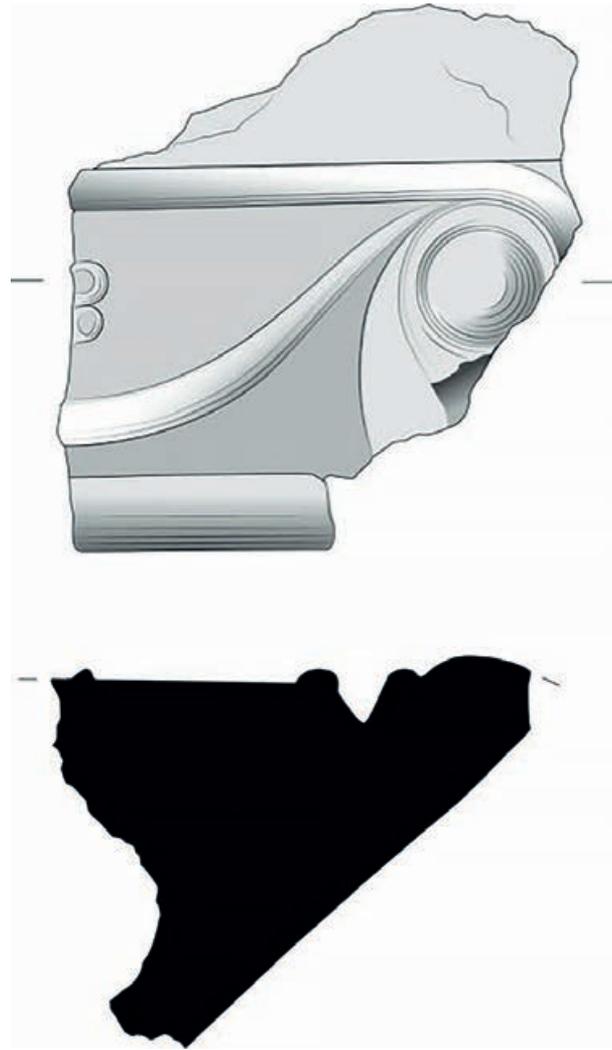

Figure 4: Clay Capital, MGK 6. Drawing F. Vardy
Сырцовая капитель, МГК 66. Рис. Ф. Варди

respect the Parthian period belongs to one of the most fascinating phases in the long history of Merv.

BIBLIOGRAPHY

- Fenn, Römer-Strehl*, 2013 – *Fenn N., Römer-Strehl Ch.*, (Eds.) *Networks in the Hellenistic World: According to the Pottery in the Eastern Mediterranean and Beyond*. BAR International Series 2539. Oxford: Archaeopress, 2013. 382 p.
- Filanovich*, 1974 – *Filanovich M.I.* *Gyaur Kala // Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoi Arkheologicheskoi Kompleksnoi Ekspeditsii*. T. XV. Ashgabat: Ylym, 1974. P. 15–139.
- Gaibov, Nikitin*, 2018 – *Gaibov V., Nikitin A.* *Bullae with parthian inscriptions from the excavations of Göbekli-depe // Numismatics and Epigraphy*. T. XX. *Essays in memory of Nina A. Frolova and Gennadii A. Koshelenko*. Moscow, 2018. P. 50-55.
- Herrmann et al.*, 2001 – *Herrmann, G., K. Kurbansakhatov, St J. Simpson, P. Dare, V. A. Zavyalov, G. Puschnigg, N. Smirnova*. *The International Merv Project*.

- Preliminary Report on the Ninth Year (2000) // Iran. 2001. Vol. XXXIX. P. 9–52.
- Houal*, 2021 – *Houal J.-B.* La Céramique Antique et Médiévale de Termez et de Khaitabad (Ouzbékistan): Regards Sur l'Asie Centrale Du IIIe Siècle Av. J.-C. Au XVIIIe Siècle. Histoire et Archéologie. Paris: Hermann, 2021. 282 p.
- Katsuris, Buryakov*, 1963 – *Katsuris K., Buryakov Yu.* Izuchenie Remeslennogo Kvartala Antichnogo Merva u Severnykh Vorot Gyaur-Kaly // *Trudy YuTAKE*. T. XII. Ashgabat: AN Turkmenskoy SSR, 1963. P. 119–163 (in Russian).
- Livshits, Nikitin*. 1991 – *Livshits V., Nikitin A.* The Parthian Epigraphic Remains from Göbekli-Depe and Some Other Parthian Inscriptions // *Corolla Iranica: Papers in Honour of Prof. Dr. David Neil MacKenzie on the Occasion of His 65th Birthday on April 8th, 1991*. Edited by R. E. Emmerick and D. Weber. Frankfurt, Bern, New York, Paris: Peter Lang, 1991. P. 109–126.
- Lyonnet*, 2013 – *Lyonnet B.* La Céramique de La Maison Du Quartier Sud-Ouest d'Aï Khanoum // *Fouilles d'Aï Khanoum IX, L'Habitat*, 34. Mémoires de La Délégation Archéologique Française En Afghanistan. Paris: Diffusion de Boccard, 2013. P. 179–91.
- Nikitin*, 1996 – *Nikitin A.* Early Parthian Coins from Margiana // *The Art and Archaeology of Ancient Persia: New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. Edited by V. Curtis, R. Hillenbrand, and M. Rogers. London: I. B. Tauris, 1996. P. 14–19.
- Pilipko*, 2015 – *Pilipko V.* Stanovlenie i razvitie parfyanskoi kul'tury na territorii Yuzhnogo Turkmenistana [The formation and development of Parthian culture in the territory of Southern Turkmenistan]. St.Peterdburg: AIK, 2015 (in Russian). 420 p.
- Puschnigg*, 2006 – *Puschnigg G.* Ceramics of the Merv Oasis Recycling the City. Publications of the Institute of Archaeology, University College London. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2006. 254 p.
- Puschnigg*, 2016 – *Puschnigg G.* Continuity or Innovation in Coarse Wares at Early Hellenistic Merv? // *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods*, edited by Sarah Japp and Patricia Kögler. Vol. 1. IARPotHP International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period e. V. Wien: Phoibos Verlag, 2016. P. 455–464.
- Puschnigg*, 2019 – *Puschnigg G.* Functional Variation in Pottery Repertoires from the Parthian and Sasanian Periods // *Proceedings of the Eighth European Conference of Iranian Studies*, edited by P. B. Lurje. Vol. 1. St. Petersburg: The State Hermitage Publishers, 2019. P. 330–349.
- Puschnigg*, Forthcoming – *Puschnigg G.* Before the Great Conformity. Remarks on the Development of the Ceramic Industry in the Territories of Greater Khorasan from Late Sasanian to Early Islamic Times // *ḲORĀSĀN-NĀMAK*. Festschrift Dedicated to Rajabali Labbaf-Khaniki, edited by M. Labbaf-Khnik. Tehran.
- Puschnigg, Daghmehchi, Nokandeh*, 2019 – *Puschnigg, G., Daghmehchi M., Nokandeh J.* Correlated Change: Comparing Modifications to Ceramic Assemblages from Gorgan (Iran) and Merv (Turkmenistan) during Seleucid and Parthian Times // *Bulletin of the American Society of Overseas Research*. 2019. Vol. 381. P. 21–40.
- Puschnigg, Houal*, 2019 – *Puschnigg G., Houal J.-B.* Regions and Regional Variations in Hellenistic Central Asia: What Pottery Assemblages Can Tell Us // *Afghanistan*, 2019. No. 2 (1). P. 115–140. <https://doi.org/10.3366/afg.2019.0028>.
- Smirnova* 2007 – *Smirnova N.* Some Questions Regarding the Numismatics of Pre-Islamic Merv // *Cribb J., Herrmann G. (Eds.) After Alexander: Central Asia Before Islam*. New York: Oxford University Press, 2007. P. 377–388.
- Usmanova*, 1963a – *Usmanova Z.* Erk-Kala (po materialam YuTAKE 1955-1959 gg.) // *Trudy YuTAKE*. Vol. XII. Ashgabat: AN Turkmenskoy SSR, 1963. P. 20–94 (in Russian).
- Usmanova*, 1963b – *Usmanova Z.* Raskopki Masterskoj Remeslennika Parfyanskogo Vremeni Na Gorodiše Gaur-Kala // *Trudy YuTAKE*. Vol. XII. Ashgabat, 1963. P. 164–200 (in Russian).
- Usmanova*, 1969 – *Usmanova Z.* Novye dannye k arkheologicheskoi stratigrafii Erk-Kaly // *Trudy YuTAKE*. Vol. XIV Ashgabat: Ylym, 1969. P. 13–55 (in Russian).
- Zavyalov*, 2007 – *Zavyalov V.* The Fortifications of the City of Gyaur Kala, Merv // *Cribb J., Herrmann G. (Eds.) After Alexander: Central Asia Before Islam*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 313–329.

СТАРАЯ НИСА И КАМПЫРТЕПА – ГРАНИЦЫ ОДНОГО ВЛАДЕНИЯ?

Э. В. Ртвеладзе

Резюме. На основании сравнительного анализа планировочной структуры городищ Старая Ниса и Кампыртепа, не имеющих аналогов больше нигде в Центральной Азии, автор рассматривает возможность принадлежности двух городищ к одному владению.

Ключевые слова: Старая Ниса, Кампыртепа, Андрагор, Амударьинский клад.

Summary. Based on a comparative analysis of the planning structure of the two archaeological sites Old Nisa and Kampyrtepa, which have no analogues anywhere else in Central Asia, the author considers the possibility that the two this settlements belong to the same possession.

Key words: Old Nisa, Kampyrtepa, Andragor, Amudarya treasure.

DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-210-213

Старая Ниса и Кампыртепа – два всемирно известных городища – расположены друг от друга на расстоянии около 770 км по прямой: первое – у селения Багир, в историко-культурной области Парфияна, второе – в долине Амударьи (Окса), у кишлака Шуруб, на территории античной Бактрии.

Археологическое изучение Старой Нисы получило свое начало в 1930 г., но по-настоящему и всесторонне развернулось только с деятельностью ЮТАКЭ во главе с ее бессменным руководителем М.Е. Массоном¹. Работами последующих экспедиций, главным образом Парфянской экспедиции Института истории АН Туркменской ССР под руководством В.Н. Пилипко, было установлено, что городище возникло в середине III в. до н. э.² Определение же первоначального строительства Старой Нисы как царской резиденции и первой парфянской столицы – Михрдаткирт³ остается неизменным и сегодня (Пилипко, 2001. С. 340–353; 2007, С. 154, 156; Пилипко, 2018. Р. 51–87).

Археологические исследования на городище Кампыртепа, открытом мной в 1972 г., были начаты

в конце 1970-х гг. отрядом Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ), возглавляемой Г.А. Пугаченковой. С конца 1990-х гг. работы на городище были продолжены Тохаристанской археологической экспедицией (ТАЭ) под руководством автора настоящей статьи⁴. В результате этих исследований было установлено, что город-крепость на месте Кампыртепа был основан в эллинистическое время – конец IV в. до н. э. Полученные археолого-стратиграфические данные вкпе с имеющимися сведениями письменных источников и комплексом эпиграфических, нумизматических и других материалов позволили нам локализовать здесь легендарную Александрию Оксианскую, упомянутую Птолемеем (Ртвеладзе, 2017. С. 74–81).

Оба городища – Старая Ниса и Кампыртепа, несмотря на свое расположение в разных историко-культурных областях – Парфияне и Бактрии, проявляют любопытное сходство в планировочной структуре, а также фортификации и ряде других признаков. Планировка Кампыртепа и Старой Нисы, по существу, уникальна, поскольку не имеет прямых параллелей среди других археологических памятников Бактрии и Парфии.

Городище Кампыртепа – прямоугольное в плане (вытянутое по оси северо-запад – юго-восток), со скошенной гранью с северо-западной стороны, образующей форму пятиугольника; со всех сторон обнесено мощной крепостной стеной с внутростен-

¹ Подробно об истории археологического изучения Старой Нисы см.: Пилипко, 2001. С. 3–124; 2007. С. 150–152.

² Впоследствии В.Н. Пилипко несколько пересмотрел данную датировку, определив время строительства крепости в период с середины III в. до н. э. и до середины II в. до н. э., не исключая при этом возможного ее основания Митридатом I. (см.: Пилипко, 2007. С. 156).

³ Древнее, парфянское, название Старой Нисы – крепость Михрдаткирт – было установлено на основе документа № 1693, обнаруженного в ходе археологических работ ЮТАКЭ. (См. Дьяконов, Лившиц, 1960. С. 22–23, 111).

⁴ Подробно об истории изучения памятника см.: Ртвеладзе, 2017. С. 14–16.

ной галереей и башнями, расположенными на расстоянии 14 и более метров друг от друга.

Почти такого же очертания план городища Старая Ниса, но в отличие от Кампыртепа оно вытянуто в меридиональном направлении, а скошенная грань крепостной стены находится с противоположной, юго-восточной стороны.

Такое сходство общей конфигурации двух городищ, не имеющих – особо подчеркнем еще раз – прямых аналогий как в Центральной, так и в Малой Азии и на Кипре (где я более месяца участвовал в раскопках городища Аматус – храма Афродиты, стен и ворот города), наталкивает на мысль о некоей взаимосвязи Кампыртепа и Старой Нисы в контексте их проектирования и разработки планов. Возможно ли, что оба городища обозначали границы какого-то владения? Кампыртепа – Александрия Оксианская – с востока со стороны Бактрии, а Старая Ниса – с запада со стороны Парфии. Рассмотрим этот вариант как один из возможных.

Первый вопрос, возникающий при этом: кому могло принадлежать это владение? Однозначно на него пока ответить невозможно, так как политическая ситуация в Бактрии и Парфии после смерти Александра Македонского, последовавшей в 323 г. до н. э. в Вавилоне, и особенно в первой половине III в. до н. э. недостаточно изучена. При этом необходимо учитывать, что время возникновения Старой Нисы относится исследовате-

лями к раннеаршакидскому времени, т. е., по-видимому, на более чем полстолетия позже основания Кампыртепа.

Однако едва ли можно предположить, чтобы Аршак, захвативший в середине III в. до н. э. власть над Парфиеной, включая Старую Нису, мог завоевать в то же время и западную Бактрию (в том числе и Кампыртепа), которая к тому времени вошла в состав Греко-Бактрийского царства. К тому же следы столь раннего пребывания парфян здесь не обнаружены.

После смерти Александра и последующих войн диадохов (вплоть до завоевания юга Центральной Азии Селевком I) Бактрия оставалась под властью греко-македонских наместников, в частности Стасанора Солийского – выходца из города Сола на Кипре. Только в Северной и Восточной Бактрии правит местный владетель бактриец Оксиарт – тесть Александра Македонского, который, по данным Арриана, в 327 г. до н. э. получил в дополнение к своей сатрапии еще и парапамисадов (Arr. *Anab.* VI. 15. 3). С 306 – 305 г. до н. э. области юга Центральной Азии – Парфия, Маргиана, Согд, Бактрия вошли в состав государства Селевка I, а в середине III в. до н. э. на территории Бактрии возникает Греко-Бактрийское царство, просуществовавшее более ста лет.

В то же время на обладание интересующим нас владением могут претендовать два сатрапа Парфии по имени Андрагор, о которых упоминает Юстин.

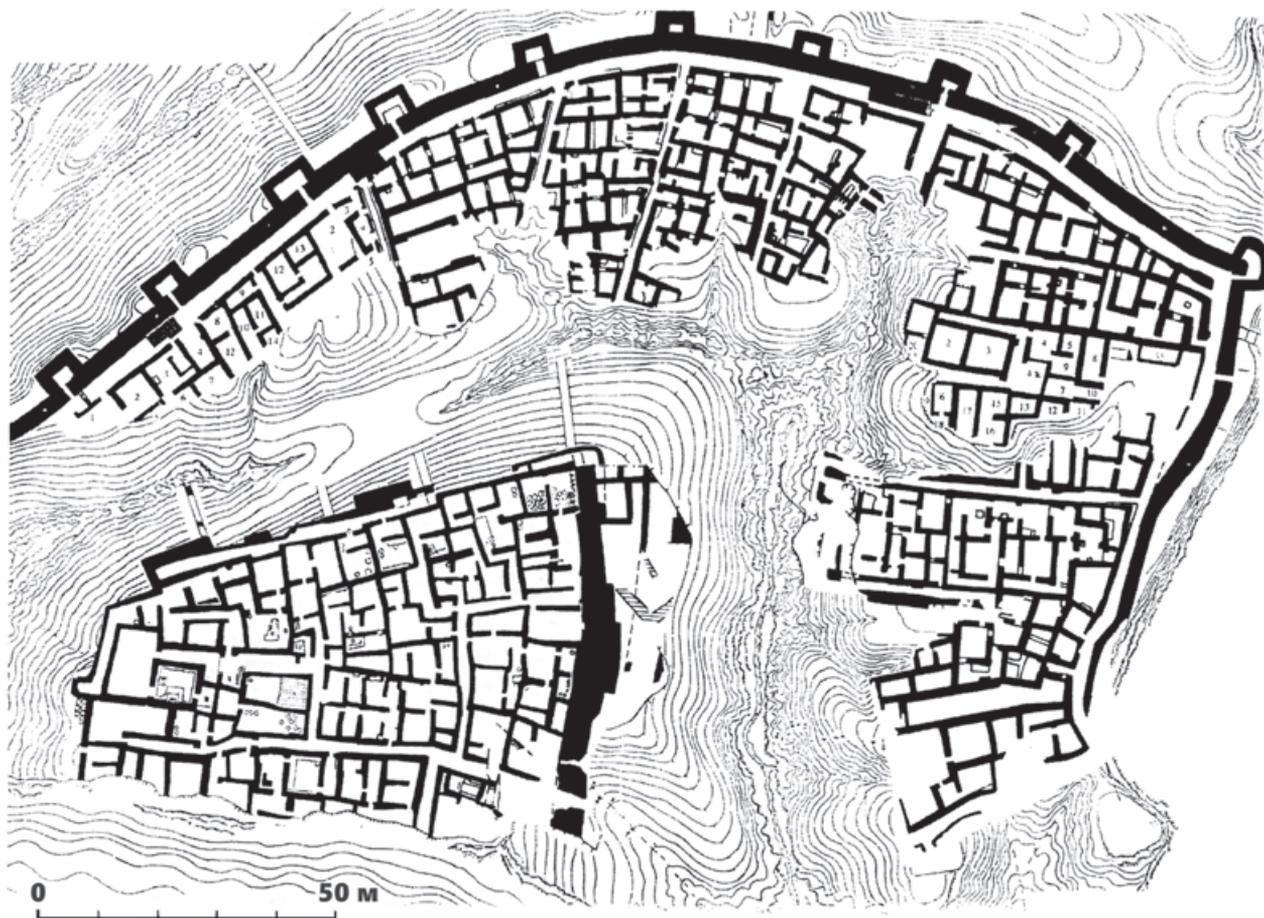

Рис. 1. Кампыртепа. План застройки. Съемка И. Луньковой и Е. Куркиной

Рис. 2. Кампыртепа. Источник: Google Earth

Один из них – сатрап Парфии при Александре Великом, происходивший из персидской знати, от которого, по утверждению Юстина, «произошли позднейшие парфянские цари» (*Just.* XII, 4, 12). Второй – бывший селевкидский сатрап Парфии, ставший независимым правителем в середине III в. до н. э., т. е. современник Селевка I или его преемников Антиоха I и II, а также завоевателя Парфии Аршака (*Just.* XLI, 4, 7). Однако определить, кому из двух Андрагоров могло принадлежать владение, охватывающее как Парфию, так и Западную Бактрию, на сегодняшний день не представляется возможным, поскольку в целом о самих этих сатрапах мы имеем очень мало данных. Немногим могут помочь здесь и хорошо известные в нумизматической литературе монеты Андрагора – золотые статеры и серебряные тетрадрахмы с легендой ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ, которые до сих пор являются предметом дискуссии, как в плане их принадлежности одному из Андрагоров Юстина, так и в аспекте места их чеканки. В связи с этим отметим только, что в отношении, например, территории владений эмитента данных монет – вопрос, давно наболевший в научных кругах, к более верному выводу, на мой взгляд, пришел А.С. Балахванцев, заключивший следующее: «Таким образом, все имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении науки данные позволяют считать версию о принадлежности монет Андрагора одноименному царевичу

с Кипра и правителю какой-то части Бактрии (выделено мной – Э.Р.) в конце IV в. до н. э. наиболее вероятной» (*Балахванцев, 2017. С. 135*).

Впрочем, аргумент А.С. Балахванцева о том, что Андрагор не мог быть правителем всей Бактрии, поскольку в конце IV в. до н. э. в Бактрии (sic!) золотую и серебряную монету чеканил «некий Софит» (*Балахванцев, 2017. С. 133, прим. 443*), не выдерживает критики. Монеты Софита происходят в основном (хотя точное место их находок неизвестно) из Гандхары и Кабулистана – особой историко-культурной области, располагавшейся между Гандхарой и Бактрией, тогда как на территории собственно Бактрии их вообще не зафиксировано⁵. К тому же относительно выпуска Софитом золотых монет имеются серьезные сомнения (*Jansari, 2018. P. 87–90*). При этом А.С. Балахванцев совершенно забывает о *бесспорно* бактрийском сатрапе Оксиарте – Вахшуваре, отце Роксаны, жены Александра Македонского и матери Александра IV.

При жизни и, видимо, некоторое время после смерти Александра Оксиарт (Вахшувар) владел Северной и Восточной Бактрией. Согласно моим

⁵ Подробно о монетах Софита см., к примеру: *Массон, Ромодин, 1964. С. 75 прим. 89, 94 прим. 16; Jansari, 2018. С. 71–98*. Свежее исследование Sushma Jansari также убедительно доказывает, что отнесение монет Софита к чекану Бактрии представляется крайне маловероятным.

исследованиям, Оксиарт владел обширной территорией от Гиссара на севере до Гиндукуша на юге. Центр его владений локализуется нами на месте городища Сартепа в кишлаке Кичик Вахшувар (*Ртвеладзе*, 2019. С. 215–226). Примечательно, что в состав владений Оксиарта входила небольшая историко-культурная область Кобадиян, расположенная в низовьях р. Кафирниган, на территории которой был найден знаменитый Амударьинский клад (Клад Окса)⁶, включавший в своем составе как монеты Андрагора, так и Вахшувара.

Хочется надеяться, что последующие археологические раскопки на городищах Старая Ниса и Кампыртепа приведут к новым открытиям, в частности эпиграфическим, что позволит уточнить весь комплекс вопросов, затронутых в этой статье.

БИБЛИОГРАФИЯ

Балахванцев, 2017 – *Балахванцев А.С.* Политическая история ранней Парфии. Отв. ред. М.Н. Погребова. М.: ИВ РАН, 2017. 192 с.

Дьяконов, *Лившиц*, 1960 – *Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работ. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 122 с.

Массон, *Ромодин*, 1964 – *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. I. М.: Наука, 1964. 454 с.

Пилипко, 2001 – *Пилипко В.Н.* Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.: Наука, 2001. 432 с.

Пилипко, 2007 – *Пилипко В.Н.* Некоторые итоги археологических исследований на Старой Нисе // РА, 2007. № 1. С. 150–158.

Ртвеладзе, 2017 – *Ртвеладзе Э.В.* Кампыртепа – Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время. Ташкент: San'at, 2017. 144 с.

Ртвеладзе, 2019 – *Ртвеладзе Э.В.* Александр Македонский в Трансоксиане. Походы, историческая география. СПб.: Евразия, 2019. 368 с.

Ртвеладзе, 2020 – *Ртвеладзе Э.В.* Бактрия – Прекрасная Бахди. История и культура от эпохи поздней бронзы до падения Ахеменидов. СПб.: Евразия, 2020. 256 с.

Jansari, 2018 – *Jansari S.* The Sophytes coins: from the Punjab to Bactria and back again // NC, 178. London: The Royal Numismatic Society, 2018. P. 71–104.

Pilipko, 2018 – *Pilipko V.N.* Nisa – Mhrdatkirt: Changing conceptions // Parthica. Incontri di culture nel mondo antico. Ed. Carlo Lippolis. Anno 20, 2018. P. 51–87.

⁶ Подробно о кладе см.: *Ртвеладзе*, 2020. С. 123–135.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести
ВДИ – Вестник древней истории
ГМВ – Государственный музей Востока
ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МАИКЦА – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАЭ – Маргианская археологическая экспедиция
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении
МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд
ОНУ – Общественные науки в Узбекистане
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
РА – Российская археология
СА – Советская археология
УСА – Успехи среднеазиатской археологии
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AMP – The Ancient Merv Project
AoF – Altorientalische Forschungen. Berlin
BAI – Bulletin of the Asia Institute
BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research. An Arbor, etc.
CRAI – Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
DNP – Der Neue Pauly, Stuttgart
HdA – Handbuch der Archäologie. München
JSav – Journal des Savants. Paris
JNES – Journal of Near Eastern Studies, Chicago
ICAANE – International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East
LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (German)
NC – Numismatic Chronicle
SA – Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)
UCL – University College London
YuTAKE – Yuzhno-Turkmenistanskaya arheologicheskaya kompleksnaya ekspeditsiya

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Казим АБДУЛЛАЕВ
кандидат исторических наук, профессор.
Отделение изящных искусств,
Стамбульский университет, Турция.
E-mail: kabdullaev@yahoo.com

Анвар Хашимович АТАХОДЖАЕВ
кандидат исторических наук,
Институт археологии
им. Я.Гулямова АН РУз,
г. Самарканд, Узбекистан.
E-mail: aakh9208@gmail.com

Акмурад БАБАЕВ
кандидат исторических наук,
Институт языка, литературы
и национальных рукописей
им. Махтумкули АНТ.
г. Ашхабад, Туркменистан.
E-mail: maksat-arhitektor@mail.ru

Сергей Борисович БОЛЕЛОВ
кандидат исторических наук,
Отдел истории материальной
культуры и древнего искусства.
Государственный музей Востока,
Москва, Россия.
E-mail: BSB1958@yandex.ru

Нигора Давлятовна ДВУРЕЧЕНСКАЯ
кандидат исторических наук,
Отдел классической археологии,
Институт археологии РАН, Москва, Россия.
E-mail: nigoradvur@mail.ru

Олег Викторович ДВУРЕЧЕНСКИЙ
кандидат исторических наук,
Отдел сохранения
археологического наследия,
Институт археологии РАН, Москва, Россия.
E-mail: nigoraoleg@mail.ru

Сергей Валерианович ЛАПТЕВ
кандидат исторических наук
специальный научный сотрудник
Музея Михо
г. Сигараки, Япония.
E-mail: sergey470@yahoo.co.jp

Тигран Константинович МКРТЫЧЕВ
доктор искусствоведения,
директор Государственного музея искусств
им. И. В. Савицкого, г. Нукус, Узбекистан.
E-mail: mkrtiga@gmail.com

Руслан Гельдыевич МУРАДОВ
главный редактор «Вестника
Международного института
центральноазиатских исследований»,
г. Самарканд, Узбекистан.
E-mail: iicas.rgm1963@gmail.com

Эджегуль Атаевна МУРАДОВА
доктор исторических наук,
Национальное управление Туркменистана
по охране, изучению и реставрации
памятников истории и культуры,
г. Ашхабад, Туркменистан.
E-mail: bezegli2017@gmail.com

Александр Ильич НАЙМАРК
кандидат исторических наук,
Hofstra University, New York, USA.
E-mail: naymarkaleksandr@gmail.com

Шоира Захидовна НУРМУХАМЕДОВА
доктор архитектуры, профессор
Ташкентский архитектурно-
строительный институт,
г. Ташкент, Узбекистан.
E-mail: shaira1969@inbox.ru

Эдвард Васильевич РТВЕЛАДЗЕ (1942-2022)
академик АН Республики Узбекистан,
доктор исторических наук, профессор.

Роберт Мидхатович САТАЕВ (1971-2023)
кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН.

Ферузжон Шухратович СУБХОНОВ
базовый докторант (PhD),
Ташкентский архитектурно-
строительный институт,
г. Ташкент, Узбекистан.
E-mail: fir2703@gmail.com

Matteo COMPARETI
School of History, Capital Normal University,
Beijing, China.
E-mail: compareti@hotmail.com

Carlo LIPPOLIS
Professore Associato di Archeologia e storia
dell'arte del Vicino Oriente antico.
Università degli studi di Torino
(Dipartimento di Studi Storici). Torino, Italy
E-mail: carlo.lippolis@unito.it

Johanna LHUILLIER
Lumiere University Lyon 2, Lyon, France.
E-mail: johanna.lhuillier@mom.fr

Marek Jan OLBRYCHT
Professor, Uniwersytet Rzeszowski
Instytut Historii. Rzeszow, Polska
E-mail: marek.olbrycht@amias.ias.edu

Enrico MORANO
PhD in Iranian Studies,
independent scholar,
President of the International
Association of Manichaeans
Studies (IAMS).
E-mail: ec.morano@gmail.com

Eleonora PAPPALARDO
Professoressa di II fascia
di archeologia classica
Università degli Studi di Catania.
Catania, Italy
E-mail: eleonora.pappalardo@unict.it

Gabriele PUSCHNIGG
Institute of Iranian Studies
Austrian Academy of Sciences,
Vienna, Austria.
E-mail: Gabriele.Puschnigg@oeaw.ac.at

Научное издание

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 9

От Копетдага до Окса: исследуя древнюю Центральную Азию
Сборник статей в честь В.Н. Пилипко

Составители и редакторы тома
Руслан Гельдыевич Мурадов, Алексей Викторович Фрибус,
Надежда Анатольевна Дубова

Рецензенты
Валерий Павлович Никоноров, *кандидат исторических наук*
Нургозель Сарыевна Бяшимова, *кандидат исторических наук*

Компьютерная вёрстка: М. В. Папанов

Подписано в печать 11.03.2023.
Формат 90×60/8. Усл. печ. л. 21,75.
Заказ 2023-17. Тираж 500 экз.
Издательство ООО «Старый сад»

Этот том — подарок к 80-летию российского археолога, доктора исторических наук Виктора Николаевича Пилипко. Традиционно такой сборник составляют работы друзей и коллег юбиляра — известных археологов, искусствоведов, культурологов, историков из Москвы, Ташкента, Ашхабада, Стамбула, Турина, Парижа, Лондона и других городов. Здесь и научные статьи по археологии и истории Центральной Азии в диапазоне интересов учёного, и воспоминания, и фотографии. Представлен полный список научных публикаций, а также перечень экспедиций и творческих поездок В. Н. Пилипко по состоянию на 2022 год. Издание предназначено для историков, археологов, искусствоведов.

This volume is a gift for the 80th anniversary of the Russian archaeologist, Doctor of Historical Sciences Viktor Nikolaevich Pilipko. Traditionally, such a collection is made up of the works of friends and colleagues of the hero of the day - famous archaeologists, art critics, culturologists, historians from Moscow, Tashkent, Ashgabat, Istanbul, Turin, Paris, London and other cities. Here are scientific articles on archeology and the history of Central Asia in the range of interests of the scientist, and memoirs, and photographs. A complete list of scientific publications is presented, as well as a list of expeditions and creative trips of V. N. Pilipko as of 2022. The publication is intended for historians, archaeologists, art critics.

